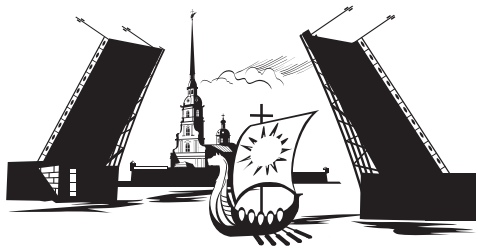
Родная Ладога

№ 1(23)' 2013

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России;

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»;

ООО «Издательский дом
«Родная Ладога»

Зарегистрировано УФС по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Северо-Западному Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); ***Агафонов Николай, протоиерей*** (Самара); ***Громов А. В.*** (Самара); ***Денисов Н. В.*** (Тюмень); ***Казин А. Л.*** (Санкт-Петербург); ***Коняев Н. М.*** (Санкт-Петербург); ***Корольков А. А.*** (Санкт-Петербург); ***Корытин С. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Орлов Б. А.*** (Санкт-Петербург); ***Попов Г. А.*** (Орел); ***Сдобняков В. В.*** (Нижний Новгород); ***Семёнов В. Е.*** (Санкт-Петербург); ***Смолькин И. А.*** (Псков); ***Швечиков А. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Ясенев В. А.*** (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАКЛАНОВ Андрей Глебович (Москва) — советник заместителя председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — помошник председателя постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

МИХЕЕВ Валерий Леонидович (Санкт-Петербург) — начальник Государственной морской академии им. адмирала С. О. Макарова.

МОЛЧАНОВ Андрей Юрьевич (Санкт-Петербург) — доктор экономических наук, председатель Комитета по делам СНГ Совета Федерации РФ.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

РАСПУТИН Валентин Григорьевич (Иркутск) – сопредседатель СП России, лауреат премии Президента РФ в области литературы и искусства.

княгиня *ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна* (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Рождественские стихотворения поэтов России 5
Владимир Сорочкин 17
Валерий Михайлов 23
Александр Кердан 148
Алексей Шорохов 152
Любовь Берзина 211
Валерий Савостьянов 215
Андрей Румянцев 274
Валентина Ерофеева-Тверская 278

Рождественский РАССКАЗ

Борис Споров. Рождество. *Дунюшкины былицы* 11

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Александр Казин. Петровский парадиз и душа России.
К 400-летию Дома Романовых 28
Борис Ключников. Возвращение расизма. *Главы из нового исследования «Большая Европа В. Путина» (кто «за» и кто «против»)* 90
Владимир Крупин. Братья староверы 192

ПАМЯТОСЛОВ

Маргарита Дмитриева. Архитектор Империи Николай Павлович Первый.
К 400-летию Дома Романовых 34

ПРОЗА

Виктор Лихоносов. Явление Царя народу. *К 400-летию Дома Романовых* 41
Александр Громов. Есенин и Петя. *Рассказ* 228

ДОСПЕХИ

Анатолий Парпара. С головой льва. Герой Алексей Ермолов.
200 лет Бородинской битвы 50
Арсений Ребров. Николай Тимофеевич Антошкин — «Путь Воина» 218

Поэзия ДИПЛОМАТОВ

Сергей Лавров 62
Владимир Казимиров 67

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Жак-Жан Сарраф. Сотрудничество двух братских Церквей 69

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). Брестская уния 1596 года как церковно-политический плод унионального богословия. *К 400-летию окончания Смутного времени в России*.....167
Вячеслав Горелов. Принадлежать к великому русскому народу.....294

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Александр Вавилов. Йеменские лабиринты..... 80

ВЕХИ

Иржи Опршал. Заметки из Чехии.....107
Анатолий Степанов. Животворящая связь времен. *Впечатления от посещения святой Псковской земли*.....155
Наталья Алексеева. С именем Пушкина.....314

Точка ЗРЕНИЯ

Игорь Андрушкевич. Экономика зависит от политики 112

Вопросы ОБРАЗОВАНИЯ

Чеслав Кирвель. Снежана Семерник. Реформа современного образования: взгляд из Белоруссии 128

ЛЕСТВИЦА

Наталья Лясковская (Сегень). Матрона Московская.....196

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы 208

Великая ПРОВИНЦИЯ

Валерий Павлов. «Пока в России Пушкин длится, метелям не задуть свечу...» ...223

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Капитолина Кокшенева. Сердечное и вековое. *«Деревенщики» и русская литература*.....264
Иван Голубничий. Обаяние русской жизни.....271

Русские СУДЬБЫ

Владимир Малышев. Возвращение из небытия 281
Галина Кучина. Трудное решение. *Рассказ о жизни русской австралийки из Китая*.....307

ПОЭЗИЯ

«СРЕДЬ ЗИМЫ — ГОСПОДНЕ ЛЕТО...»

Рождественские стихотворения поэтов России

ЛАРИСА КУДРЯШОВА

(*г. Санкт-Петербург*)

СВЕТЕ ТИХИЙ

Ожиданье радостное, нежное,
Ночь плывет, прозрачна и светла.
Над землей,
продрогшею, заснеженной,
Вновь звезда январская взошла.

Вновь обетование спасения —
Торжествует светлый Божий мир.
Рождество! И подвиг искупления
Начал вновь вершиться в этот миг.

Позабудешь горести земные,
Мир плотской, ютящийся во мгле.
И поймешь: вокруг одни родные —
Все мы Божьи дети на земле.

Свет и радость! Золотом и чернью
Словно вышит, выткан небосвод.
«Свете тихий, Свете невечерний...» —
Хор незримый ангельский поет.

И душа, ликуя в умилении,
Повторяет вечные слова...
Чистота, и мир, и удивление —
Светлые минуты Рождества.

ЕЛЕНА КУЗЬМИНА

(*г. Архангельск*)

РОЖДЕСТВО

Марине Ганичевой

В зимней северной глуши
Занесло дороги снегом.
Монастырь моей души
Отдыхает от набегов.
Не ярится злобный тать,
Не летят зажженны стрелы.
Значит, время починять
Потревоженные стены,
Обойти с молитвой двор,
Подсчитать свои потери,
В храм заснеженный, в притвор
Отворить под вечер двери.

Пусто в храме. Полумрак.
Холод плещется волною.
И зияет — силен враг! —
Купол раною сквозною.
Вот и плачь, душа, и жди,
Повздыхай, родная, кротце!

В эту рану от Звезды
Непременно свет прольется.
Даруй, Боже, благодать,
Средь зимы — Господне лето,
В белом столбушке стоять
Немерцающего света!

НАДЕЖДА МИРОШНИЧЕНКО

(*г. Сыктывкар*)

* * *

В. Огрызко

Эта белая метель
С белыми деревьями.
Эта белая пастель
С русскими деревнями.

Воют волки на луну
Жутко и неистово.
Ну, а мне в твоем плену
Песенки посвистывать.

Глянуть сверху — закрома
Жемчугов да пряников.
Глянуть снизу — до хрена
Пленных да охранников.

Рассыпать на серебро
Да бренчать оковами.
Ишь, как снега намело
К Рождеству Христовому.

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

(*г. Орел*)

КОЛОКОЛ

Зримо, истово, весомо
С неба льется Благовест.
Не спеша, от дома к дому
Растекается окрест —

Как спасительное миро,
Как речение волхва,
Возвещающее миру
Светлый праздник Рождества!

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

(*г. Краснодар*)

* * *

Любил я это время суток, —
Благословенные часы!
Давясь дремотою, из будок
На дверь поглядывали псы.

Из дома выходил хозяин
И зябко кутался в тулуп.
О, незабвенный дух окраин!
О, снега скрип! О, дым из труб!

Хатенки ветхие. Сугробы.
Окошки все до одного
Глядят без зависти, без злобы.
О, время детства моего!

СЕРГЕЙ ХОМУТОВ

(*г. Рыбинск*)

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СВЕЧА

Хлеб на столе и соль, и доброе вино,
И нет еще пока ни скорби, ни тревоги,
Но столько наперед уже предрешено, —
От пламени свечи уходят в ночь дороги.

Рождение Христа, святое Рождество,
В тебе заключено — что нелегко измерить.
Гори, моя свеча, являя торжество
Всего, чем я живу,
во что стараюсь верить.

Дрожащий огонек, ты как душа моя.
Колеблешься в ночи от малого дыханья.
Но именно в тебе всесилье бытия —
Что вечно
и ни в чем не терпит пререканья.

И потому никто сейчас не одинок,
Для Веры и Любви себя приоткрывая.
Гори, гори, гори, прозрачный огонек,
Весь Божий мир своим теплом обогревая.

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

(*г. Омск*)

* * *

В дымке прошлого светлые дни
потускнели, но самую малость.
Не осталось почти что родни,
жизнестойкая память осталась.
Опустились родные снега
на окраинный тихий поселок...
Нынче в сердце моем — ни врага,
ни жены,
а небесный осколок
Рождества охладеть не дает.
Алконост — беспечальная птица
зимородок — в рассветный мой год
из вечернего века стремится.
Только здесь, где живу, без меня
счет пойдет на секунды, на крохи
от бессмертного первого дня
до мгновенной — последней — эпохи.

ВАЛЕНТИН ДИНАБУРГСКИЙ

(*г. Брянск*)

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СТРОКИ

Сокрытые лики святых чудотворцев
Взирают на землю в канун Рождества.
Их скорбь отражают глубины колодцев,
Где стынет вода, словно совесть чиста.

Выводят морозы на стеклах орнамент,
Сверкающим инеем выткан узор —
Такой не составишь своими руками,
Он душу ласкает и радует взор.

А в Храмах Святых, Богородицы ради,
Творятся молитвы и праздничный звон.
И нет для молящихся высшей награды,
Что голос их слабый услышит и Он.

А к ночи — сочней колокольные звоны,
И звезды крупнее, и круче мороз.
И смотрит, и видит народ изумленный,
И верит, что их не оставит Христос.

ВИКТОР СМИРНОВ

(*г. Смоленск*)

* * *

Пылают в окнах спелые закаты,
В хлеву поет петух назло зиме…
Вселенная сужается до хаты —
Последней русской хаты на земле.
Пусть окунулись мы во мглу вечернюю,
Но луч рассвета светится в груди:
Господь сподобил обрести вселенную,
В какую без поклона не войти…

МИХАИЛ КОЛЫЧЕВ

(*г. Мурманск*)

* * *

Синие звездные искорки — чистая искренность.
Шелестокрылые тени на бархате ночи

Ласковый свет осеняет кресты монастырские.
Смотрят на грешную землю безгрешные очи.

С тихого неба нисходят снега онемелые,
И засыпают, засыпав следы по дорогам.
Слышишь — поют синеокие ангелы белые,
Славя суровую землю, хранимую Богом.

Кажется — доброе сбудется, нужное — скажется.
Льется с небес утешение всем безутешным.
Верится — в жизни смятение так же уляжется,
Грезит душа покаянная утром безгрешным.

Тянется в небо озябшее тонкое деревце,
Всеми ветвями — к грядущему лучику первому…
Да снизойдет упование всем, кто надеется.
Пусть упованье, окрепнув, становится Верою.

ВЛАДИМИР СКИФ

(*г. Иркутск*)

* * *

Я Господа Бога увидел во сне,
А утром, когда я проснулся,
Из вечности выпал невиданный снег,
Господь с ним в Россию вернулся.

С утра засветились кресты на церквах
Искрящимся, радужным светом,
В соборе Архангел стоял
при дверях,
Вздымал свои крылья над веком.

И не было боли. Низринулся страх.
И колокол мерно качался.
Звук сам по себе возникал в куполах,
И снег в лепестки превращался.

Священник, казалось,
над папертью плыл.
Пошли прихожане к причастью.
Господь верноподданных перекрестил
И молвил: «Врази расточатся!»

БОРИС СИРОТИН

(*г. Самара*)

* * *

Мягко сияющий День Рождества.
Где же морозы? Скорей — предвесенье.
Это причуда? Иль благословенье
Золотом, коим полна синева?

Золотом блещут возглавья церквей,
Золотом в храме мерцают оклады.
Грешники, как мы сиянию рады,
Певчим сим птицам Эдемских ветвей!

…Или не кинемся завтра же в пляс,
Будем работать локтями, плечами,
Быстро забыв, что большими очами
Мальчик страдающий смотрит на нас…

Будет расти не по дням — по часам
Этот ребенок, сей сын человечий,
Отрок небесный — и вскорости Сам
Снова грехи наши примет на плечи.

Снова главу Свою склонит с креста,
Снова прокатится гром в поднебесье…
И на Руси все и грады, и веси
Радостно грянут: «Воскресе, воскресе!»

…Мягко сияющий День Рождества…

ЕЛЕНА ПИЕТИЛЯЙНЕН

(*г. Петрозаводск*)

* * *

Зима! Но с привкусом любви!
А в толщине полярной ночи,
Огнями звездными обвит,
Пока луч солнца обесточен.
Но в мутной сутолоке дня,
Где различимы силуэты,
В добыче древнего огня
Преуспевают лишь поэты.
Слова, как звезды между скал,
Искрят в заждавшиеся души.
И их мерцающий накал
Не меньше хлеба людям нужен!

ГЕННАДИЙ ИВАНОВ

(*г. Москва*)

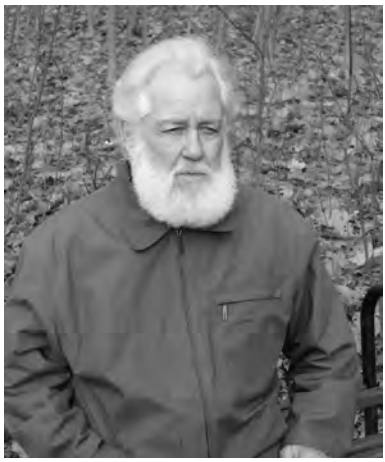
* * *

Поэзия моя — ты покаянье.
В делах духовных не прилежен я.
И суеты такое обстоянье,
Что измельчается душа моя.

Раскаиваюсь в суете и лени
И в болтовне бессмысленно-пустой,
Встаю перед Всевышним на колени,
Прошу помочь мне силою святой.

Грехи мои сотри блаженным светом
И помоги не падать вновь и вновь.
Хочу достойным быть Твоим поэтом.
Вложи мне в сердце чистую любовь.

Рождественский рассказ

Борис СПОРОВ

РОЖДЕСТВО

Дунюшкины былицы

Борис Федорович Споров — родился в 1934 году в Актюбинске. Работал на заводе, на строительстве Горьковской ГЭС слесарем, электросварщиком, сборщиком и монтажником. Заочно получил среднее и высшее образование. Автор многих книг прозы. Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Зимой и летом Дунюшка-горбатенькая по деревне так и сновала, где нужда приглядеть за детьми — тут и она. И редкий день для нее выдавался своим. Лет уже сорок служила она людям, и в деревне ее не только любили, но и каждый чтил за свою. Знамо дело, не без греха: случалось, какой-нибудь из запечных и крикнет вслед: «Дунюшка-горбушка, где твоя кружка!» Крикнуть-то крикнет, но вмиг и спрячется — знает, что дома за такую проказу могут и наказать... Какая кружка? Да любила Дунюшка чаек пить только из своей кружки. Красивая кружечка, фарфоровая, «Кузнецовская», с голубенькими незабудками по бокам. Кружечку эту она с собой из дома в дом и носила. Придет, прежде всего помолится на иконы, чайку попьет и тогда уже весь день хозяйничает: кормит, поит, одевает, обувает; малых убаюкивает, а тем, кои постарше, выдумку или былицу расскажет — дети и довольны.

В деревне знали Дунюшкины былицы. Знали, но при случае все равно слушали: очень уж она впечатлительно и душевно рассказывала. А малые нередко ходили следом и канючили: «Дунь, Дунюшка, про старичка доброго расскажи... быличку»...

И она рассказывала

— Давным-давно это было. Вас тогда еще и Ангелы на свет не принесли, еще и дедушко Иван Морозов пешком под стол ходил. А дедушке-то Ивану, ого! Утречком ноне сто лет сбылось. Вот как давно! С тех пор быличка на языке и живет.

...В деревне той люди жили ни хорошо, ни плохо, так — и ничего. Хотя думали они, что живут очень хорошо. Отцы да матери много работали, а по воскресным дням и

праздникам ходили в соседнее село к обедне в Никольскую церковь. И дети тянулись к Божьему солнышку — ладно и складно.

С одной стороны деревни луга заливные и речка Дымка, вот как у нас и есть, а с другой — за полем по одну сторону проселка рощица березовая, а по другую еще за версту — лес черный, тамотко и глухари, и лесовики. Минешь черный лес — потекут навстречу поля перекатные. А дорога прямехонько на Ростов Великий. Летом дети рыбу в Дымке удили, к березовой роще на бугры по землянику бегали, а за грибками — в боровой лес, если что со старшими.

На краю деревни и жила семья Петровых — дружная, ладная семья: у Николая и Марии дочке, старшей, Нине исполнялось десять годков, а еще четыре брата — младшему пять. Сестра и коноводила братьями. Хорошо жили. Да только ворон черный над Русью кружил и злобно каркал — ревновал, люди мирно живут. И загремела война, лютая и долгая. Всех молодых мужей на войну обязали. И Николая Петрова — тоже. Осталась Маруся одна с детьми. Стали они каждый день тятеньку своего ждать. Да вот беда, под падучей звездой, знать, родился тятенька. И месяца не прошло — погиб Николай Петров. Вся семья оплакивала его: мать плакала, глядя на детей — сиротиночки; а дети плакали, глядя на мать — маменька, родненькая… Дети-то поплачут, да и уснут, а мать наплачется — ночь и не спит: думы-думушки одна другой горше. И плакала Маруся не день, не два, плакала полгода: изнемогла, хвороба пристала. Источилась вся, иссохла. Печь протопить, еду приготовить нет сил. Дочка Нина и управлялась по дому, да еще старушка-шаберка пособить приходила… Долго ли, коротко ли, только начали дети плакать уже от голода и неухоженности. Вот тогда-то они и удумали свою выдумку.

Маменька расслабленная лежала в горенке. А Нина с братьями заберутся на печь, чтобы угреться, и сестра рассказывает им такое, о чем и сама, Бог весть, от кого узнала. Так однажды и говорит:

— Ежели мы не пособим, маменька помрет. Мы останемся одни — и тоже помрем… Давайте не реветь, а кто будет реветь, тому по затылку. Вот… Скоро придет Рождество. Все уже ждут, — и дальше Нина перешла на шепот: — Говорят, кто первый Рождество встретит, тому все желания исполнятся…

А младший братец, Николушка, и спрашивает:

— А Рождество — это тетя или дядя?

— Рождество — не тетя и не дядя, кому как. Рождество идет по дорогам и как захочет, так и глянется… Загадаем желания и пойдем встречать Рождество. А идти да-а-леко придется! Рождество приходит по дороге из Ростова… Надо сапоги высушить в печке, чтобы ноги не остыли, пуговицы к пальтишкам пришить. У кого шарфика нет, можно платком или рушником укутать горло. Всем одежку и приготовить. Николушке одежку я соберу. И дровешки возьмем, если кто утомится…

И задумывали одно желание: чтобы мама избавилась от хвори и тятенька бы с войны пришел. Чинили одежонку и даже запятники к валенкам пришивали, чтобы снег не попадал. Да так это все вознамерились, что задергали сестру: когда да когда пойдем?

И наконец — Сочельник! После полудня обутые, одетые братья гуськом и в двери. Нина сказала маме:

— Мы погулять, — и вышла следом.

Во дворе она взяла приготовленные загодя дровешки с подстилкой и вышла на улицу. Мороз был сиротский, но за щеки подцапывал. Николушке до глаз подняли шерстяной платок. И сказала сестрица братьям:

— Все перекреститесь вслух: «Рождество, помоги». — И никто из братьев не ослушался. — А теперь пошли через проулок.

Нина с Николушкой впереди, трое братьев следом… А на повороте в проулок возле своей избы стоял Захар Чернов, мужик едкий и притворный. Он шибко умел притворяться — и ему верили. Один глаз у него мог смеяться, а другой тогда же — плакать. Он притворился — и его на войну не взяли, и теперь он ходил по деревне живой. Ходил Захар и по вдовам, притворялся перед ними. Он и к Марусе Петровой приходил, и сказал ей:

— Что ли, *туда* собралась?.. Дак подпиши мне избу, я и детей подниму.

И она согласилась:

— Ладно, подпишу…

Захар стоял возле угла своей избы, смотрел на отряд Петровых, щурил глаза и кривил губы. Когда подошли, Захар притворился и спросил:

— Куда же это вы, сиротки, снарядились?

Нина поверила ему и сказала:

— Встречать Рождество, — и указала рукой в сторону леса.

— А-а-а, — пропел Захар, — ступайте… только ведь далеко пинать придется, сапоги изорвутся.

— У нас сапоги крепкие, и мы сильные, — сказал старший из братьев, и Нина подтвердила: сильные.

— Ну, так, валяйте, и дорога вам пухом…

Гуськом и потекли они в проулок. Когда миновали ржаное поле, несколько раз вразнобой пропели:

— Рождество Христе Боже наш…

И всем стало радостно, и они потопали быстрее. Не то ведь опоздать можно — кто-то и опередит… Но когда вышли к роще, заплакал Николушка — устал. Нина посадила его на дровешки и прикрыла ему ноги соломкой. Поехали.

Увидел ветерок, что идти трудно, подул пошибче в спину, подхватил снежку с обочины и тоже в спину бросил, чтобы не оглядывались… Увидел морозец, что взопрели на ходу — и приободрил: цапнул за щеки… Солнышко поиграло, ослепило, да в тучки и унырнуло.

Захныкал Николушка — нога в сапоге озябла. Подняли его с дровешек: ногами, ногами потопай-попрыгай, согревайся. А дорога-то мимо леса борового в поле перекатное ведет: далеко видно — и никого нет впереди. И только играет, плещется поземка.

— Рождество Христе наш! — попыталась пропеть Нина, но братья не поддержали. Уже и деревня скрылась за буграми, и роща поотстала, и по снегу поплыли серые сумерки, а они все шли.

Заплакал семилетний Сережа. Его обступили, и Нина спросила:

— Ты что хнычешь?

— Боюсь, — сказал Сережа. — Домой хочу. — И еще горше заплакал.

— Не плачь, мы встречаем Рождество, чтобы мама не умерла и папанька с войны возвернулся.

И пошли дальше по перекатному полю.

И восьмилетний брат Петя захныкал — устал. И тогда сказал старший из братьев, Ваня:

— Давайте сядем на дровешки и отдохнем.

И все согласились: торопливо уселись на грядки дровешек спиной к спине — и ноги поджали. Но между спинами лазейка — туда и просвистывал морозко. И уже скоро спины заледенели.

— Нет, — сказала Нина, — надо идти, а то мы прозябнем.

Но когда поднялись, в ногах не было сил, чтобы идти дальше. Они стояли возле дровешек и не знали, что же им делать. И всем стало страшно, потому как и в деревню не хватит сил дотопать. И они начали слезно и разноголосо звать:

— Рождество Христе… Рождество, помоги!..

И когда уже не было сил звать, они увидели, что на дороге в поле что-то поблескивает. Николушка плакал. Прижались они друг к другу и молча дрожали от страха и холода. Скоро стало видно: идет человек с ношей за плечами.

— Это Рождество, — тихо сказала Нина и осипшим голосом закричала: — Рождество, помоги нам!

И человек с ношей за плечами издали помахал рукой.

А Николушка лег на дровешки — его клонило в сон, и он хныкал.

Уже видно было, что идет Старичок с белыми бородой и усами, в большой шапке, в широкой нагольной шубе, из-под которой при каждом шаге выныривали круглые катанки. Он часто дышал, выпуская большие клубы теплого воздуха, видать, спешил.

— Христос рождается, Николины детки… Встань, Николушка, на ноги, встань, что я тебе покажу! — воскликнул Старичок.

Все молчали, и только Нина тихо спросила:

— А ты — Рождество?

— Значит вы теперь — с Рождеством! — весело ответил Старичок и снял со спины ношу — большой под завязку мешок. Он запустил в глубокий карман руку и достал большую в обвертке конфету. — А это Николушке!

Но Николушка тупо смотрел на Старичка и никак не отзывался.

И тогда Старичок ладонями отер ему лицо и как облаком дохнул на него с головы до ног. Николушка улыбнулся и взял конфету. И всем по очереди Старичок отер лица ладонями, всех обдал своим теплом — стало весело, хотя вокруг и юлила поземка.

Старичок развязал мешок и со словами:

— А это опять Николушке, — достал из мешка большой нарядный пакет с подарками. Николушка так и обхватил руками этот пакет. А Старичок уже доставал — для Сережи… для Пети… для Вани, и, наконец, красивый голубой пакет для Нины. — А ты, дочушка, что загадала к Рождеству? Не этот ли пакет?

Нина покачала головой, потупилась и тихо сказала:

— Нет, Рождество… я, чтобы… наш папанька на войне … а мама лежит хворая.

— Беда-то ведь какая! — Старичок охнул да так и всплеснул руками. — Но и маме вашей есть у меня подарок для здоровья! — и достал из мешка маленький пакет, с рукавицу, не боле. — Вот это хворой маме — хо-о-роший подарок! И чтобы завтра утречком все в церковь — и мама тоже!

Смотрели дети Петровы на Старичка, и у всех в глазах радость.

— А теперь — все в дровни! — весело приказал Старичок. — Вон и звезда зажглась — спешить надо! Да крепче держитесь!..

Уж и не знаю, как они угнездились на дровешках, но угнездились плотненько. Старичок вскинул на спину мешок, а мешок его стал еще больше, подхватил поводок от дровешек — и покатились саночки, да так, что ветер заохал; под ветром и поземкой все зажмурились… А когда через минуту открыли глаза, дровешки стояли возле дома и Старичка рядом не было. Можно было подумать, что его и вовсе не было, но ведь у всех в руках пакеты с подарками.

Братья радостно хрустели по снегу ногами и смеялись, забыв, что давно уже голодные и устали. А сестра сказала:

— А теперь все вместе: «Рождество Христе Боже наш — спасибо!»

Пропели и поспешили в избу. А там горько плакала мама — пропали дети! — так горько, что и соседка-старушка не могла ее утешить. И когда радостные дети один за другим вошли в избу, мама лежачая тихо вскрикнула:

— Да где же вы были, родненькие?!

— Рождество встречали!

— Первые! — петушком оповестил Николушка. — Во! — и он выше поднял пакет с подарками.

Зашумели, загалдели, начали заглядывать друг другу в пакеты; и обступили плачущую маму.

— Да вы хоть толком скажите…

И Нина сказала:

— Добрый Старичок — Рождество! Он и тебе подарок прислал, только маленький. И велел завтра в церковь — и тебе тоже. — Она не решалась передать маме маленький пакет, хотела отдать свой, большой, но устрашилась лжи. Нина опустила глаза и повторила: — А тебе, мама, маленький подарок… но мы поделимся!

Мать взяла бледными расслабленными руками пакет, раскрыла его, достала большую просфору — и ахнула:

— Господи, где же вы взяли Богородичную просфору?! Да большая — никогда такой и не видывала, — прошептала она, и со слезами радости начала целовать просфору. — Где же вы Рождество встретили?

— А на проселке, за Боровым лесом, — радостно ответила Нина.

У матери и язык отнялся от страха — это ведь за семью верстами!

* * *

А рано утром, когда дети еще спали, мама Маруся поднялась с постели, со слезами помолилась перед иконами, доела половину большой просфоры и впервые за время болезни сама взялась хозяйничать… Уже и печь протопилась, и в избе стало совсем тепло, и окна из темных стали серыми, когда вдруг в окно резко кто-то постучал. Мария отвела рукой занавеску — за окном мужчина в полушубке, а за ним пара лошадей с розвальнями.

— В церковь, к Николе повезу! — крикнул с улицы возница. Мария и руки развела — не собраны. — Время терпит, собирайтесь! — и возница весело засмеялся. — С Рождеством!

И тотчас дети проснулись: скоренько под умывальник, живее одеваться — а ну как добрый Старичок на лошади! А тут и маменька на ногах, и она с ними! И запели:

— Рождество Твое Христе Боже наш!..

И не до еды — какая еда! Быстро снарядились — и на улицу… Возница усадил всех в розвальни, укрыл тулупом и взялся за вожжи:

— А ну, залетные!..

Скрипнули розвальни — и запели полозья дорожную песню. Экая радость! Когда же проезжали мимо проулка, все увидели Захара: левая щека его была завязана черным платком… После святок он снял повязку, и удивились люди: на левой щеке у него запеклась или запечатлелась огненно-коричневая ладонь. И в деревне решили, что Захара кто-то пометил. И такой приговор вынесли: Бог шельму метит… Да и то верно: всякого вора и разбойника Господь каким-нибудь знаком метит, чтобы люди знали, с кем дело имеют.

Утренняя служба еще не началась, когда кони, вздрагивая разгоряченными боками, остановились возле церкви. И никто не знал, чьи это кони и чей при них возница. Зато выбрались из-под тулупа дети и жена убиенного Николая Петрова. Поклонились они вознице с благодарностью и пошли в храм. На дворе мороз с зубами, а в храме тепло. Пока безлюдно — иди к любой иконе. Много свечей уже горело в подсвечниках — колышется от сквозняков пламя, потрескивают свечи. Сияют начищенные к празднику оклады и ризы на иконах, и сами иконы точно изнутри светятся. Но краше других храмовая икона Святителя Николая Чудотворца… И почудилось братьям и сестре, что перед этой иконой добрый Старичок появился. Он даже повернулся к ним, моргнул глазами, улыбнулся — и скрылся, спрятался за икону… И дети невольно пошли к иконе, и чем ближе они подходили, тем яснее видели, что с иконы на них смотрит добрый Старичок-Рождество.

— Мама, маменька! — в страхе прошептала Нина. — Вот он — Рождество, вот он! — и от восторга заплакала. А Маруся тихо ответила:

— Это не Рождество, это Чудотворец Николай, Небесный покровитель нашей церкви… папанькин и Николушкин святой. Деточки, помолимся ему на коленях…

И люди в храме видели, как пятеро детей с матерью опустились на колени перед храмовой иконой святителя Николая Чудотворца — они лишь плакали и крестились, не в силах произнести даже слов молитвы. И добрым светом озарялся лик святого…

Вот так и ходит Николай Чудотворец по русским дорогам то странником, то Дедом Морозом, а то добрым Старичком с ношей за плечами. И кто с верой просит помощи — помогает, знамо дело, не всем является воочию.

* * *

Вот и быличке конец. А кто слушал — молодец.

ПОЭЗИЯ

Владимир СОРОЧКИН

«ЧТОБЫ КОРНИ ВО ТЬМЕ ВЕКОВОЙ ШЕВЕЛИЛИСЬ...»

Владимир Евгеньевич Сорочкин — родился в 1961 г. в Брянске. Окончил Брянский технологический институт и Высшие литературные курсы Литинститута им. А. М. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова). Стихи и переводы публиковались во многих журналах и альманахах. Автор стихотворных книг «Луна» (1995), «Тихое “да”» (1997), «Завтра и вчера» (2005). Лауреат Всероссийской премии им. Ф. И. Тютчева «Русский путь» и многих других. Председатель Брянской областной общественной писательской организации, секретарь Союза писателей России. Главный редактор альманаха «Литературный Брянск». **Живет в Брянске.**

СТЕПЬ

Курганы. Муторная даль.
Нить паутины…
Хваленый мир не избежал
Своей кончины.

Обломки стрел, остатки стен,
Где и поныне
Разбитый мрамор ищет тень
Среди полыни,

И кости прячутся за щит
Под стать отрепью,
И беркут пристально кружит
Над влажной степью…

Еще не раз, сойдясь, как дым,
В кромешной каше,
Мы вольной воле отдадим
Законы ваши,

И, вознося вокруг холмы —
За грудой груду,
Степь будет там, где будем мы,
А значит — всюду…

И конь, продавливая грязь,
Летит за ветром,
И скачет дикий скиф, смеясь
Над дряхлым веком…

УНГЕРН

И содрогнется Запад, на закат
Отброшенный несметною ордою, —
И будет проклят, вытоптан, заклят
И смыт, как прах смывается водою.

Все повторится… И пожнут жнивье
Серпы молниеносной черной стали,
И устремится в прошлое свое
То, что грядущим было,
но не стало.

И тьма, и тьма, и тьма взорвет века,
Пролившись светом —
сколько хватит силы.
Все повторится снова, но пока
Слепит глаза багровое светило, —

И монотонных песен не поют
Певцы степей, но в гуще океана
Стад, табунов — над конусами юрт
Полощет ветер стяги Чингисхана.

К РОССИИ

А. В. Ловцову

Темна судьба твоя, Россия, —
До сердцевины, до корней…
Кто говорит, что ты — Мессия
В личине нынешней своей…

Какая сила движет нами,
Когда приходится идти
Опять, окольными путями
К истоку прежнего пути, —

Когда толпою, кучей, строем,
На неоправданной крови
И на слезах младенцев строим
Земные царствия свои…

Россия… На лихих годинах
Не возродился Третий Рим,
Не кесарь скрыт в твоих глубинах,
А — Новый Иерусалим, —

И — через морок, грязь и тленье
Гляжу в тебя, боготворя:
В твоих страданьях — искупленье
И правда страстная твоя.

Самой себе ты — крест и плаха,
И стыд позорного столба…
Яви свой лик, восстань из праха! —
И пусть исполнится судьба!

ПРЕДЗИМЬЕ

Предзимние поля. Посеянное — сжато…
Светло и стыло…
И густо ляжет снег — вот-вот, сегодня-завтра
В стерни пустые.

Умершее зерно — обильно или скупо —
Свой путь свершило,
Чтоб все начать опять — с разомкнутого круга,
Все — как и было.

Рябая тишина. Окраина предместий.
Сырое поле.
И стыло и светло, и потому заметней
Грань — до и после.

Просторам нет числа — и, затаясь, под ними
Лежит стихия. —
И это — мы… Единое дано нам имя,
И мы — Россия…

Свой крест преодолев, земля должна воспрянуть,
Пройдя сквозь муку,
И с нами будет Бог, когда мы сможем глянуть
В глаза друг другу.

В единое сходясь, стоят земля и небо —
Здесь, и в грядущем.
Здесь место всем — живым и тем, кто смотрит немо
Вослед живущим.

И мне, земля моя, в твоих исчезнуть далях,
Но как знаменье
Бессмертья твоего — возьму последним даром
Иное зренье.

СНЕГА

Выйду в снежную глушь, на поля за излучиной старицы,
И останусь один — среди них, среди ночи — на свете,
И потухнет за мной огонек запорошенной станции,
Словно спичка в руке, и еще раз мелькнет в рикошете.

И сомкнется покой над землей, засыпающей походя,
И расступится небо до крайней, отчаянной шири…
Что здесь делают люди, какие подушные подати
Платят Богу они за свое пребывание в мире…

Тишина… И темнеет вдали за дорогой расхожею
Невысокий пролесок, неровный, как в записи нотной,
И мерцают снега — изнутри — под луною раскосою,
И колеблется искра холодной звезды полуночной…

АНГЕЛ

Пред собой я так близко увидел чело
Золотое, как свет, и благое, —
И одно — точно солнце — горело крыло,
И синело, как небо, другое.

И ничто не смущало саднящий покой,
Лишь лучи расходились тугие.
Я спросил у него: «Почему ты такой?..
Почему твои крылья такие?..»

Я тянулся к нему, словно пыль на стекло,
Можно было потрогать рукою
И одно, что горело, как солнце, крыло,
И, подобное небу, другое.

Но исчез он, и меньше не стало огня,
Лишь рассыпалось ветром горячим:
«Я такой, чтобы ты не увидел меня,
Меж землею и солнцем парящим…»

* * *

Олегу Янкову

Ангелы всюду…
Они — посмотри:
Кружат незримо, мелькают, как блики,
Прячутся, только искрятся внутри
Каждой морщинки их чистые лики…

Кто запретит им еще и еще
Вновь осязать наши грешные души.
Вот на твое взгромоздились плечо
Дюжина ангелов, дюжина дюжин!..

Недосыпая, все ночи и дни,
Жизни сжимая в мгновенья и миги,
Ангельской азбукой пишут они
Судьбы людские в амбарные книги…

Если доступен тебе их язык,
Их письмена, что чудны и крылаты,
Ты расскажи, узнавая из них —
В чем же мы правы, а в чем — виноваты.

Ты расскажи, прочитав по слогам
Жгучие буквицы солнечной пыли —
Что же мы сделали нашим врагам,
Что мы для наших друзей позабыли.

Ты прочитай в неразборчивой мгле
Знаков, что время не переиначит —
Что же мы значим на этой земле,
Где лишь немногое что-то да значит…

Пусть примечают в бореньях земных,
Глядя в открытые души, как в бездну, —
То, что нам нечего прятать от них
И друг от друга скрывать бесполезно.

СТИХИ ОДНОГО СНА

I

В теплушке уснешь на товарных путях,
В составе, весь день простоявшем по зною,
И спишь, и какой-нибудь видишь пустяк,
А поезд поехал, вихляя спиною.

Уже он успел разогнаться, дрожа
На полном ходу, и, не метя в пророки,

Все мечется в клетке вагонной душа,
Боясь ненароком отстать по дороге…

II

Ребенком ты волен туда убежать,
Где можно, как теплый кусок каравая,
За пазухой годы свои подержать,
Себя — за глаза — в старике узнавая.

И смотришь, не веря, досужую быль,
Что жжет, как вода ключевая в ушате…
Проснешься — и плачешь… И все позабыл…
И бабушка скажет: «Не спи на закате…»

* * *

Средь заснеженного края,
Глядя вниз из-под руки,
Ночь склонится, рассыпая
Так и этак огоньки.

Сто дорог сойдутся в точку.
Мгла. Поселок. Глухомань.
На протоптанную стежку
Месяц светит сквозь туман.

Еле-еле звезды брезжат,
И все вместе, заодно
В темноте собаки брешут
Неусыпно, озорно…

Коротаешь, как умеешь,
Время в сонной духоте.

Топишь печь и чайник греешь
На расхристанной плите. —

И опять, опять подспудно,
Как натянутую нить,
Осязаешь то, что трудно
И понять, и объяснить:

Мир сужается, при этом
Расширяясь, и малы
Для него и мрак со светом,
И прямые, и углы, —

И уже кругом — ни тени,
Ни тропинок, ни дорог:
Только ты, да эти стены,
А вокруг — простор и Бог.

* * *

Где родились мы, там и сгодились.
То раздор, то разлад, то война…
Мы же в красной рубашке родились,
Только что ж наизнанку она?..

Что ж мы маемся в годы лихие?
Как же это случиться могло?
Мы же сильные. Мы же такие,
Что нам чистое поле — мало́.

Нам немного для праздника надо.
И — в чаду неисполненных дел —
Нам земной окоем — не преграда,
И нехоженый путь — не предел.

Вот и снова, вскочив спозаранку,
Над разором, над чахлым жнивьем
Мы в рубашке своей наизнанку,
Подбоченясь, на праздник идем.

* * *

Какой портной в пресветлой горенке
Под шорох ветра и планет
Смог без сучка и без задоринки
Сшить воедино этот свет,

Соединить сиянье месяца
И синеву звенящей мглы…
Посмотришь — жизнь твоя поместится
На острие его иглы.

* * *

В прах сухое зерно опустила рука,
И пролился полуденный дождь на долину,
Чтоб услышала почва движенье ростка,
Чтоб дыхание жизни пробилось сквозь глину.

И побег появился, сливаясь с травой,
И зеленые стрелы в зенит устремились,
Чтоб вершина на солнце шумела листвой,
Чтобы корни во тьме вековой шевелились.

* * *

Из пыли дней, из суеты сует
Рождается, терзается, клубится
И ищет слов не нареченный свет,
В самом себе стремясь не ошибиться.

Но улетает молния во тьму,
Клинком пересекая прожитое,
Там затихая, где цена всему —
Молчание… молчанье золотое.

* * *

Когда, ослепленная светом,
Земная царит круговерть,
Рождаются в мире поэты,
Чтоб песни веселые петь.

Им выстлана солнцем дорога,
Их ангел несет на крыле…
Но песен счастливых немного
Я слышал на этой земле.

Когда разрывают планету
Раздоры, война и чума,
Рождаются в мире поэты,
Чтоб мы не сходили с ума.

В их строчках былое сойдется
С грядущим, но, врезав под дых,
Безумное время смеется
Над грустными судьбами их.

Сгорают, как свечки, сгорают
Поэты, и, вскинув чело,
Поют и как будто не знают —
Зачем, для кого, для чего…

Воздав и победам, и бедам,
Лишь Слово — сильнее меча.
И новым затеплится светом
Спасенного мира свеча.

И звезды сомкнутся над нею,
И пламенем станут огни. —
Чем судьбы поэтов темнее,
Тем ярче сгорают они.

И новые будут рассветы,
И ангела вздрогнет крыло…
Рождаются в мире поэты.
Зачем, для чего, для кого…

ПОЭЗИЯ

Валерий МИХАЙЛОВ

ГОДОВАЯ СВЕЧА

Валерий Федорович Михайлов — родился в 1946 г. в Караганде. Автор более 20 книг стихов и прозы. Его произведения печатались во многих литературных изданиях России и Казахстана, переводились на английский, немецкий, корейский, белорусский, казахский и другие языки. Стихотворения включены в ряд антологий. Член Союза писателей России и Союза писателей Казахстана. Главный редактор журнала «Простор», секретарь правления Союза писателей Казахстана. **Живет в Алма-Ате, Казахстан.**

* * *

— Душа!
Как безумная молния ты шаровая.
Куда ты летишь?
Что в миру неприкаянно рыщешь?
А то вдруг застынешь пред чем,
трепеща и пылая,
Как будто б нашла,
что всю жизнь безнадежную ищешь.

А соприкоснешься —
так взрыв и удушье пожара,
Разрядка… разруха…
и мрак преисподний все ближе —
И тлеешь в бессилье нутром
обесточенным шара,
Моля о глоточке огня
как спасении свыше.

— Я клетку твою золотую
когда-нибудь брошу,
Лишь только избудешь ты бремя
пощады и рока,
Насквозь я прожгу задубевшую
нежную кожу
И скроюсь навек
во мгновенье последнее ока.

Не здесь я сгорю до конца —
а в прибежище Света,
Где пламенем горним живет
и сияет округа:
Там лето Господне цветет,
бесконечное лето,
И души становятся снова
частицами Духа.

* * *

На жизнь растянулось
прощание с жизнью земной.
Ты только лишь просверк,
ты только лишь просверк сквозной,
Царапина света
на черном граните времен,
Как песня немого пространства
и сбывшийся сон.

Смолистые кедры под ветром
поют на горе,

Несметные иглы трепещут в живом серебре,
И ночь осыпает их звездами, светом полна,
И песнью единой насквозь пронзена глубина.

* * *

Словно Божьими мыслями млечными
Поутру ты туманами устлана,
Утешающими, утишающими
Твою душу неисповедимую
В сонных долах, лесах и лугах.

Вот над этим покровом задумчивым
Голова одинокая кажется,
Будто странник без бренного тулова,
Отрешенный от века, в безмолвии
По-над белой рекою плывет.

Умолкают слова неразумные,
Отлетают дела суетливые,
Думки беглые, копошливые,
Вся сумятица, бестолковица…
Нарастает судьбой тишина.

И взлетает десница над млечностью,
Будто чайка из пенного кружева,
И перстами ко лбу прикасается,
В исполнение крестного знаменья,
И уходит опять в глубину.

И молитва неслышно расходится,
Как белесый туман расплетается
По излогам, избокам, извилинам,
Тает в воздухе долгою тайною —
И пустыня земли восстает.

* * *

Как во поле, в чистом поле
Неприметный бугорок,
Позарос он трын-травою,
Как лазоревый цветок.

Серым дождиком помытый,
Павшим с неба, как любовь,
Там лежит кирпич побитый
Что обугленная кровь.

Не сюда ли ненароком
Птицы любят прилетать
И в раздумии глубоком,
Что незримо — созерцать.

Как вода в святом колодце,
Время вечное стоит —
А во поле храм на солнце
Древним золотом блестит.

Чистым дождиком омытый,
Павший с неба, как любовь,
Он теперь кирпич побитый
Что обугленная кровь.

Но над сивой трын-травою,
Там, где был святой алтарь,
С преклоненной головою
Ангел служит, как и встарь.

Контур неземного света —
Не сложил свои крыла,
Часовой Господня Лета —
Льется ввысь его хвала.

И, застывши на мгновенье,
Позабыв свой смутный век,
Чует вдруг благоговенье
Тут прохожий человек.

* * *

Стариков-шахтеров, что к деду когда-то пришли на поминки,
снова я вспомнил…
Совсем немного их было, трое иль четверо,
как братья друг на друга похожих…

И молчали они, будто выработанные штреки где-то там,
глубоко-глубоко под землею,
А глаза… как в суровые смотришь колодцы потаенной пустыни,
И морщины на обугленных лицах им шахта рубила кайлом…
Они водку безучастно вливали в себя из граненых стопок,
не интересуясь закуской,
И прямые сидели, незримо держа на плечах непомерную тяжесть судьбины,
Что в степя загнала их чужие на долгую муку, под горькую землю…
Им сердца преисподняя черная кровля навек придавила,
Подземельные близкие своды,
в мерцании жирном и тусклом пластов антрацита,
Немота многотонная камня и толщи нависших пород…
Все слова на поверхности после безмолвья подземного — лживы.
Все могилы людские под небом на кладбищах — мелки.
На-гора когда выйдешь, вся водка — не крепче водицы…
А «прощай» говорит одна только душа — не язык.

* * *

Вот Ангел, свивающий небо в дымящийся свиток,
Земля, обнаженная пред ослепительной бездной,
Черней слепота этой бездны, чем черные дыры,
Куда провалилось пространство, где времени нет.
Последний земной человек, что ты зришь напоследок?
Как с небом свиваются в темь непроглядную звезды?
Как черным потопом встает непомерная стужа?..
Как Ангел уносится к Свету с твоею душой?..

ГОДОВАЯ СВЕЧА

о. Владимиру Нежданову, священнику и поэту

«…ибо время близко».
Откр. 1:3

«И возрыдают пред Ним все племена земные».
Откр. 1:7

«…времени уже не будет; но в те дни, когда возгласит седьмой Ангел, когда он вострубит, совершится тайна Божия».
Откр. 10:6–7

1

Свечой Богоматери светит Святая Гора
Средь мрака земного, и зла, и тщеты, и распада,
И бьют в нее волны морские с утра до утра,
Как страсти мирские, и дышат дыханием ада.

Там прежде бесовские капища в свежей крови
Дымились, возвысивши мраморные колоннады,

Пустыми глазницами гордо на жертвы свои
Взирали кумиры тогдашней Аполлониады.

Но в бурю корабль с Приснодевой прибило сюда,
И только лишь на берег Божия Матерь ступила,
Как рухнули оземь кумиры, пропав навсегда,
Рассыпались пылью и прахом поганого мира.

И Сад Богородицы чудной молитвой расцвел
Под чистым Ее благодатным и светлым Покровом,
И в небо вознесся столп света, где Божий Престол
Встречал по успению души в сиянии новом.

II

Свечой Богоматери светит Святая Гора.
Афонской молитве гореть до последнего срока.
Сказали монахи: — Темнеет. Настала пора
Затеплить свечу годовую пред именем Бога.

…Желтели в убогих могилах святых черепа
И в костницах миром преблагоуханным точили,
Как будто б смиренная не прерывалась мольба,
Что старцы когда-то при жизни своей возносили.

И золото, ладан и смирна заветных волхвов —
Дары Иисусу Младенцу — они на Афоне,
Они не исчезли в горниле нещадном веков,
А будто склонились пред Ним в неизменном поклоне.

Андрея апостола в храме благая стопа
Была средь мощей, что вслед за Иисусом ступала,
Куда б ни вела ее прежде святая тропа, —
Светилась с тех пор, как Путь праведный в мире познала…

И плавился медом священным живительный воск,
И пламя тишайшее у алтаря трепетало.
Сгорела свеча годовая в назначенный срок.
Решили монахи: — *То время* еще не настало.

III

И так в тишине началось измеренье времен
Свечой годовою — молитвой пред Небом нетварной,
Поскольку лишь Богу поистине верит Афон,
Не внемлющий правде земной, отрывной, календарной.

И мерою времени — та годовая свеча,
Единственно точная благословенная мера:

В миру теплохладном одна лишь она горяча,
Как в Бога одна горяча Православная вера.

Века, как молитвы, чредою заветной текли,
Монахи свечу годовую в черед возжигали,
Просили у Бога пощады для бренной земли
И время по истине верной свечой измеряли.

И вот преступила свеча календарный порог —
Однажды она дольше года земного горела.
Тогда восскорбели монахи: — Уж близится срок.
Суров Судия, Он грядет неподкупный, и жатва поспела.

IV

Твердыней сугубой молитвы сияет Афон,
Плывут над пучиною вдаль колокольные звоны,
И явственней знаменья стали Последних Времен —
То миром и кровью сочатся святые иконы.

Все дольше и дольше горит годовая свеча —
Сжимается время шагреневой кожей распада.
В миру теплохладном одна лишь она горяча,
Но все ощутимей и смрадней дыхание ада.

— Вы скорость взлюбили — скорей же настанет вам срок! —
Свеча годовая гореньем тишайшим пророчит.
Одни лишь монахи постигли наглядный урок
Во храме, где чистые плачут Заступницы очи.

V

Свечой Богоматери светит Святая Гора
Средь мрака земного, и зла, и тщеты, и распада,
И бьют в нее волны морские с утра до утра,
Как страсти мирские, как огнь пожирающий ада.

Все медленней, тише горит годовая свеча —
Летят Времена, и Конец их все ближе, все ближе.
В миру теплохладном лишь только она горяча,
И пламени срок ей не нами отмерен, а свыше.

Есть Время Бессмертное, то, в ком покоится Бог,
Оно не прейдет никогда, бесконечно живое.
Всему остальному отмерен пылающий срок.
Молитесь! Сжимается смертное время земное.

Александр КАЗИН

ПЕТРОВСКИЙ ПАРАДИЗ И ДУША РОССИИ

К 400-летию Дома Романовых

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 году в Смоленске. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой искусствознания Санкт-Петербургского университета кино и телевидения, ст. научный сотрудник Российского института истории искусств. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Член исполнительного совета общественной организации «Собор православной интеллигенции Санкт-Петербурга». Автор многих книг и статей по философии культуры. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.
А. С. Пушкин

В последнее время часто приходится читать и слышать критику в адрес Петра Великого. Такая критика была всегда, вплоть до причисления первого русского Императора к врагам и разрушителям Отечества. Думается, что 400-летие Дома Романовых — хороший повод для того, чтобы снова всмотреться в дело Петра во всей его цельности и противоречивости. Тому, кто хочет думать о русской истории, придется научиться мыслить противоречиями — иначе у него ничего не получится.

Гениальный город — вот первое определение Санкт-Петербурга. Есть на Руси города более древние (Псков, Новгород), есть более цельные (Ярославль, Суздаль), есть более мощные (Москва). Петербург — это единственный город России, в котором *русская идея* предстает как выражение личной воли человека — Петра Романова, Александра Пушкина, Федора Достоевского, Александра Блока… Можно сказать, что Санкт-Петербург — *это Россия, выраженная в личности и через личность.* Культурная гениальность Петербурга обязана своим происхождением всей полноте отечественной духовной Традиции (подробнее об этом см. мою книгу «Последнее царство. Русская православная цивилизация». СПб., 1998. — *А. К.*). Древняя киевская, новгородская и московская Русь стремилась жить по Правде Божией — она видела в этом свою главную историческую, государственную и культурную задачу. Именно в те самые века, когда Запад, по существу, вышел из истории как осуществления христианского замысла о человеке и перестал соотносить с ним его образ (эпоха

Реформации и Просвещения), Русь упорно продолжала хранить мысль о земной жизни как «испытании духа». Полное воцерковление человека и культуры — такова была поставленная Русью перед собой цель, или, лучше сказать, мечта, потому что она вошла в противоречие с другой стороной евангельской вести — а именно той, что Царство Божие не от мира сего. Говоря проще, православная Русь стремилась достигнуть неба уже на земле, значительно отличаясь в этом стремлении от прагматической новоевропейской социальной практики. На скрещении этих потоков и родился Санкт-Петербург — русский город в Европе и европейский в России.

Итак, начальное духовно-онтологическое отличие Санкт-Петербурга от Москвы заключается в его *персоналистичности.* Этот город возник из человеческой головы, как Афина из головы Зевса, как великое государственно-культурно-научно-художественное *произведение.* С одной стороны, это все та же Святая Русь, с другой — это Русь, взглянувшая на себя со стороны: глазами гуманистического Запада. Более того, это и *взгляд на Запад со стороны Святой Руси,* что часто упускают из вида при размышлениях о Петербурге. Конечно, «западниками» в определенном смысле были и отец Петра I, и Борис Годунов, и в некоторых отношениях сам Иоанн Грозный. То новое, что сделал Петр, в немногих словах можно определить как отказ от православной симфонии — от того древнего идеала единства духовной и светской власти, который возник в Византии при Константине и затем служил внутренним основанием киевской и московской Державы. После смерти в 1700 году Патриарха Адриана Петр отменил Патриарший Престол на Руси, заменив его впоследствии «департаментом духовных дел» — Синодом — и «Духовным регламентом» Феофана Прокоповича. Одев свое царствование в одежды европейского абсолютизма, Петр превратил Церковь в *сотрудницу* Державы. Знаменитая русская *соборность* — союз Церкви, Государства и Земли (народа) — явилась в деяниях первого российского Императора предметом *созидательной воли* избранных лиц или сословий России: из данности стала творческой заданностью. Противоречие, как известно, есть двигатель развития. Петербургская «серебряная» Россия впитала в себя этот парадокс — осуществление замысла Святой Руси в формах и средствами новоевропейского модернизма, в индивидуальном социокультурном усилии, на верфях и заводах, в академиях наук и искусств. Вся последующая «петербургская» история России, вплоть до трех революций XX века, и была опытом пресуществления этих форм…

Однако ограничиться сказанным для характеристики дела Петра — значило бы встать на позицию тех либеральных историков, которые за деревьями не видят леса, за внешними культурными оболочками — пронизывающих их энергий. С историософской точки зрения, преобразования Петра явились одной из «догоняющих модернизаций» России, предшественником которой в плане реформации Руси были и призвание варягов, и латинизация православной иерархии через иезуитское просвещение (т. н. «украинское барокко»), и западнические симпатии московской элиты («голицынщина»). Шаг за шагом нарастающий процесс европейской секуляризации — обмирщения веры и культуры — пытался подчинить себе Россию, так что Петр Великий в известном смысле только продолжил это дело, но продолжил так по-русски, что результат оказался во многом неожиданным для самих реформаторов.

Прежде всего следует подчеркнуть, что Церковь вместе с народом (землей) приняли петровскую реформу по своему разумению. *В церковном и народном духе Император всероссийский продолжал оставаться священным — помазанным Богом — православным Царем.* И дело тут не в том, что русские церковные иерархи в лице Петра благословили на византийско-московское служение западный абсолютизм, а в том, что сама петербургская монархия не вышла целиком из потока православной духовной традиции. Речь идет не о настроениях и планах отдельных людей, речь об объективном духовно-онтологическом статусе Русского государства. Подобно тому, как московский Царь оставался помазанником Божиим независимо от своих личных качеств, так и петербургский, одетый в камзол или лосины, Император в православно-народном сознании оставался Царем-отцом, земным отображением Царя Небесного. В перспективе «большой» истории России, на магистральной линии ее вселенского задания петровские преобразования, основание Петербурга, заимствование западных этикетов, мод и наук модернизировали Россию, но не убили Святую Русь. Трепетавшая под пером петровских указов, побеждавшая вместе с ним под Полтавой и Гангутом и танцевавшая на ассамблеях Россия в глубине своей души продолжала «ходить перед Богом», знала, что Он все видит и за все спросит…

Говоря современным языком, петровские реформы не достигли ядра русской цивилизации, *не произвели цивилизационного слома*, хотя видоизменили почти все ее внешние слои. Во всяком случае, несомненное движение к укреплению духовной вертикали царской власти и ее союза с землей наблюдается в Петербурге уже в деятельности Императора Павла Петровича. Можно сказать, что начав свое историческое движение с петровского дерзания («Россию вздернул на дыбы»), петербургская монархия и культура дала в своем завершении мученическую фигуру Царя Николая Александровича и всей его августейшей Семьи, кровью своей запечатлевших дело последних русских Самодержцев…

Вместе с тем петербургский период русской истории дал, в итоге, и революцию. Можно усматривать зерно российского «диссидентства» в деятельности князя Курбского или заговоре «верховников», но факт остается фактом: разделение единой России на интеллигентский ум и народную душу началось именно при Петре. В голове самого Петра «французское» нередко мешалось с «нижегородским», так что расчерченные по линейке петербургские перспективы поразительно сочетались у него чуть ли не с ордынскими приемами вестернизации подданных. Был, однако, еще третий, незримый участник строительства новой столицы — Святой Благоверный Князь Александр Невский, мощи которого по повелению Императора были доставлены в Петербург из Владимира. Быть может, именно его небесное покровительство привело к тому, что град Петров не провалился в финское болото и не ушел в песок, как предрекали ему многие, но породил единственное в своем роде явление «трагического империализма» и «трагической красоты», если воспользоваться терминами Н. П. Анциферова[1].

Впитав в себя утонченно-индивидуалистические европейские нормы творчества и познания, Санкт-Петербург фактически преобразовал их на соборной почве, поместив их в совершенно иное духовное и природное

[1] *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга, 1922.

поле — чего стоит один «простор меж небом и Невой» над центром города! Колоссальная метафизическая напряженность Петербурга, его обращенность одновременно к Богочеловеку и человекобогу, к Востоку и к Западу, к небу и земле и есть источник его трагической красоты. На петербургских пространствах Дух Божий «носится над водами», и это подчас можно почти увидеть…

Начать хотя бы с того, на что обратил внимание Г. П. Федотов: приняв Православие «по-славянски», при посредничестве церковно-славянского языка, Русь не только сроднилась с чистым истоком веры, но и фактически отстранила от себя западный рационализм, выросший на латыни. В классической русской литературе и философии давно уже выяснено, к каким судьбоносным последствиям привел Европу римский рационально-юридический «постав» сущего (см. хотя бы «Поэму о великом инквизиторе» Достоевского). Что касается России, то она оказалась задетой этим рационализмом с другой стороны: сохранив свою православную душу — прежде всего в Церкви и в народе, — она *именно в Петербурге сочетала его с рациональным европейским умом*. «"Не хотели" читать по-гречески — выучились по-немецки», — верно замечает Федотов[1].

Чтобы выжить в условиях новой Европы, России пришлось взять у Запада наиболее успешную, секуляризованную часть его цивилизации — технику, естественные науки, вообще всякий западный прагматизм. Встреча Православной Соборной Души с агрессивным *ratio* Европы — таков исток петербургской драмы XIX и XX веков…

Впрочем, в течение почти всего XVIII столетия указанная встреча носила сравнительно спокойный характер. Поначалу в невском «парадизе» воцарился фантастическо-дерзновенный стиль смешения всего со всем, своего рода «петровский модерн», отличавшийся, правда, от буржуазного авангарда *ценой жизни*, которой приходилось платить за него. Люди жили, воевали и любили всерьез (достаточно вспомнить историю любви Монса к Екатерине I и его казнь), но делали все это как бы на сцене, одетые в костюмы с чужого плеча. Так, например, в одах Сумарокова достоинство невской столицы выводится прежде всего из ее преемства от деяний Святого Александра, защитника Руси:

Брег над чистою Невою
Александров держит храм.
«Ода на победу Петра I»

С другой стороны, Петербург у великого крестьянского поэта Михайлы Ломоносова получает вид веселого, удалого города:

В стенах Петровых протекает
Полна веселья там Нева.
Венцом, порфирою блистает,
Покрыта лаврами глава.
Там равной ревностью пылают

[1] *Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 413.

Сердца, как стогны, все сияют
В исполненной утех ночи.
О сладкий век! о жизнь драгая!
Петрополь, небу подражая,
Подобны испустил лучи.

«На день восшествия на престол
Имп. Елизаветы Петровны»

Осмысляя все вышесказанное о петербургской, серебряной, Руси, следует выставить на передний план *иное*, чем прежде *соотношение креста, меча и золота*, сложившееся в эту переломную эпоху. Золотой крест над Россией продолжал сиять, она не отошла от него — вот первая сторона антиномии петербургской культуры, без которой тщетны все наши дальнейшие рассуждения. Если бы это оказалось иначе, разве дала бы Русь миру на рубеже XVIII–XIX столетий двух великих богатырей — подвижника святости Серафима Саровского и гения поэзии Александра Пушкина? С другой стороны, петербургская Россия (именно как нация, как земная эмпирическая общность людей) являет прежде всего *драгоценность мирской культуры.* Парадокс Петербурга, тайна его религиозно-культурной и исторической символики и заключается в том, что он сумел *сохранить культ в пространстве культуры* — протестантский антропоцентризм не заслонил для него Православия, вновь обретенные науки и искусства не стали для него религией, как это произошло на Западе в том же XVIII веке. Более того, сами науки и искусства — просвещение, одним словом — оказались в петербургской России не столько способом самоутверждения, сколько путем очередного испытания человека, ибо свободная творческая воля твари в принципе не противостоит в Православии метафизическому послушанию Творцу. Отходя на время от Бога, русская душа в духовной своей глубине никогда не испытывала полной (демонической) богооставленности. Отсюда, конечно, и проистекает вся эта петербургская трагически-напряженная история, эти типично питерские контрасты между Ксенией Блаженной и Вольтером, между Александро-Невской Лаврой и масонами. Отвергнуть все это — значит последовать за старообрядцами вон из Петербурга. Принять — значит объединиться вокруг трона, пусть даже временно занятого женщинами и их фаворитами. В этом плане знаменателен микешинский памятник Екатерине Второй на Невском проспекте: воины, ученые, поэты — все они «екатерининские орлы». Петербургское разделение на народ и интеллигенцию почти не коснулось в XVIII веке самой власти; как раз вокруг трона объединялись тогда держатели силы и держатели идеи. Разумеется, в Петербурге невозможна уже золотая, соборная Русь, когда православный Царь водил по Красной площади коня, на котором сидел московский Патриарх. Однако в качестве Самодержца всея Руси петербургский Император продолжал сохранять сущностную связь со своей страной и Церковью. Непостижимо для ярых «западников» и, может быть, для себя самого Петр Великий объективно подтвердил смысл русской истории как поиска града Китежа. Не найдя его на Переяславском озере, он дерзновенно решил построить его на Неве. Если отец (Алексей Михайлович) разделил соборную Русь на царство, священство и земство, то сын (Петр Алексеевич) *принцип личности возвысил над началом соборности, сохранив при этом само коренное русское стремление к духовно-исторической правде.*

Таким образом, дело Петра, как и город его, явились одним из главных творческих заданий русской и мировой истории. Чудо России состоит еще и в том, что она в конечном счете оборачивает в свою пользу любые силы, воздействию которых подвергается ее удивительная судьба. Применительно к опыту петровской модернизации это чудо явилось тогда, когда выяснилось — уже в XIX веке, — что не только Запад духовно приблизил к себе Россию, но и *Россия овладела западной цивилизационной формой (технологией существования).* Это сделало ее мировой Державой, но и поставило перед ней сложнейшую задачу осуществления Православия *перед лицом мира сего.* Можно сказать, что на берегах Балтики золотая Русь впустила в свое пространство-время свободу европейского персонализма: золото веры предстало в серебряном окладе светской культуры. Спасшей Европу от нашествия Батыя Руси суждено было теперь вступить в религиозную, духовную и культурную борьбу с просвещенным Наполеоном-Фаустом, а затем и с оккультистом Гитлером. Дело Петра — как и Империя Романовых в целом — не пропало, но вошло в метаисторическое пространство нашей истории.

ВЫШЛА КНИГА

Творчество Леонида Андреева: современный взгляд. — Орел, ПФ «Картуш», 2011. — 200 с.

Редакционная коллегия: Е. А. Михеичева, д.ф.н. (научный редактор), П. А. Ковалев, к.ф.н., И. А. Билибина (технический редактор).

В рамках тематического плана научно-исследовательской работы Министерства образования и науки Российской Федерации.

Рецензенты: *Н. А. Куделько*, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Орловского государственного института искусства и культуры; *Е. М. Волков*, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета.

Сборник научных статей «Творчество Леонида Андреева: современный взгляд» включает в себя материалы Международной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя, и является продолжением многолетней научной разработки преподавателями кафедры русской литературы XX–XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета проблемы «Орловский текст в российской словесности». Сборник посвящен проблемам изучения творческого наследия Л. Андреева и адресован ученым, преподавателям и студентам-филологам, учителям-словесникам.

Маргарита ДМИТРИЕВА

АРХИТЕКТОР ИМПЕРИИ. НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ПЕРВЫЙ

К 400-летию Дома Романовых

Маргарита Анатольевна Дмитриева — родилась в Петербурге, закончила филологический факультет РГПУ имени Герцена, кандидат филологических наук, сценарист радиоканала «Малая Садовая», автор программ «Петербургское детство», «Старинная словесность», а также телесериала «Царская муза» (канал «Культура», 2008 год). В сфере исследовательских интересов автора находится культурный пласт жизни семьи Романовых. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Император Николай Павлович ревностно охранял культурное пространство России от чрезмерного влияния западных идей. Благодаря своему широкому образованию и художественной интуиции он отлично разбирался в искусстве и немало сделал для его фундаментального развития. Охрана памятников истории, становление отечественной живописи, литературы, театра, равно как использование их в воспитательных и идеологических целях отвечали личным пристрастиям Императора[1]. Он был в метафизическом смысле архитектором своей Империи, стремясь нести ответственность за все «детали» ее декора.

Великий Князь Николай Павлович появился на свет 25 июня 1796 года, в Царскосельском дворце, без четверти четыре утра. Екатерина Вторая писала историку Гримму со свойственной ей эмоциональностью: «Голос у мальчика бас. Кричит он удивительно. Длиною аршин без двух вершков. А руки немного менее моих. Если он будет так продолжать, как начал, братья его окажутся карликами перед этим колоссом. Он смотрит на всех во все глаза. Уже три дня кушает кашку, потому что беспрестанно хочет есть. Никогда восьмидневный ребенок не пользовался таким угощением. Это неслыханное дело. У нянек просто руки опускаются от удивления. В жизнь мою первый раз вижу такого рыцаря»[2].

Однако у прекрасного «рыцаря» Николая не было надежды стать Царем. В «очереди» на престол было два старших брата, Александр и Константин. Но логика истории, как

---

[1] Цит по: *Выскочков Л. В.* Августейший меценат // Л. В. Выскочков. Николай Первый. СПб., 2006. С. 412.

[2] *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1997. С 6.

известно, таинственна. После отречения от престола В. К. Константина Павловича Александр Первый намекнул Николаю о своем скором желании оставить власть и уйти от мира. 22 августа 1826 года Николай был коронован в Кремле и царствовал 29 лет.

Впоследствии в память о брате Николай велел возвести Александровскую колонну на Дворцовой площади. Николай сам тщательно подбирал особый угол наклона головы ангела. В результате получилось, что ангел символизирует духовную устремленность Александра в небеса. Колонну возвели к 1834 году, к двадцатилетию победы над французами. Николаю удалось также осуществить давнюю мечту Александра Первого — возвести Храм Христа Спасителя на Воробьевых горах в Москве. Храм построил архитектор Тон в русской православной традиции.

Кроме того, уже в начале царствования, по указу Николая была завершена работа над Портретной галереей Двенадцатого года и был разработан проект по установке памятников на местах сражений.

Николай получил приличное Великому Князю образование. Он слушал лекции по римскому праву, статистке, русской и всеобщей истории, русскому и иностранным языкам, военной инженерии.

Император не только формировал культурную политику страны, но сам владел многими искусствами. Так, в юности он обнаружил неординарный талант рисовальщика. Его первыми учителями были директор Императорской Академии художеств И. Акимов, а также профессор исторической живописи, академик В. Шебуев. В одном из писем 1810 года, хранящемся в семье художника, Николай задушевно писал учителю: «Здравствуй, милый мой Вася. Сожалею, что Нева препятствует мне тебя видеть! (имелся в виду ледоход на Неве)»[1]. Николай всю жизнь не забывал о своем учителе, помогал ему с заказами и выделил пожизненную пенсию в тысячу рублей.

В двадцатые годы Николая учили гравировке вернувшиеся из-за границы Орест Кипренский и Николай Уткин. У Николая на всю жизнь сохранилось художественное чутье и меткий глаз. Мария Каменская, дочь графа Ф. П. Толстого, вице-президента Академии художеств, вспоминала: «Однажды Император сказал отцу: “Послушай, Федор Петрович, воля твоя, а колено у твоего славянского воина повернуто неправильно!” И Государь тут же стал перед зеркалом в позу воина. Он быстро нарисовал на листочке ногу воина так, как считал правильным». Ф. П. Толстой обиделся и ушел домой, но вскоре прибежал просить прощения: Царь был абсолютно прав. «Я покрою лаком карандаш Его Величества и сохраню эту редкость потомству», — смущенно заявил Толстой[2].

Николай Павлович любил Академию художеств и посещал академические выставки вместе с Царицей Александрой Федоровной. Такие посещения завершались чаще всего пополнением царской коллекции. Он не полагался на свой вкус, а просил вице-президента Академии ему подсказать, на какой картине остановиться: «Знаешь, кроме баталической живописи, я не доверю моему толку в картинах. А мне надо купить что-нибудь на выставке, — смиренно обращался Николай к графу Ф. П. Толстому. — И я боюсь

---

[1] *Выскочков Л. В.* Великий князь // Л. В. Выскочков. Николай Первый. СПб., 2006. С. 13.

[2] *Каменская М. Ф.* Воспоминания. М., 1991. С. 249.

ошибиться. Так ты не отходи от меня, и если какая-нибудь картина будет стоить того, что б я ее купил, ты мне глазами покажи на нее, я куплю»[1]. Когда в 1845 году в Риме Николай посетил мастерскую А. А. Иванова, на него произвела сильнейшее впечатление картина «Явление Христа народу». «Оканчивай. Картина будет славная!» — сказал он художнику. Однако, как нередко бывало, Николай применял к людям искусства армейские требования дисциплины. Так, автору вышеозначенного полотна Царь приказал выдать 1500 рублей с тем, чтобы он через год закончил работу. Художник пришел в нервическое расстройство и постарался передать через Наследника, что при всем желании этого сделать не сможет[2].

Конечно, прежде всего, Николай рассматривал искусство в качестве утверждения принципов своей власти и прославления Российской империи. Николай никогда не считал себя пишущим человеком. Но пошел по пути своей августейшей бабки Екатерины Второй и оставил интереснейшие мемуары, записки и письма, которые являются источником первостепенной важности при изучении николаевской эпохи. Среди них, например, грациозно-сердечные, на французском языке написанные «своеручные записки» — «Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича», где Царь живо обрисовал свое детство, родителей, учителей и воспитателей. Эти мемуары подтверждают общеизвестный факт, что у Романовых была замечательная память. Записки Николая отличаются удивительными, почти фотографическими подробностями. Вряд ли Николаю кто-то помогал их составлять. Собственно, подробностями и мелочами изобиловали и мемуары августейшей бабки. Но если Екатерина в «своеручных записках» поддерживала образ мудрой и гонимой невестки, то Николай свои сентиментальные и изящные воспоминания писал от лица всегда желанного и любимого родней человека. Чего стоит трогательно-смиренное его вступление к мемуарам: «Всем известно, кто был мой отец и кто моя мать»[3]. Перед нами, по словам П. А. Вяземского, предстает «живая литература фактов»[4]. Николай скупо сентиментален в описании картин детства, далек от словесных эффектов и многословия. Дневники его лишены дидактического моралите, он весь устремлен в подробности прошлого, которое встает перед его глазами. Но сквозь ткань восстанавливаемых событий заметно, что Николай с удовольствием пишет об аскетизме, в котором воспитывались царские дети, о таинственности и некой горестной недосказанности тех событий, которые разворачивались вокруг маленького Николая, о положительной роли отца, которого, в общем-то, Николай, мог совсем и не помнить. Ему было пять лет, когда Павла убили. Но, оказалось, что помнил очень хорошо.

Поэтика «Записок» Николая близка поэтике мемуаров восемнадцатого века: передавать то, что было на самом деле, не придумывая. То есть придерживаться некоего «сакрального материализма бытия».

---

[1] *Каменская М. Ф.* Воспоминания. М., 1991. С. 249.

[2] *Выскочков Л. В.* Великий князь // Выскочков Л. В. Николай Первый. СПб., 2006. С. 249.

[3] Император Николай Первый. Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно // Николай Первый и его время. Документы. Мемуары. СПб., 2002. Т. 1. С. 69.

[4] *Орнатская Т. И.* Рассказы Е. П. Яньковой, записанные Д. Д. Благово // Рассказы бабушки. Л.: Наука,1989. С. 343.

Все же Николай описывает жизнь не потоком, но выбирает события, свидетельствующие о самобытности людей, с которыми свела его судьба, об их нестандартности и оригинальности. Он помнил, как Великая Княгиня Елизавета, супруга Александра, возила его на шлейфе платья. Помнил то удивительное обстоятельство, при котором познакомился с Суворовым. «Я находился в Зимнем дворце, в библиотеке моей матери, где увидел оригинальную фигуру, покрытую орденами, которых я не знал. Эта личность поразила меня. Я его осыпал множеством вопросов по этому поводу. Он стал передо мной на колени и имел терпение мне показать все и объяснить. Я видел его потом несколько раз во дворе дворца на парадах следующим за отцом, который шел во главе Конной Гвардии»[1].

Особое место в собственноручных записках занимает образ отца — Павла Первого, по любви к которому Николай ностальгировал, видимо, и в зрелом возрасте. Так, Николай помнил то место в Павловском парке, где его, трехлетнего мальчика, поздравил отец со вступлением в командование Измайловским полком. Эти страницы проливают особый свет на семейную жизнь Павла. Отец у Николая в первую очередь «веселый» и «нежный», что идет в контрасте восприятия Павла современниками.

«Мы спускались регулярно к отцу, это происходило в его собственной опочивальне. Он тогда бывал в белом шлафроке и сидел в простенке между окнами. Старый слуга Китаев, в форме камер-гусара, завивал ему букли. Нас впускали в комнату с нашими англичанками, и отец с удовольствием любовался, когда мы играли на ковре, покрывавшем пол этой комнаты. Вообще, отец сам часто приходил нас проведывать и я очень хорошо помню, что он всегда с нами был чрезвычайно весел»[2], — вспоминал Николай.

«Отец нежно любил нас. Однажды, когда мы приехали к нему в Павловск, я увидел его идущим со знаменем у пояса, как тогда его носили. И он мне тотчас подарил знамя. В другой раз обер-шталмейстер, граф Растопчин неожиданно подарил мне от имени отца маленькую золоченую колясочку с парою шотландских вороных лошадок и жокеем»[3].

С отцом был связан первый интерес к воинскому делу, первое впечатление о большой жизни Империи. Павел делал все, чтобы приблизить Николая к гвардии. Однажды во время гатчинского парада он поставил четырехлетнего Николая к себе на ногу и так проводил парад. Вспоминал Николай и о том, как Павел заставил его перецеловать весь караул, видя, что сын «был испуган шумом пикета Конной гвардии, стоявшего в прихожей Императрицы Марии Федоровны в Зимнем дворце»[4]. В общем, сама судьба Николая всегда была со всполохами мученичества (вспомним его слова перед 14 декабря: «Я — или Государь, или без дыхания!»). И это еще раз заставляло Николая всматриваться в образ отца.

Если говорить о том, на кого мог ориентироваться Николай в литературно-стилевом отношении, то справедливо будет назвать имя Карамзина. Из русских писателей именно он был наиболее близок Императору. Интересно,

---

[1] *Император Николай Первый*. Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно // Николай Первый и его время. Документы. Мемуары. СПб., 2002. Т. 1 С. 75.

[2] Там же. С. 77.

[3] Там же. С. 72.

[4] Там же. С. 74.

Портрет Императора Николая I.
Художник Е. И. Ботман

что незадолго до восстания декабристов Николай присутствовал на вечере у Императрицы Марии Федоровны, где Карамзин читал выдержку из двенадцатого тома своего труда «История государства Российского» об осаде Троицкой Лавры поляками, словно «подготавливал» Николая к встрече с мятежниками.

Одним из символов возвращения к национальным истокам при Николае Первом после трагических событий 14 декабря 1825 года, как это ни парадоксально, стал культ образа Петра Первого. Когда Николай жил в любимом им Коттедже, в парке Александрия, в Петергофе, он посещал, несмотря ни на какую погоду, пешком, в девять утра, Большой Петергофский дворец и заходил непременно в Монплезир. Войдя в спальню Петра, он с благоговением и крестным знамением прикладывался к царскому колпаку, находящемуся на царской постели. Роднило их некое упрямое богатырство духа, прямодушие, естественность, ясность мысли и чувства. Они оба были «государственниками», их обоих сближало стремление видеть Россию Великой Державой.

Митрополит Московский Филарет как-то сказал Императору, что Петр Великий любил петь на клиросе. И вот, в память о Петре, Николай решил создать нечто вроде семейного церковного хора. Эта была общая радость, которая объединяла Семью Николая Павловича. Великая Княгиня Ольга Николаевна, дочь Николая Первого, в своих мемуарах «Сон юности» вспоминала: «По воскресеньям, перед обедней, все собирались, чтобы прорепетировать, если нужно было петь новые песнопения к Празднику. У Папа стало с тех пор привычкой узнавать прокимен для следующего воскресенья заранее. Его глаза во время пения встречались с нашими, когда пели прокимен. И Саша (будущий Император Александр Второй) потом, в память этого, делал то же, если присутствовал кто-либо из нас, певцов нашего доброго времени: ловил наш взгляд во время спевок, которые продолжались и после смерти Папа»[1].

[1] Сон юности. Записки дочери императора Николая, Великой Княгини Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской // Николай Первый и его время. Документы. Мемуары. СПб., 2002. Т. 1 С. 180.

Вообще, Николай ревностно, с открытым сердцем, относился к церковным службам; без «интеллигентских» придворных капризов, когда Великие Князья выходили во время службы «перекурить». В своей предсмертной беседе с протоиереем В. Б. Бажановым он сказал: «Я не богослов. Верую по-мужицки»[1]. Николай на службы никогда не опаздывал, отстаивал их до конца и требовал того же от окружения. После его смерти уже ни один русский Император не смог взять власть над придворным кругом в вопросах церковной дисциплины. Посещение церкви стало считаться делом «личным».

Наряду с петровской эпохой Николай живо интересовался и русской древностью. По собственному желанию Царь решил восстановить Теремной дворец бояр Романовых 1635–1636 годов и просил возглавить работы художника Ф. Г. Солнцева. Николай настолько был доволен реставрацией, что молча прошел по всем комнатам терема и сказал художнику: «Польза, честь и слава, ныне и присно и во веки веков, аминь. Пойдем, я представлю тебя Императрице. Отдохни от трудов, приезжай в Петербург»[2].

Солнцева Николай наградил крестом ордена святого Владимира, девизом которого была фраза «Польза, честь и слава». И Солнцев тогда понял, почему Император произнес соответствующие слова при рассматривании его работ в Теремном дворце. Вообще, Николаю удавалось высказываться лаконично, эффектно, его слова запоминались навсегда. Любил он говорить с неким символическим подтекстом, потайной смысл которого потом становился понятным.

Николай давно задумывался о том, что России нужен свой гимн. Эту важнейшую задачу за честь почитали бы исполнить ведущие композиторы России. Однако выбор Царя пал на молодого тогда Алексея Федоровича Львова, сына директора придворной капеллы. Львов служил долгое время в штабе корпуса жандармов, у графа Бенкендорфа, и был одновременно талантливым музыкантом. Львов говорил, что, вдохновленный желанием исполнить царскую волю, он написал мелодию гимна внезапно, в несколько минут, на слова Василия Жуковского. Стихотворение называлось «Молитва русских». Созданный по велению Николая Первого, гимн сопровождал жизнь Царского Дома до конца его существования. 25 декабря 1833 года, в день изгнания французов из России, гимн «Боже, Царя храни» был проигран во всех залах Зимнего дворца, где были собраны войска. Зимний дворец превратился тогда в хоровую ассамблею. Казалось, Царь хотел, чтобы каждый дворцовый уголок был пропитан мелодией Львова.

В 1854 году Николай понимал, что проиграна Крымская война. К этому времени он стал жить затворником в Гатчине, а не в любимом Петергофе, где один вид моря напоминал ему о поражении. «Сколько все это мне на старости прискорбно! — восклицал он, слушая военные сводки. Николай умер 18 февраля 1855 года от острой пневмонии. В ночь перед смертью он продиктовал депешу в Москву, в которой сообщал, что прощается с Перво-

---

[1] Цит. по: *Зимин И. В.* Повседневная жизнь императорского двора. Вторая четверть XIX начало XX века. Взрослый мир императорских резиденций. М.: Центполиграф, 2010. С. 446.

[2] *Солнцев Ф. Г.* Моя жизнь и художественно-археологические труды // РС. 1876. Т. 16. № 5. С. 273–276.

престольной. Приказал дать знать о близящейся своей смерти в Варшаву, Киев; отдельно кланялся «милому Петергофу».

Когда наступил паралич легких и дыхание стало стесненным, он спросил доктора Мандта: «“Долго ли еще продлится эта отвратительная музыка?” Затем прибавил: “если это начало конца, это очень тяжело. Я не думал, что так трудно умирать”»[1]. Николай нашел силы проститься со всеми, сказал будущему Наследнику престола: «служи России». Во время прощания с Императрицей, перед причастием, Николай Павлович попросил одеть его в мундир.

А. Ф. Тютчева заметила в своих записках, что это была кончина ратного человека, августейшего труженика страны: «Император лежал поперек комнаты на очень простой железной кровати. Голова покоилась на зеленой кожаной подушке, а вместо одеяла на нем лежала солдатская шинель. Все, что окружало его, дышало самой строгой простотой, начиная от обстановки и кончая дырявыми туфлями у подножия кровати»[2].

По городу разнеслись слухи, что Николай умер от яда, который дал по его просьбе доктор Мандт. Это было совершенно противно тем религиозным и государственным принципам, которые всю жизнь исповедовал Николай. И со смертью Николая вражда его политических оппонентов продолжалась с нескрываемой ненавистью.

Вместе с Николаем Павловичем уходил последний спокойный период русского царствования. Николай был последним Императором, который позволял себе прогуливаться по Петербургу, держа в почтительном отдалении от себя жандармов. Ему удалось узнать всю Россию и все о России, столичную и провинциальную жизнь ее; он протянул руку всем сословиям, равно устраивая в Зимнем дворце балы для дворян и «мужицкие балы», он прогуливался по театру, подхватив под руку Ф. И. Глинку, давая понять обществу о своих приоритетах в культуре.

«Обладая гениальным инстинктом охранения, — по мнению Константина Леонтьева, — Государь был до такой степени идеальный самодержец, каких история давно не производила»[3]. Именно в этом инстинкте охранения, интуитивно, и укреплял он великую архитектуру Российского государства, о золотом веке которого мечтаем сегодня мы.

---

[1] Цит. по: *Выскочков Л. В.* Человек в мундире // Л. В. Выскочков. Николай Первый. СПб., 2006. С. 595.

[2] *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров: Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины Николая Первого и Александра Второго. М., 1990, С. 92.

[3] *Леонтьев К. Н* Плоды национальных движений на православном Востоке // К. Н. Леонтьев. Цветущая сложность: избр. статьи. М., 1992. С. 242–244.

ПРОЗА

Виктор ЛИХОНОСОВ

ЯВЛЕНИЕ ЦАРЯ НАРОДУ

К 400-летию Дома Романовых

Виктор Иванович Лихоносов — родился в 1936 г. на ст. Топки Кемеровской обл. Окончил Краснодарский государственный педагогический институт. Работал учителем. Автор многих книг прозы. Лауреат премии СП СССР и Государственной премии РФ. Член высшего творческого совета при правлении СП России. Почетный гражданин города Краснодара. Гл. редактор журнала «Родная Кубань». **Живет в Краснодаре**.

В Екатеринодаре 17 ноября выпал снег; извозчики катали обывателей на санях, в Карасуне стала замерзать вода, но — откуда ни возьмись — подул через неделю теплый ветер, и город сразу почернел. 23 ноября, в воскресенье, публика гуляла по Красной в шляпах, наблюдая за украшениями. За три дня до этого генерал Бабыч получил шифрованную телеграмму: «Встречайте Екатеринодаре хозяина».

24 ноября, в день св. Екатерины, приезжал Царь.

Питейные заведения, магазины, лавки, булочные были закрыты с раннего утра.

Говорили потом: по всей линии следования царского поезда, от Тихорецкой до Екатеринодара, выставлены были поверстные часовые из конных казаков. Но ежели и не от самой Тихорецкой, то от станицы Динской, за восемнадцать верст до столицы казачества, было именно так; каждые двести метров по обеим сторонам полотна восседал на лихом скакуне казак с шашкой наголо. Как только паровоз, ведомый потомком запорожского войскового судьи Головатого, дворянином, променявшим наследственные льготы на службу машиниста, равнялся с всадником, тот гнал свою лошадь до следующего поста.

Надо вспомнить наивность тогдашнего простонародья. Все, кто мог, побежали к вокзалу.

Попсуйшапке было не до встречи. Три дня назад он со станции Динской отправил в Екатеринодар четыре ящика с папахами и теперь требовал с багажного кассира свой груз или, если он окончательно потерян, 2029 рублей 25 копеек.

По Екатерининской улице свисали с балконов дорогие ковры; нарядные жильцы глядели в сторону вокзала. Калерия Шкуропатская

прошла у гостиницы «Националы» и заторопилась мимо городовых и строевых казаков вниз к Царским воротам. Зачем ей надо было разделять любопытство толпы? Может, душа толкала ее отвлечься от горя? С тех пор как умер ее первый младенец, она сиднем сидела дома и плакала. С мужем Дементием она разговаривала мало, да и он, чтобы она забылась, не трогал ее. Накануне Бурсак читал вслух обращение полицмейстера помогать ему в охране Царя, зло ругался и предсказывал поражение России в войне. «Все вырождается, — сказал, — и цари, и знать». Калерия молчала, но как будто от того, что ей тяжело, соглашалась с ним. Уже погибла в Мазурских болотах армия Самсонова. Что ж, Царь родился несчастливым и нес тем несчастие России. И она пошла посмотреть, какой он.

На Котляревской она, как ни странно, поддалась гипнозу толпы. Ее теснили в спину. Когда она спешила, у нее на ботинке сломался каблук, и теперь Калерия держала его в руке. Старухи поминутно спрашивали: «Чи нема его?»

Шла война, и визиту Царя в маленький город придавалось особое значение, но народу было не больше, чем в годовщину войскового круга. И охрана была какая-то незаметная, словно состояла она всего из двух живых стен по сторонам мощеной улицы.

Старухи переговаривались:

— О, сказали, шо Царь будет ехать, а его нема.

— Як нема?

— А где ж он?

— Та ото ж проехал!

— Ого? Та то ж москаль полицейский.

— А Царь чи не москаль?

— Казак в черкеске.

Владелец бани Лихацкий, с алой лентой через плечо, лез показаться в первый ряд. Вдали у перекрестка взобрался на фаэтон Терешки Попсуйшапка и, пока Царь задерживался, жаловался на пропажу ящиков с папахами. Кто-то совал извозчику рубль, только бы пустил в чеботах на чистое сиденье. «Умойтесь, причешитесь и идите на Красную», — наставляли вчера гимназисток, и они пришли в одинаковых фартучках.

В теплый день можно было ждать сколько угодно. Пока на Черноморском вокзале на устланной сукном платформе подносили Царю хлеб-соль, потом в стеклянной галерее с тропическими растениями радовали его еще крепким духом депутации от станиц (из стариков-конвойцев, из гвардейцев прошлых войн), на Екатерининской прислушивались к первому удару пятисотпудового колокола на Александро-Невском соборе.

Вдруг с городской каланчи дежурный казак махнул флагом всем звонарям. Сперва увидели высившегося в фаэтоне толстого грека-полицмейстера. «Сзади меня едет Его Величество Государь Император! — кричал он на все стороны. — Сзади меня…» Калерии почему-то думалось утром, что Царь прибудет с наследником, дочерьми и супругой. Нет, он был лишь с дворцовой свитой.

Царь, как из сказки, выплыл на черной машине из арки триумфальных ворот.

Так было и двадцать шесть лет назад.

В счастливое время, когда был еще наследником-Цесаревичем, сопутствовал он по Кавказу своему августейшему отцу и провел три дня на земле ку-

банского казачества. Еще жив был брат Георгий. Еще мать их, Императрица Мария Федоровна, на которую он так похож, полагала, что до старости будет носить на голове корону Государыни и стоять на молитве рядом с мужем.

В 1888 году они пожаловали в Екатеринодар 21 сентября. Во всю ширину Екатерининской улицы застыла на взгорке новая арка с четырьмя золочеными орлами на башенках. Отец крестился на образ Александра Невского, украшавшего нишу. «Да осенит тебя, Великий Государь, Божиею благодатью твой ангел-хранитель». Нельзя было запомнить всех, кто их приветствовал, но бросались в глаза заслуженные старики, герои с Георгиевскими крестами, плакавшие с простодушием крестьянского сердца. О вольнице запорожцев напоминали войсковые регалии, строгие атаманы с насекой, хлеб-соль на деревянных резных блюдах. Купцы подставляли хлеб на серебре чеканной работы. Где эти блюда? — он и не ведал, так много было раболепных подарков за годы царствования без отца. Блюда с медальонами, с золотыми кистями по бокам, с изображением короны, в русском стиле XVI века, с вензелями, надписями: «С нами Бог». Да где сами те люди, старики-великаны, генералы, бабы-казачки в белых платках, дамы в нежнейших воздушных платьях? Сколько их умерло, состарилось, не пришло нынче? «Из уст в уста, — говорили, — счастье и радость передадутся потомству», — но много ли их, кто благодарно помнит 1888-й год? Теперь холод, война, тоска, нет мужества улыбаться. Верны ли ему слуги?

У дворца наказного атамана отцу, наследнику и брату Георгию подводили лошадей с богатыми седлами, подавали шашки, кинжалы, бурки и башлыки, обшитые золотой тесьмой. Девять лошадей отправились за ними в Петербург, на гнедой он ездил до самой коронации. На обеде казаки гнулись похвастать изобилием. Разварные осетры и севрюги, шашлыки, кавказское вино, малороссийские пироги на белых скатертях, слова к чарке: «Покорнейше просим осчастливить нас, принять от Кубанского войска чарку вина!» — и тосты, один другого благодарственней, и в ответ «милостивые расспросы» гвардейцев-стариков о прежней службе, разговоры в почетной сторонке о бывших подвигах — все, все было настроено на одно: на прославление нынешней жизни, такой красивой и благополучной, какой она, увы, никогда не была! Церемониальное величие, всегда сопровождавшее русских царей в явлениях народу, было той уздой, за которую власть подтягивала доставшийся ей порядок. Перед лицом пышности и расписанных правил парада сама жизнь как бы теряла право показывать свое сиротское нутро. Власть всем своим видом призывала идти с ней в ногу, радоваться и верить в указующий перст. Стыдливо прикрой свое рубище! Вон там плачет и крестится вдова убитого воина? Но то, верно, слезы умиления? Нету равенства? Но и в Царской семье не все равны. В 1888 году наследнику Николаю подороже и позлащенней, чем брату Георгию, вручались от казачества дары. Если наследнику сукно на черкеску, тесьму и перчатки, то Георгию тесьму для часов и перчатки; если первому вышитый тенями ковер и два полотенца, то второму сорочку и полотенце; если Николаю азиатское одеяло из верблюжьего сукна с вензелем посредине, то Георгию лишь полотенце.

Что еще было? Стеклянные шары на высоких проволоках, щиты, звезды в блеске разноцветных шкаликов, бюсты Их Величеств на балконе Общества взаимного кредита, шесты с иллюминацией на гигантских дубах во дворе полковника Бурсака, терем и государственный герб в городском саду.

Нынче все скромнее. Война. Отец посетил тогда в больнице тифозных, женскую и тюремную палаты. До того ли сейчас?

На сей раз не было в шествии льготных казаков-конвойцев Луки Костогрыза. В конце концов не мужик в чеботах, а он заплатил Терешке рубль (с головой Императора) и глядел вместе с Попсуйшапкой вдоль улицы. В кармане свернуто было прошение, и Лука придумывал улучить момент, чтобы выскочить к Царю, стать на одно колено и вытянуть руку с бумагой при всем честном народе. Царь может узнать его, приласкать, и Бабычу будет позор.

Так когда-то, в том же 1888 году, устроил переполох старый, недавно схороненный Толстопят. Отобедав в доме наказного атамана, Александр III со свитой ехал по Котляревской улице. За нынешним домом священника Четыркина по заваляшенькому забору были натыканы длинные восковые свечи, а посредине пыльной улицы стоял на коленях сивый Толстопят в поношенной черкеске, весь усеянный почетными наградами. Дородный кучер придержал лошадей. Царь, привлеченный редкой выходкой казака, сошел на землю.

— Что такое, казак?

— Ваше Величество! — кричал Толстопят, прижимая руки к груди. — Я Толстопят! Я Толстопят!

— Поднимись с полу, что такое?

— Я Толстопят, Ваше Величество! Колы Ваш батько пошел гулять в Атаманский сквер, я за ним доглядал. Ото как Вы наш гость, я хочу пожелать Вам здоровья и дожить до тех лет, как наш сотник Блоха.

— Везите его за мной, — сказал Царь.

Когда уже потчевали Царя в палатке в лесу Круглик, подозвал он Толстопята к себе и спросил:

— Так что же сотник Блоха — чем он прославился?

— Он ще из старой Сечи и жил долго-долго, Ваше Величество. Но только простите меня, не накажите? — и жил до тех пор, шо когда, бывало, лезет на мажару поспать, то п.....!

Один разве Костогрыз и помнил эту выходку нынче. Цари всегда любили грубые шутки.

Грусть на бледном усталом лице, мерцание отрешенных от мира житейского глаз, что-то сломленное, фатально-покорное в маленькой фигуре —вот каким запомнился Калерии последний русский Монарх. И через пятьдесят лет бывшие мариинки, гимназистки, девочки-казачки, когда их спрашивали о Царе, отмечали одно: глаза.

— Глаза! глаза!

— Глаза печальные, красивые.

— Да, глаза, а сам плюгавенький.

Одет он был в серую черкеску с погонами полковника, на голове высокая казачья папаха, на которую больше всего и глядел Попсуйшапка, думая, что, может, то папаха его работы. Невзрачный вид Царя и погоны полковника ввели в заблуждение старых казачек, да не только старых. Генерала Бабыча с белыми жирными эполетами они принимали за Императора. «Удостоилась! — шептала какая-то бабка. — Живого побачила». Калерия не перепутала Бабыча с Николаем II, но разочаровалась: не таким хотелось видеть Венценосца в годину ратного испытания.

Пока Калерия прибивала у сапожника каблук, свершалось в городе все намеченное церемониймейстерами. Окропляли святой водой в соборе цар-

скую голову, пели многолетие, благословляя нижайше: «Пода-аждь, Господи, победу благочестивейшему нашему Императору Николаю Александровичу!» Прикладывался Царь к кресту, целовал руку Владыки, а Владыка Царю. И еще не кончилось торжественное действо, а журналист «Кубанского края» Шевский вертел в голове строки статьи: «На долю горожан выпала радость видеть и приветствовать Его Величество, которая повторится ли снова — Бог весть». В Мариинском институте, когда девочки в шестнадцать рук сыграли на роялях гимн, потом спели «Засвистали козаченьки» и Царь при этом всплакнул, приласкал хроменькую казачку, бросил на память детям носовой платок, Шевский воссиял оттого, что все это хорошо ляжет в хронику. Но он не заметил, как тряслась от страха в лазарете Красного Креста Манечка Толстопят. Ей казалось, что ее раненые, лежавшие на кроватях семьи Бабыча, пожалуются на плохой уход санитарок, на пищу и белье. Она не запомнила даже лица царского, — все глядела во время расспросов на бедных солдат. Между тем все обошлось: раненым нацепили кресты и медали, в складе лазарета полно было табаку, дамы тут же при Царской Особе выкроили несколько рубашек.

— Никогда не сомневался в моих славных кубанцах, — сказал Царь. — Благодарю сердечно за готовность жертвовать во славу и защиту Отечества.

Он всегда так говорил, но было приятно услышать живой голос.

После Шереметьевского приюта, во время легкого отдыха у наказного атамана, начальник походной канцелярии подал Царю пакет: «От Ея Величества».

«Мой родной, — читал Царь, отрекшись от всех, — *драгоценный. Запоздалый комар летает вокруг моей головы в ту минуту, как я тебе пишу. У нас сегодня утром было четыре операции в большом лазарете, а затем мы перевязывали офицеров. Я осмотрела несколько палат. Мы прошли целый фельдшерский курс по анатомии и внутренним болезням, это будет полезно и для наших девочек. Я по обыкновению помогаю подавать инструменты, Ольга продевает нитки в иголки. Мне пришлось перевязывать несчастных с ужасными ранами… они едва ли останутся мужчинами в будущем, так все пронизано пулями — страшно смотреть; я все промыла, почистила, помазала йодом, подвязала. В. смотрела так равнодушно, совсем уже, как она сама говорила, очерствевшая, ей постоянно нужно что-нибудь новенькое. Она снова увлеклась своим молодым оперированным другом, — помнишь Петра Толстопята? Он был в твоем конвое офицером и послан в Персию, отличился в бою с турками, его перебросили с полком на Западный фронт, и он едва не был убит. Она ездила с целой партией наших раненых в город и очень веселилась в вагоне, ей страстно хочется играть роль и потом без конца рассказывать о себе и о том, какое впечатление она произвела. Раньше она ежедневно просила о большом количестве операций, а сейчас ей все это надоело, так как это отвлекает от ее молодого друга, хотя она навещает его ежедневно после обеда или вечером. Конечно, это нехорошо, что я на нее ворчу, но тебе известно, как она может раздражать. Увидишь, когда вернешься, она будет тебе говорить, как ужасно без тебя страдала, хотя она вполне наслаждается обществом своего друга Толстопята, которому кружит голову, но не настолько, чтобы позабыть о тебе. Будь мил и тверд, когда*

вернешься, не позволяй ей грубо заигрывать с тобой, ее постоянно следует охлаждать. Я по вечерам всегда целую, родной, и крещу твою подушку и жажду обнять своего милого. Но мы никогда не даем воли выражению своих чувств, когда мы вместе, да это и бывает редко. Будь здоров, да благословит, защитит и хранит тебя Бог от всякого зла, спи хорошо, — святые ангелы и молитвы твоей женушки охраняют твой сон…

Твое Солнышко».

Царь понюхал душистые листки, поцеловал и сложил в конверт. Еще надо было проехать в станицу Пашковскую.

У Луки Костогрыза от топтания на Красной болели ноги. Добираясь ни с чем назад в Пашковскую, он думал, как зальет ему бабка горячей водой перерез и он залезет в него отпариваться. Третьего дня ходил Лука на остров за Кубань рубить лозу. На зорьке лед еще сухо звенел под ногами и был толстый. Перешли спокойно и в какие-то три часа нарубили лозы большую кучу. Она стояла высокая, ровная. Поднялось солнышко, стало тепло. Лука рубил и рубил себе в охотку. К обеду подъехал на подводе внук. «Давай, деда, бросать, поверх льда вода выступила». Лука отмахнулся. «Уже вода нам за голенище будет, — стращал внук через час, — давай бросать. Зачем она нам?» — «Не хватит на подводу». — «Да как мы ее будем брать? Как нам отсюда выбираться? Вода с аула растет». Лука только напевал что-то черноморское и продолжал свое дело. Потом стал носить лозу к берегу. Воды натаяло много. Лука сел на кучу лозы, разулся, стащил с себя штаны и голый поперся в воду: «За мной!» В подошву кололо, вода была выше колен, но Лука перебирался туда-сюда, пока не перетаскал на другой берег все; затем забрал свои сапоги, штаны и топор, оделся, сложил лозу на подводу и, завязав веревками, закурил свою допотопную люльку. «Нужна была она вам, эта лоза?» — укорял внук. «Нужды в ней нет, но можно использовать в хозяйстве. На базаре она рубль подвода, нанять перенести — такого дурака не найдешь». В хате он налил стакан водки, распорол ногтем стручок перца, высыпал весь и духом выпил. Проснулся как живой, но вот теперь, после дня суетни на улице, ноги что-то ломило.

В тот час, когда он сошел на улице Петра Великого с трамвая, по Введенской площади под пение хора и музыку двигалась после церковной литии печальная процессия: впереди несли святыни, за ними крышку гроба, с оружием и двумя Георгиевскими крестами сверху, дальше шли священники с причтами, в светлых облачениях, за ними гроб, еще дальше стройные отряды полусотни казаков (с ружьями на караул) и растянувшаяся на версту толпа. Провожали в последний путь героя Кавказского фронта; в бою он зарубил шашкой четырнадцать турок и пал сам. Лука снял папаху.

На трамвае же прибыл спустя два часа с неожиданностью для атамана станицы Царь Николай II.

Костогрыз, уже раздетый, курил перед пустым перерезом с углями; вдруг вбежала жена Одарушка и закричала: «К Турукало, к Турукало повели!»

— Кого?

— Та Царя ж!

— О, бисова лягушка, перепугала меня. Я думал, корова наша отвязалась. Чего он? Мы его тут не ждали. Давай мне штаны!

— Лука… — мягко, как всегда, упрашивала Одарушка, еле переваливаясь на толстых ногах. — Оно тебе нужно? Опять с прошением сунешься… То без тебя там не знают, как им управляться…

— Козочка моя, я ж сроду такой. — И взвился: — Я им покажу! Я Бабыча в дугу согну! Отнес атаманскую булаву на кухню.

— На какую кухню? — не понимала жена. — Сиди, ради Бога. Зачем тебе ця булава? Чи ты Бабыча согнешь? У него погоны жирные.

— Он меня в строй льготных конвойцев не поставил, он меня за пояс запхнул, побоялся, шо я Царю на ухо шепну, как у нас жалобы по годам лежат без движения. Не нужен стал казак Лука. Нужен был, колы в крови от бомбы лежал на мосту? Нужен был, колы в плавнях сидел мокрый? А когда слово за обедом говорить перед Воронцовым-Дашковым — нужен был? Рубаю, как секирою, и всякое слово в дело, не боюсь ни тучи, ни грому. Господи, дай же мне маленько… та где ж мои штаны, козочка?

— И вода уже нагрелась, попарился бы, куда ты поскачешь?

— Может, последний раз дотолкнусь, погляжу на Царя, — я ж у его батька как нянька ходил. Ему было, наследнику, годиков семь, и так он мне, чертенок, надоел: бежит мимо и крикнет: «Здравствуй, братец!» Я на посту. Пока ему отвечу по всем правилам, он бежит уже назад и снова: «Здравствуй, братец!» Да иной раз по целому часу так мучил. Зато когда кто приходил к нему (уже постарше был), то, бывало, примешь у него шинель, а он за это жменю серебра мелочью мне, иной раз больше рубля. Или он забыл казака Костогрыза?

— У него вас много таких…

— Ач! Тихо. Где серебряная шашка от него за турецкую войну? И конвойский мундир?

Пришествие Царя в станицу застало врасплох все начальство. Пока атаман советовался с обществом стариков, кому подносить хлеб-соль, кто-то побежал за ключами от церкви к настоятелю — церковь была заперта. Старики в один голос постановили: хлеб-соль должен подносить Лука Костогрыз. Но атаман, затаив на него зло со дня выборов, заупрямился. Старики погнали своего скорохода в хату Костогрыза. Запихав прошение под бешмет, Лука впритруску выскочил со двора.

Ах, не та доля стала у репаного казака! Атаман напрочь отстранил Луку от подношения блюда с хлеб-солью. И, видно, заручился поддержкой у Бабыча. Ах, начальники чертовы, бисовы души. Где те простоватые черноморские казаки-лебеди, что пришли по воде, проплыли по земельце в лубяных сидельцах, пили дорогою горилку с маком и ели пироги с таком? Не снимут шапок с бритых голов и не моргнут усом. Все прошло, все заросло новыми порядками. Эти зачванились. Побороли Луку? Но не тот казак, что поборол, а тот, что вывернулся.

«А шо! Удастся нашему телятке волка задрать? Сто чертей вам в задницу!»

Хорошая речь уже навернулась на ум:

«Да позволено будет мне, семидесятилетнему молодому человеку, от лица детей Кубани чистосердечно пожелать Вам, Ваше… — Тут он перебрал свои самодельные стихи и остановился на том, который читал еще и тридцать и двадцать лет назад женам наказных атаманов, покидавших область Кубанскую. — Не знайте в жизни дней ненастья, цветите сердцем и душой, и пусть

судьба цветами счастья вам посыпает путь земной…» Слаб человек, обида мигом прошла, и Лука воображал перед собой благодарное лицо Государя и восторженную толпу, в кругу которой он был опять тем же героем, что в старые добрые времена молодости и почетной службы. Слова потекли.

— Государь! Посещением своим окраины необъятной России и сегодня нас, кубанцев, Вы воскресили нашу казацкую жизнь. Наши деды и отцы дружно поили своих лихих коней в водах от Сены до Евфрата и от Дуная до стен Константинополя. Да будет так и ныне! Как бы Царю-батюшке угодить, верой и правдой послужить? — Лука передохнул, оглянулся, никто его не слышит. — Кубанцы! Возблагодарим от искреннего нашего казацкого сердца Государя Императора! Пью бокал, Ваше Величество, за Ваше здоровье — и гаркну: «Ура-а!»

«Шось я болтаю? — осекся Костогрыз. — Какой бокал? Мы ж не на завтраке. Тьфу! Разтакую мать! Сивая моя головушка! Привык, привык почитать власть. А она меня?»

У хаты Турукало висли на деревьях малолетки. Толпа давилась; лезли к забору и вскоре повалили его. Хатка у Турукало была длинная и маленькая, еще меньше, как в клетушке, была дверь, так что даже неслому Царю пришлось, видно, сгибаться. Они жили бедно, казак был на турецком фронте, дома старая мать да дочка с мальчиком. Дочка, завидев, как во двор наступают чины с погонами, с переполоху побежала и закрылась в уборной. Мать месила тесто и стояла перед большими господами виноватая. Царь (потом рассказывали) погладил по головке маленького мальчика и спросил: «Вырастешь, пойдешь, казак, ко мне в конвой? Ваша гордость. Можете рассчитывать всегда на мою поддержку. Надейтесь на меня как на каменную гору». Мать без конца приглашала садиться и извинялась, что ей нечем угостить — тесто еще не подошло, а то б пирожков подала.

«У меня ж и мед есть, — думал Костогрыз о том, как бы он принял, — и рыбка сушеная, и вареники бабка б такие сделала! Чего их повели в первопопавшуюся хату? У них семь дочек, без земли жили, никогда хлеба не хватало. Нема головы у атамана. Не знают на кого темляк и шашку надеть».

— Будет общество забор ставить! — крикнул сапожник, дурачок Приступа с мокрыми руками, которыми он сгребал с подбородка слюни. — Атаман поставит.

— Гляди… — сказал Костогрыз. — Наш атаман поставит. Наш атаман в своем дворе убил из револьвера чужого гусака, сжарил и сам съел.

— Девушки, голубушки! — завопил Приступа. — Люблю вас, люблю вас. Как летела моя курка мимо вас, мимо вас.

— Иди, Приступа, иди. — Костогрыз оттолкнул его. — Иди сапоги сшей Царю-батюшке. Успеешь. Пока он вареников у Турукало попробует, ты и сошьешь.

— Нехай сперва Царь-батюшка подивится на меня. Я ему словечко скажу. И возьму его руку и погадаю, от чего ему смерть будет.

— Та пропустите его, — сказал толстый урядник, — ему уже сорок годов.

— Ну и шо, як сорок, — ответил Приступа невозмутимо, — а все равно ще малый.

— Малый! Пудовую гирю поднимаешь.

— Пуд не пуд, а сорок фунтов будет.

— Просись в действующую армию. И чин офицера. Вернешься с Георгием.

— Цыц! — успокоил Костогрыз. — Не иначе выходят…

Но пробиться к Царю не было никакой возможности.

«Куда он, атаман, опять их повел? — Костогрыз привстал аж на цыпочки. — Нашему атаману конец, нехай другой штаны полатает. Чайник привяжем. К Морозу повел. Там поминки готовят, с кладбища вот-вот будут».

Костогрыз вдруг прослезился. Наверно, просрочил он свой век на земле. Полой водой сошли с нивы жизни все те, кто был ему примером, и никого вокруг похожих на них больше нет. И сам он со своим старым рыцарством никому не нужен. Зачем ему было лезть в толпу несмышленых, раболепных, чопорных? Запрячь лучше линейку да поехать к дряхлым товарищам в Васюринскую — оно слаще будет.

«Скажу сейчас бабке, шо поплыву в Иерусалим ко Гробу Господню. Да куда! — уныло вспомнил он. — Война. На Новый Афон разве?.. Война. Жизнь прожил и мира не видал…»

В поезде Царь писал жене ответ:

«Моя возлюбленная душа Солнышко,

мне кажется, мы так давно разлучились! Сегодня у меня первый свободный день.

Мы едем по живописному краю, для меня новому, с красивыми высокими горами по одну сторону и степями — по другую. Со вчерашнего дня сильно потеплело, и нынче чудесная погода. Я долго сидел у открытой двери вагона и с восхищением вдыхал теплую свежесть воздуха. На каждой станции платформы битком набиты народом, особенно детьми; их целые тысячи, и они так милы в своих крохотных папахах на голове. Конечно, приемы в каждом городе были трогательно-теплые. Но вчера в Екатеринодаре, столице Кубанской области, я испытал другие и еще лучшие впечатления, — было так уютно, как на борту, благодаря массе старых друзей и знакомым лицам казаков, которых я с детства помню по Конвою. Разумеется, я катался на моем автомобиле с атаманом, генералом Бабычем, и осмотрел несколько превосходных лазаретов с ранеными Кавказской армии. У некоторых бедняг отморожены ноги. После лазарета я на минутку заглянул в Кубанский женский институт и в большой сиротский приют, все девочки казаков, настоящая военная дисциплина. Вид у них здоровый и непринужденней, попадаются хорошенькие лица.

Скажи Ольге, что я много думал о ней вчера в Кубанской области. Великолепен и богат этот край казаков. Пропасть фруктовых садов. Они начинают богатеть; а главное, непостижимо, чудовищное множество крохотных детей-младенцев. Все будущие подданные. Все это преисполняет меня радости и веры в Божие милосердие; я должен с доверием и спокойствием ожидать того, что припасено для России. Еще раз повторяю: все наши впечатления восхитительны. То, что вся страна делает и будет делать до конца войны, весьма замечательно и огромно.

Но, любовь моя, я должен кончить, — целую тебя и дорогих детей горячо и нежно. Я так тоскую по тебе, так нуждаюсь в тебе! Благослови и сохрани тебя Бог!

Всегда твой муженек Никки.

Поздравляю тебя с наступающим Георгиевским праздником!»

Анатолий ПАРПАРА

С ГОЛОВОЙ ЛЬВА. Герой Алексей ЕРМОЛОВ

200 лет Бородинской битвы

Анатолий Анатольевич Парпара — родился в 1940 году. Советский и российский поэт, драматург, общественный деятель, профессор Московского государственного университета культуры и искусств (МГУКИ), председатель фонда имени М. Ю. Лермонтова, создатель (1996) и редактор «Исторической газеты». Заслуженный работник культуры РСФСР, награжден орденом Дружбы народов, лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького. **Живет в Москве.**

Будучи одарен необыкновенною физическою силой и крепким здоровьем, при замечательном росте, Ермолов имеет голову, которая, будучи украшена седыми, в беспорядке лежащими волосами и вооружена небольшими, но проницательными и быстрыми глазами, невольно напоминает голову льва.

Денис Давыдов

11 апреля (23 апреля по н. с.) 1861 года в Москве скончался в возрасте неполных восьмидесяти четырех лет блистательный русский генерал и государственный деятель Алексей Петрович Ермолов. Как и завещал полководец, его похоронили в г. Орле рядом с могилой отца, Петра Алексеевича Ермолова, орловского дворянина. Во многих городах Империи, начиная с Петербурга, почтили память героя «…и он как будто воскрес в памяти России в минуту смерти».

Мистическим образом его активная жизнь на благо отечества была связана с жизнью Императора Александра I. Родились они в одном 1777 году.

В 1801 году 12 марта, когда Александр заступил на российский престол, он объявил манифест, в котором обещал, что «будет править Богом врученный ему народ по законам и по сердцу премудрой бабки своей, Екатерины Великой, да вознесет Россию на верх славы и да утвердит ненарушимое блаженство всех верных подданных». Следуя этому обещанию, он выпустил на свободу, наряду с другими арестованными вольнодумцами, молодого подполковника Ермолова.

За три года до этого двадцатиоднолетний офицер был взят под стражу и допрошен как активный член политического кружка, созданного его братом по материнской линии смоленским дворянином А. М. Ка-

ховским, а затем сослан на вечное пребывание в Костромскую губернию в ссылку.

Денис Давыдов, знаменитый партизан Отечественной войны 1812 года и замечательный поэт, писал в своих записках о двоюродном брате (мать Ермолова Марья Денисовна была родной теткой ему. — *А. П.*): «Между тем эта нелепая ссылка помешала Ермолову участвовать в итальянской кампании и взять несколько уроков у такого учителя, каков был Суворов! Так судьба играет людьми. Одного недостойного она ведет и поддерживает, другому бросает камень на каждом шагу…» (Цитирую дневники Д. Давыдова и А. Ермолова по книге «Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии, собранные М. Погодиным», М., 1864, с. 15. В дальнейшем — *П.*).

Но зато урок, преподанный Императором Павлом, запомнился молодому офицеру на всю долгую жизнь: он резко охладел к политике. Благодарный судьбе и молодому Императору, которого полюбил, он решил воспользоваться свободою: «Радость заставила во мне молчать все другие чувства, одна была мысль — посвятить жизнь на службу государю, и усердию моему едва ли могло быть равное». (Записки А. П. Ермолова 1798–1826. М. : Высшая школа, 1991, с. 31.). Это юношеское желание его в течение четверти века неукоснительно исполнялось — он служил Императору и России. Все подвиги свои, военные и душевные, он посвятил Императору как олицетворению силы и достоинства родной страны. С уходом Александра I из жизни практически прекращается осмысленное служение родине — его лишают возможности вести государственную деятельность, хотя членом Государственного совета он был несколько лет, но уже в 1839 году подает прошение об отставке, сославшись на нездоровье. Но об этом позже, а пока вернемся в 1801 год.

Контратака А. П. Ермолова на батарею Раевского. Художник А. Сафонов

Два месяца терпеливого ожидания в военной коллегии завершились докладом о нем Государю и принятием на военную службу с незаслуженными потерями в производстве нового чина и даже старшинства в чине. Он получает роту конной артиллерии и выезжает в Вильну (современный Вильнюс. — *А. П.*). Обида на несправедливость стихла. Он записывает у себя в дневнике: «Весело идет жизнь моя, служба льстит честолюбию и составляет главнейшее мое управление; все страсти покорены ей! Мне 24 года; исполнен усердия и доброй воли, здоровье всему противостоящее! Недостает войны».

Молодой офицер был честолюбив и желал в новых боях отличиться, ведь он уже сумел показать себя талантливым командиром в войне против Польши под предводительством А. В. Суворова в 1794 году, за что и отмечен был лично великим полководцем орденом Георгия IV степени. В следующем году он участвовал уже с австрийскими войсками в боевых действиях против французской армии, находившейся в Италии. А в 1796 году — в походе русских войск под командованием генерала В. А. Зубова против войск иранского шаха Аги-Мохаммеда, который разграбил Грузию в 1795 году. С приходом к власти Павла I русские войска ушли из Закавказья.

Так что у молодого офицера был блестящий послужной список. Но что-то уже застопорило великолепно начавшуюся его карьеру. И этим «что-то» была независимость характера Алексея Петровича. Возможно, не без основания, высокое начальство раздражали, особенно Великого Князя Константина Павловича и графа Аракчеева, «неблагоразумие и дерзость», говоря словами самого Ермолова. Но таков уж был его характер.

Видя небрежение к своему усердию, Алексей Петрович даже подал рапорт об увольнении и просил отставить его майором, хотя положено при увольнении выходить чином выше. Как впоследствии он сам заметил: «Я думаю, что подобной просьбы не бывало, и кажется, надлежало справиться о состоянии моего здоровья» (П., с. 18). Но, к счастью для русской истории, этого не произошло.

В 1804 году пожизненный консул Наполеон Бонапарт провозглашает себя императором Франции Наполеоном I. И продолжает серию блистательных побед над коалициями европейских государств, в которые входили (и выходили в разное время) Великобритания, Австрия, Россия, Швеция, Пруссия и другие страны. В Трафальгарском сражении талантливый английский флотоводец Нельсон разбивает надежды императора на высадку в Англии французских войск.

Наполеон активизирует свои действия против сил превосходящей его армию 3-ей антифранцузской коалиции. Фактически против него вели войну только австрийские и русские войска. Русскую армию возглавил генерал Михаил Кутузов, который еще на пути следования в Австрию заметил командира артиллерийской роты подполковника Ермолова и, удивившись тому, что офицер, имея два знака отличия, врученные еще при матушке Екатерине, так долго не получает очередной чин, похвалил его «за хороший присмотр роты» и обещал отметить усердие к службе.

В сражении под Ульмом французская армия окружила австрийскую. Ермолов так описывает эту трагическую ситуацию: «Генерал Макк, худо извещенный о движениях неприятеля, не довольно был осторожен, войска его были разбросаны, и собраться не успели. Внезапная атака такое произвела замешательство, что армия довольно многочисленная, в хорошем

весьма состоянии, вся по частям и почти без сопротивления разбита была совершенно, и большею частию досталась в плен, взята вся артиллерия и все обозы. Спаслись от поражения небольшие части войск под начальством эрцгерцога Фердинанда, генералов Кинмейера и Мерфельда. Не избежал плена и сам генерал Макк…» (П., с. 19).

В связи с поражением австрийских войск положение русских резко обострилось и Кутузову пришлось отойти, чтобы спасти своих солдат от разгрома. Это умелое отступление с арьергардными ожесточенными боями сделало честь русской армии в глазах противника.

В одном из таких сражений при Амштеттене 22 октября, где отряд Багратиона, прикрывавшего отход наших войск, понес большой урон, генерал Милорадович приказал, спасая положение, подполковнику Игельстрому атаковать противника. Смелый удар отбросил французов далеко назад до батарей, но храбрый подполковник погибает. И тогда его товарищ подполковник Ермолов со своей ротой отчаянно бросается на помощь погибающей коннице, останавливает наступление французов, собирает вокруг себя эскадроны Игельстрома и снова бросается в атаку. Французы были повержены.

В этом сражении ярко проявились не только личная храбрость молодого офицера, но и умение оценить обстановку, упредить действия противника. Так Ермолов, заняв возвышенность, не позволил французам установить батарею для обстрела русской позиции. Профессиональные действия командира конной роты были замечены генералом Милорадовичем и высоко оценены.

Выполняя свой союзнический долг, русские войска успешно защищали город Кремс от армии маршала Мортье. Ермолов, будучи при генерале Милорадовиче, свидетельствовал о том, что это сражение «было одно из жесточайших, и войска наши оказали возможной степени мужество» (П., с. 23).

В итоге французы были сбиты со всех высот вокруг города и вынуждены были отступить. Но успех этот не имел никакого стратегического значения, ибо вскоре получено было известие о том, что столица Австрии Вена была сдана без боя. Русские войска, храбро отбиваясь от наступающих французов, но опасаясь окружения, вынуждены были, отступая, идти на соединение с резервной армией графа Буксгевдена. Ермолов так оценивает результаты действий нашей армии: «Таким образом, в происшедших с неприятелем делах, во все время отступления от Бранау и до Брюнна, генерал Кутузов, против многочисленных сил приобретши успехи при Ламбахе и Амштеттене, и совершенную победу при Кремсе, довел свои войска, если несколько и утомленные быстротою движения, но с наилучшим духом и ничего не потерявши, кроме одной пушки при Ламбахе. Сия ретирада по справедливости поставляется в числе знаменитых военных событий нынешнего времени».

Но все-таки, имея общий решительный перевес над французской армией в численности войск, австрийский Франц I и русский Александр I решили дать бой французскому императору Наполеону I. Это сражение, против которого категорически был главнокомандующий генерал Кутузов, состоялось 20 ноября (2 декабря) 1805 года и вошло в военную историю Европы как Аустерлицкое.

К сожалению, оно было плохо подготовлено и части огромных войск не были согласованы в своих действиях. Вот как описывает начало сражения Лев Толстой в своем романе «Война и мир»: «Но, пройдя около часу все в густом тумане, большая часть войска должна была остановиться, и по рядам

пронеслось неприятное сознание совершающегося беспорядка и бестолковщины. Каким образом передается это сознание, весьма трудно определить; но несомненно то, что оно передается необыкновенно верно и быстро разливается, незаметно и неудержимо, как вода по лощине. Если бы русское войско было одно, без союзников, то, может быть, еще прошло много времени, пока это сознание беспорядка сделалось бы общей уверенностью; но теперь, с особенным удовольствием и естественностью, соотнося причину беспорядка к бестолковым немцам, все убедились в том, что происходит вредная путаница, которую наделали колбасники».

В довершение к несогласованности действий союзное командование не позаботилось о тщательной разведке месторасположения противника, потому наступающие колонны союзных войск уткнулись в хорошо подготовленные позиции французов. А дружные залпы наполеоновских батарей внесли великую сумятицу в беспечно идущие на определенные диспозией генерального сражения места войска.

Зато французский император сумел компенсировать разницу в численности войск умением организовать свои действия. О чем красноречиво говорит и дневник Ермолова: «Совершенная готовность неприятеля доказывает, что он предуведомлен был о нашем предприятии, ибо не почитал за нужное открывать следования нашего, и даже до самой занимаемой позиции не было ни одного пикета» (П., с. 27). Размышляя над «странными» обстоятельствами этой битвы, Ермолов замечает: «О сражении Аустерлицком (можно, кажется, сказать) что каждой части войск предоставлено было действовать отдельно, с условием притом, ни себе ожидать, ни другим не давать вспомоществования, и для лучшего успеха полезно было бы даже забыть, что на том же самом поле и в то же самое время были еще другие русские войска. Так разделенных нас и лишенных взаимного вспоможения предоставила судьба пред лицом неприятеля, и он, трепещущий имени русского, осмелился быть победителем!» (П., с. 32).

Аустерлицкое сражение хорошо запомнилось русским офицерам, и стойкость их на Бородинском поле объясняет нам, потомкам доблестных воинов, что они умели учиться мужеству на примере горьких уроков.

Австрия уже не смогла оправиться от нанесенного ей поражения и подписала с Наполеоном унизительный для себя мир. И прекратила военные действия.

8(20) июня 1806 года в Париже был заключен мир, который российский Император отказался ратифицировать. Александр был полон решимости остановить военную экспансию Наполеона, который, продолжая создавать вокруг Англии континентальную блокаду, занял своими войсками Голландию и подчинил своему влиянию немецкие мелкие государства: Баварию, Вюртемберг, Баден и другие княжества юго-западной Германии.

Пруссия, кожей ощущая готовившееся на нее нападение, попросила помощи у Англии и Швеции. В сентябре 1806 образовалась уже четвертая коалиция антифранцузских сил. В нее вошла и Россия, Император которой обещал прислать в помощь Пруссии два корпуса общей численностью в 90 тысяч человек под командованием двух опытных генералов Беннигсена и Буксгевдена, немцев по происхождению. Но Пруссия объявила Франции войну, даже не подготовившись к ней, не дождавшись прихода русских корпусов, т. е. совершила ту же ошибку, что и Австрия, в результате чего потерпела такое же жестокое поражение.

Наполеон, понимая, что русская армия горит желанием отомстить за унижение под Аустерлицем, постарался упредить соединение с ней стотысячного прусского войска и беспощадно разгромил его при Йене и Ауэрштедте. В итоге почти вся Пруссия оказалась под властью Наполеона, а Фридрих-Вильгельм вынужден был бежать к русским границам в Кенигсберг. Сто тысяч пленных, четыре тысячи орудий, сотни знамен достались знаменитому победителю.

А что же русская армия? Что делала она в чуждых нашим воинам просторах?

Николай Устрялов писал в своей «Русской истории до 1855 года» (Петрозаводск, с. 720): «Здесь, на равнинах древней Мазовии и восточной Пруссии, храброе воинство русское, невзирая на все невыгодные обстоятельства, на превосходство сил неприятельских, на ошибки своих вождей, на недостаток продовольствия, целые полгода оспаривало победу у полководца искусного, привыкшего одним ударом сокрушать царства. Правда, он, наконец, восторжествовал, но далеко не достиг той цели, которую имел в виду, нападая на Россию, и должен был сознаться, что есть еще народ, способный спасти свою независимость от его алчного властолюбия».

Действительно, русским войскам пришлось в течение семи месяцев вести ожесточенную и неравную борьбу с неприятелем. Сражения при Пултуске и Голымине показали французам, что русские не собираются, подобно пруссакам, сдаваться.

Битва при Прейсиш-Эйлау была одной «из кровопролитнейших в последние времена» (П., с. 45). В ней русские показали себя способными одержать победу над удачливым противником. Показал себя настоящем героем, распорядительным командиром и полковник Ермолов, начальствуя тремя артиллерийскими ротами. Денис Давыдов позднее писал о действиях Ермолова следующее: «Недавно еще имел я честь слышать от гр. Д. Н. Б., что многие из современных свидетелей придавали большое значение действию артиллерии под начальством Ермолова в Прейсиш-Эйлауском сражении» (П., с. 50).

Через четыре месяца произошла битва у Фридланда. Генерал Беннигсен был тяжело болен и командование взял на себя князь Г…, как пишет Денис Давыдов. Он же рассказывает о 40 легких орудиях, которые под начальством Ермолова противостояли сильному противнику. В этом сражении французы оказались сильнее, и русские отступили к Тильзиту.

Расстроенный бездействием Англии и Австрии в делах, более выгодных для них, чем для России, Александр I решился заключить мир с Наполеоном. Французский император с удовольствием подписал его.

По Тильзитскому миру Россия должна была вывести свои войска из Молдавии и Валахии, помириться с Турцией и присоединиться к континентальной блокаде Великобритании. Наполеон становился неограниченным повелителем Европы. У него был только один соперник — Россия. И властолюбец решил взять тайм-аут перед решительным сражением с ней.

12 (24) июня 1812 года, после почти двухлетней подготовки, 600-тысячная армия, собранная французским императором из всех стран Европы, за исключением Англии, Швеции и Турции, перешла через Неман между Ковно (Каунас) и Гродно. За сутки до этого Наполеон отдает приказ по своей армии, в котором откровенно заявляет: «Солдаты! Вторая польская война началась. Первая кончилась под Фридландом и Тильзитом. В Тильзите Россия поклялась на вечный мир с Францией и войну с Англией. Ныне

нарушает она клятвы свои, и не хочет дать никакого объяснения о странном поведении своем, пока орлы французские (т. е. знамена. — *А. П.*) не возвратятся за Рейн, предав во власть ея союзников наших.

Россия увлекается роком! Судьба ея должна исполниться. Не считает ли она нас изменившимися? Разве мы уже не воины Аустерлицкие? Россия ставит нас между бесчестием и войною. Выбор не будет сомнителен. Пойдем же вперед! Перейдем Неман, внесем войну в русские пределы. Вторая польская война, подобно первой, прославит оружие французское; но мир, который мы заключим, будет прочен и положит конец пятидесятилетнему кичливому влиянию России на дела Европы».

О событиях, предшествовавших началу самой кровавой войны XIX века, мы рассказывали в своей статье о М. И. Голенищеве-Кутузове. Здесь же мы расскажем вкратце об основных причинах столкновения интересов двух государств и амбиций двух императоров, столкнувших народы Европы между собой.

Первым нарушил Тильзитский мир Наполеон, обещавший не расширять пределов герцогства Варшавского, но присоединивший в 1809 году к нему воеводства Подляхское, Люблинское и Сандомирское, отнятые у Австрии.

В следующем году он захватил совершенно незаконно герцогство Ольденбургское. Император Франции знал, что оно создано из графств Ольденбург и Дельменгорст, которые были отданы датским королем взамен родовых владений Императорского Российского Дома в Голштинском герцогстве, отошедших к Дании. Владетельное герцогство Ольденбургское находилось под покровительством России, ибо русский Царь являлся главою младшей линии Готторпского Дома как представитель старшего колена, и после пресечения царствующего в нем рода поступало во владение России. Кстати, независимость герцогства гарантировалась Тильзитским договором. Наполеон должен был быть осторожен в своих действиях, чтобы не обидеть союзника еще и потому, что сестра Русского Императора Екатерина Павловна вышла замуж за принца Георга Ольденбурского.

Потрясенный захватом, Александр через посла в Париже Куракина выразил неудовольствие действиями своего «брата» и известил об этом всех государей Европы.

А вскоре и Наполеон получил возможность выразить свое возмущение. Континентальная блокада, которую ввел император Франции с целью погубить Англию, была невыгодна для России, хотя Тильзитский договор заставил ее соблюдать жесткие условия режима. В результате в нашем отечестве резко упал курс рубля, стала терпеть убытки промышленность, пришла в упадок торговля, и тогда Александр в 1810 году разрешил привозить в страну колониальные товары под американским флагом. Наполеон был в бешенстве, и только неблагополучная война в Испании заставила его сдержаться от объявления ультиматума России.

Теперь становится ясным, что имел в виду Наполеон, говоря о «странном поведении» России и «нарушении клятв».

Александр I не встретил вражеские войска на границе. Он понимал, что битва с Наполеоном будет жестокой и трагической, но не боялся своего грозного соперника и был готов ко всему. Он знал, какой страной управляет, какие воины находятся под его началом. Его приказ по русской армии от 15 июня был полной противоположностью обманной риторике Наполеона и передавал уверенность Царя в победе: «Французский император напа-

дением на войска наши при Ковно открыл первый войну… Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете Веру, Отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог!»

Отечественная война застала тридцатипятилетнего генерал-майора А. П. Ермолова в должности командира гвардейской пехотной дивизии. Свой долгожданный генеральский чин он получил еще в начале 1808 года, когда Аракчеев, став военным министром, по достоинству оценил артиллерийского полковника.

В письме Ермолову от 12 декабря 1807 года он писал: «При оставлении, по болезни моей, командования Артиллерийским Департаментом, я почел приятным себе долгом отличить роту, вами командуемую, пред Государем Императором, запрося на имя ваше у сего препровождаемый рескрипт, не имея ничего у себя более в виду, как доказать вам, милостливому Государю, то уважение, которое я всегда имел к службе вашей…».

И действительно, рескрипт Императора гласил: «Отличное действие в прошедшую кампанию командуемой вами конноартиллерийской роты подает мне приятный повод изъявить оной особое мое благоволение, а вместе с сим инспектор артиллерии, Граф Аракчеев, препроводит к вам тысячу рублей для награждения в роте по вашему назначению тех фейерверкеров и рядовых, кои по отличному своему знанию артиллерийской науки заслуживают уважение, что самое примите в знак и к вам особого моего благоволения. В С-Петербурге. Ноября 30-го дня 1807 г.».

На подлинном подписано

«Александр».

Пораженный произошедшим, Ермолов записал: «Это был первый пример подобной награды».

Эти письма красноречиво опровергают мнения некоторых современных авторов, пишущих о Ермолове, которого будто бы преследовали Аракчеев и Цесаревич Константин Павлович. Да, было к нему настороженное отношение, но когда они увидели Ермолова в деле, то резко изменили свое отношение к нему.

Став генерал-майором, Ермолов рвется на юг участвовать в войне с турками. Он понимал, что ему «нужна была опытность и случай оказать некоторые способности, ибо, служа во фронте артиллерийским офицером, я мог быть известен одною смелостию, а одна таковая в чине генерал-майора меня уже не удовлетворяла». Ему нужна была война. Он мчится в Петербург. Его представляют Императору, который уже благоволит своему ровеснику. Александр отметил его еще с Аустерлицкого сражения, когда генерал Ф. П. Уваров отозвался о командире артиллерийской роты с великою похвалою. Об успехах русского офицера после похода 1806 года говорил и прусский король. На что Государь ответил: «Я уже знаю его».

Ермолов больше всего на свете боялся остаться в резерве. Но Император переводит его из армии в гвардию с повышением.

«Настал 1812 год, памятный каждому русскому, тяжкий потерями, знаменитый блистательною славою в роды родов», — так писал в своих записках Ермолов. Как замечательно перекликается эта мысль великого воина с мыслью великого поэта: «Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество!» (А. С. Пушкин.

Повести Белкина). О родственном отношении Пушкина и Лермонтова к Ермолову и его приязни к ним мы расскажем позднее.

Итак, война пришла, но с запада. Ермолов назначается лично Императором, противу своего желания быть командиром дивизии, начальником штаба 1-й Западной армии. Александр I был умным и наблюдательным человеком и знал о противостоянии командующих 1-й и 2-й Западными армиями, Барклаем-де-Толли и князем Багратионом. Оба смелые офицеры, талантливые полководцы с разной степенью темперамента разно видели задачу настоящего времени.

Барклай-де-Толли в то время был еще и военным министром и выполнял разработанный Царем план отступления в глубь территории, изматывая противника мелкими боями и пытаясь соединиться со второй армией, удаленной по изначальной диспозиции на двести километров. А храбрый до отчаянности князь Багратион, любивший до безрассудства Россию, бивший в предыдущих войнах войска Наполеона, требовал сражения. Он писал своему другу Ермолову: «Ретироваться трудно и пагубно. Лишается человек духу, субординации и все в расстройку. Армия была прекрасная: все устало, истощилось. Не шутка 10 дней, все по пескам, в жары на марше, лошади артиллерийския и полковыя стали и кругом неприятель. И везде бью. Ежели вперед не пойдете, я не понимаю ваших мудрых маневров. Мой маневр — искать и бить! Вот одна тактическая дислокация, какие бы следствия принесла нам. А если бы стояли вкупе, того бы не было! С начала не должно было вам бежать из Вильны тотчас, а мне бы приказать спешить к вам, тогда бы иначе! А то побежали и бежите, и все ко мне обратилось! Теперь я спас все, и пойду только с тем, чтоб и вы шли. Иначе пришлите командовать другого, а я не понимаю ничего, ибо я не учен и глуп.

Жаль мне смотреть на войско и на всех на наших. В России мы хуже Австрийцев и Прусаков стали».

И Ермолову удавалось убеждать Барклая-де-Толли в необходимости маневров, сохранивших армию от поражения (многие современники тех событий говорили, что Ермолову обязана была 1-я армия спасением под Витебском. — *А. П.*), а Багратиона утешать и направлять на соединение с 1-й армией.

Под Смоленском они соединились, благодаря ошибке маршала Даву: он отступил после битвы с корпусом генерала Раевского, думая, что это авангард всего русского войска, и стал приготовляться к обороне. Воспользовавшись окном, князь Багратион прошел к Барклаю-де-Толли. «Если бы кто из наших генералов впал в подобную погрешность, его бы строго осудило бы общее мнение. Маршал Даву, более 10 лет под руководством великого полководца служащий, сотрудник его в знаменитых сражениях, украшавший неоднократно лаврами корону своего владыки, лавры себе снискавший и имя побед в прозвание, сделал то, чего избежали бы, конечно, многие из нас», — писал позднее Алексей Петрович в своих записках, анализируя ход событий.

Радостное событие — соединение двух армий омрачилось враждой двух командующих, из которых Барклай-де-Толли был старше по должности (звания у них были одинаковыми — генерал от инфантерии), а другой, князь Багратион, был старше в чине, т. е. раньше получил звание и потому мог не подчиняться приказам — таков рецидив местничества.

И здесь сказалась мудрость Императора, настоявшего на том, чтобы начальником штаба был именно Ермолов, который по просьбе Александра дер-

жал его в курсе всех военных событий. Ермолов, передавая приказания министра князю, а донесения Багратиона Барклаю-де-Толли, смягчал их выражения по возможности и оттого отношения между ними стали дружелюбнее.

Ермолов, по свидетельству Дениса Давыдова: «…писал ряд писем князю Багратиону, убеждая его именем Бога и отечества не подавать новых поводов к несогласиям, не отказываться от командования армией и исполнять приказы Барклая, ожидая терпеливо назначения нового главнокомандующего, какого требовали современные обстоятельства» (П., с. 93). А Барклай, получая донесения Багратиона из уст Ермолова, говорил ему: «с вашим князем еще можно служить вместе».

25 июля в Смоленске на военном совете обсуждался план ведения кампании. Большинство генералов потребовало от военного министра активных действий. Уступая им, Барклай-де-Толли согласился на предложенный генерал-квартирмейстером 1-й армии полковником Толем план перехода русских войск в наступление. По этому плану наносился мощный удар в центр наступающей французской армии и дальше происходило уничтожение разрозненных отрядов. Багратион, мечтавший о наступлении, с восторгом поддержал эту идею.

План подразумевал направление основных сил к Рудне навстречу врагу, а отдельные отряды должны были подойти к Поречью и Красному.

Оставив в Смоленске полк из дивизии Неверовского, Харьковский драгунский и три казачьих полка, русские армии устремились к Рудне. Барклай-де-Толли неожиданно получает сообщение о сосредоточении французских войск у Поречья и меняет свою диспозицию. Атаман Платов не получает сообщения от Барклая и продолжает свой путь. В итоге теряется четыре дня.

Тем временем наполеоновские войска стремительным маршем рвались к Смоленску, мечтая отрезать русские армии от сообщения с Москвой и уничтожить их поодиночке. Но на пути исполнения блистательно задуманного плана под Красным встала насмерть дивизия генерала Неверовского. Построившись в каре, они медленно отходили к Смоленску, сдерживая продвижение превосходящей в три раза кавалерии Мюрата и давая возможность русским армиям вернуться в Смоленск. Не доходя до города шести километров, он соединился с корпусом генерала Раевского. «Я помню, — писал находившийся в рядах корпуса Денис Давыдов, — какими глазами мы увидели Неверовского и дивизию его, подходившую к нам в облаках пыли и дыма, покрытую потом трудов и кровью чести! Каждый штык горел лучом бессмертия». Вскоре к ним подошел корпус генерала от инфантерии Дохтурова.

И все равно, надо было продержаться еще сутки, обороняясь от французских дивизий, пока наши армии не преодолеют 30—40-километровые рубежи. Ночью с 3-го на 4-е июля генерал Раевский собирает военный совет, на котором принимается решение организовать оборону города. Багратион писал Раевскому: «Друг мой! Я не иду, а бегу; желал бы иметь крылья, чтобы скорее соединиться с тобою. Держись».

Находясь на острове Святой Елены, Наполеон записывал, вспоминая эти дни: «Пятнадцатитысячному русскому отряду, случайно находившемуся в Смоленске, выпала честь защищать сей город в продолжение суток, что дало Барклаю-де-Толли время прибыть на следующий день. Если бы французская армия успела врасплох овладеть Смоленском, то она переправилась бы там через Днепр и атаковала бы в тыл русскую армию, в то время разделенную и шедшую в беспорядке. Сего решительного удара совершить не удалось».

К концу 4 июля в Смоленск вошла армия Багратиона, а через несколько часов и армия Барклая, которые вместе насчитывали 110 тысяч человек. В армии Наполеона еще было 183 тысячи. И, несмотря на превосходящие силы противника, русские рвались в решающий бой. «Я клянусь вам моей честью, — писал Аракчееву князь Багратион, — что Наполеон был в таком мешке, как никогда, и он мог бы потерять половину армии и не взять Смоленска».

Багратион и полковник Толь убеждали Барклая-де-Толли о необходимости атаки французов, но генерал Ермолов доказал, что это невозможно, согласившись, правда, с предложением молодого генерала Кутайсова еще один день защищать Смоленск. Сражение шло целый день. Наполеон отдал приказ засыпать сопротивляющийся город тучами гранат и снарядов. Смоленск был разрушен полностью. **Ермолов приказал вынести из города образ Смоленской Богоматери и этим спас православную святыню от гибели.** Был отслужен молебен к радости солдат и горожан. Народ передавал из уст в уста предсказание о том, что **икона вернется в город через три месяца и три дня**. Это пророчество сбылось.

Ермолов, спустя годы, описывает, что он испытал, покидая героический город: «Итак, мы оставили Смоленск, привлекли на него все роды бедствий, превратили в жилище ужаса и смерти. Казалось, упрекая нам, снедающим его пожаром, он, к стыду нашему, расточал им мрак, скрывающий наше отступление.

Разрушение Смоленска познакомило меня с новым совершенно для меня чувством, которого войны, вне пределов отечества выносимые, не сообщают. Не видел я опустошения земли собственной, не видел пылающих городов моего отечества. В первый раз жизни коснулся ушей моих стон соотчичей, в первый раз раскрылись глаза на ужас бедственного их положения. Великодушие почитаю я даром Божества, но едва ли бы дал я ему место прежде отмщения!»

Сердце воина разрывалось от боли за страдания родного народа, но крестный путь по обожженной земле отечества длился и длился, а душа наполнялась праведным гневом, чтобы взорваться невиданным подвигом на Бородинском поле, которое станет святым местом русской славы.

Вечером 17 августа к только что отошедшим в район Царева-Займища русским войскам приехал новый главнокомандущий М. И. Кутузов, которого встречал в числе высших офицеров и начальник его штаба генерал-лейтенант Ермолов. За неделю, прошедшую после назначения Императором на этот ответственный пост, старый полководец провел, как свидетельствуют документы, большую подготовительную работу по ведению военных действий, по снабжению армии, по организации резервов, по созданию партизанского движения и народного ополчения, по медицинскому обслуживанию…

Русским полководцам удалось, несмотря на большие территориальные потери, сохранить свою армию в целости и избежать генерального сражения, которое любил навязывать Наполеон, чтобы одним ударом покончить с противником. Французский император чувствовал, что победа постоянно ускользает от него, как это было в проклятой Испании. Его войска несли ощутимые потери, которые выражались страшной цифрой в 150 тысяч человек. Узнав, что во главе русской армии встал Кутузов, он понял, что военные действия только начались, и эта «старая лиса» что-то придумает особое.

Отступая от Царево-Займища, Кутузов все время искал подходящую позицию для генерального сражения. Опытным умом он понимал, что от-

ступать и дальше уже нельзя без решительной битвы. Место, которое он осмотрел в 12 километрах от Можайска близ села Бородина, показалось ему подходящим. Позиция, по его словам, была «одной из наилучших, которую только на плоских местах найти можно». Русская армия приступила 22 августа к строительству фортификационных сооружений. А 24-го началось великое сражение атакой сорокатысячного французского войска на Шевардинский редут. До глубокой ночи шла ожесточенная битва. И французы, и русские потеряли по 6 тысяч погибшими, но зато армия Кутузова получила возможность спокойно укрепить Бородинскую позицию.

25 августа был зачитан приказ Наполеона: «Воины, вот сражение, которого вы так ждали. Победа зависит от вас… Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, Фридланде, Витебске и Смоленске. Пусть позднейшее потомство с гордостью вспомнит о ваших подвигах. Да скажут о каждом из вас: он был в великой битве под Москвой!» Кутузов тоже объезжал свои войска: «Вам придется защищать землю родную, послужить верой и правдой до последней капли крови. Каждый полк будет употреблен в дело. Вас будут сменять, как часовых, через каждые два часа. Надеюсь на вас!»

Ранним утром 26 августа сто французских орудий начали артиллерийскую подготовку перед атакой на Бородино. Ермолов находился рядом с Кутузовым, «у его седла», по выражению полководца. Но в самый трудный момент сражения, когда был смертельно ранен Багратион, Кутузов послал Ермолова ободрить войско и привести его в порядок. Генерал взял с собой полковника Никитина и три артиллерийских роты. Он ехал рядом с генералом Кутайсовым, когда, как пишет Денис Давыдов: «…заметили вправо на редуте Раевского большое смятение: редутом овладели французы, которые, не найдя на нем зарядов, не могли обратить противу нас взятых орудий; Ермолов рассудил весьма основательно: вместо того, чтоб ехать во 2-ю армию, где ему, может быть, с незнакомыми войсками не удастся поправить ход дела, не лучше ли восстановить здесь сражение и выбить неприятеля из редута, господствующего над всем полем сражения, и справедливо названного Беннигсеном ключом позиции. Он поэтому приказал Никитину повоpотить вправо к редуту, где они нашли уже не Паскевича, а простреленного полковника 26-й дивизии Савоини с разнородною массой войск. Приказав ударить сбор, Ермолов мужественно повел их на редут». Через четверть часа редут был взят. Барклай-де-Толли, увидев, что на редут снова идут французы, прибыл сюда лично и помог войсками и артиллерией. После сражения он напишет рапорт о Бородинском сражении, где будет говорить о неприятеле, которому центральную батарею «удалось взять и опрокинуть вышесказанную дивизию; но начальник главного штаба генерал Ермолов, с свойственной ему решительностью, взял один только 3-й батальон Уфимского полка, остановил бегущих и толпою, в образе колонны, ударил в штыки. Неприятель защищался жестоко; батареи его делали страшное опустошение; но ничто не устояло…»

За этот подвиг он просил наградить Ермолова орденом Святого Георгия 2-го класса, но так как этот орден дали самому Барклаю, то герой получил лишь знаки ордена Св. Анны 1-го класса.

Но благодарное потомство оценило по достоинству жизнь выдающегося русского полководца и наградило его вечной славой.

Поэзия дипломатов

Сергей ЛАВРОВ

«КАК ПОЭТ, НАХОДИТЬ ТОЛЬКО ВЕРНОЕ СЛОВО…»

Сергей Викторович Лавров — родился в Москве в 1950 г. В МИДе с 1972 г. (по окончании МГИМО). Посол. Работал в Шри-Ланке. Заместитель министра (1992–1994). Постоянный представитель России при ООН (1994–2004). С марта 2004 г. министр иностранных дел. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, другими наградами и почетным дипломом СП России «Ф. И. Тютчев — 200 лет». **Живет в Москве**.

КАТУНЬ

Вот снова, словно в первый раз,
Катунь открылась мне.
От озорных ее проказ
Мурашки по спине.
На ней знаком любой порог,
И ни к чему испуг,
Но прошибает холодок —
Чем черт не шутит вдруг.
Бегу к Катуни, как игрок
К открытым казино,
И снова ставлю на «зеро».
Иного не дано.
Меня, рулеткой закрутив,
Швыряет вниз она.
Ах, мне б исток ее найти,
Напиться допьяна.
В истоке девственном ее
Вода насквозь чиста.
Напьюсь и, может, жизнь пойдет,
Как с чистого листа.
А чуть пониже проплыви —
Катунь кипит, бурлит,
И, словно баба от любви,
Ревет она навзрыд.
С притоком каждым все мутней
Становится от слез.
Как я хочу остаться с ней,
Но все уже сбылось.
Вот позади тяжелый день,
Костер погас почти,
Но от него подняться лень,
И нет назад пути.
Ах, как красиво было там,
В пороге, где беда!
Ах, как красиво пополам
Ломала плот вода!
Как я хочу, чтоб в этот миг
Ты видела меня…
Но вот исчез последний блик
Полночного огня.
Луна прищурилась хитро,
Кутай готовит месть.
А завтра снова на «зеро»
Поставлю все, что есть.
Я знаю, это — на века,
Здесь все мои дела.
Но с каждым годом та река
Короче, чем была.

ПОСОЛЬСКИЙ ПРИКАЗ

Был Посольский приказ, и послы выполняли приказы,
Чтоб удельных князей потеснее с Москвою сплотить.
Дело шло нелегко, создавалась Россия не сразу.
Дипломаты старались ей верой и правдой служить.
И служили стране, ее нерв
сквозь себя пропуская,
И учились искусству, как ладить
и как торговать,
И учились, как жить, по заслугам других уважая,
И учили других, как Россию всегда уважать.
Пробивали пути, шла за ними Россия по следу,
Расширяя влиянье и множа владенья свои.
И на этой стезе жизнь отдал не один Грибоедов,
Выполняя приказ вдалеке от российской земли.
В поле воин один — так бывает, и это не ново.
Дипломат должен сам дать единственно
верный ответ.
Должен он, как поэт, находить только
верное слово,
Крепко помня при том, что пророков
в Отечестве нет.
И не ведал никто, путь какой для кого уготован —
Где слетит голова, где настигнет дурная молва,
Но искал дипломат то единственно верное слово
И не мог отступать — за спиною стояла Москва.
Но пути у страны становились все круче и круче.
У иных вместо слов получалось нытье и вранье.
Выручали страну Грибоедов, и Пушкин,
и Тютчев.
В их словах обретала Россия сознанье свое.
А они от ума много мыкали всякого горя.
Ум от горя не спас, но и горе не стерло ума.
Горе нам от ума — он все требует истины в споре,
Но зато для ума не страшны ни сума, ни тюрьма.
Был Посольский приказ, и приказы
послы выполняли,
И умеют с тех пор дипломаты страну защищать.
Своим словом они, своим делом
стране помогали

И других научили Россию всегда уважать.

ЭМИГРАНТЫ ПОСЛЕДНЕЙ ВОЛНЫ

Нет, ничто в этом мире не ново,
Лишь все слаще Отечества дым.
Эмигранты — не русское слово,
Но каким оно стало родным.

Две могучих волны в полстолетья
Уходили к чужим берегам.
Подгоняла их Родина плетью,
Чтоб чужим не молились богам.
Сколько судеб в своей круговерти
Две волны погубили, спасли.
Но уже поднимается третья
С неуемной российской земли.
Пересохли святые колодцы,
И обходят волхвы стороной,
А Россия — опять ей неймется —
Поднимает волну за волной.
И судьба улыбается ведьмой,
И утраты не чует страна.
Ну а что, если станет последней
Эта страшная третья волна?
Брызги гущи кофейной на блюдце.
Угадай, где мосты сожжены?
Угадай, где мосты, чтоб вернуться
Эмигрантам последней волны?

САДОВО-ЧЕРНОГРЯЗСКАЯ

Садово-Черногрязская,
Грязь черная, столичная,
Но к нам была ты ласкова,
И было что-то личное
Для каждого в той улице
И в этом доме сталинском.
Сейчас туда вернуться бы,
Найти, что там оставлено.
Там песни пелись страстные,
Стихи слагались искренне,
Душа и плоть контрастами
Распяты и расхристаны.
И опьяненно-смелые
Твердили мы пословицу:
Все то, что в жизни делаем,
То жизнью и становится.
Загулы беспробудные
Вдруг высекали искрою
Тот светлый час предутренний,
Где зарождалась истина —
Сквозь хмель, сквозь вожделение
Побед, любви, признания,
Сквозь отрицанье гениев
И поклоненья знамени.
Садово-Черногрязская…
Садов не помню, вроде бы,
Но жили без опаски мы
И постигали Родину.

Беду ее, величие,
Ее провалы памяти…
Грязь черная, столичная
На троне и на паперти.
Садово-Черногрязская!
Под вывеской наружною
Ты началась соблазнами,
Но стала нашей дружбою.
Хозяин этой пристани
Нас вел во ржи над пропастью,
Он открывал нам истину,
И был он нашей совестью.
И ангелом-хранителем,
Душа и двери — настежь,
Хозяин по наитию
Берег нас от ненастья.
Волшебной, бескорыстною
Он окружал нас сказкою.
Нет, без него немыслима
Садово-Черногрязская.
Пусть нынче куклы с масками
Колдуют над столицею,
Хранит он Черногрязские
Законы и традиции.
Сквозь бури и скитания
Проходим без подсказки мы —
У нас образование
Садово-Черногрязское.

* * *

Сколько было подножий, вершин, рубежей,
Сколько было истоков и устьев,
Сколько было дорог — не припомнить уже,
Сколько радости было и грусти!
Ах, как сладко двадцатки промчались срока,
Ах, как жаль, что тридцатка не вечна,
Ах, как здорово было вокруг сорока,
Как несли нас к полтиннику речки!
Вот мы здесь. А что далее нам суждено —
Тот, Кто Там, Наверху, знает точно:
Знает он, где отравлено будет вино
И где вломятся в дверь среди ночи,
Где над пропастью страшной судьба проведет
И подарит второе рожденье,
Где от встречи случайной всю жизнь напролет
Будешь жаждать ее повторенья,
Где теченьем прибьет к неродным берегам
И где друга отнимут жестоко,
Знает он, где дозволена милость к врагам,
Где положено око за око,

Где увлекся и где безнадежно влюблен,
И что ждет за крутым поворотом,
Сколько стоит покой, сколько ставить на кон,
И где в рай распахнутся ворота…
Мы все это узнаем потом, а пока —
В неизвестность маршрут предначертан.
Незнакомым ущельем уносит река,
А в лицо — незнакомые ветры.
И как хочется взять и спросить у Того,
Кто всем Там, Наверху, верховодит,
Что записано в книгах для нас у Него
И остался ли козырь в колоде?
Если завтра уже умирать — будем пить,
Будем петь и гулять до рассвета,
Если долгие годы отмерено жить —
То тем более выбора нету:
Будем пить и гулять, веселиться и петь
Наши самые главные песни
Про мечты, про детей, про любви круговерть,
Про друзей, что уже в поднебесье.
И сегодня за них мы поднимем стакан,
И да будет светла их обитель.
Нынче праздник вершит плотовой капитан,
Собиратель друзей и хранитель.
Он не Там, Наверху, он на грешной Земле,
Нашей дружбы он — центр притяженья.
И друзья за столом, и вино на столе,
Продолжается жизни движенье.
Нам ведь много не надо — еще пятьдесят
Бурных весен и столько же речек,
Да чтоб мысли летели вперед, не назад,
Да с друзьями почаще бы встречи.
Ну, а там поглядим — сколько нужно еще,
Чтоб не в долг, чтобы счет был оплачен.
Если рядом останется друга плечо,
Значит, нас не оставит удача.
Снова наши машины летят в гололед,
Не устали скакать наши кони,
И еще не порвался резиновый плот,
Поезда еще ждут на перроне.
Если завтра уже умирать — будем пить,
Будем петь и гулять до рассвета.
Если ж долгие годы отмерено жить —
То тем более выбора нету.

Поэзия дипломатов

Владимир КАЗИМИРОВ

РАЗДУМЬЯ

Владимир Николаевич Казимиров — родился в Москве. Работал в МИДе в 1953–2000 гг. Посол СССР/России в Коста-Рике (дважды), Венесуэле, Тринидаде и Тобаго, Анголе, Гватемале. Служил также в Венгрии и Бразилии. Посол по особым поручениям. Представитель Президента РФ по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе. Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, двумя орденами Трудового Красного знамени, другими орденами и медалями, а также почетным дипломом СП России «Ф. И. Тютчев — 200 лет». **Живет в Москве.**

* * *

Вот исчезнет с полей белизна.
Вспухнут почки,
как все напророчено…
Скоро будет светло допоздна.
День длинней!
Только век все короче нам!
А другим и весна не красна…
Годы что ли унынья подбросили?
Только чем виновата она
В скоротечности лета и осени?
День и ночь ты не ставил ни в грош.
Ты проматывал жизнь, будто премию.
Но потом неотвратно поймешь:
Ничего нет бесценнее времени!
А оно все шустрей да быстрей.
Дали б время,
так вмиг подобрели б мы!
Но зачем же тогда с ноябрей
Опрометчиво бредим апрелями?!

* * *

Н. Л.

Просто смят, раздавлен, изничтожен
Не красою слов, а вихрем чувств.
С детства я грешил стихами тоже,
Но вот так — никак не доучусь.
Сто страстей во мне перебесилось.
Так и не догнал свою мечту.
Да к тому ж слащавую красивость
Принимал, чудак, за красоту!

* * *

Л.Н.К.

Мы полвека с лишним вместе прожили
То в ладах, то в неладах с судьбой.
Прошлыми, а там и позапрошлыми
Невзначай окажемся с тобой.
Живы лишь по щучьему велению.
Только кто-то там, в небесной мгле,
Зачищает — сразу поколеньями —
Всех, кто засиделся на Земле.
Ну, а мы и в вековечной праздности,
Все презрев — и трудности, и труд —
Будем там светиться все
от радости,
Что немного погостили тут!

* * *

Дух многомернее плоти.
Все дерзновенней настрой.
Первая жизнь — на излете.
Ты у меня — во второй.
Вместо заштатного рая
Просто к себе позови.
Грани рассудка стирая,
Счастье перстами лови
В море блаженства без края.
Только к чему нам вторая.
Если без нашей любви?!

РАЗДУМЬЯ

А мне еще одна весна подарена!
А в ней не только купол голубой
Да в снежных корках свежие проталины…
Там — День Победы! Там — полет Гагарина!
Восторгом жизни полон день любой!
И вот воспоминанья старины
На фоне юности и той страны.
Дитя войны, ты рос не красной девицей.
Тебя подняла одиночка-мать.
Не всем везло от дел отца отделаться.
Не всем давалось верить и надеяться.
И, стиснув боль, удары принимать.
МГИМО и МИД. И вот тебе даны
Верительные грамоты страны.
Ты разные эпохи перепробовал:
Свобода человека — вечный зуд.
Но не молился ты на США с Европою
Сумбур Хрущева. Проблески Андропова.
В финале — поединок двух иуд.
И вот вам — на развалинах страны
Резвятся атаманы-пацаны.
А ты — вновь виноватый без вины,
Продрогший в ожидании весны.
Твой век суров. Но все же ты простишь его
За пыль надежд да суету тревог.
Ты отгостил в нем, как у друга ближнего!
Не требуй от себя чего-то лишнего,
Но все ли сделал, что хотел и мог?

* * *

Кончились мои десятилетия.
Счет пошел от силы — на года.
Но дороже всех как раз последние —
Ведь не повторятся никогда!
Но с хандрой не собираюсь встретиться
И у пограничной полосы.
Даже если счет пойдет на месяцы,
На недели, дни или часы.

Жак-Жан САРРАФ

СОТРУДНИЧЕСТВО ДВУХ БРАТСКИХ ЦЕРКВЕЙ

Жак-Жан Сарраф, — ливанский бизнесмен, политический и общественный деятель. Православный христианин. Родился в г. Триполи, втором по величине после столицы городе Ливанской республики. Получил образование в Ливане и Бельгии. Президент «Малиа холдинг», группы компаний, занимающихся производством лекарств, косметических препаратов, строительством гражданских объектов. Является Почетным консулом России в Северном Ливане, сопредседатель Российско-ливанского делового совета и президент Общества ливано-российской дружбы. Награжден российским орденом «Дружбы» и орденами Русской Православной Церкви и Церкви Великой Антиохии и всего Востока. **Живет в Ливане.**

В 2012 году исполняется 35 лет архипастырского служения архиепископа Филиппольского Нифона, представителя Антиохийской Церкви в Москве, где он представляет Патриарха Великой Антиохии и всего Востока Игнатия IV. Именно об этой Церкви и ее иерархах я хотел бы рассказать в этой статье.

Антиохийская Православная Церковь — одна из самых древних среди поместных автокефальных православных церквей. Говоря об этой Церкви, мы вспоминаем, прежде всего, ее основателей, святых первоверховных апостолов — Петра, ее первого епископа, и Павла — бывшего гонителя Христовой Церкви; Савла, который, обратившись к вере в столице Сирии г. Дамаске, принял Святое Крещение и начал свою великую миссионерскую деятельность.

В Антиохии последователей Иисуса Христа впервые назвали христианами. Она была центром христианского богословия, местом проведения церковных соборов, родиной и местом подвига многих христианских святых, которые почитаются во всем христианском мире. Из этой Церкви вышли замечательные ученые и ораторы, в горах и пустынях жили знаменитые святые отшельники, ставшие основателями иноческих обителей. Святой апостол и евангелист Лука, написавший, по преданию, первую икону Богоматери, был жителем Антиохии. Святитель Иоанн Златоуст родился в Антиохии и был там пресвитером до призвания на Константинопольскую кафедру. Священномученик Киприан и мученица Иустина, первомученица Фекла, священномученик Игнатий Богоносец, преподобный Илларион Великий, основатель монашества в Палестине и первый наставник антиохийских иноков — все они жили и творили в Антиохии и на ее канонической территории. Святой

великомученик Георгий бился со змеем — символом вселенского зла на берегу Средиземного моря около финикийского города Берита (ныне Бейрут, столица Ливана). Преподобный Андрей Критский, составивший множество молитв и песнопений, в том числе и Великий покаянный канон, читаемый в храме Великим постом, родился в Дамаске, а святитель Евстафий Антиохийский был председателем на Первом Вселенском Соборе в Никее в 325 году, на котором была осуждена ересь арианства, а Православное исповедание изложено в Символе Веры. Святитель Мелетий председательствовал на Втором Вселенском Соборе в 381 году, где был подтвержден Никейский Символ Веры, и дополнил его определениями о Святом Духе. Преподобный Иоанн Дамаскин, то есть Иоанн из Дамаска, привел в систему христианское учение веры, он был церковным писателем и защитником иконопочетания, автором многих церковных молитв. Не менее известны преподобные Иоанн Лествичник и Ефрем Сирин, а также преподобный Семион Столпник, ставший олицетворением Антиохийской святости, десятки лет проведший на высоком столпе близ Антиохии, примиряя враждующих, обращая в христианство язычников, давая верующим наставления. Одним из любимых духовных произведений православного народа, в том числе и в России, как мне стало известно, была книга поучений Исаака Сирина, первый славянский перевод которой известен с XIV века. Святитель Феофил Антиохийский во II веке впервые ввел в богословие термин «Троица». Иными словами, стоит открыть церковный календарь — и буквально на каждой неделе отмечается память кого-нибудь из антиохийских подвижников.

В недрах этой Церкви возникла знаменитая Антиохийская богословская школа, которая способствовала систематизации христианского догматического учения. Преемниками пресвитера Лукиана по учительству были церковный историк и богослов святитель Феодорит, епископ Кирский, святитель Дорофей Антиохийский, составивший житие пророков и апостолов, епископ Диодор Тарский, под руководством которого воспитывался святитель Иоанн Златоуст. Антиохийская школа прекратила свое существование в V веке, оставив богатое духовное и литературное наследие. Антиохия в глазах христианского мира стояла очень высоко. Святитель Василий Великий писал: «Что для Вселенской Церкви важнее Антиохии? Она — глава, в случае здравия сообщающая то же и всему телу».

Название Антиохийской Церкви произошло от имени древней столицы Сирии — Антиохии. Город был основан в 300 году до н. э. Селевеком I Никатором, полководцем Александра Македонского и первым царем династии Селевкидов. Его выгодное географическое положение позволяло контролировать основные торговые пути, благодаря чему Антиохия очень скоро стала богатейшей столицей державы. В 64 году до н. э. Сирия и, следовательно, Антиохия, становятся частью Римской империи. Антиохия занимает третье место по величине и значению среди римских городов, уступая только Риму и египетской Александрии.

Большинство местного населения города составляли сирийцы, подвергшиеся эллинизации. Другой наиболее значительной этнической общиной была иудейская. Как и во всех других областях Римской империи, именно эта община и оказалась впоследствии той благодатной почвой, на которой привилось и стало развиваться христианство.

В шестой главе книги Деяний мы находим упоминание об Антиохии, связанное с избранием семи диаконов Церкви, одним из которых был святой

Стефан — антиохиец, принявший позже мученическую кончину в Иерусалиме. «Были же некоторые из них кипряне и киринейцы, которые, придя в Антиохию, говорили эллинам, благовествуя Господа Иисуса. И была рука Господня с ними, и великое число, уверовав, обратилось к Господу». (Деян. 11. 20–21). Это свидетельство того, что проповедь Евангелия в Антиохии велась не только среди иудейской общины. Благодаря именно этому смешению иудеев и язычников в течение десяти лет после Воскресения Христа в 40-х годах. н. э. возникла Церковь Антиохии. Важно отметить, что именно в Антиохии Евангельская истина впервые открылась для эллинов-язычников, от которых не требовалось сначала принимать иудаизм. Для заботы о новообращенных в Антиохию направляется апостол Варнава, который, увидев значительное число уверовавших во Христа, приводит сюда из Тарса апостола Павла.

Наряду с апостолом Павлом, апостол Петр также традиционно считается основателем Антиохийской Церкви, о чем свидетельствуют многие церковные писатели. Апостол Петр завершил создание в Антиохии церковной организации. Его епископство предположительно длилось 5–7 лет, после чего он поставил Антиохийским епископом святителя Евода, а затем — священномученика Игнатия Богоносца.

После падения Иерусалима Антиохийская Церковь занимала первое место в Азии и по значению равнялась Римской и Константинопольской вплоть до образования в V веке Патриархатов. С середины VII века более трех веков Антиохия находилась под властью завоевателей арабов-мусульман. Тяжело пришлось Антиохийской Церкви и в период владычества крестоносцев (XI–XIII вв.), а в XIII веке Сирия была завоевана египетскими мамлюками, после чего патриаршую резиденцию пришлось перенести в Дамаск, так как Антиохия была почти полностью разорена. В начале XVI века Антиохия была захвачена турками. В настоящий момент это турецкий город Антакья, входящий в Алеппскую епархию Антиохийской Православной Церкви.

Переломным моментом в трагической истории Антиохийской Церкви стало зверское истребление мусульманами-фанатиками христианского населения Сирии в 1860 году. Погром длился месяц, погибло более 30 тысяч человек: женщин рубили на куски, детей заживо сжигали, церкви были разрушены и разграблены, были разорены церковные библиотеки. В ответ на это варварство последовало вмешательство европейских держав в политику преследования христиан со стороны турецкого правительства. Таким образом, только на рубеже XIX–XX веков бедствующая Антиохийская Церковь начала постепенно приобретать былую независимость, а в 1899 году на Антиохийскую кафедру избрали Патриарха из арабов, которые составляли бóльшую часть его паствы, храмы начали приобретать церковную утварь, улучшалось материальное положение христианских школ.

Сейчас резиденция Патриарха Антиохийского и всего Востока и кафедральный собор в честь Успения Пресвятой Богородицы находятся в нынешней столице Сирии — Дамаске.

В настоящее время в каноническую территорию Антиохийской Церкви входят Сирия, Ливан, Ирак и Кувейт. Юрисдикция Антиохийского Патриархата распространяется также на ряд епархий в Европе, странах Северной, Центральной и Южной Америки и в Австралии. Сегодня это сильная Церковь, богатая своей многочисленной благочестивой паствой, которая на-

считывает 2,5 млн человек на Ближнем Востоке и 5 млн человек в диаспоре. Епископат Антиохийской Церкви составляет 34 архиерея.

Сегодня Антиохийскую Церковь возглавляет 170-й Патриарх — Игнатий IV (Хазим), полный титул которого звучит следующим образом — Его Блаженство Блаженнейший Патриарх Великого града Антиохии, Сирии, Аравии, Киликии, Иверии, Месопотамии и всего Востока.

В IV веке святитель Евстафий Антиохийский вместе со святой равноапостольной Ниной за несколько лет обратил ко Христу «Иверийскую страну», и до 467 году Грузинская Православная Церковь была епархией Антиохийской Церкви, поэтому в титуле Антиохийского Патриарха и стоит Иверия. Кипрская Поместная Православная Церковь до 431 года также была епархией Антиохийской Церкви, отсюда в титуле Антиохийского Патриарха упоминается Киликия, ибо в то время Кипр входил в Римскую провинцию Киликия.

Патриарх Антиохийский, Игнатий IV родился в 1921 году в сирийской деревне Махрада, недалеко от города Хама. Он появился на свет в благочестивой православной арабской семье, с ранних лет посещал богослужения и участвовал в церковной жизни. Еще в период обучения в университете в Бейруте будущий Патриарх поступил на службу в один из храмов местной епархии сначала в качестве алтарника, а через некоторое время он становится диаконом и священником.

В 1942 году Игнатий был одним из организаторов православного молодежного движения, которое развивалось в Ливане и Сирии во время Второй мировой войны и способствовало притоку молодежи в лоно Церкви. В 1945 году он отправляется в Париж, где учится в Свято-Сергиевском богословском институте, а в 50-х годах становится одним из основателей Всемирного Совета Церквей. В 1953 году выступил одним из основателей Всемирного братства православной молодежи и богословских школ (СИНДЕСМОСА). В 1961 году Игнатий призван к епископскому служению в сане епископа Пальмирского и Патриаршего викария.

В 1962 году, будучи епископом, Владыка Игнатий возглавил богословскую школу при Баламандском православном монастыре. Под его патронажем вскоре там была создана православная богословская семинария, в которой на протяжении многих лет он исполнял обязанности декана. Вскоре стараниями Владыки Игнатия при Баламандском монастыре был открыт первый на Ближнем Востоке православный университет с факультетом теологии им. И. Дамаскина.

В 1970 году епископ Игнатий избирается митрополитом Латакийским (Сирия), а 2 июля 1979 года становится Патриархом Антиохийским и третьим по диптиху (церковному протоколу) среди православных иерархов после Патриархов Константинополя и Александрии. В связи с трагическими событиями в Сирии Патриарх Игнатий IV в настоящее время находится в Баламандском монастыре.

Отношения между нашими Церквями началась с момента принятия христианства на Руси. Первый митрополит Киевский Михаил Сирин был родом из Сирии и являлся учеником Антиохийского Патриарха Иоанна V. Это послужило добрым началом дальнейших взаимных братских отношений между двумя Церквями-сестрами и их народами. По преданию, именно образ Богородицы, написанный великим антиохийцем апостолом Лукой, был дан России в благословение после принятия христианства и почитается ныне как

Владимирская икона Пресвятой Богородицы. Первым Патриархом, которого увидела Русь, был Антиохийский Патриарх Иоаким, посетивший Москву в 1586 году. Именно он много способствовал учреждению автокефалии Русской Православной Церкви. А век спустя предпринял путешествие в Россию Антиохийский Патриарх Макарий со своим сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Архидиакон Павел оставил нам обширнейшее описание жизни России и Русской Церкви того времени под названием «Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию во 2-й половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским». Эта редкая и увлекательная книга представляет собой путевые дневники и записи архидиакона Павла.

Антиохийская Церковь поддерживала и активно помогала строительству церковной жизни на Руси вплоть до учреждения в ней Патриаршества. Связи не прекращались и в последующие века. Они развивались и приобретали все новые и новые формы, которые всегда свидетельствовали о взаимных чувствах уважения, симпатии, любви, признательности и преданности. Многие иерархи Антиохийской Церкви из Сирии, Аравии, Палестины, Египта получили духовное образование в России, в Духовных академиях Москвы, Киева, Санкт-Петербурга и Казани.

Правительство Царской России в период Османской империи неоднократно заступалось за православную Антиохию.

Антиохийский Патриарх Григорий IV (Ходдай) в 1913 году во время визита в Россию возглавил хиротонию во епископа архимандрита Алексия (Симанского), а в 1945 году уже другой Антиохийский Патриарх Александр III, воспитанник Киевской Духовной академии, бывший в свое время настоятелем Антиохийского подворья в Москве, принимал участие в интронизации нового предстоятеля Русской Церкви — Патриарха Алексия I (Симанского).

И поныне существует живая связь между нашими Церквями-сестрами через совместное служение иерархов обеих Церквей, через помощь пожилым и малоимущим прихожанам, осуществляемую в стенах Антиохийского подворья в Москве, через проповеди и богослужения нынешнего настоятеля Антиохийского подворья — архиепископа Нифона, который привносит в традиционную для России православную службу особую красоту и колорит восточной традиции.

Одним из наиболее действенных видов духовных связей между Антиохийской и Русской Церквями служила возможность одной Церкви иметь в пределах другой свое подворье и храмы.

Представительство Антиохийского Патриархата в Москве впервые было открыто в 1848 году при святителе Филарете (Дроздове), митрополите Московском, в знак установления официальных связей между двумя Церквями и располагалось в снесенном ныне храме Вознесения Господня с приделом священномученика Ипатия, епископа Гангрского, что на Ильинке, в Ипатьевском переулке в Москве, который служил местом пребывания подворья до 1929 года.

Первоначальной целью учреждения Антиохийского подворья было приобретение материальных средств и церковной утвари для пришедших в крайнюю бедность храмов и монастырей Антиохийского Патриархата. В этот же период было создано Императорское Православное Пакестанское Общество, миссия которого состояла в создании русских школ для образования верующего народа Ближнего Востока. Речь идет, по-видимому, об Императорском Православном Палестинском Обществе, созданном в 1882 го-

ду для помощи православным арабам Ближнего Востока и организации паломничества в Святую Землю. Я был свидетелем того, что до сих пор антиохийские верующие старшего поколения читают Отче наш, Символ Веры и некоторые другие молитвы на русском языке. По случаю 130-летия Императорского Православного Палестинского Общества была издана роскошная книга-альбом «Московские школы в Ливане». Таких школ было по разным данным от 30 до 41. В одной из школ в Бейруте, в квартале Мар-Ильяс, то есть Святого Ильи, разместилось посольство Российской Федерации.

Первым настоятелем подворья в Москве был митрополит Неофит. С помощью митрополита Филарета он напечатал в Москве антиминсы для Антиохийской Церкви. Митрополит Неофит собрал значительные пожертвования, часть которых отослал Антиохийскому Патриарху, а другую часть положил в Московскую сохранную казну под проценты с тем, чтобы из них посылать необходимые средства на содержание училищ, которые вели просветительскую работу среди духовенства и паствы в Антиохийском Патриархате. Митрополит Неофит возглавлял подворье пять лет. Он скончался в Москве 3 декабря 1853 года. Отпевание его совершил сам митрополит Филарет в Богоявленском монастыре. Погребен митрополит Неофит в Покровском миссионерском монастыре под соборной церковью.

Вслед за митрополитом Неофитом временно управлял подворьем приехавший с ним иеромонах Анфим, грек с о. Кипр (1853–1861). По благословению Антиохийского Патриарха Иерофея (1850–1885) иеромонах Анфим был возведен митрополитом Филаретом в сан архимандрита 9 апреля 1860 года в храме святителя Алексия в монастыре св. Архистратига Михаила.

В 1861 года Антиохийский Патриарх назначил настоятелем подворья молодого, энергичного архимандрита Гавриила из Дамаска. С собой в Россию архимандрит Гавриил привез двух молодых сирийцев для обучения в русских Духовных учебных заведениях с тем, чтобы потом они могли вернуться для дальнейшего служения в Антиохийской Церкви. Архимандрит Гавриил обратился в 1868 году с «Воззванием ко всем православным христианам Церкви Всероссийской», в котором просил помочь бедствовавшим церквям и монастырям Антиохийского Патриархата. В 1871 году архимандрит Гавриил был избран митрополитом Бейрутским.

В этом же году на его место прибыл в Москву митрополит Пальмирский Кирилл, грек из Константинополя, который управлял подворьем лишь два года и по причине болезни вынужден был вернуться в 1873 году в Дамаск, где скончался в 1882 году. Митрополит Кирилл послал в Антиохию собранные путем пожертвований средства для восстановления собора святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Антиохии, разрушенного в 1872 году землетрясением.

После него в течение шести лет один за другим подворьем управляли русские иеромонахи: Исайя из Златоустовского монастыря, Евтихиан и Петр из Высоко-Петровского монастыря.

В 1879 году для управления подворьем прибыл в Москву архимандрит Христофор, сириец из Дамаска. Кроме церкви и квартиры настоятеля, подворье при нем имело три многоэтажных здания. В то же время архимандрит Христофор выписал из Сирии нескольких учеников, которые были направлены в русские Духовные школы. По благословению Антиохийского Патриарха Герасима (1885–1891) архимандрит Христофор, после освобождения его от занимаемой должности в 1887 году, возвратился в 1889 году в Сирию.

Временно после него управлять подворьем было поручено иеромонаху Спасо-Андреевского монастыря Никону.

В 1889 году настоятелем подворья был назначен архимандрит Рафаил. По окончании Халкинского богословского училища он в течение двух лет состоял проповедником Антиохийского престола и в сане иеродиакона поступил в сентябре 1888 года в Киевскую Духовную академию. 5 июня 1889 года он был посвящен в сан иеромонаха ректором Киевской Духовной академии преосвященным Сильвестром и приехал в Москву на подворье, где вскоре, 16 июля, был возведен в сан архимандрита митрополитом Московским и Коломенским Иоанникием. Архимандрит Рафаил значительно улучшил материальное положение подворья и издал небольшую книгу с историческими данными о подворье и его жизни.

После возвращения на родину в 1900 году архимандрит Рафаил продолжал заботиться о развитии добрых братских отношений между двумя Церквями. Продолжая свое служение в Америке, где он вел духовно-просветительскую работу среди арабских эмигрантов, архимандрит Рафаил поддерживал тесную связь с русскими. 29 февраля 1904 года в Нью-Йорке преосвященный Тихон, впоследствии Патриарх Московский и всея Руси, совершил рукоположение о. Рафаила во епископа Бруклинского. Несколько лет назад Американская афтокефальная православная церковь канонизирована епископа Рафаила.

Новая страница открылась в истории братских взаимоотношений между Антиохийской и Русской Церквями после 1899 года, когда на Антиохийский престол после долгого перерыва (с 1724 года) при открытом содействии Русской Церкви вновь был избран Патриарх арабского происхождения. В связи с борьбой, возникшей из-за назначения на Патриарший Престол араба, Антиохийская Церковь переживала тяжелый внутренний кризис. К этим настроениям присоединилось усиление инославной пропаганды. Чтобы справиться с затруднениями и укрепить свое положение, Антиохийская Патриархия нуждалась в средствах. Одним из важных источников материальной поддержки Антиохийского престола явилось Антиохийское подворье в Москве. Желая улучшить состояние подворья, Патриарх Мелетий (1899—1906) нашел нужным назначить его настоятелем студента Киевской Духовной академии иеродиакона Александра, впоследствии Патриарха Великой Антиохии и всего Востока, который поступил в академию в 1897 году после блестящего окончания Халкинского богословского училища. В 1900 году иеродиакон Александр был вызван в Дамаск, рукоположен Патриархом в сан иеромонаха и затем направлен в Москву для управления подворьем. В звании настоятеля подворья иеромонах Александр оставался в течение трех лет и за это короткое время успел развить весьма плодотворную деятельность, которая была отмечена в «Церковных ведомостях» — официальном органе Священного Синода России. В связи с этим он был возведен в 1903 году митрополитом Московским Владимиром в сан архимандрита. Антиохийская Церковь недолго оставляла молодого, подававшего большие надежды архимандрита в скромной должности настоятеля подворья и призвала его на более высокое и ответственное служение. В том же 1903 году архимандрит Александр был возведен Патриархом Мелетием в кафедральном соборе Дамаска в сан епископа и единогласным решением Священного Синода Антиохийской Церкви назначен митрополитом Киликийской епархии.

В ноябре 1903 года подворьем стал управлять только что получивший в России духовное образование Илиас Абуррус, который постригся здесь в монашество с именем Игнатия, был посвящен в иерейский сан и затем возведен в сан архимандрита. Через некоторое время, в 1910 году, преемником его стал архимандрит Антоний, который оставался на посту настоятеля подворья до его закрытия Советской властью в 1929 году.

По благословению Святейшего Патриарха Алексия I в 1948 году подворье возобновило свою деятельность в храмах Архангела Гавриила и великомученика Феодора Стратилата и существует там поныне. Истинно доброе и любовное отношение Патриарха Александра III к Русской Церкви и ее народу, а Патриарха Алексия I к Антиохийской Церкви, членом которой он себя всегда считал, по его хиротонии во епископа в 1913 году Патриархом Антиохийским Григорием IV, безусловно содействовали открытию вновь Антиохийского подворья в Москве.

Промыслу Божию угодно было устроить так, что передача нового подворья совершилась ровно через 100 лет после основания его при митрополите Московском Филарете. Подворье было передано Антиохийской церковной делегации, состоявшей из митрополита Эмесского Александра (главы делегации), митрополита Гор Ливанских Илии и архимандрита Василия.

По благословению Патриарха Александра III настоятелем подворья был назначен архимандрит Василий. Многогранная деятельность первосвятителей двух наших Церквей открыла перед подворьем возможность осуществить много полезных для обеих Церквей начинаний, не говоря уже об обмене визитами и о встречах иерархов. В 1955 году настоятель подворья, к тому времени окончивший Московскую Духовную академию, был возведен в сан епископа Сергиопольского. В Московскую Духовную академию для обучения богословским наукам вновь начали посылаться клирики Антиохийской Церкви, студенты из Сирии и Ливана.

После избрания архимандрита Василия на митрополичью кафедру Хауранской епархии в Сирии Патриарх Антиохийский Феодосий VI в марте 1962 года назначил настоятелем подворья иеромонаха Алексия, который до этого проходил курс обучения в Московской Духовной академии и был оставлен при ней в качестве профессорского стипендиата. Вскоре после назначения иеромонах Алексий во время своего пребывания на родине был возведен, по благословению Патриарха Феодосия, в сан архимандрита своим духовным наставником митрополитом Бейрутским Илией, а затем, в 1969 году стал митрополитом Эмесским.

С 1971 до 1976 года настоятелем подворья был архимандрит Макарий, а с мая 1977 года настоятелем Антиохийского подворья в Москве стал епископ Нифон.

В настоящий момент в воскресные и праздничные дни в Антиохийском подворье совершаются архиерейские богослужения, возглавляемые нынешним его настоятелем, архиепископом Филиппопольским Нифоном, который уже более тридцати пяти лет служит в Москве.

Архиепископ Нифон родился в г. Захле (Ливан) 4 декабря 1941 года.

В 1959 году, после получения высшего математического образования, он был рукоположен в диаконы своим духовным пастырем и наставником митрополитом Илиапольским Нифоном.

В 1964 году, закончив Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия, он принял священнический сан, сразу став архиманд-

ритом. Рукоположение совершил также митрополит Илиапольский Нифон. В том же 1964 году он был назначен секретарем и помощником митрополита Захлейского и Илиапольского Нифона. В эти же годы он преподавал математику и английский язык в школе св. Анны в г. Райяк в ливанской долине Бекаа и работал помощником Епархиального церковного суда в г. Захле.

Свое послушание в Москве Владыка Нифон несет с 1977 года, когда он в сане архимандрита прибыл в Москву. За эти годы он неоднократно был и бывает поныне участником многих церковных и межконфессиональных конференций, представляя Антиохийский Патриархат. Помимо родного арабского епископ Нифон свободно владеет французским, английским и русским языками.

25 октября 1988 года Владыка Нифон был избран Священным Синодом Антиохийской Церкви во главе с Его Блаженством Патриархом Игнатием IV во епископа Филиппопольского. Епископская хиротония Владыки Нифона была совершена 13 ноября 1988 года, в год празднования 1000-летнего юбилея Крещения Руси в Успенском кафедральном соборе в Дамаске, возглавляемая Патриархом Игнатием IV при участии митрополита Минского и Слуцкого Филарета, который тогда был председателем Отдела внешних церковных связей Московской Патриархии.

Более 30 лет под сводами церквей Антиохийского подворья в Москве звучит слово Владыки Нифона, перенявшего традиции великих христианских апологетов и проповедников, живших в Антиохии, и впитавшего в себя традиции Русской Церкви.

Благодаря епископу Нифону в годы советского режима Антиохийское подворье было единственным местом в Москве, где крестили и венчали, не требуя паспорта, где была впервые открыта воскресная школа и создан детский хор, а храмы подворья были открыты целый день.

Владыка Нифон награжден множеством орденов различных Православных Церквей: Русской, Румынской, Греческой, Болгарской, Чешской. Недавно награжден казацким орденом «За веру в Отечество», является почетным членом клуба Дипломатической академии МИД России. В 2003 году епископ Нифон был отмечен президентом Ливана высокой наградой страны — орденом Ливанского Достоинства.

Как представитель Антиохийского Патриархата и настоятель Антиохийского подворья, архиепископ Нифон активно участвует в культурной и социальной жизни Москвы. Сегодня по благословению Владыки Нифона действует воскресная школа, устраиваются благотворительные обеды для малоимущих прихожан. Под духовной опекой преосвященного архиепископа Нифона живет небольшая антиохийская диаспора в России — сирийцы, палестинцы и ливанцы. Архиепископ Нифон духовно окормляет также антиохийскую паству в Греции.

Храмы Антиохийского подворья в честь Архангела Гавриила и в честь великомученика Феодора Стратилата находятся в Архангельском переулке недалеко от Чистопрудного бульвара.

Название Архангельский было дано переулку в честь храма Архангела Гавриила.

Храм Архангела Гавриила иногда называют Меншиковой башней. Это связано с тем, что после кончины Патриарха Адриана (1700) и временного упразднения Патриаршества в России земли Гаврииловой Патриаршей

слободы получил во владение ближайший сподвижник Петра I Александр Данилович Меншиков.

Меньшикова башня, как и многие православные храмы, была построена не на пустыре, а, как минимум, является церковью «в третьем поколении». Впервые письменные источники упоминают на этом месте бревенчатую церковь в 1551 году, но, возможно, построена она была на полвека раньше, как полагают историки, при московском Великом Князе Василии III, нареченном при крещении Гавриилом. Затем, в XVII веке на ее месте появилась первая каменная церковь, которую и заменил в первые годы XVIII столетия А. Д. Меньшиков новой, ставшей примерно на 3 метра выше кремлевской колокольни Ивана Великого, что было не принято в Москве. Архитектором нового храма Архангела Гавриила был украинский зодчий Иван Петрович Зарудный. Историки русской культуры ставили этого уникального мастера — скульптора, резчика по дереву, создателя иконостасов и живописца — в одни ряд с великими мастерами европейского Возрождения. Зарудный много путешествовал по западноевропейским странам, и в архитектуре церкви Архангела Гавриила присутствовали голландские и датские мотивы.

Над массивным основанием возносились 3 восьмигранных яруса — 2 каменных и 1 деревянный. Ярусы были с просторными проемами, являвшимися прекрасным резонатором для полусотни колоколов, купленных в Лондоне вместе с часами-курантами, установленными на последнем ярусе. Куранты отбивали каждые 15 минут, а в полдень все 50 колоколов исполняли получасовой концерт. Венчал эту конструкцию 13-метровый шпиль с позолоченным ангелом. Такой шпиль был первым в России, а потом появился на Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге. Храм был построен довольно быстро — за 3 года, к началу 1707 года, имел такой вид всего 16 лет. В 1723 году во время грозы молния ударила в шпиль с позолоченным ангелом, загорелись дубовые конструкции верхнего яруса, и, как ни старались прихожане и подоспевшие солдаты Преображенского и Семеновского гвардейских полков потушить пожар, полностью спасти храм не удалось. Только через полстолетия обгоревшее и заброшенное здание было восстановлено масонами под руководством жившего по соседству в Кривоколенном переулке Гавриила Захарьевича Измайлова, но стало оно на один ярус ниже, без колоколов, без своего знаменитого шпиля, с новым оригинальным завершением в виде продолговатой главки. Некоторое время это здание служило местом масонских собраний, однако через полвека у него появился новый хозяин — Почтовое ведомство Москвы, и храм стал вроде домовой церкви Московского почтамта. Чуть позже по указу митрополита Московского Филарета масонские символы и изречения были уничтожены. В 30-е годы XX века храм закрыли. Богослужения были возобновлены лишь в 1947 году.

Современный иконостас храма Архангела Гавриила был установлен в 1960-е годы. Его перенесли из разрушенной в те же годы церкви Петра и Павла в Преображенской слободе. В алтаре храма хранится частица мощей святителя Ипатия Гангрского, перенесенных из уничтоженного при Советской власти храма, в котором раньше располагалось Антиохийское подворье. Частица этих мощей по благословению Его Святейшества Святейшего Патриарха Алексия II была передана епископом Нифоном в Ипатьевский монастырь в Костроме.

Архангел Гавриил возвещал ветхозаветному человеку о будущем воплощении Сына Божия, вдохновлял пророка Моисея и пророка Даниила,

являлся праведной Анне с вестью о рождении от нее Пресвятой Девы Марии и священнику Захарии, предсказывая рождение его сына — предтечи Господня — Иоанна Крестителя. Именно Архангел Гавриил благовествовал Пресвятой Богородице о воплощении Сына Божия. Господь посылал его также к святому Иосифу Обручнику предупредить о замыслах Ирода и повелел бежать с Младенцем и Богородицей в Египет. По церковному преданию Архангел Гавриил укреплял Спасителя во время Его молитвы в Гефсиманском саду и потом возвестил женам-мироносицам о Воскресении Христовом. Престольный праздник Собора Архангела Гавриила празднуется 9 апреля и 26 июля по новому стилю.

Второй храм Антиохийского подворья освящен во имя великомученика Феодора Стратилата. Храм «иже под колоколы» построен в 1806 году архитектором И. В. Еготовым на средства почт-директора Москвы Ф. П. Ключарева. Иконостас этого храма датируется второй половиной XIX века, а стенопись в основном современная в связи с переделками здания 1860–1890 годов. В 30-е годы XX века храм также был закрыт, богослужения в нем возобновили лишь в 1948 году с открытием Антиохийского подворья.

Святой великомученик Феодор Стратилат, совершивший свой подвиг в IV воду, один из наиболее известных и любимых святых в России, он почитается как покровитель воинов. Храбрость святого Феодора стала известна после того, как он с помощью Божией убил громадного змея, жившего в окрестностях города Евхаита. За отвагу святой Феодор был назначен военачальником («стратилатом») в городе Гераклее, где он нес двойное послушание, сочетая свое ответственное воинское служение с Евангельской проповедью среди подчиненных ему язычников. В это время Император Ликиний начал жестокое гонение на христиан. Феодор пригласил Ликиния в Гераклею, пообещав ему принести жертву языческим богам. Для совершения этой пышной церемонии он собрал в своем доме все золотые и серебряные изваяния богов, которые имелись в Гераклее и которые привез с собой Ликиний. Завладев истуканами, святой Феодор разбил их на куски и раздал нищим. Святой Феодор был схвачен и подвергнут жестоким пыткам. Однако Бог, по великой Своей милости, пожелал, чтобы кончина святого Феодора была так же плодотворна для его ближних, как и вся его жизнь: Он исцелил истерзанное тело святого и свел его с креста, на котором тот был оставлен на всю ночь. Утром, когда римские воины застали святого Феодора живым и невредимым, они сразу приняли Святое Крещение. Не желая избежать мученической смерти за Христа, святой Феодор добровольно предал себя смерти. Память святого отмечается 21 июня и 21 февраля по новому стилю.

Особо чтимая икона в храме святого великомученика Феодора Стратилата — Пресвятой Богородицы Нечаянная радость. Эта икона иллюстрирует сюжет о том, как один грешник имел привычку каждый день просить благословение у Пресвятой Богородицы. Однажды, собираясь согрешить, он, как обычно, обратился к образу Пресвятой Девы и в ужасе увидел, что у младенца на руках и ногах раны, из которых течет кровь, как на кресте. Грешник упал на колени и воскликнул: «О, Господи, кто это сделал?» — «Ты и другие грешники Моего Сына вашими грехами», — ответила Матерь Божия. «Помилуй меня! — в слезах закричал грешник. — Упроси Своего Сына и моего создателя о прощении для меня!» На просьбу Матери Господь ответил «Закон повелевает Мне чтить Мать Мою. Прощаются ему грехи Тебя ради».

Александр ВАВИЛОВ

ЙЕМЕНСКИЕ ЛАБИРИНТЫ

Александр Иосифович Вавилов — доктор исторических наук, профессор. Многие годы занимается изучением политики США на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Его новая работа посвящена исследованию опасной эволюции такого угрожающего феномена современной международной жизни, как терроризм. В ней убедительно доказывается, что одной из главных причин активизации экстремистских сил является современная гегемонистская и тенденциозная политика США в арабском регионе. Автор многочисленных монографий, статей и других публикаций по избранной тематике. **Живет в Москве**.

Взятый США и их западными союзниками курс на вмешательство во внутренние дела арабских стран под флагом их «демократизации» и борьбы с международным терроризмом привели к серьезной дестабилизации ситуации в Йемене, который, по оценке американских спецслужб, неуклонно превращался в одну из основных баз «Аль-Каиды» и других исламистских экстремистских организаций в стратегически и экономически важном Аравийском субрегионе.

В январе 2009 г. йеменская и саудовская ветви «Аль-Каиды» под руководством бывших узников американского концлагеря на Кубе — Гуантанамо (пребывание в лагере резко повысило их авторитет и статус) слились в одну группировку — «Аль-Каида на Аравийском полуострове», что значительно нарастило ее боевой потенциал и создало еще один очаг террористической угрозы (The Washington Post. 30.12.09). В августе 2010 г. ЦРУ назвало эту ветвь организации главным противником США (Известия. 26.08.11). А в октябре того же года новая группировка объявила о создании собственной армии для «освобождения Йемена от западных крестоносцев и их местных агентов-вероотступников» (Lenta.ru 13.10.11).

Эта угроза еще более возросла, когда возникла вероятность завладения боевиками «Аль-Каиды» радиоактивными материалами из национального агентства Йемена по атомной энергии. Из утечек WikiLeaks стало известно, что еще в начале 2010 г. посольство США в Сане со ссылкой на высокопоставленного йеменского чиновника предупредило секретной депешей министерство внутренней безопасности США, ЦРУ, ФБР, а также госдеп о резком ослаблении охраны и выходе из

строя систем безопасности в ядерном хранилище этого агентства (Интерфакс. 20.12.10).

Американцы предприняли попытки более активно подключить йеменское руководство к борьбе с «Аль-Каидой» и другими террористическими группировками, однако натолкнулись на весьма прохладную реакцию. Дело в том, что, по мнению российского исследователя П. П. Рябова, «само выживание … президента Йемена А. А. Салеха в период гражданской войны между Севером и Югом в 1994 г. во многом обеспечили именно исламисты по главе с прошедшими Афганистан полевыми командирами» (Рябов П. П. Йеменская проблема Вашингтона // www.iimes.ru).

Как выяснилось, между Саной и вожаками экстремистских организаций было заключено негласное «джентльменское» соглашение о взаимном ненападении в условиях, когда страна раздиралась шиитскими мятежниками на северо-западе и сепаратистами на юге. Более того, суннитские радикалы, в том числе ортодоксальные салафиты, имевшие связи с «Аль-Каидой», широко использовались центральными властями для репрессий и подавления шиитов (40 % населения страны).

Многие из ставших безработными и ненужными обществу 60 тыс. ветеранов «горячих точек» в 80-х годах прошли школу джихада в Афганистане и по возвращении были встречены как герои (The Washington Post. 11.02.10). Эти «герои» время от времени совершали налеты на местные тюрьмы для освобождения своих сотоварищей и соплеменников. В ходе одного из них в июне 2006 г. было освобождено сразу 23 каидовца (Arab News. 20.06.10). Такие «целевые рейды» на йеменские тюрьмы продолжались и в дальнейшем.

Американцам же уклончивость йеменцев была представлена как следствие «нехватки средств» для сотрудничества в этой сфере (The Washington Post. 25.09.08).

После многократных нападений исламистов на американское посольство в Сане в 2008 г. США пришлось принимать дополнительные меры. По секретной директиве тогдашнего командующего Сенткомом генерала Д. Петреуса, подписанной в конце сентября 2009 г., в район Ближнего Востока и в Йемен в частности были направлены дополнительные отряды американского спецназа (Lenta.ru 25.05.10), на оснащение йеменской армии было запланировано выделение 155 млн долларов (The New York Times. 25.05.10).

В конце декабря 2009 г. йеменская армия все-таки нанесла ряд ударов по базам «Аль-Каиды», которые были проплачены и обеспечены американской огневой и разведывательной поддержкой (Washingtonpost.com 21.12.09). Однако многочисленные жертвы среди мирного населения на месте ударов крылатых ракет с клеймом «Made in USA» имели отрицательный и весьма «долгоиграющий» результат — резкий рост антиамериканских настроений по всей стране, а видеосъемки искалеченных или безжизненных тел детей и женщин тут же появились на всех джихадистских сайтах (The Time. 21.12.09).

Свой вклад в начавшийся ажиотаж внесли и правозащитники: Amnesty International раскопала фотографии, свидетельствовавшие о применении против каидовцев, а заодно с ними и мирных йеменцев запрещенных кассетных снарядов. Вновь США были поставлены в неловкое положение оправдывавшихся. Им пришлось спешно переадресовывать вопросы настырных правозащитников к Сане, хотя было твердо доказано, что удары, в резуль-

тате которых погибло полсотни мирных жителей (в том числе 14 женщин и 21 ребенок), наносились американскими крылатыми ракетами Томагавк, которых у йеменцев просто не было. Когда этот маневр не сработал, Вашингтон был вынужден заявить, что изначально был против конвенции о запрете кассетных боеприпасов, и она для него не указ (Arab News. 07.06.10).

Аналогичный контрэффект имели и все последовавшие удары по базам «Аль-Каиды». Набирая политические очки, ее руководство объявило о том, что попытка взрыва на Рождество американского авиалайнера была предпринята в отместку за «убийство мирных йеменцев с самолетов США» в декабре 2009 г.

Ряды джихадистов стали пополняться за счет возвращавшихся опытных боевиков из Ирака, а также из Сомали. Тем более что воевать эти «джентльмены удачи» были готовы за весьма скромное вознаграждение всего в две-три сотни долларов в месяц. В январе 2010 г. 150 членов влиятельной Ассоциации богословов Йемена предупредили, что борьба с терроризмом, развернутая Саной при американской поддержке, могла привести к «иностранной оккупации страны» (благо пример Ирака был рядом). А ее глава — шейх А.-М. аль-Зиндани, которого американские спецслужбы внесли во всевозможные «черные списки» и считали духовным отцом самого У. бен Ладена, указал, что «обязательно следует обратиться к джихаду, если в страну вторгаются иностранные войска». (Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (11–17 января 2010 г.) // www.iimes.ru)

Официальная Сана попыталась было опровергнуть версию своего «антитеррористического сотрудничества с США», однако утечки из WikiLeaks весьма убедительно подтвердили ее, в еще большей степени подогрев антирежимные настроения. Они осложнили отношения А. А. Салеха с США, несмотря на официальные многословные извинения американцев «за доставленные неудобства» из-за безвинных жертв их контртеррористических ударов и заверения, что «такого больше не повторится» (Arab News. 18.12.10).

Напряженной обстановкой, как всегда, не замедлила воспользоваться «Аль-Каида на Аравийском полуострове», призвавшая 9 февраля 2010 г. мусульман к джихаду и блокаде Красного моря, чтобы воспрепятствовать экспансионистским действиям США. (Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (8–14 февраля 2010 г.) // www.iimes.ru)

А воевать йеменцам было чем: вследствие многовековых традиций и племенной культуры оружие, и, прежде всего, кривой кинжал — джанбия, оставалось непременным атрибутом повседневного мужского костюма. По данным официальной йеменской статистики, в стране имелось более 60 млн единиц вооружения или в среднем по три на каждого гражданина, включая стариков и детей (Lenta.ru 25.05.11). На черном рынке можно было купить широкую гамму амуниции: от гранаты до ракеты, автомата и гранатомета.

Арабские друзья рассказали автору по этому поводу близкий к реальности анекдот: «Йеменец на танке подъезжает к блокпосту. Часовой заученно спрашивает: “Оружие есть?” “Нет”, — так же заученно ответствует путник. “Ну, тогда проезжай”, — дает отмашку стражник».

Похищения людей, в том числе и иностранцев, за выкуп или для сведения счетов оставались обыденным явлением в жизни Йемена. В конце

мая 2010 г., к примеру, боевики одного из племен захватили и отправили в «гости» в свою деревню американскую супружескую пару — туристов в отместку за арест и тюремное заключение по приказу центральных властей одного из племенных вождей (Arab News.com 24.05.10).

Преступные элементы всех мастей, разумеется, широко пользовались такими вольготными условиями для наращивания своей деятельности не только в Йемене, но и в соседних странах. Боевики «Аль-Каиды» еще в декабре 2004 г. совершили налет на американское консульство во втором по значению саудовском городе Джидде. На захваченном у них оружии были обнаружены серийные номера министерства обороны Йемена.

По рекомендации американцев центральные власти ЙАР в начале 2010 г. попытались было навести порядок в этой опасной и весьма чувствительной сфере, запретив в административном порядке (соответствующий закон намертво застрял в парламенте) свободный оборот оружия и задержав некоторых наиболее крупных торговцев. Однако кардинально решить эту проблему так и не удалось. Тогда американцы снабдили Сану деньгами, на которые можно было бы выкупить у племен имевшееся вооружение и приостановить его оборот в стране. Результатом оказался лишь резкий взлет цен на него на черных рынках (Asharq Alawsat. 08.02.10). Помощник президента США по вопросам безопасности и борьбе с терроризмом Дж. Бреннан был весьма удивлен и обескуражен, когда на доверительной встрече с президентом А. Салехом увидел одного из местных крупных и потому влиятельных торговцев оружием (Asharq Alawsat. 07.06.11).

В условиях эскалации напряженности в аравийском субрегионе министр обороны США Р. Гейтс был вынужден признать ошибочность и поспешность оценок американских спецслужб о сокращении боевых возможностей «Аль-Каиды». По его мнению, эта организация «успешно обрастала филиалами» и существовала реальная опасность «ее тесного взаимодействия с талибами», что ставило перед США новые, еще более сложные задачи в борьбе с «таким разветвленным и трудно распознаваемым террористическим синдикатом» (The Washington Post. 21.01.10).

Серьезное беспокойство в Вашингтоне вызывали и участившиеся сообщения о сильной засоренности органов политической безопасности Йемена тайными сторонниками «Аль-Каиды», что ставило под вопрос эффективность всех антитеррористических замыслов американского руководства (Asharq Alawsat. 12.02.10).

Опасаясь нарастания внутренней смуты, президент Йемена А. А. Салех, продержавшийся более 30 лет у власти, балансируя и лавируя между различными, часто диаметрально противоположными интересами разношерстных родоплеменных групп, выразил готовность вступить в диалог с членами «Аль-Каиды», если те сложат оружие.

Такой вполне объяснимый ход йеменского руководителя вызвал в Вашингтоне раздражение и дополнительные подозрения (The Washington Post. 20.01.10). У всех на памяти был нашумевший побег в феврале 2006 г. большой группы причастных к подрыву в 2000 г. американского эсминца «Коул» из «суперохраняемой» йеменской тюрьмы, состоявшийся, как подозревали, не без участия йеменских спецслужб. Многие из них позднее стали видными активистами «Аль-Каиды». В дальнейшем пополнение рядов террористов за счет бежавших из заключения каидовцев происходило весьма

часто. Такие инциденты имели место, к примеру, в июне и декабре 2011 г., причем беглецов, тут же растворявшихся в огромной массе недовольных режимом, сепаратистов и религиозных радикалов, всерьез искать никто и не собирался (Lenta.ru 12.12.11).

Кроме того, американцы не могли простить А. А. Салеху освобождения из-под домашнего ареста одного из организаторов подрыва своего эсминца и последовавшего затем твердого отказа выдать его США (The New York Times. 11.01.10).

Действуя, исходя прежде всего из внутриполитических интересов, тот же А. А. Салех в самом конце 2010 г. дал команду освободить свыше 400 повстанцев для замирения при катарском посредничестве с северными сепаратистами — зейдитами (ветвь шиизма) (Arab News. 30.12.10). Такой шаг, продиктованный соображениями упрочения пошатнувшихся из-за племенных распрей позиций правящего режима, вряд ли мог способствовать ослаблению террористической опасности в субрегионе.

Продолжавшиеся попытки силового решения проблемы «Аль-Каиды» также не приносили желаемого результата. В конце мая 2010 г., к примеру, американцы, намереваясь нанести новый удар по одной из ее баз, вместо этого привычным ударом с беспилотника порешили зам. губернатора провинции Маариб с пятью сопровождавшими. Этот чиновник был назначен самим президентом как посредник для урегулирования отношений властей с местными каидовцами, лидером которых был его родственник. По просочившимся позднее в СМИ сведениям, удар по этому должностному лицу, впавшему, как выяснилось, в немилость клана А. А. Салеха, был нанесен отнюдь не случайно, а по наводке столичных властей (Lenta.ru 29.12.11).

Разгневанные соплеменники убиенных в отместку взорвали нефтепровод и схватились с правительственными войсками (Arab News. 25.05.10). Через месяц группа переодетых в военную форму боевиков среди бела дня штурмовала штаб-квартиру сил безопасности в Адене, сумев освободить несколько задержанных подозреваемых в принадлежности к «Аль-Каиде» (ArabNews.com 20.06.10). А покушения на американских и других западных дипломатов следовали одно за другим.

Однако в сложной обстановке явного неприятия в мусульманской среде, да и в самих США, продолжавшихся двух войн в Ираке и Афганистане, третья — в Йемене американцам была явно не под силу, поэтому Вашингтону пришлось ретироваться. Как широковещательно заверил президент Б. Обама, «он не желает, чтобы ботинок американского солдата ступил на йеменскую или сомалийскую земли» (The New York Times. 11.01.10). Проблемы Йемена, признала Х. Клинтон, «не могут быть решены только военным путем» (ИТАР-ТАСС. 28.01.10).

А главной из них оставалась почти поголовная бедность (173 место в мире по уровню дохода на душу населения) и безработица 23-миллионного населения страны, 60 % которого составляла молодежь (один из самых высоких показателей рождаемости) (Коммерсантъ-Власть. 19.03.12). По оценке вице-президента ЙАР А.-М. аль-Хади, трудовая неустроенность молодежи была «страшнее «Аль-Каиды» (Asharq Alawsat. 01.12.10). Лишенная в силу стесненных материальных условий какой-либо перспективы на будущее, она поневоле искала ее у исламистов. Ряды местных потенциальных муджагидов пополнялись и за счет еще менее обеспеченных беженцев из

соседнего Сомали. Их число в ЙАР за несколько лет возросло с 300 тыс. до 1,3 млн человек (Asharq Alawsat. 01.12.10). Падение цен на нефть, поступления от которой на 70 % поддерживали йеменскую экономику, еще более усугубили ситуацию (Asharq Alawsat. 28.01.10).

Таким образом, мало-помалу Йемен, наряду с Ираком и Афганистаном, становился для США еще одним фронтом антитеррористической войны, требовавшим все больше финансовых вливаний. Если в 2006 г. американская военная помощь этой далекой стране составляла лишь 4,6 млн долл., в 2009 г. на нее было выделено уже 70 млн долл., а в 2010 г. ассигнования на эти цели увечились более чем вдвое (до 155 млн долл.) (Arab News. 16.10.10). В том же году госдеп официально отнес «Аль-Каиду на Аравийском полуострове» к террористическим организациям, что развязывало американцам руки в борьбе с нею разработанными еще при Дж. Буше-младшем «усиленными средствами» (The Washington Post. 20.01.10). На состоявшихся в сентябре 2011 г. слушаниях в конгрессе новый директор ЦРУ, все тот же генерал Д. Петреус, назвал эту организацию наиболее опасным для США филиалом «Аль-Каиды» (Независимая газета. 16.09.11). Вот почему на 2011 год Пентагон на помощь Йемену запросил уже 250 млн долл., однако этой суммы, по мнению йеменских властей, «было явно недостаточно» (Lenta.ru 04.11.10; Asharq Alawsat. 10.11.10).

Несмотря на наращивание антитеррористического сотрудничества с центральным правительством Йемена, положение с безопасностью продолжало ухудшаться. По этой причине в начале 2010 г. пришлось даже на пару дней закрыть посольство США в Сане. Примеру американских союзников по той же причине последовали Великобритания, а за ней и Франция. Просвета в этой сфере не наблюдалось: в середине декабря 2010 г., к примеру, сотрудники посольства США в Сане подверглись прямому нападению — в их автомобиль неизвестные бросили взрывное устройство (РИАН. 17.12.10).

27 января 2010 г. в Лондоне по инициативе британского премьера Г. Брауна прошла весьма представительная международная конференция по ситуации в Йемене, неуклонно скатывавшемся в категорию «неудавшихся государств». На ней руководство ЙАР запросило у мирового сообщества пятилетний «план Маршалла» в виде явно неподъемной помощи для «ликвидации бедности» в размере не менее 40 млрд долл. (Asharq Alawsat. 28.01.10).

Участники конференции, признавая важность финансовой поддержки йеменского руководства, ограничились лишь созданием международной программы «Друзья Йемена». Реакция вождей йеменских племен на такое решение была вполне предсказуемой — исходя из тяжелого и нередко кровавого исторического опыта региона, они выразили протест против «империалистического заговора за спиной народа» и поклялись не допустить «иностранного вмешательства во внутренние дела страны под видом помощи». (Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (25–31 января 2010 г.) // www.iimes.ru)

Антиамериканские и сепаратистские настроения получили дополнительный накал в ходе беспорядков, захлестнувших Йемен, как и многие другие арабские страны, в начале 2011 г., которые сводили на нет «профилактические» антитеррористические мероприятия и затраты США. В разгар столкновений с оппозицией президенту ЙАР А. Салеху пришлось даже публично покритиковать США и Израиль за разжигание «смуты на Ближнем

Востоке». Вскоре, однако, он принес извинения Вашингтону за свои дерзкие высказывания, которые якобы были «неверно интерпретированы» (The New York Times. 03.03.11).

К лету 2011 г. в Йемене вовсю полыхала яростная межплеменная и межконфессиональная война. В конце июня вице-президент А.-М. аль-Хади признал, что власти потеряли контроль над пятью из двадцати провинций страны (Lenta.ru 30.06.11). В южной провинции Абьян (г. Зинджибар), к примеру, еще в мае верх взяли каидовцы, которые во всеуслышание объявили ее «исламским эмиратом» и успешно обороняли все расширявшуюся захваченную территорию от атак правительственных войск. Одновременно оживилось сепаратистское движение шиитов на севере страны (Коммерсантъ-Daily. 29.11.11).

«Это, — с болью оценил министр иностранных дел России С. В. Лавров, — тяжелейшая гражданская война, когда те, кого принято было называть «гражданскими демонстрантами», используют тяжелые вооружения, бомбят или пытаются захватить правительственные учреждения» (www.mid.ru 04.06.11).

В ходе кровопролитных схваток дело дошло до обстрела 3 июня президентского компаунда, в результате которого серьезно пострадали выходившие после молитвы из мечети президент А. А. Салех (было обожжено 70 % тела и пробито легкое) и несколько его сподвижников (Asharq Alawsat. 01.09.11). Йеменскому руководителю после полученных тяжелых ранений пришлось даже отправиться на трехмесячное лечение в Саудовскую Аравию, что дало повод его противникам потребовать его невозвращения.

США также отвернулись от своего прежнего союзника в борьбе с террористами и заученно призвали йеменцев к «мирному переходу к демократии» (Asharq Alawsat. 07.06.11). Примечательно в этой связи заявление йеменского секретаря по общественным связям А. аль-Суфи, который прямо обвинил американцев в подготовке удара по президенту А. Салеху и его окружению (Asharq Alawsat. 07.06.11).

На юге тем временем развернулись активные боестолкновения между правительственными войсками и отрядами сторонников «Аль-Каиды». Об «эффективности» такой антитеррористической борьбы свидетельствовал инцидент в начале октября 2011 г., когда самолет правительственных сил нанес ошибочный удар по позициям армии на юге Йемена, в результате которого погибли, по меньшей мере, 30 военнослужащих (Газета.Ру 02.10.11).

На таком мрачном фоне американцы предприняли попытки воспользоваться внутрийеменской неразберихой, чтобы нанести дополнительные удары по исламистским боевикам с воздуха (The New York Times. 09.06.11). Для этого они даже собрались строить в зоне Залива секретные авиабазы для беспилотников (Lenta.ru 15.06.11). В конце апреля 2012 г. Белый дом одобрил продолжение ударов с беспилотников в Йемене, не считаясь с людскими потерями. По заявлению официальных представителей США, «американским контртеррористическим силам будет разрешено наносить удары по людям, если станет известно, что они замышляют теракты против США, даже если американской разведке и не удастся узнать их имена» (Интерфакс. 27.04.12).

Рассчитывать на подготовленные с помощью американцев и на их деньги местные антитеррористические подразделения не приходилось: после

вспыхнувших беспорядков многие из них вернулись в казармы, а некоторые подались к каидовцам (Asharq Alawsat. 07.06.11).

Их ряды пополнялись и за счет заключенных, вырывавшихся на свободу в результате погромов тюрем и других мест заключения, периодически устраивавшихся исламистскими боевиками. В г. Рида, к примеру, в январе 2012 г. они освободили от 150 до 200 заключенных, которые тут же присоединились к мятежникам. Примечательно, что руководил штурмом местной тюрьмы один из лидеров «Аль-Каиды на Аравийском полуострове» Т. аз-Загаб (Известия. 18.01.12).

Однако определить в условиях общей сумятицы и практически каждодневных ожесточенных междоусобных схваток «кто свой, кто чужой» американцам было весьма затруднительно. Кроме того, ощутимо возрастал риск получения ложной информации от противоборствовавших сторон, которые зачастую умышленно подталкивали американских спецназовцев к нанесению ударов по своим противникам.

Многочисленные жертвы от американских налетов приводили лишь к разжиганию неприязни и открытой вражды к США, на которые исламисты привычно валили всю вину за страдания простого народа.

Удары с беспилотников не всегда бывали удачны и нередко ставили их исполнителей в неловкое положение. Такая промашка случилась в июне 2012 г., когда Белый дом подтвердил сообщения СМИ о ликвидации таким способом второго человека в иерархии «Аль-Каиды» А.-Я. аль-Либи. (Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (4–10 июня 2012 г.) // iimes.ru) А тот, как ни в чем не бывало, уже через несколько дней живым и невредимым вовсю вещал по телевидению и через Интернет.

К концу 2011 г. в Йемене наметился поворот к разрядке внутриполитической напряженности. Вернувшийся в страну президент А. Салех из-за непрекращавшихся массовых протестов и вооруженных схваток был вынужден в ноябре «на время» уйти с поста президента после 33 лет правления и в январе 2012 г. отправиться в США для «продолжения лечения» (Arab News. 29.01.12).

В Москве выход из йеменского тупика видели в скорейшем и полном прекращении насилия, в мирном политическом урегулировании всех спорных проблем на основе широкого национального диалога и согласия, в сохранении единства и территориальной целостности страны. Такая реалистичная и взвешенная позиция была изложена С. В. Лавровым в ходе состоявшейся в конце октября 2011 г. в МИД РФ встречи с представителями йеменской оппозиции (Интерфакс. 21.10.11). Они высоко оценили конструктивную и активную роль России в деле мирного разрешения кризисной ситуации в Йемене и обеспечения ее ненасильственного перевода в русло демократических преобразований (www.mid.ru 20.10.11).

Йеменские власти с благодарностью встретили направленную из России в феврале 2012 г. гуманитарную помощь (свыше 30 тонн различных грузов — палатки, одеяла, продукты питания и другие предметы первой необходимости), отметив ее своевременность и востребованность (www.mid.ru 08.02.12). В трудной и взрывоопасной обстановке не прекращали работу российские медики, самоотверженно оказывавшие помощь нуждавшимся практически по всей стране. В российских вузах проходили подготовку йеменские кадры (www.mid.ru 23.05.12).

Последовательная линия России на содействие восстановлению стабильности и безопасности в Йемене была подтверждена в ходе рабочей поездки в Сану 15–16 февраля 2012 г. спецпредставителя министра иностранных дел РФ по ближневосточному урегулированию, директора Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД РФ С. В. Вершинина. В ходе состоявшихся встреч и бесед йеменские лидеры дали высокую оценку активной роли России в плане содействия мирному решению стоящих перед страной проблем без вмешательства извне и в соответствии с чаяниями всех граждан (www.mid.ru 16.02.12).

К весне 2012 г. в Йемене произошла единственная за «арабскую весну» договорная смена власти в соответствии с планом, разработанным его арабскими соседями по Персидскому заливу и одобренным Советом Безопасности ООН. Россия вошла в число основных свидетелей и гарантов реализации оформивших его соглашений, подписанных в Эр-Рияде 23 ноября 2011 г. (www.mid.ru 23.05.12). Засидевшийся в президентском кресле на три десятилетия А. А. Салех после долгих проволочек, откладываний и маневров, сопровождавшихся кровавыми столкновениями между его сторонниками и противниками, получил от парламента абсолютный политический и юридический иммунитет от судебного преследования, окончательно сдал бразды правления и, попросив прощения у йеменского народа, отправился на постоянное место жительства в Эфиопию.

После досрочных выборов президента Йеменской Республики в феврале 2012 г. в стране начался двухлетний переходный этап на основе налаживания межйеменского диалога. Россия вместе с Евросоюзом взяла на себя кураторство этого приоритетного направления для выхода на согласованные самими йеменцами решения по ключевым проблемам их государственной и политической жизни (www.mid.ru 23.05.12).

Достигнутая при международном содействии передача власти не привела к нормализации обстановки в стране, к решению застарелых политических и экономических проблем, и, прежде всего, почти поголовной бедности населения и голода. Страна оставалась расколотой, на юге вовсю орудовала «Аль-Каида», а на севере шиитские сепаратисты. Предводитель «Аль-Каиды» А. аз-Завахири назвал нового временного президента страны А.-М. аль-Хади «американским шпионом» и объявил ему войну (ТВЦ. 22.05.12). К концу мая подрывные действия террористов распространились и на столицу страны — Сану, где во время репетиции торжественного парада по случаю 22-й годовщины объединения Йемена смертник привел в действие пояс шахида, взрыв которого повлек за собой беспрецедентные в новейшей истории страны жертвы: он разорвал на куски почти сотню человек и ранил около 200 (Коммерсантъ-Daily. 22.05.12). Ответственность за это преступление взяла на себя «Аль-Каида на Аравийском полуострове». Выступая перед парламентом страны в апреле 2012 г., министр обороны Йемена М. Н. Ахмад был вынужден с горечью констатировать: «Армия расколота. Две силы борются за власть (сторонников и противников прежнего президента А. А. Салеха. — *А. В.*), и мы застряли между ними. Каждая из сторон пытается установить свою власть, и “Аль-Каида” с успехом пользуется этим» (Интерфакс. 02.04.12).

Отражением этой борьбы стал еще один весьма показательный вооруженный инцидент, имевший место все в той же Сане 14 августа 2012 г. На

сей раз взбунтовались и обстреляли здание министерства обороны подразделения элитной республиканской гвардии и все потому, что не захотели выполнить приказ о выходе из-под командования сына бывшего президента А. А. Салеха (EuroNews. 14.08.12).

Через месяц на улицы Саны вышли более 200 тыс. человек, требовавших лишить А. А. Салеха иммунитета от судебного преследования. А через день в столице было совершено покушение на министра обороны А. Али. (Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (10–16 сентября 2012 г.) // iimes.ru) Ожесточенная борьба за власть и влияние в стране не стихала.

Вышла книга

Шабля Ярослав Юрьевич. Обретение осени. — СПб, 2011. — 64 с.

Лирический герой Ярослава Шабли — горожанин, ленинградец, а теперь и петербуржец, но горожанин, не утративший связь со своими корнями, не утративший способности чутко воспринимать происходящее в мире и, главное, не утративший веры в позитивную сторону жизни.

В парке города жили грибы,
Набухали ольховые почки.
Были редкие дни голубы,
Колыхались беззвездные ночи.

Книга несет хороший заряд оптимизма, что не часто встречается в книгах современных поэтов. Это трезвый оптимизм человека, прошедшего свою долю испытаний и поворотов судьбы.

Сильная сторона стихов Ярослава Шабли — их соразмерность, уравновешенность.

Неслучайно один из разделов книги назван «Весеннее равноденствие». О чем бы ни писал поэт, будь то стихи о заводе или о церковной службе, о женщине («Осанна женщине моей!..») или об осеннем парке — он умело находит тонкое равновесие между чувством и словом, между темой и интонацией.

Стихи Ярослава Шабли традиционны, но не банальны. У них хорошая плотность образа и мысли.

Проходят и люди и тени,
Костров зарастают следы.
На зыбком безмене сравнений
Вершится оценка судьбы.

Я знаю автора более тридцати лет и могу только пожалеть, что «перерыв» в жизни страны сказался и на творчестве Ярослава Шабли — да только ли на нем одном? Я рад, что хотя бы и сейчас, спустя много лет, его муза вновь зазвучала, и рождение поэта состоялось. Хочется пожелать ему обретения своего читателя и счастливой творческой судьбы.

Борис Краснов, поэт, Союз писателей России

Борис КЛЮЧНИКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ РАСИЗМА

Главы из нового исследования «Большая Европа В. Путина» (кто «за» и кто «против»)

Борис Фёдорович Ключников — родился в г. Георгиевске Ставропольского края в 1935 г. Окончил с отличием МГИМО, Дипломатическую академию. В течение более 20 лет работал в ЮНЕСКО в Париже. В качестве эксперта ЮНЕСКО и Всемирного Банка работал в десятках стран Азии, Африки и Латинской Америки. Многие годы был директором программы политики и планирования образования ЮНЕСКО. Вернувшись на родину, стал главным научным сотрудником Института востоковедения РАН, профессором Восточного университета. Автор семи монографий. В течение 15 лет печатается в журнале «Наш современник». **Живет в Переделкино.**

В конце 2011 г., когда в Европе кипели страсти из-за отказа правительств от политики мультикультурализма, появилась книга А. Лентина и Го Тайтли «Расизм в эпоху неолиберализма»[1]. Авторы книги не согласны с общепринятой точкой зрения, что эксперимент европейских элит с «мультикульти» просто не удался. «Нет, — возражают они, — этот маневр был давно задуман как способ «отмывания различных форм расизма, делая их постепенно все более приемлемыми». Расизм всегда был нацелен на оправдание и утверждение различных иерархий. Культура в истории тоже была в центре всяческих теорий о превосходстве одних народов над другими».

Действительно, создается впечатление, что идеи равенства и равных свобод и возможностей становятся для правящих элит обременительными. Их взоры обращаются к загнанному в подполье расизму. Во многих западных странах возобновились исследования в области евгеники с целью выведения особой породы людей. Теперь эти сомнительные опыты оправдывают необходимостью вывести «миролюбивую благожелательную породу людей, компенсировать то, что человечество теряет во время войн, когда гибнут лучшие особи». Такую евгенику все чаще пропагандируют как евгенику равенства — «эгалитарную евгенику». Без нее, — уверяет оксфордский профессор Савулеску, «современные люди в следующие сто лет уничтожат друг друга, так как ни биологически, ни психологически они не способны выжить в современных обществах». Чтобы выжить, — пишет профессор, — надо заниматься «генетической инженерией с

[1] Racism in a Neoliberal Age, by Alana Lentia and Gavan Titley.

целью искоренить в сознании людей расизм». В прессе уже называют пилюли от расизма — «**propranolol».** Они же лечат и сердечные болезни, — сообщила доктор экспериментальной психологии в Оксфорде Сильвия Тербек[1]. Сообщения о том, чем ученые занимаются в лабораториях Оксфорда, кто и зачем дает им такие заказы, вызвали в обществе оживленные дискуссии. Почему эти ученые ставят опыты только на белых людях?! Табу на расизм есть только среди белых. Среди неевропейцев нет таких табу, хотя действуют декларации ООН. Какой тип расизма хотят подавить этими пилюлями? Есть много видов расизма. Значит, пилюли можно применять избирательно. Чего должны ждать люди? Эти пилюли будут незаметно вводить в пищу или в поливитамины. Для того чтобы превратить людей в покорные существа, строящие мультикультурное общество? Некоторые эксперты высказались в том смысле, что эти пилюли являются химическим оружием, с помощью которого будут возводить либеральный фашизм.

Поставим задачу: выяснить, действительно ли расизм возвращается? И если да, то почему и в каких формах.

Отказ западноевропейских правительств от мультикультурализма, конечно, не решает проблем, связанных с иммиграцией. Все партии — правящие и оппозиционные, боятся ползучей исламизации Европы. Однако «стоящие у власти либералы не желают с ней бороться открыто, — пишет влиятельный французский политик А. Сорель (Alain Sorel). — Сами они не хотят марать руки, ибо знают, что, скорее всего, это будет расценено как расизм. Это пока карается законом. И потому они подбадривают оппозицию, выталкивают на авансцену различные правые группировки. Ставку делают на две невидимые и противостоящие сети, которые готовы, не маскируясь, бороться с исламизацией. Это, во-первых, Израиль и его сторонники в Европе и, во-вторых, та ветвь масонства, которая, — пишет А. Сорель, — поддерживает невидимые контакты с католическими организациями. Эта вторая сеть вдвойне антисемитская: она борется и против сионизма, и против фундаменталистского ислама».

Такая обстановка во многих европейских странах, но все дело в том, что иммиграция ускоряется и по всем прогнозам будет быстро наращивать темпы: по расчетам экономистов Евросоюза в течение 10 лет ему потребуется из-за границы еще 22 миллиона рабочих рук. Ассимилировать такую массу вновь прибывших иммигрантов не удастся ни мягко, ни насильственно. Европейцы имеют дело в основном с иммигрантами из мусульманских стран, которые твердо стоят в своей вере, остаются прочно связанными со своей родиной, с ее нравами и обычаями. Такой сплав не ассимилируем. Противостояние неизбежно.

Это объясняет, почему в глазах европейцев националисты становятся защитниками-патриотами. Многие у нас в стране согласны с мнением известного политолога В. Никонова, что «нельзя смешивать махровый национализм и рост национального самосознания». Это действительно не одно и то же: первый означает обожание своего и ненависть к чужому; второй — защиту своего и неприятие чужого. В Европе тоже националисты чрезвычайно разные. Одни исповедуют справедливый охранительный национа-

[1] См. google search for «Heart disease drug combats racism», а также «Sylvia Terbeck in: The Telegraph».

лизм, другие шовинизм — наступательный, агрессивный национализм, чреватый перерасти в открытый расизм. *Таким образом, дело с вырождением либеральной концепции мультикультурализма принимает чрезвычайно опасный оборот*. Исчезают одна за другой те духовные скрепы, те общие ценности, которые пронизывали весь общественный порядок европейских стран. Их место не занято. Кто, чьи идеи заполнят этот вакуум? Два грандиозных проекта — социалистический и либеральный — потерпели крах. В обществе растет спрос на жесткий порядок, на этику трудных времен. Национализм может легко переродиться в расизм. Кто заинтересован в возврате к расистским идеям? Кто будет их внедрять? Не только агрессивные националисты, но и мировая финансовая олигархия и ее местные властные представители. Парадокс, однако, в том, что националисты сражаются за сохранение наций и национальных государств, а олигархи с Уолл-стрит и из лондонского Сити — за их разрушение. Им нужен космополитический иерархично построенный «человейник». *Два мощных, хотя и разнонаправленных, течения могут использовать ушедший в подполье латентный расизм европейцев*.

Зачем понадобилось, например, официальному лицу — министру внутренних дел Франции Клоду Геану (Clfude Guйant) заявлять, что «цивилизации не равноценны», что надо признать «превосходство европейских ценностей и защищать их»[1]. Министр подтвердил то, что говорил в палате лордов за год до него признанный расист голландец Г. Вильдерс. Министр уклонился прямо сказать, что он имеет в виду мусульманскую цивилизацию. Но было ясно, о ком речь: есть «цивилизации не уважающие права женщин», «с насмешкой относящиеся к равенству и свободе». Все его примеры более низких ценностей он привел из ислама, как он его понимает: «цивилизация, которая вводит тиранию, не признает равенства мужчин и женщин». Он подтвердил мнение националистов, что Франции не нужно столько иммигрантов: больше чем четверть из них остаются постоянно безработными, они живут на пособия. Две трети иммигрантских детей плохо учатся, не способны усвоить программу французских школ. Его высказывания вызвали во Франции шквал возмущения, прежде всего учителей. Но это среди французов, воспитанных в духе гуманизма и просвещения.

Европа в расовом вопросе традиционно разнолика. Известный политолог Шамир Израэль со знанием дела обрисовал различия[2]. По его мнению, французская колонизация была в целом культурная — шло «приобщение туземцев к Корнелю и Вольтеру». В ее основе лежал старый код колонизации галлов франками. У русских свой культурный код приобщения, включения, основанный на равенстве колонизаторов и колонизируемых. Код православия. «Именно эта глубокая русификация евреев из России, — пишет Шамир Израэль, — делает их чужими в Израиле… Русские евреи в Израиле все же недостаточно расисты. Несмотря на их отчаянные попытки имитировать израильский расизм, они все-таки недостаточно расисты. Их девушки часто выходят замуж за палестинцев»[3]. Английская колонизация, напротив, основана на строгом апартеиде. В ее основе тоже исторический

[1] См. в газетах: KM.ru, 6 февраля 2012 г. и Figaro, 12 Mai 2011.

[2] Газета «Завтра», 24 марта 2010 г.

[3] Там же.

код колонизации кельтов-бриттов англосаксами. Отмечу, со своей стороны, что в Англии детей английских солдат и индийских женщин называли «евразийцами» и не признавали англичанами. Англосаксы всегда создавали расовый барьер.

В этой связи вспоминаю такой случай из моей жизни во Франции, когда работал в ЮНЕСКО. Как-то за чашкой кофе у меня шла непринужденная беседа с Наджмуддином Баматом (N. Bamat) и англичанином Джоном Смитом (J. Smyth). Бамат работал по афганской квоте, хотя по происхождению он был кабардинец, говорил на интеллигентнейшем русском языке. Это был талантливый ученый, известный культуролог и полиглот. Его отец — кабардинский князь и царский генерал Бамат — эмигрировал в Персию, а затем в Афганистан на службу к другому монарху, к Аманулле-хану. В этой беседе я упомянул, что на Северном Кавказе наши родители были близкими соседями и, наверное, встречались и, насколько мне известно, мой дед — есаул в Терском казачьем войске — воевал в Турции под командованием генерала Бамата. Наджмуддин живо откликнулся, сказал, что это был его отец. Позже, когда мы расстались, мой английский друг Джон недоверчиво переспросил меня: «Странно, что у русских царей были такие порядки! Туземные генералы командовали русскими офицерами»? В Британской империи это было не принято, а в Российской Империи это было обычным явлением.

Глубокие корни расизма

Разгром нацистской Германии означал отказ человечества от свирепой, истребительной версии расизма. Уставом ООН на Нюрнбергском процессе юридически запретили пропаганду человеконенавистнических теорий, в первую очередь расизма. С тех пор человечество отмечает установленный ООН Международный день ликвидации расизма. Много добрых начинаний было предпринято в эти десятилетия. Но расизм не искоренен, он ушел в подполье, он остался и среди белых, и среди желтых, и среди черных. Вирус расизма очень живуч, многообразен, заразен. Ныне в приличном обществе не принято даже рассуждать о расах, об их особенностях. Это табу. Появились теоретики-экстремисты, которые вопреки жизненным фактам стали утверждать, что рас вообще нет и не было. А если кто-то утверждает очевидное, что расы есть, то его, не вдаваясь в доводы, клеймят расистом. Как это часто случается при обсуждении болезненных проблем, общество из одной крайности ушло в другую. Болезнь загнана вглубь.

У расизма очень глубокие корни. Веками процветала работорговля, чаще всего носившая расовый характер. Она обогащала не только голландцев, англичан и прочих европейцев, но и персидских и арабских вельмож, снаряжавших экспедиции в Черную Африку на ловлю рабов. Алжирские пираты захватили в плен и продали в рабство 1,2 млн европейцев даже из Исландии. Рабство и работорговлю европейцы обнаружили и в Новом Свете. Пленные чужаки автоматически становились рабами. Господствовал вечный принцип: горе побежденным. История веками делалась и писалась с учетом расового фактора.

Предполагается, что 8 тысяч лет тому назад северные племена ариев, или, как их называл М. В. Ломоносов, «гипербореев», покинули Южный Урал и вторглись в Индию, уже тогда густо населенную темнокожими дра-

видами. «Началу возникновения каст, — пишет профессор Н. Р. Гусева, — положило четкое деление на арьев и не арьев»[1]… В законах Ману содержались строгие предписания о нежелательности и о невозможности вступления арьев в брак с не арьями».

Почему законы Ману предписывали разделение несовместимых, как считалось, обществ? Для чего арии внедряли касты? Европейцы считают — для сохранения своего генофонда. Но никакие законы, никакие касты, как видим, не остановили естественный процесс смешения этносов. Оно было только отсрочено. Правда, отсрочено на тысячи лет. В индийском обществе было создано более 2000 каст, размещенных в четырех варнах: в высшей варне брахманов — духовных вождей ариев; в варне кшатриев — ариев-воинов; в варне вайшью (напоминает русское «весь», т. е. все прочие. — *Б. К.*) и в варне рабов — шудра.

Индийские ученые, правда, протестуют против теории вторжения ариев, порабощения и апартеида туземцев. Это, — считают они, — выдумки расово-озабоченных европейцев. «Слияние понятия “арии” и “раса” — это европейское изобретение, неизвестное в индуистской традиции… все принцы считались ариями, независимо от того были они по расе ариями или дравидами»[2].

Как видим, вопрос об ариях и до нацистов был крайне политизирован. Он до конца и ныне не выяснен, по сей день остается в центре полемики о будущем европейцев. Трудно иногда уяснить, с какой целью «арийские» дамбы сооружают на Западе? Классовые от волн нищеты, или расовые от волн расово чуждых, взаимно антипатичных иммигрантов, от волн, набегающих с Юга. Одно несомненно: намечается путь к апартеиду. В Индии кастовая система отступает, но пока еще жива. Сотни этносов Индии объединяет, по слову Индиры Ганди, «цивилизационное единство».

* * *

Термин «раса» впервые появился в XVII веке в трудах французских этнологов. Аристотель не употреблял этого термина, но объяснял социальное неравенство породой людей, фундаментальными природными различиями между людьми. Едва ли персонаж У. Шекспира был знаком с трудами Аристотеля, но он будто повторяет доводы Аристотеля:

О да, людьми вас числят в общем списке,
Как гончих, мопсов, пуделей, овчарок,
Борзых и шавок — всех равно зовут
Собаками, хотя цена
Различно расписана и ленивым и проворным,
Дворовым и охотничьим, смотря
По свойствам их — дарам природы щедрой.
Поэтому название породы
К их родовому имени — собака
Мы прибавляем. То же — и с людьми[3].

---

[1] *Гусева Н. Р.* Арии и древнеарийские традиции. М., 2010. С. 81–85.

[2] The Aryan Invasion / Theory in Indian Politics.

[3] *Шекспир У.* Леди Макбет. Перевод Ю. Корнеева. http://lib.rus.ec/b/50201/read

Дерзкую попытку описать мировую историю на основе борьбы рас предпринял современник теоретика борьбы классов К. Маркса (1818–1883) французский граф Артюр де Гоббино (1816–1882) — теоретик борьбы рас. Ученые того времени даже не считали его ученым. Для них он был любителем, романтиком, а то и просто чудаком. Между тем этот «чудак» оставил глубокий отпечаток, вплоть до наших дней, в мировоззрении многих поколений. Успех его идей — верное доказательство простой и глубокой мысли древнегреческого оратора Демосфена: люди верят прежде всего в то, во что хотят верить. А. Гоббино так именно и вещал: расы неравноценны, многие народы ущербны, неполноценны; европейцы являются высшей расой, намного во всех отношениях превосходят и желтую, и черную расы. В работе о «Неравенстве рас» А. Гоббино доказывал, что только высшая раса создает культуру, что нечистоплотное смешение рас ведет к хаосу. Белая раса арийцев и, особенно, ее нордическая ветвь, самая одаренная, единственно культурная, единственно творческая сила в истории. Именно она создавала все великие цивилизации.

У Гоббино, кстати, элитой ариев были не немцы, а французская аристократия — потомки франков — светловолосые голубоглазые покорители галлов-кельтов, тип людей, ныне не часто встречающийся среди современных французов. Ни Гоббино, ни его многочисленных последователей и поклонников не отрезвляет простой довод о величии и культурных достижениях древних цивилизаций Китая, Индии или Египта. Или то, что все великие монотеистические религии родились на Ближнем Востоке. Светлые религии являются величайшим творением человеческого гения. Греки времен Александра Македонского бросили военный вызов Востоку и получили духовный ответ Востока в виде христианства, ставшего основой европейской цивилизации.

Христианство подготовило строительные леса для будущего духовного единства человечества. Кремнист путь к нему, но оно неизбежно, если хотим выжить. Единство человечества независимо от расы и этнической принадлежности будет восприниматься нашими потомками как основа естественного миропорядка. Обо всем этом идет оживленная дискуссия.

Защитники превосходства белых людей возражают, защищая Гоббино, все высшие цивилизации древности были оплодотворены гением ариев — динлиней в Китае, ариев в Индии и Египте. Они пытаются доказать, что империи прошлого создавались только ариями и когда их кровь разбавлялась волнами неевропейской иммиграции, падала мораль и империи гибли. Известный в мире историк С. Н. Паркинсон пишет: «Рим в итоге был населен левантийцами-египтянами, армянами и евреями, астрологами, колдунами, гадателями, бездельниками и жуликами». Другой ученый провел в доказательство тезиса Паркинсона осмотр 13 900 могил, сохранившихся со времен Древнего Рима. Изучив имена погребенных, он пришел к выводу, что в девяти из десяти могил, т. е. в 90 %, погребены пришельцы-иммигранты с семитических окраин империи, из стран Ближнего Востока. Вот это и объясняет вырождение римлян: арийцы-римляне, создавшие великий Рим, в погоне за дешевым трудом рабов беззаботно отнеслись к иноплеменной иммиграции. Ко времени Цезаря, в канун Христианства, римляне по крови стали подобны современным американцам.

В этих дискуссиях выявляются факты крайней жестокости идеализируемых римских завоевателей. Легионы Цезаря, среди которых было

уже много варваров, сожгли 800 городов в покоренной Галии, превратили в рабов сотни тысяч галлов. Следовавшие за римскими легионами орды торговцев с Ближнего Востока за бесценок скупали рабов. Особенно ценились светловолосые голубоглазые молодые женщины, которыми пополнялись бордели Леванта. Такой эмоционально политизированный подбор исторических фактов влияет на людей и в Европе, и в Америке, настраивая их против пришельцев-иммигрантов, возрождая дремлющий расизм.

Расовая чистота и евгеника

А. Гоббино считают не только основателем расиологии, но и евгеники, мифологем о расовой чистоте и своеобразной селекции среди людей. Он утверждал, что различия во внешнем виде людей обязательно должны сказываться на их умственных, нравственных и физических качествах. Последователь А. Гоббино Важе де Ляпуж развил идею мэтра, выдвинув в дополнение к голубым глазам и светлым волосам еще и «черепной показатель»: северяне — это высшая нордическая раса, они длинноголовые — долихоцефалы, а семиты и прочие народы — короткоголовые и коротконогие брохицефалы.

А. Гоббино настаивал, что способности и поведение людей определяют не воспитание, не образование, а биологическая наследственность, порода, кровь. Поэтому породу надо хранить, избегать случайных беспорядочных смешений. Его не смущали такие факты из жизни великих людей, как, например, то, что титан Возрождения, гений среди гениев, Леонардо да Винчи был незаконнорожденным сыном тосканской крестьянки — «беспородным бастардом». М. Ганди был из низшей касты. Он отмахивался от десятков таких примеров, называя их «счастливыми уродцами».

А. Гоббино воспевал чистоту крови. Она представлялась ему исторической химией». Романтично, талантливо он воспевал миф о чистоте крови. Да, народы смешивались, но преимущественно с близкими этносами, и потому «счастливо». Вливаясь в кровь какого-либо народа, одна кровь, — писал он, — будто химический реактив, добавляет жизненной стойкости, творческой активности, чести и прочих благородных дарований. А другая кровь приводит к ухудшению породы — к лености, социальной деградации, к наследственным болезням. Одна примесь крови добавляет идеализма, благородства, великодушия, другая примесь крови гнетет пороками, тяготением к вульгарным плотским удовольствиям, к похотливости, несдержанности, к излишествам. Есть и такие добавки крови, которые разъедают нацию изнутри как ржавчина, съедают ее духовные скрепы, подталкивают народы к предательству, к смутам и братоубийственным войнам. Высшие расы, по мысли А. Гоббино, только и творят историю, преобразуют империи в цивилизации, рождают мыслителей и вождей. Увлеченные идеями А. Гоббино, его последователи стали приводить смехотворные «доказательства». Посмотрите, — говорят они, — на всех изображениях Конфуция у него крепкая густая борода. Это не характерно для желтой расы. Или: во всех летописях записано, что у Чингисхана были яркие зеленые глаза и необычная для монголов густая борода. Ясно, — говорят последователи А. Гоббино, — их гений — следствие нордической крови ариев-динлиней.

Среди тех, кого захватили идеи А. Гоббино, находим много знаменитых, действительно талантливых ученых, таких русских ученых и гуманистов, как А. Грумм-Гржимайло и И. Сикорский — отец знаменитого русского конструктора вертолетов в Америке Игоря Сикорского. Трудно оставаться не очарованными их описаниями наших предков — северных бородачей, динлиней, людей «длинной воли», авантюристов, землепроходцев, добравшихся в Монголию, в Китай, в Тибет. Они описывают их, ссылаясь на китайские летописи: светловолосые мужчины атлетического сложения, с крутым и воинственным нравом, неукротимые воины, любители пиров и вина. Женщины, напротив, чрезвычайно утонченные, грациозные, строго соблюдающие целомудрие. Они были так свободолюбивы, что никто не мог и в те суровые времена принудить девушку выйти замуж за нелюбимого. В их среде строго соблюдались моногамия и узы брака. Они с презрением относились к многоженству, к половой распущенности и похотливости окружающих южных народов. К тому, чем южные народы, напротив, весьма гордились! Антрополог И. Сикорский, труды которого переиздал в Америке его сын Игорь, описывает к тому же северные народы как врожденных идеалистов «с идеальным направлением жизни». Они очень чистоплотны, изобретательны, любят и хорошо владеют техникой, заботятся о будущем детей и внуков, непоколебимо преданы своим по крови вождям. Черты характера, которые отмечал у русов и византийский историк Прокопий.

Память о дальних предках, гордость за них, за их деяния похвальны, но нельзя возноситься над предками других народов и рас. Предупреждал Иисус Христос: «И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься». (Мтф. 11:23). Православный мудрец Н. Ф. Федоров призывал к братству, «к союзу сынов». «Неродственность — это и забвение отцов, и распри сынов… Отечественность, — учил он, — выше всего, и это не патриотизм, который вместо любви к отцам сделал их предметом *своей* гордости, т. е. заменил любовь самолюбием[1].

* * *

Идеи А. Гоббино захватили умы и сердца нескольких поколений европейцев. Расология расцветала пышным цветом и во Франции и, особенно, в Германии. Всю жизнь верил в ее постулаты Уинстон Черчилль. Его, аристократа, интересовала евгеника, рецепты сохранения чистоты крови, породы, ее повышения. «Улучшение породы британцев — цель моей жизни», — сообщал в 1899 г. в письме аристократке-кузине молодой политик сэр Уинстон.

В те годы так считали многие. Евгеника была узаконена во многих государствах: одним людям разрешалось плодиться и размножаться, другим нет. Для Черчилля, например, угрозу расовой чистоте составляли не только чужие расы, но и неполноценные соплеменники. Он был в числе авторов проекта закона 1913 г. о стерилизации неполноценных особей. Они подразделялись тогда на 4 категории: полные идиоты, полуидиоты (imbecil), слабоумные и моральные уроды. В парламенте он поддерживал планы доктора

[1] *Федоров Н. Ф.* Философия общего дела. Вопрос о братстве или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. не мирного состояния мира и о средствах к восстановлению родства. Т. 1. Верный, 1906; Т. 2. М., 1913.

Н. С. Шарпа о стерилизации дегенератов. Черчилль в 1910 г. просил своих сотрудников изучить закон штата Индиана в США от 1907 г. о стерилизации. По этому закону в Индиане с 1907 по 1981 г. было стерилизовано 65 тысяч человек. В 1912 г. Черчилль требовал стерилизовать педофила, изнасиловавшего двенадцатилетнюю девочку. И в последние годы своей долгой жизни он настаивал, что «этих несчастных, раз уж они появились на свет, надо изолировать, создать им необходимые условия в согласии с законами христианства и науки, так, чтобы их болезни и беды умерли вместе с ними и не были бы переданы будущим поколениям… они ужасная угроза расе». Он считал, что рецидивисты никогда не должны покидать трудовых колоний. Из этого видно, что для Черчилля, как и для многих других политиков, рецидивисты — это наследственные преступники. Так считали и в Швеции, где было стерилизовано 62 тысячи граждан.

В Германии нацисты развернулись во всю: после их прихода к власти 30 января 1933 г. к июлю 1933 г. было стерилизовано 150 тыс. психически больных немцев, — включая детей. Озабоченные «расовой гигиеной», нацисты разработали программу Т-4 для уничтожения «лишних ртов», среди которых фигурировали евреи, гомосексуалисты, хронические алкоголики, психически больные и враги рейха. Когда десятки тысяч раненных и искалеченных на Восточном фронте немецких солдат наводнили Германию, и Гитлеру доложили, что не хватает мест в госпиталях, он отдал приказ своему хирургу К. Бранду освободить места — «ликвидировать неизлечимых психически больных». По этому приказу были депортированы и уничтожены 231 800 «расово заразных» цыган.

Можно привести много других фактов, свидетельствующих о том, что вплоть до 40-х годов XX века люди в Европе и Америке весьма настороженно относились к чуждым расам. Порой их сознание было однозначно расовым. В работе китайского автора «Конец белой Америки» упоминается судебный процесс, состоявшийся в 20-х годах в США. Индиец Бхагат Синг-Зинд через суд пытался натурализоваться, доказывал, что в его жилах течет кровь ариев. Суд изучил новейшие данные антропологии, согласился расширить понятие «кавказская раса»[1] и включить в него индийцев, потому что у них тоже «отмечаются следы крови ариев». Однако, установив это, суд отказался признать индийца белым «так как в понимании простых людей он цветной»[2]. Вот таким было общественное сознание еще 90 лет тому назад. Но наступали другие времена, другие взгляды. Б. Имада, написавший работу «Расовая война — будущее Америки?», пишет: «Я думаю, что белые люди ныне ощущают себя как бы в осаде. Нет, ныне стало не хорошо (it is not OK) быть белым».

Расовые нюрнбергские и римские законы

Нюрнбергские законы нацистов в 1935 г. делали расизм респектабельным и перспективным. Государство фюрера педантично устанавливало, кого

[1] Термин «кавказская раса» (caucasian race) антропологи связывают с фактом, что Кавказ был месторазвитием ариев, но они 5–6 тыс. лет назад ушли в Переднюю Азию. См. подробнее: В. С. Леднев. Венеды. Славяне. Русь. М., 2010.

[2] The End of White America, by Hua Hsu. In: The Atlantic Magazin, Jan/Feb. 2009.

считать арийцем. Ариец не должен был иметь в близком родстве евреев и прочих семитов. Чтобы быть принятым в SS, претендент обязан был доказать, что все его предки с 1800 г. были чистыми арийцами. Не удовлетворившись идеями А. Гоббино и Д. Чемберлена о превосходстве белой расы, нацисты создали иерархию внутри самой белой расы, выдвигая на вершину пирамиды каких-то особо одаренных северных арийцев, отличавшихся «нордическим характером». Нацистский расовый теоретик и пропагандист евгеники Г. Гюнтер написал работу «Расовые элементы в европейской истории», выделив среди европейцев пять расовых групп: нордическую, средиземноморскую, динарскую, альпийскую и восточно-балтийскую.

Расовая озабоченность охватила и итальянских фашистов. Прямо-таки по пословице — куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Никак у Муссолини не получалось стать холодным нордиком, пристроиться к арийцам Гитлера, которому он однажды неполиткорректно все-таки сказал: «вы, немцы, были и остались варварами». В те годы и фюрер, и дуче мнили себя подобием древних римлян. То же безуспешно пытаются изображать многие американские политики и деятели культуры. Следуя примеру нацистской Германии, фашисты Италии издали в июле 1938 г. «Расовый манифест», в котором они заявили, что итальянцы должны открыто стремиться укреплять свое расовое сознание: «Итальянская расовая политика по природе должна быть итальянской и следовать арийской нордической модели… В пункте 8 манифеста фашисты писали: «Необходимо проводить ясное отличие средиземноморских народов Европы от восточных и африканских народов». Пункт 9 утверждал, что «евреи по крови не являются итальянцами».

Отмечу, что в 30–40-е годы такие влиятельные геополитики, как К. Хаусхофер, упорно не принимали средиземноморские народы Италии, Испании, Португалии, весь юг Европы ни в семью «нордических народов», ни в предлагаемые конструкции рейха. Они настаивали также на том, что надо учитывать и большую разницу между северными и южными французами. В школах нацистской Германии детей воспитывали убежденными расистами. В школьных библиотеках обязательно присутствовал памфлет, излагавший расовую теорию. Предусматривалось 11 лекций, памфлет открывало такое пафосное изречение Гитлера: «Я обращаюсь к вам как пророк: …кровь и расовое учение национал-социализма изменят наше понимание и прошлого, и будущего человечества»[1].

Расовые мифы, особенно расовая одержимость Гитлера, стали одной из причин быстрого краха «тысячелетнего рейха». Не помогли и расовые законы, принятые в Румынии, Венгрии, Словакии, Хорватии, Болгарии, поднимавшие их народы в нацистской расовой пирамиде и запрещавшие брак с «цветными особами».

В Третьем рейхе процветали расовые исследования — Rassenforschung, нацеленные на то, чтобы доказать, не больше не меньше, что вся история человечества была борьбой созидателей-арийцев с разрушителями-неарийцами: все великое в мире создано арийцами. Нацистских теоретиков не смущало, что их идеи опровергаются прежде всего великой немецкой философией. Фихте, один из «отцов германской нации», писал, что у каждого

[1] Der Reichfuehrer SS / SS Hauptamt, Rassenpolitik, Berlin, 1943.

народа есть свой гений, свой народный дух — Volkgeist, который выражается в его культуре.

Расовая зашоренность постоянно заводила нацистов в тупик.

Выведение расы господ и охота на славянских детей

После принятия нюрнбергских расовых законов нацисты начали масштабные работы по выведению «людей высшей расы, сверхлюдей, расы господ, расы повелителей». Этими работами руководил лично рейхсфюрер SS Генрих Гиммлер. Он, как и многие руководители SS, был одержим идеей сохранения остатков расы людей «чистой нордической крови». Тщательно отбирались молодые мужчины и женщины, которые соответствовали нацистским представлениям о высшей нордической расе — крепкие, голубоглазые, светловолосые. Их детей помещали в особняки, которые были конфискованы у евреев (Lebensbornhauser) и содержались на конфискованные деньги. Первый такой расовый питомник был открыт в 1935 г. под Мюнхеном (Steinhoring). Всего их было более десяти, в том числе в Шантийи под Парижем для детей немецких офицеров и француженок, а также в романтичном Венском лесу.

О масштабах программы можно судить по тому, что только в питомнике под Мюнхеном было рождено 2000 таких «сверхнордических» детей. Когда они подрастали, их отдавали на воспитание в «стопроцентные нацистские некатолические семьи» для «германизации». Обращаю внимание: только в «некатолические нацистские семьи». Нацисты больше доверяли протестантам. Католики были для них слишком мягки, смиренны, милосердны. В их среде не могли вырасти сверхчеловеки, ницшианские «белокурые бестии».

К вопросу об отношении современных националистов к христианству, к церкви мы вернемся позже. Это отношение должно нас, православных христиан — настораживать; недопустимо сотрудничество с теми, кто склонен к расизму и поддерживает человеконенавистнические расовые законы.

После оккупации Польши, Белоруссии и западных областей России нацистские теоретики и практики выведения расы господ обратили внимание, что среди славянок особенно велика доля красивых женщин, что их дети, больше чем где-либо в Германии, бывшей веками проходным двором, вполне соответствуют их образцам нордической породы. Доложили об этом Гиммлеру, и он дал всем рейхскомиссарам восточных земель сверхсекретное распоряжение[1] отбирать таких породистых нордических детей и «германизировать» их. Началась охота на славянских детей. Она была поставлена на широкую ногу. Кражей детей и насильственным их разлучением с матерями занимались особые подразделения SS и женские отряды SA (NSV), известные как «коричневые сестры». В Польше, начиная с 1940 г., таким образом забрали более 200 тыс. детей, в Белоруссии и в России по 50 тысяч. Даже среди малочисленного народа русинов, веками изолированно жившего в Карпатах, в тогдашней Венгрии, у матерей-славянок отняли 50 тыс. мальчиков и девочек. Подходили к матери прямо на улице, забирали ребенка, вся «вина» которого была лишь в том, что он уродился креп-

[1] См. подробнее www. «More Lesser Known Facts of WW II» (Больше о малоизвестных фактах Второй мировой войны).

ким, голубоглазым, русым. Судьба этих сотен тысяч детей и их несчастных родителей неизвестна. Дети были «германизированы». Возможно, мы встречаем их сейчас на улицах немецких городов.

Расовый идеолог рейха Альфред Розенберг, выросший среди русских, иногда объяснял собеседникам, что фюрер объявил славян неполноценной расой для оправдания захвата их богатых земель. Расисты, занятые выведением «расы господ», явно не считали славян неполноценными и потому масштабно использовали в своих экспериментах славянских детей. Этим, видимо, и объясняется сверхсекретность распоряжения Гиммлера о захватах славянских детей. Судьба посмеялась над расистами, над их главарем юдофобом Гиммлером: немецкая пресса несколько лет тому назад сообщила, что внучка Гиммлера вышла замуж за еврея.

Неонацисты и националисты в современном немецком обществе

Покинул ли дух расизма земли Германии и души немцев? В основном да, денацификация проводилась тщательно, со знанием дела. Однако ,встречаясь с молодыми немцами или читая их откровения в Интернете, убеждаешься, что расовое сознание до конца не искоренено. Члены и симпатизирующие непотопляемой Национально-демократической партии Германии и влившегося в нее Немецкого народного союза (Deutsche volkunion) пересматривают официальную историю и учат юношество: «наши деды в Третьем рейхе не были преступниками». Но они во всей Европе были оккупантами и многие совершали преступления. Слов нет, не все немцы тогда были гестаповцами, эсесовцами, чудовищами вроде Эльзы Кох или доктора Менгеле. Вспоминаю рассказ моей славной помощницы Денис Фелендлер, с которой мы в ЮНЕСКО сотрудничали в течение 20 лет. Денис было 19 лет, когда ее, как еврейку, арестовали. Когда огромную толпу евреев вталкивали в вагоны для отправки в концлагеря, солдат вермахта, улучив момент, шепнув ей: «Беги», столкнул ее с железнодорожной насыпи. Она выжила и всю жизнь вспоминала этого немца. Вспоминаю и рассказы родных и соседей о том, как их во время оккупации в 1942–1943 гг. немецкие солдаты-оккупанты защищали от грабежей разнузданных румынских вояк. Старые крымчане расскажут вам, как оккупанты-немцы порой защищали их от головорезов из крымских татар, еще недавно бывших добрыми соседями. Верно было сказано: гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий остается, хотя и впал он в великий грех нацизма.

И все-таки нацисты в Германии остаются и продолжают свое дело. Как пишет основательный исследователь Рихард Штесс, «неофашисты и крайне правые искусно маскируются, принимая различные образы. Насколько они изменили свой образ, настолько же они остались верны своим идеологическим принципам»[1]. Они прочно вросли в ткань немецкого общества. СМИ приуменьшают их влияние, не хотят их замечать. Выборы в бундестаг и особенно в ландтаги земель и общин показывают, что вообще влияние правых группировок постоянно растет. Они очень активны, быстро реагируют

[1] См. Richard Stoess/ Neofachismus in Deutschland heute. Eine kurze Einfuehrung. In: www. Neofaschisten, Ausstellung.wr-bcba.

на проблемы, волнующие простых людей, предлагая решать их «только с национальной точки зрения» (Social geht nur national).

Очень популярно среди немцев требование некоторых националистов «выслать» иностранных рабочих, турок и прочих мусульман.

Впрочем, националистические камерадшафты, брудершафты, штифтунги и прочие общества и фонды главным врагом немцев считают не турок, а мировой олигархический капитализм, «финансовый капитал, контролируемый еврейскими банкирами». Он паразитирует на немцах, на немецких предпринимателях», занятых не в взбесившейся сфере финансов, а в реальной экономике. Немецкие правые ненавидят и презирают Америку, потому что там давно господствуют еврейские банки. Среди них распространена ностальгическая фантазия будто «немецкий рейх не погиб, и немцы живут на территории ZORG, оккупированной сионистами (zionistisch occupiertes Reichsgebiet)»[1].

В этом вопросе у националистов-популистов нет согласия с неонацистами, как в России их называют, с «нациками». Многие из них активно выступают против антисемитских эксцессов. Но все едины в осуждении ковровых бомбардировок, которые велись англо-американской авиацией в 1944–1945 гг. и уничтожали в основном мирное население. Ежегодно 13 февраля в годовщину сожжения прекрасного города Дрездена — германской Флоренции — по всей Германии проходят демонстрации протеста, часто под правыми лозунгами — «Долой ложь об Освенциме — даешь правду о ритуальном убийстве 350 000 мирных людей, о бомбовом холокосте!» и т. д. Надо отдать должное антифашистам Германии: они ведут упорную борьбу с расизмом, организуют, в частности, выставки, разоблачающие неофашистов. Они уверяли меня, что картина разобщенности неофашистов обманчива. На деле они взаимодействуют, у них сетевой принцип организации, и они умеют четко разделять обязанности. В наши дни они сосредоточились на борьбе с «идеологией холокоста», с «ложью Освенцима». Используя Интернет, они собрали 8,5 миллионов голосов «симпатизантов». Столько же голосов не пропустил Google, запрещающий «пропаганду ненависти». Это показатель настроений в немецком обществе. Это объясняет также, почему власти вяло борются с нацизмом. Вместе с тем попытки переписать заново историю гитлеровского рейха не находят поддержки у многих европейских националистических, в том числе немецких, групп. Многие националистические партии Европы, в первую очередь Национальный фронт Франции, не желают иметь ничего общего с неофашистами и расистами.

Итак, приходим к выводу, что правый фланг немецкого политического спектра многолик, закрыт и крайне противоречив. Не может быть и речи о каком-либо сотрудничестве с ним в строительстве Большой Европы до прояснения обстановки. Без Германии, однако, ее невозможно созидать. К строительству Большой Европы в Германии наибольший интерес проявляют деловые круги, корпорации и предпринимательские союзы. С ними и надо продолжать вести переговоры. Кроме того, крайне важно анализировать события скрытых финансовых баталий, которые ведут лондонское Сити и Уолл-стрит против евро, против возвышения Германии. Обе правящие партии Германии, и ХДС/ХСС и СДПГ, в своих истоках не были

[1] Ibdidem.

приверженцами атлантизма, свободного рынка и прочих либеральных установок. Они выступали за регулируемую рыночную экономику, за укрепление ее реального сектора и германского государства. Есть признаки, что растет их отчужденность от бюрократии Евросоюза. Если евро победит, то эти партии начнут создавать свою независимую валютную зону и Соединенные штаты Европы, которые не будут либерально-демократическими.

Германский национализм исторически особенно интенсивен, надменен, порой перерастает в шовинизм. Скептики, как известно, саркастически повторяют, что науки бывают естественные и противоестественные. Философия и история для них заведомо неточные науки. Однако бывают у историков точные, просто провидческие прозрения будущего. Примером может служить оценка, данная «сумрачному германскому гению» Арнольдом Тойнби. После войны, когда Германия, расчлененная на оккупационные зоны, лежала в руинах, он писал, что «объединение Западной Европы неизбежно под господством Германии»… В наши дни, когда Евросоюз трещит по всем швам, поражаешься, каким точным оказалось предвидение этого выдающегося ученого. «Немцы, — писал он, — неизбежно натянут поводья и пришпорят Европу. Это фатум Германии»[1].

* * *

Как преодолеть этот фатум, эту надменность силы? Только силой духа, только могучей идеей, общим делом человечества, таким грандиозным проектом, как созидание единого цивилизационного пространства от Лиссабона до Владивостока. *Но проект не может, да и не должен осуществиться, если в Большой Европе возобладают шовинизм, расизм, вражда к соседям. Опасность с этой стороны не устранена*.

О чем говорят, например, вот такие письма-откровения в Интернете: «Сэр, извините, в нашу организацию мы не принимаем средиземноморцев. Приходите, когда изменится форма вашего черепа… В нашей расе уже предостаточно “разнообразия”, нам больше нет нужды “обогащаться” за счет других рас. Пять европейских рас различаются размерами черепа, телосложением и чертами ума. И я не могу припомнить, чтобы кто-либо из членов моей этнической группы заключил брак даже с белым, даже с такими же блондинками, если не были соблюдены прочие характеристики нордической расы».

Распространены огульные характеристики, например, американского народа. Широко известный автор американец О’Мира (O’Meara) пишет: «Американцы — это в основном рационалисты, люди без корней, стандартные homoeconomicus; они никогда не заботятся посмотреть в будущее, потому что никогда не оглядываются в прошлое. Нет у них ни прошлого, ни памяти, ни смысла. Еще отцы-основатели Америки отреклись от своей матери (Европы — прим. *Б. К.*), звали ее то египтянкой, то вавилонянкой и создавали свою идентичность “лучших”, “ избранных”, “света наций”, следуя примеру кочевников пустыни из Ветхого Завета». Примеру тех, кому чужды могучие леса наших северных стран, кто завидует нашим голубым глазам и светловолосым девушкам, кто подавлен величием и красотой

[1] *Тойнби А. Дж.* Цивилизации перед судом истории. Ст. «Будущее сообщество». Москва, 1995. С. 91.

сводов наших готических “кафедральных соборов”». И в этом же тексте О’Мира обвиняет христианство в том, что «оно обезоруживает нас» и зовет европейцев вернуться к древним арийским богам, к «гордым ритуалам воинов». Но об этом позже.

Или такие «максимы»: «Только высшие расы творят высшую культуру… Люди остаются творцами до тех пор, пока они сохраняют свою расовую наследственность». Удивительно, что и «болотные» либералы тоже объявляют себя «креативным», единственно творческим классом. Не позаимствовали ли они это понятие-фантом у европейских расистов? Этот самозваный «креативный класс» на деле есть ничто иное как люмпен-интеллигенция, презирающая трудовой русский народ, считающая его быдлом. Она также крайне опасна для созидания Большой Европы. Вашингтон мобилизует «свою агентуру в Европе, — пишут публицисты А. Нагорный и Н. Коньков, — чтобы сбросить тяжесть финансового кризиса на Евросоюз и Германию». В России их «агентура призвана сохранить монетаристскую модель олигархического капитализма сырьевой ориентации даже в “квази СССР”»[1]. Точно! Это суть «болотных» волнений!

Движение «Превосходство черной расы» (Black Supremacy)

Общественность сравнительно хорошо осведомлена о белом расизме, особенно о его прошлых преступлениях. Об ответном черном расизме, проповедующем «превосходство черной расы» (Black Supremacy), сравнительно мало кому известно. И не потому, что движение малочисленно и невлиятельно, а потому что власти не хотят накалять и без того взрывоопасную обстановку. Между тем, идеологи превосходства черной расы сеют свои плевелы среди многомилионной малообразованной молодежи, жаждущей самоутвердиться в этом чужом, враждебном им мире, где господствуют белые. Их наставники — откровенные сеятели ненависти. Известный ненавистник белых, а также непревзойденный антисемит Фаррахан (Farrahan), возглавивший в США «марш миллиона мусульманских мужчин», называет свою партию «Нацией Ислама», «партией черных националистов». Англичане еще в 1986 г. запретили ему въезд в Великобританию, после того как Фаррахан заявил, что белые люди это и есть дьяволы.

Некий Д. Йорк (Dwight York) основал движение «Нация мавров»[2]. Его сторонники доказывают молодежи, что на деле черная раса, будучи самой древней, является самой даровитой, она превосходит во всех отношениях все прочие расы. В доказательство ссылаются на то, что по африканскому календарю 22 июня 2013 г. наступит 6249 год, не то что 2013 год у белых «выродков, лишенных сердца и души». Белая кожа у них из-за лепры, из-за прокаженности! Бог их наказал! Их предки вступали в половые отношения с шакалами и собаками. Бог наказал их, этих исчадий ада, сделав их физически слабыми, с самыми незначительными детородными членами. Белые женщины поэтому так охотно завязывают половые связи с темнокожими мужчинами, они хотят, чтобы их потомство стало полноценным.

---

[1] Газета «Завтра», 9 ноября 2011 г.

[2] www. См. «The United Nuwaabian Nation of Moors».

В Америке существует также расистское религиозное движение «Нация Яхве», располагающее огромными финансовыми средствами. Оно объединяет черных израильтян. Центральный храм их находится в Майями, Флорида, имеются их храмы еще в 22 штатах. Сторонники этого братства проповедуют, что только черные евреи являются «подлинными евреями», а белые евреи — это «отродье сатаны». Их проповедники настаивают, что каждый их сторонник должен совершить ритуальное убийство белого и в подтверждение принести в храм палец, нос или ухо убитого. В США состоялся суд над футболистом Робертом Розьером. Он сознался, что по настоянию тайного братства совершил семь ритуальных убийств белых людей.

Пытаясь самоутвердиться, сторонники превосходства черной расы распространяют «доказательства» о «прошлой славе их темнокожих предков», которая, якобы, очевидна в древнеегипетских зарисовках: там все интеллектуалы-изобретатели, жрецы, вожди, фараоны изображены темнокожими, а белые были у них рабами, наемными воинами черных владык. Первое, что приходит в голову, это бездоказательная чушь, которую легко опровергнуть. Многие смеются, говорят, что это околесица, настолько глупые, грубые, пустые выдумки, что их и опровергать не стоит. Так ли?! Вспомним мудрость, высказанную Демосфеном: люди легко верят в то, во что им хочется верить. В свое расовое превосходство поверил даже высокообразованный, но оскорбленный Версальским договором немецкий народ. В свое превосходство еще легче поверят сотни миллионов обездоленных темнокожих людей. Движения, партии, братства, исповедующие превосходство черной расы, существуют не только в США. Они затаились и в Европе. Во главе крупного африканского государства Зимбабве уже 32 года стоит президент Мугабе, тиран, которого многие в мире считают эталоном черного расиста. Он довел свою страну и ее народ до полного банкротства, в отличие от расово терпимой Замбии.

Надо бить в набат, чтобы не допустить истребительных расовых войн. Опыт многих тысячелетий подтверждает мудрость древнеримской максимы: хочешь мира — готовься к войне. Ибо нападают на слабых, разрозненных, на безвольных, таких как русские, оставленные на произвол судьбы в ближнем зарубежье ельцинским режимом. Быть готовым дать отпор, а не вести запоздалые колониальные войны то в Афганистане, то в Ираке, то в Ливии и т. д. Вести бездарно, бесперспективно, жестоко, проливая кровь не только вооруженного противника, но и беззащитных мирных мусульман. Такие войны с бомбежками с высоты 6 километров озлобляют людей, наполняют их сердца жаждой мести.

Преследование христиан

Властные элиты в Европе ведут, хотя и вяло, борьбу с исламофобией. Однако, редко услышишь слово в защиту христиан. В своих странах правители исподволь, шаг за шагом искореняют христианство. Во Франции, например, Национальный фронт выступает против вновь избранного президента-социалиста Ф. Олланда, в частности и потому, что он намерен пересмотреть «архаичную светскость» французской конституции. Она, якобы, все еще недостаточно отделяет церковь от государства. Он намерен усилить закон 1905 г. Социалисты — сторонники антиклерикальной инициативы

президента разъясняют, что «государство все еще оставляет слишком много привилегий христианам, особенно католикам, что надо все религии уравнять (надо полагать, в бесправии), всем отказать в поддержке. А пока надо больше финансировать строительство мечетей.

Теснят христианство в лоне христианской цивилизации, и тем более никакого внимания к судьбам христиан в Азии и в Африке. Между тем судьба 200 миллионов христиан, которые живут или граничат с миром ислама, как выше описывалось, трагична. И дело не только в том, что не соблюдается уложение калифа Омара о судьбе людей Писания (аль Китаб) — евреев, христиан, зароастрийцев и прочих, называемых «димми» (в переводе с арабского это значит то ли союзники, то ли защищаемые, а по сути — жизнь за деньги)[1]. Христиан и прочих инославных подданных не только унижают и угнетают, но уничтожают, как в Судане, без какого-либо суда и следствия, просто потому, что они остались верными религии предков.

[1] Распространенный термин «диммитюд» (dhimmitude) является неологизмом, пущенным в научный оборот израильской исследовательницей Бат Йеф (Bat Ye'or).

Вышла книга

Кауров Я. В.

Времена года: стихотворения / Я. В. Кауров. — Нижний Новгород: 2010. — 144 с.

Творчество Ярослава Каурова давно известно нижегородцам. Печататься он начал еще в 1990 году. С тех пор его стихи неоднократно издавались, включались в радио- и телепередачи. Большинству нижегородцев Ярослав Кауров известен как член уникального творческого сообщества «Театр поэтов». Обладая не только поэтическим талантом, но и даром музыканта, певца, артиста, он радовал и продолжает радовать нас сложным, синкретическим жанром слияния нескольких искусств — поэзии, музыки, вокала, театра.

Для поэтической системы Ярослава Каурова характерна выраженная вертикаль — человек — небо — Бог. Система ценностей поэта тверда и незыблема, место человека под солнцем строго определено. Характерно обращение автора к ключевым вопросам бытия — к тем вопросам, без которых не бывает настоящей поэзии.

Е. Крюкова

ВЕХИ

Иржи ОПРШАЛ

ЗАМЕТКИ ИЗ ЧЕХИИ

Иржи Опршал — родился в 1932 году в городе Гавличкув Брод (Чехословакия). Первый чехословацкий выпускник Московского государственного института международных отношений МИД СССР — выпуск 1958 года. Ответственный сотрудник Министерства иностранных дел Чехословакии (1958–1990) — специалист по Франции и западноевропейской интеграции. С 1969 по 1989 годы — непосредственный участник СБСЕ и всех последующих встреч хельсинского процесса. С 1990 года — бизнес-советник по экономическому сотрудничеству и контактам Восток–Запад. С 2002 по 2012 годы — председатель Клуба чешских и словацких выпускников МГИМО. **Живет в Праге, Чехия.**

I. Презентация «Родной Ладоги» в Праге

В середине сентября в Праге стояла прекрасная летняя погода. Многоязычные толпы туристов буквально заполонили город. Редкий счастливчик мог, протиснувшись через ряды зевак на знаменитом Карловом мосту, найти свободное место в бесчисленных уличных кафе и пивных в районе Староместской площади или на Малой стране. Ближе к началу второй декады похолодало, пролились дожди, и иностранного люда заметно поубавилось.

На 20 сентября в Российском центре науки и культуры, что на Заторце, было намечено важное для всех чешских любителей русской словесности мероприятие: презентация полюбившегося им за последние годы журнала «Родная Ладога». Из России прилетел руководитель московского представительства журнала профессор Владимир Ясенев. Из Германии приехал Фритц Даксель. Из Словакии — жена нашего безвременно ушедшего из жизни друга и коллеги по работе в «Родной Ладоге» Ижо Початека Марта и его близкий товарищ Антонин Фабуш.

В назначенное время Хрустальный зал культурного центра оказался заполненным до отказа. Почти в полном составе прибыли члены Пражского клуба чешских и словацких выпускников МГИМО, представители других ассоциаций выпускников российских и советских вузов, специальные гости — ленинградские ветераны-блокадники, проживающие в Праге. После выступления московского гостя с рассказом о журнале, редакционном портфеле будущих публикаций с теплыми словами о журнале выступил Председатель Пражского клуба чешских и словацких выпускников МГИМО Йозеф

Крейчи. Блокадники: военный летчик А. А. Андреев, И. Н. Юржинова особо отметили важность связи времен в публикациях журнала. Интересные предложения и пожелания прозвучали в выступлениях нового руководителя РЦНК Л. А. Гамзы и председателя Ассоциации выпускников советских и российских вузов Чехии Владимира Пика. Собравшиеся почтили память бывшего члена редакционного совета «Родной Ладоги» Ижо Початека — видного чехословацкого публициста, журналиста-международника, посла Чехословакии в Индонезии. С воспоминаниями выступила Марта Початекова — жена Ижо Початека. Встреча и презентация журнала прошли в теплой и конструктивной атмосфере.

II. Поездка на родину Ярослава Гашека

На следующий день предстояла поездка в городок Липнице-над-Сазавой, на родину Ярослава Гашека. Там нас ждал его внук Рихард — бывший военный инженер. Последние годы он постоянно живет в Липнице и сделал очень много для увековечения памяти своего знаменитого деда. Усилиями Рихарда сохранены и успешно работают дом-музей Ярослава Гашека, ресторан и пансион «У чешской коруны», где в последние годы жизни каждый день бывал и работал Я. Гашек. Бережно сохраняется могила писателя на старом деревенском кладбище и надгробие из серого гранита в форме открытой книги.

Усилиями Рихарда 26 июля 2008 г. в Липнице открыт памятник Я. Гашеку работы скульптора Йозефа Малейовского, который с конца 80-х гг. находился в запасниках, так как не пришелся по нраву кому-то из тогдашних чехословацких начальников.

Рихард — один из тончайших знатоков истории написания и судьбы произведений своего прославленного деда. В Липнице под его руководством ежегодно проходит международный фестиваль, посвященный памяти Ярослава Гашека. Рихард заранее нас предупредил, что для полноты впечатления о родине Гашека предстоит отобедать в уже упоминавшемся ресторане «У чешской коруны». Перед обедом вспомнили о знаменитом пассаже из «Похождений бравого солдата Швейка». На вопрос, сколько кружек он может выпить, Швейк ответил: «В этом деле я знаю толк. Однажды вечером я посетил 28 заведений, но честь мне и слава! — я нигде не выпил больше трех кружек». Посмеялись и договорились даже не пытаться, тем более сегодня, повторить этот его результат. За обедом много говорили о Ярославе Гашеке и его произведениях, о масштабах его творчества, о его известности в мире. Ведь «Похождения бравого солдата Швейка» переведены на 57 языков, а «Партия медленного прогресса в рамках закона» — на 25 языков. Парадокс, но в Чехии интеллигенция до сих пор предпочитает Швейку рассказы Я. Гашека, а их около 1500, т. е. целых пятнадцать «Декамеронов» Боккаччо.

Еще в 20-е гг. «Похождения бравого солдата Швейка» были восприняты чешскими интеллектуалами довольно прохладно и настороженно.

Но нашелся один очень авторитетный в то время человек — Макс Брод, — близкий друг Франца Кафки, который поддержал Я. Гашека. Он прозорливо разглядел в антимилитаристских и даже пацифистских идеях Я. Гашека большой и непреходящий смысл и предрек «Похождениям бравого солдата Швейка» всемирный успех и долгую-долгую жизнь.

III. Кому сегодня нужен идеологический спор о наследии Ярослава Гашека и его бравом солдате Швейке?

В начале 2013 г. в Чехии и во многих других странах почитатели «бравого солдата Швейка» отметят 130 лет со дня рождения и 90 лет со дня смерти его автора Ярослава Гашека — известного писателя, гуманиста и антимилитариста. 27 апреля 2013 г. в городке Липнице-над-Сазавой, где всемирно известный автор похоронен, в память о нем будет установлена еще одна гранитная скульптура — теперь под названием «Голова примирения». На постаменте будет выбито мудрое изречение Швейка на 10 языках: «Жизнь человеческая столь сложна, что жизнь отдельного человека, осмелюсь доложить, ни черта не стоит».

Как уже отмечено выше, до сих пор пацифистские и антимилитаристские мысли Я. Гашека остаются актуальными и вызывают ожесточенные идеологические споры. Вел ли себя писатель и его солдат Швейк героически или, наоборот, струсил и предал своих собратьев на фронтах Первой мировой войны? Всему миру известно, что он как простой солдат боролся против милитаризма и доминировавшей тогда военщины, чтобы остаться в живых. Это само по себе настоящий подвиг, если вспомнить о миллионах павших на фронтах Первой мировой войны. Ярославу Гашеку повезло: он выжил в этой кровавой мясорубке, вернулся на родину и в Липнице смог завершить свои «похождения».

И сегодня почти ежедневно слово «швейковщина», т. е. поведение Швейка появляется в разных аллегориях на страницах газет, чтобы, зачастую с насмешкой, охарактеризовать какую-то странную или непонятную реакцию того или иного политика, высказывания простых людей или даже поведение целой нации. До сих пор ведутся исторические споры о том, стоило ли, нужно ли было браться за оружие жителям небольшой 10-миллионной страны в роковые моменты. Что же было более честным — умереть или выжить? Конечно, для сегодняшних идеологов милитаризма очень просто за кружкой пива «воевать» и спорить о том, в чем нуждался чешский народ десятки лет тому назад.

Вспомним хотя бы две самые часто повторяющиеся темы этих споров, два самых ярких примера из сложной истории Чехословакии XX века: Мюнхенский сговор 1938 г. и «братская помощь» войск Варшавского договора в 1968 году. Что же надо было делать в той и другой ситуациях небольшой стране-жертве, находящейся в сердце Европы?

О Мюнхенском сговоре 1938 года

Мюнхенское соглашение, подписанное Гитлером, Муссолини, Чемберленом и Деладье в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г., явилось одной из самых черных страниц чешской истории, травматизирующей мышление чехов и сегодня. Мюнхен стал символом предательства и невероятного эгоизма Франции и Англии, на которые опиралась система безопасности тогдашней Чехословакии. Единственной державой, готовой помочь Чехословакии, был тогда Советский Союз, но он в соответствии с договорами должен был действовать только вместе с Францией. В ту же самую сентябрьскую ночь к президенту Бенешу в Пражский Град прибыли генералы Войцеховский,

Прхала, Лужа, Крейчи и Сыровы, тогдашний премьер-министр. Некоторые из них воевали на русском фронте Первой мировой войны, как и Ярослав Гашек. В ту ночь со слезами на глазах они говорили президенту: «Мы должны воевать, не уступать нажиму и выступить против Гитлера, несмотря на последствия таких военных действий. Западные державы будут вынуждены нас поддержать».

Президент Бенеш им ответил: «Вы ошибаетесь. После страшной измены в Мюнхене Англия и Франция не начнут войну из-за нас, и нас же обвинят в том, что мы эту войну провоцируем. Франция свои обязательства не выполнит. Даже Польша объявила нам свой ультиматум. Я не могу дать согласие на разрушение страны и на большие жертвы среди населения. История покажет, что не Гитлер нас победил, но наши союзники нас вероломно предали. Они получат жестокую расплату в виде чудовищной мировой войны».

Уверен, что Гашек стоял бы на стороне президента Бенеша во время Мюнхена и позже, когда была развязана Вторая мировая война. Чехословацкая армия не струсила, а честно боролась на фронтах против фашизма. Простой народ по примеру Гашека и Швейка страдал и сопротивлялся. Достаточно напомнить покушение на Гейдриха в мае 1942 г. и последовавшие за этим зверства нацистов в Лидице и Лежаках, расстрелы тысяч чехословацких патриотов, среди них и священников Православной Церкви.

Где же и в чем президент Бенеш нашел выход из этой военной трагедии, когда над чешским народом нависла опасность полной гибели? 12 декабря 1943 г. он подписал в Москве с И. В. Сталиным договор о дружбе и сотрудничестве, что стало фундаментом всенародного возрождения и послевоенной созидательной работы. Ярослав Гашек наверняка бы был активным участником этого вдохновляющего процесса.

Споры о «братской помощи» 1968 года

В 60-е гг. возникло понимание того, что мировая система социализма пробуксовывает и нуждается в глубоком обновлении. В Чехословакии движение за обновление возглавил ставший тогда руководителем ЦК КПЧ Александр Дубчек, который родился и жил в СССР, прекрасно владел русским языком и был, как он утверждал, большим другом Советского Союза. Его лозунг о необходимости строить «социализм с человеческим лицом» был услышан как друзьями, так и недругами, и не только в Чехословакии. Поляки, например, стали скандировать на улицах: «Цава Польска чека на свего Дубчека!» («Вся Польша ждет своего Дубчека!»). Советское руководство во главе с Л. И. Брежневым, поддержанное руководителями ГДР, Венгрии, Польши и Болгарии, отреагировало на этот лозунг Дубчека по-своему и посчитало такое развитие ситуации в социалистических странах преждевременным. Как результат, в ночь на 21 августа 1968 г. войска Варшавского договора вошли с разных направлений в Чехословакию, не заручившись согласием тогдашнего президента, Парламента и руководства ЦК КПЧ. Чешское население реагировало на ввод войск «по-швейковски»: не с оружием в руках, а с транспарантами и наклейками, которые прикрепляли на танки: «Брежнев, проснись, ты уничтожил чехословацко-советскую дружбу на долгие годы!» Казалось, что это Швейк кричит с тысячами чехов и словаков: «Иван, иди домой, мы тебя не приглашали!»

Тогдашний президент Чехословакии Людвик Свобода, генерал армии и полководец, который прошел всю Вторую мировую войну с Красной армией от Бузулука через Дуклу до Праги, был вынужден и на этот раз успокаивать некоторых командиров Народной армии. Президент Свобода им сказал, что он никогда не позволит, чтобы чехи с оружием в руках воевали против русских. Ошибочное решение одних политиков должны исправить другие, более дальновидные политики, а не оружие. Уверен, что Ярослав Гашек, окажись он в этой ситуации, согласился бы со Свободой и с дальнейшим поведением чехословацкого народа. Но все сказанное — это уже далекая история. А как бы вел себя Гашек-пацифист и антимилитарист сегодня? Едва ли бы он согласился с американскими бомбардировками Белграда и всей Сербии, которые чешский президент 90-х гг. Вацлав Гавел цинично назвал «гуманитарными». Гашек, несомненно, выступил бы с протестом против американо-натовских интервенций в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии, да и на Ближнем Востоке в целом.

Сегодняшний бравый солдат Швейк с кружкой пива в знаменитой пивной «У калиха» также горячо обсуждал бы эти события и искал выход из положения, созданного современными милитаристами.

ВЫШЛА КНИГА

Гуд В.

Предчувствие снега: Стихотворения разных лет. — Севастополь: Издательство «Дельта», 2010. — 116 с., ил.

В третью книгу стихов Владимира Гуда «Предчувствие снега» вошли избранные стихотворения из поэтических книг «Единственный берег» (Симферополь, издательство «Таврия», 1987 г.) и «Дорога к вершине» (Москва, Воениздат, 1991 г.), а также стихотворения, написанные в период 1990–2000 гг.

Игорь АНДРУШКЕВИЧ

ЭКОНОМИКА ЗАВИСИТ ОТ ПОЛИТИКИ

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ. Отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской Епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская перекличка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

Сложные причины экономического кризиса

Современный экономический кризис длится уже около пяти лет. Однако такая длительная продолжительность не является его единственным отличительным признаком. Кроме того, за все это время постоянно меняются диагнозы главных причин его возникновения, а также и предлагаемые виды панацей.

Этим кризисом занимаются и обсуждают его перманентно не только многие политики и журналисты, но также и почти все без исключения профессиональные экономисты. Однако до сих пор довольно трудно установить преобладающие мнения о действительном характере этого кризиса. Ввиду того, что этот кризис имеет **сложную многослойную структуру**, когда удается более или менее установить характер одного из верхних пластов его причин, тогда сразу всплывают на поверхность его другие, более глубокие, пласты таковых. Кроме того, некоторые причины кризиса умышленно скрываются, что еще больше затрудняет его правильное понимание. В данной статье отмечаются некоторые из причин этого кризиса.

Видимый детонатор кризиса

Первым видимым проявлением современного кризиса был взрыв в 2007 году так называемого «**пузыря недвижимого имущества**» в США, вернее «пузыря недоброкачественных или высокорискованных ипотек» (subprime hipotecs).

В течение приблизительно двух десятилетий, предшествовавших началу этого кризиса, цены на недвижимое имущество в США росли больше инфляции, измеряемой оптовыми и розничными ценами. То же

самое происходило и с ценами на акции промышленных предприятий. (За 10 лет до 2007 года индекс промышленных акций «Доу Джонс» повысился приблизительно на 70 процентов. За это же самое время инфляция розничных цен в США достигла приблизительно 30 процентов, то есть менее половины.) Такая длительная тенденция роста цен на недвижимость и акции, превышавшая среднюю инфляцию, дала большой толчок разным видам финансовых спекуляций, в том числе и связанных с недвижимым имуществом и со строительством домов и квартир. Финансовые структуры тоже включились в этот «тренд» (длительную тенденцию), широко организовав предложение ипотекарных кредитов.

При этом систематически стали допускаться два вида нарушений традиционных кредитных норм:

1. Кредиты зачастую давались почти на все 100 % стоимости приобретаемой недвижимости, хотя обыкновенно ипотекарные кредиты даются на гораздо меньшую долю полной стоимости, так что разницу должен покрывать сам получатель кредита из своих сбережений. При этом нарушении исходилось из предположения, что, ввиду того, что цены на недвижимость постоянно растут, через короткое время ипотекарный долг станет меньшим, чем рыночная стоимость гарантирующего его имущества, тем паче, если должник успеет уплатить хотя-бы несколько квот для погашения долга.

2. По этой же причине ипотекарные кредиты стали даваться даже не очень кредитоспособным лицам в расчете на то, что в случае неплатежа имущество у них будет отобрано для погашения их долга, причем оно к этому моменту уже будет стоить больше, чем в момент получения кредита.

По сути дела, такое массовое злоупотребление традиционными банковскими нормами ипотекарных кредитов превращало их частично в некую спекулятивную игру. Хуже всего было то, что сама финансовая система не имела достаточных страховок против таких злоупотреблений. Ни одна из институционных специфических инстанций не обращала особенного внимания на эти злоупотребления. Более того, так называемые «международные рейтинговые агентства» (три частные фирмы в США, оценивающие кредитный риск отдельных стран и предприятий) иногда давали даже максимальные оценки «тройного ААА» фирмам, которые вскоре затем оказались в банкротстве. Вообще, согласно подсчетам международной печати, только 28 % экономистов предполагали возможность экономического кризиса незадолго перед его проявлением. Международный валютный фонд тоже никаких особенных предупреждений не делал. Таким образом, продолжался период чрезмерных кредитов практически во всех областях, как то: ипотекарные кредиты, кредиты на покупку автомобилей и электронных аппаратов, кредиты по карточкам и т. д. Согласно некоторым данным задолженность населения США к началу кризиса превысила годовой ВВП (валовой внутренний продукт) этой страны.

Дополнительно образовался колоссальный **вторичный** рынок **высокорискованных ипотек**. На этом рынке продавались и **перепродавались** ценные бумаги, иногда многократно абстрагированные от всякой конкретной связи с конкретными активами. Ипотеки, включая ипотеки высокого риска, группировались в пакеты, которые, в свою очередь, делились на части-квоты. Затем эти квоты таких пакетов ипотек, в свою очередь, входили в состав разных инвестиционных фондов, которые тоже делились на части-квоты.

Иногда на эти последние квоты делались **заклады** о том, сколько они будут стоить на рынке через какое-то определенное время. Получалась полная непроницаемость соотношений между такими закладами и квотами и их **реальным базисом**.

Когда же оказалось, что многие должники таких ипотек (под сомнением оказалось около **двух миллионов ипотек** на жилые дома в США) больше не могут погашать свои месячные квоты за полученные кредиты, частично ввиду того, что проценты на них сильно увеличились, в то время как число безработных тоже увеличилось, весь этот карточный дом из пакетов и квот быстро рухнул. (Нельзя упускать из виду, что регулируемые центральным банком США проценты на т. н. «федеральные фонды» поднялись с 2 % в год в конце 2004 года до 5,25 % в июне 2006 года, то есть больше чем в два с половиной раза, что тогда вызвало аналогичное увеличение месячных уплат за проценты многих кредитов.) Тогда банки, купившие такие пакеты ипотек в расчете на большую прибыль, не могли больше указывать в своих балансах прежнюю цену этих ипотекарных пакетов, ибо они оказались нерегулярными кредитами и больше не имели твердой цены на рынке. Лишь немногие банки успели вовремя освободиться от подобных активов. (Среди них был Deutsche Bank.) Большинству банков пришлось сильно снижать в активах своих балансов цену этих пакетов в согласии с соответствующими бухгалтерскими нормами. Эти актуализации цен вначале производились очень нерешительно, что вызвало на рынках недоверие ко многим банкам. Затем оказалось, что общая сумма таких «актуализаций», сиречь потерь, выражается в сотнях миллиардов долларов, причем не только в США, но так же и в Европе, где многие банки тоже приобрели много таких пакетов, в ошибочном расчете на большую, быструю и легкую прибыль. (Кроме того, в Испании тоже был сильно раздут местный строительный «пузырь».)

Таким образом, за счет глобальных международных капиталов, в том числе европейских, в США было построено и продано в долг очень много домов, многие из которых затем пришлось вернуть банкам, давшим ипотекарные кредиты для их постройки, из-за неуплаты этих ипотекарных долгов, когда их месячные квоты увеличились приблизительно в два раза. Эти дома оказались во владении банков, но в их балансах они должны были фигурировать по сильно пониженным рыночным ценам, меньшим, чем данные под их заклад кредиты. Банки оказались не только с сильными убытками, но также и без необходимой ликвидности, то есть без возможности быстрого превращения своих недвижимых активов в деньги, для своевременной оплаты своих остальных обязательств, так как они не могли быстро реализовывать эти активы без больших дополнительных убытков. Положение ухудшалось еще возникшим среди банков сильным недоверием друг к другу, в результате чего между банками почти совсем прекратились до этого обыденные межбанковские краткосрочные кредиты, что сильно ухудшало положение некоторых из них.

Таким образом, кризис на рынке высокорискованных ипотек превратился в **общий банковский кризис**, причем в размерах, угрожающих всей банковской системе в отдельных государствах. Крах банковской системы в государстве в большинстве случаев ведет к общему экономическому кризису, ибо не только прекращается нормальное обслуживание народного хозяйства кредитами, но и нарушается его ликвидность. Сами банки это хорошо

знают, и поэтому некоторые из них и ведут себя иногда безответственно, рискуя чрезмерно в погоне за прибылью, в надежде на то, что в случае нужды государство их так или иначе выручит, чтобы не допустить еще большей общей беды.

Действительно, многие банки в мире получили тогда большую помощь от своих государств и их центральных банков, иногда даже колоссальную. Однако Алэн Гринспан, бывший председателем Центрального банка США (FED, Federal Reserve System) до 2006 года, тогда заявил, что никакая помощь банкам не поможет, если FED не станет прямо скупать у банков накопившиеся у них ипотеки на недвижимую собственность. (Этот совет был услышан только в сентябре сего, 2012 года, когда сегодняшний президент FED Бэн Бернанке заявил, что такая скупка будет производиться на ежемесячную сумму в 40 миллиардов долларов, до тех пор, пока это будет нужно.) При этом с самого начала трудно было скрывать, что помощь банкам тоже опасна, ибо она, в конечном итоге, покрывает и как-бы легитимирует недостаточно ответственное поведение многих из них. Посему, в Германии банк IKB, особенно нуждавшийся в государственной помощи, таковую получил, но был одновременно экспроприирован специальным законом парламента с целью его оздоровления и последующей возвратной продажи в частные руки.

По-видимому, чтобы установить подобный прецедент также и в США, одному очень крупному банку США было (неожиданно) отказано в такой срочной государственной финансовой помощи, и он должен был объявить свое банкротство в марте 2008 года. Это был один из ведущих банков США, Lehman Brothers, долги которого были указаны в сумме **613 миллиардов** (613 000 миллионов) долларов. Эта сумма превышала годовой валовой внутренний продукт Швейцарии и более чем в два раза сумму тогдашнего государственного долга Греции, о котором так много говорится и пишется. Влиятельная итальянская газета «Корриере де ла серра», от 10 августа 2012 года, по этому поводу указала в одной статье, что экономические последствия банкротства банка «Леман» ***«превышают катастрофические экономические последствия двух мировых войн XX века»***. Во всяком случае, многие экономисты считают, что именно с банкротства банка «Леман» и начался современный глобальный финансовый кризис.

Одновременно с крахом банка «Леман» в США обанкротился еще ряд банков и финансовых и страховых компаний, и даже больших промышленных предприятий, но правительство США не допустило их ликвидации. Для их спасения в них были вложены астрономические суммы денег из госбюджета США, для этого выпустивших на рынок соответствующее дополнительное количество государственных облигаций. Для того чтобы рынок мог поглотить такое количество этих государственных облигаций, он был одновременно наводнен колоссальными эмиссиями денег Центрального банка США под проценты близкие к нулю, то есть гораздо ниже инфляции. Такая реакция на наступивший кризис была заранее предопределена большинством теоретических анализов предыдущего финансового краха в 1929 году, считавших, что тогдашнего кризиса, якобы, можно было избежать подобным способом **наводнения финансовых рынков денежными эмиссиями без покрытия**. (Одним из этих аналитиков был Бэн Бернанке, незадолго перед взрывом «пузыря ипотек» назначенный председателем Центрального банка США.)

Язва долгов под финансовым пузырем

Так как уровень цен на биржевых рынках сильно зависит также и от психологических факторов, многие заинтересованные стороны стали усиленно форсировать мнения, что, ввиду принятых энергичных мер, финансовый кризис вскоре будет преодолен и все вернется на «круги своя». В этом отношении особенно отличился бывший социалистический премьер Испании Хосэ Сапатеро, утверждавший в прошлом 2011 году, что он уже *«видит **первые зеленые побеги** в испанской экономике»*. В этом смысле, особенно в США, подчеркивалась важность политического волюнтаризма и «лидерства», с помощью которых почти все экономические и финансовые затруднения, якобы, можно будет быстро преодолеть. Однако вскоре выяснилось, что это отнюдь не всегда так.

Когда на международных финансовых рынках воцарилось всеобщее недоверие, вдруг оказалось, что многие государства не могут больше систематически (чуть ли не еженедельно) помещать на этих рынках свои облигации в размерах, необходимых для погашения своих предыдущих долгов, чьи сроки тоже практически еженедельно истекали. Для помещения новых долгов, с целью погашения старых, от некоторых стран стали требовать на рынках такие проценты, что становилась очевидной невозможность в скором будущем их оплаты.

Таким образом, вдруг всем стало очевидно, что некоторые страны имеют **колоссальные государственные долги**. Внимание было обращено в первую очередь на те 17 стран Европейского Союза, которые входят в состав т. н. «Еврозоны». Хотя по договору в Маастрихте, согласно которому была учреждена общая европейская монета, вошедшая в обращение 1 января 2002 года, ни одна из этих «евростран» не должна иметь публичного долга, превышающего **60 процентов** ее валового внутреннего продукта (ВВП), оказалось, что большинство из этих стран систематически не соблюдают этого ограничения.

На первом месте по размерам своего государственного долга фигурирует Греция, чей долг сегодня превышает почти в три раза установленный максимум: около 170 % ВВП, согласно некоторым информациям. (В информациях по отношению к Греции довольно много разногласий.) Причем эти 170 % были достигнуты лишь после больших «добровольных» скидок, сделанных по отношению к Греции в этом году европейскими банками, обменявшими имевшиеся в их активах государственные облигации Греции на специальные новые облигации со сниженной номинальной ценностью. (Правда, к этому моменту на международных рынках эти старые облигации уже котировались гораздо меньше своей номинальной ценности, так что «добровольная скидка» была частично символической.)

На втором месте по размеру своего долга в Европе стоит Италия, чей долг равняется приблизительно 125 % ее ВВП. Затем идут Португалия и Ирландия, каждая из них имеющая долг выше 110 % их ВВП. Долги Бельгии немного превышают 100 %, а Франции достигают почти 90 %. Долги Германии немного превышают 80 %, а Австрии и Испании — 70 %. Долги же Финляндии ниже нормы Маастрихта: всего лишь 50 % ВВП. Средний государственный долг 17 стран Еврозоны чуть ниже 90 % их ВВП, то есть он **на 50 процентов выше установленной нормы**. Самый большой государ-

ственный долг сегодня имеет Япония, около 200 % ВВП, но это в основном **внутренний** долг, перед собственным населением, которое доверяет правительству своей монархической страны и охотно возобновляет истекающие обязательства японского государства. Кроме того, введением дополнительных налогов этот долг может быть довольно быстро и сильно понижен. Для сравнения можно отметить, что, согласно международным рейтинговым агентствам, внешний государственный долг Российской Федерации к началу этого года был **ниже 10 %** ее ВВП.

Прежде чем выводить общие заключения из такой ситуации, необходимо отметить отдельно несколько специальных случаев.

В первую очередь нужно указать, что государственный долг Италии вращался около 120 % ее ВВП уже в момент подписания в Маастрихте договора о создании общей европейской монеты, что было всем известно. Тогда для Италии было сделано в этом отношении негласное исключение, при условии, что она не будет дальше увеличивать размеры своего долга, а будет стараться всеми силами его уменьшать. Италия тогда сделала большие усилия, чтобы эти условия поначалу как-то выполнять, вплоть до учреждения специального «налога для вступления в Еврозону». На деле Италия эти условия в основном выполнила, ибо ее государственный долг с тех пор немного увеличился лишь в последнее время. Кроме того, **частные** долги итальянских предприятий и граждан ниже аналогичных долгов других стран, а ее банковская система солиднее, чем во многих других странах.

В Италии вообще имеется довольно высокая финансовая и экономическая культура, недаром первые современные банки зародились в Италии, хотя в Северной Европе (и особенно в Германии) Италию часто обвиняют в «творческой бухгалтерии», то есть в умении искусно «гримировать» свои государственные бюджеты и балансы. По-видимому, знакомство с техникой «творческой бухгалтерии» также помогает легче парировать спекулятивные атаки интернациональных финансовых рынков на отдельные страны и зоны, каковые время от времени происходят. Может быть, частично и по этой причине президентом Европейского Центрального банка был выбран в этом году Марио Драги, бывший председатель Итальянского Центрального банка. Пару месяцев тому назад, когда спекулятивные финансовые атаки на Италию и на Испанию особенно ожесточились, Марио Драги вдруг официально заявил, что Европейский Центральный банк будет покупать на рынке облигации тех стран Еврозоны, которые этого попросят. В Германии сразу раздались некоторые критические голоса, что это не дело Европейского Центрального банка покупать такие облигации, но сама канцлер Меркель заявила, что она доверяет Драги. В результате до сих пор ни одна страна не обратилась к этому банку с просьбой покупать ее облигации, но годовые проценты на облигации Италии и Испании резко упали — с приблизительно 6 % до 3,5 % в год.

Греция в этом последнем отношении сильно опередила Италию. Она хронически утаивала от международного контроля и общественного мнения часть своих государственных долгов, искажая для этого свои экономические показатели. Когда в результате своей очевидной неплатежеспособности Греция должна была согласиться на международную проверку своих экономических данных, чтобы получить очередную финансовую помощь для погашения истекающих долгов, ей пришлось несколько раз официально

сильно исправлять цифры ее государственной задолженности и дефицитов ее государственного бюджета. Правда, организация Грецией на широкую ногу всемирной Олимпиады в 2004 году тогда тоже сильно увеличила эту задолженность, что никто не мог игнорировать.

Объединение двух немецких государств в начале 90-х годов прошлого века обошлось Германии еще гораздо больше, чем Олимпиада Греции. Согласно некоторым подсчетам это объединение двух экономических и политических систем на территории Германии обошлось ей в 1,4 биллиона (1,4 миллионов миллионов) евро, что равняется приблизительно двум третям всего сегодняшнего государственного долга Германии. Государственный долг Германии увеличился уже в 1994 году до 53 % ВВП с 43 % ВВП в 1989 году.

При этом нельзя упускать из виду одного чрезвычайно важного экономического обстоятельства этого немецкого объединения. С немецкой скрупулезностью тогда были высчитаны показатели **экономической производительности** на территории Восточной Германии, где после войны была внедрена социалистическая экономическая система, а также и на территории Западной Германии, где после войны была развита т. н. система «социального рыночного хозяйства». Оказалось, что производительность социалистической экономической системы в Восточной Германии была приблизительно в два раза ниже производительности в Западной Германии, хотя в обеих частях Германии жили одни и те же немцы. Этот случай является наглядным подтверждением утверждения, что результаты политики лучше всего можно оценивать с помощью экономических показателей.

Тогда правительство объединенной Германии канцлера Гельмута Коля решило перестроить коренным образом всю экономическую структуру и модернизировать инфраструктуру Восточной Германии, несмотря на любые расходы для этого. При этом не безынтересно отметить политическое оправдание такой дорогой перестройки: жители бывшей Восточной Германии имеют право со временем достичь такого же жизненного уровня, как и жители бывшей Западной Германии. Жизненный уровень **зависит от уровня производительности** всего народного хозяйства. Для этого жителям всей объединенной Германии пришлось временно взять на свои плечи колоссальные расходы этой немецкой перестройки и вытекающие из них долги.

Эмиссия денег без покрытия и без ограничений

Государственный долг США в сентябре 2012 года впервые превысил **16 биллионов** (миллионов миллионов) **долларов** при годовом ВВП в 15 биллионов долларов. США имеют самые большие в мире золотые запасы, около 261 миллиона золотых унций, стоящих около 460 миллиардов долларов по сегодняшним ценам. Значит, эти золотые запасы США равняются приблизительно трем процентам их ВВП и их государственного долга. Таким образом, если проценты за государственный долг США подымутся лишь на 3 % в год, только это одно повышение превысит общую сумму их всего золотого запаса.

Сегодня может показаться невероятным тот факт, что 68 лет тому назад золотые запасы США превышали размеры денежного обращения доллара, каковое, в свою очередь, являлось обеспечением валют всех стран международной валютной системы, установленной в 1944 году в Бреттон-Вудсе. При-

чем унция золота тогда стоила всего лишь сорок долларов. Сегодня она стоит в 44 (сорок четыре) раза больше — около 1760 долларов за унцию. Цена нефти за этот самый срок повысилась приблизительно в 48 раз. (Значит, по отношению к золоту цена нефти не изменилась очень сильно за эти 70 лет.)

34 года тому назад я опубликовал в одной передовице в газете «Наша Страна» краткое резюме зарождения и развития этой системы Бреттон-Вудса:

«Экономическая система первого мира после Второй мировой войны развивалась, имея в своем основании соглашение о международном финансовом сотрудничестве, подписанное в Bretton Woods-е в 1944 году, почти одновременно с Ялтинскими соглашениями.

Выработанный тогда финансовый строй зиждился на признании национальной монеты США — доллара — как международной монеты, являющейся ***покрытием всех других монет первого мира****. Другими словами, цена этих монет была установлена не по отношению к золоту, а по отношению к доллару, и все международные торговые расчеты сводились, в конечном итоге, тоже к расчетам в долларах. Самое главное в этой системе заключалось* ***в твердом паритете*** *между всеми монетами по отношению к доллару, с одной стороны, и* ***между долларом и ценой золота****, с другой стороны. Так обеспечивалась, хотя бы косвенно,* ***твердая цена всех монет по отношению к какому-то реальному и конкретному товару****, причем к товару, обладающему исторически наибольшим престижем.*

Такой финансовый строй вначале казался хорошим, главным образом потому, что он обеспечивал прочность и твердость в международных экономических сделках, даже на долгие сроки. Однако этот строй основывался на предпосылках, которые на поверку не оказались постоянными, хотя и считались таковыми в течение более четверти века (1944–1971). Эти предпосылки можно, резюмируя, определить, как ***равновесие в соотношении между золотыми запасами США и количеством долларов, находящихся в запасе центральных банков других стран****, равновесие, которое, в свою очередь, зависело от равновесия в платежном балансе США (то есть от равновесия между притоком и оттоком долларов в США).*

Но ***сама система требовала нарушения этого равновесия****, так как при все увеличивающемся международном торговом обороте* ***она нуждалась в том, чтобы внешний финансовый дефицит США ее хронически питал****. Так и получилось, что если в 1949 году США имели 25 миллиардов золотого запаса, а центральные банки других стран имели в своем запасе всего лишь 3 миллиарда долларов, то уже к 1971 году эти центральные банки приобрели еще 34 миллиарда долларов, что в сумме давало 37 миллиардов, из которых они обменяли на золото в США около 14 миллиардов. Так, у США к 1971 году осталось в запасе всего лишь около 11 миллиардов долларов в золоте, в то время как центральные банки уже тогда располагали 23 миллиардами долларов, то есть больше, чем вдвойне. Это и был крах выработанной в 1944 году системы, крах официально признанный 15 августа 1971 года, когда Никсон объявил, что* ***США не будут больше обменивать свое золото на доллары****»*[1].

[1] Экономические проблемы // Наша страна. 4 апреля 1978. № 1466.

А еще через шесть с лишним лет была утверждена коренная реформа международной финансовой системы. 1 апреля 1978 года официально наступил конец международной финансовой системе, установленной 34 года до этого в Бреттон-Вудсе, как сообщил Международный валютный фонд (МВФ). Новая система, основанная не на твердых, а **на колеблющихся курсах**, и **на разрыве связи с золотом**, которое с этого момента свободно котируется как «одна из монет», была ратифицирована к 1 апреля 1978 года нужным количеством стран-членов МВФ и с этого числа вступила в силу.

Таким образом, начался новый цикл международной финансовой системы, в основном характеризующийся **прогрессивным ростом государственных долгов**. Рост валютных запасов (главным образом в долларах США) центральных банков отдельных стран, в принципе, был **симметричным росту государственного долга США** по отношению к этим странам. Однако кроме этой системной причины были, конечно, и другие причины такого роста международных долгов.

Основной характеристикой этой новой реформированной международной финансовой системы, установленной 1 апреля 1978 года, был новый **принцип отрешения от привязанности размера денежных эмиссий доллара** США от связи не только с имеющимся в запасе США количеством золота, но также и от **любой связи** с любым другим объективным фактором. Как известно, против обеспечения золотом денежных эмиссий выдвигался аргумент, что стоимость глобального производства и потребления товаров и услуг в мире сегодня астрономически превышает стоимость всех имеющихся в мире запасов золота. В частности этот аргумент был выдвинут и против предложения известного французского экономиста Жака Рюффа правительству де Голля ввести золотое покрытие для французского франка.

Однако немецкая финансовая школа, еще со времен введения немецкой «имперской марки» Хьялмаром Шахтом, выработала принцип твердого «привязывания» количества денег в обращении не к золоту, а к **росту ВВП**. Этот принцип был положен и в основание учрежденной в июле 1948 года в Западной Германии новой «немецкой марки» (Deutsche Mark) вместо «имперской марки» (Reichsmark). Затем, при учреждении ФРГ, в ее конституцию было включено запрещение государству делать долги, превышающие капиталовложения в инфраструктуру. В договор в Маастрихте — о создании новой валюты «евро» — было включено запрещение всем государствам Еврозоны делать **новые** государственные долги в размере **более 3 % ВВП в год**, причем общая аккумулированная сумма всех долгов не должна превышать 60 %.

В то время как в Германии запрет государственных дефицитов, содержащийся в ее конституции, в основном соблюдался, в Еврозоне запрещение увеличения долгов многими странами часто не соблюдалось, в том числе иногда и самой Германией. Это тоже было одной из важных причин современного финансового кризиса. Посему, уже в этом, 2012 году было принято решение ввести во всех странах Еврозоны конституционные запрещения дефицитов (на более чем полпроцента ВВП) в будущих государственных бюджетах.

Циклические кризисы глобальной кредитной системы

Другая важная причина циклических кризисов в глобальной финансовой системе имеет **геополитические корни**. Когда в результате т. н. «войны

Йом-Кипура» в 1973 году арабские страны резко подняли цены на нефть, сильно нарушилось равновесие в глобальных финансовых структурах.

Во-первых, сильно **увеличилась стоимость** всего **мирового ВВП**, выраженная в долларах по текущим ценам, ибо не только повысились цены на нефть и вообще на все виды энергии, но также и на многие другие товары и услуги, цены которых сильно зависят от цен на нефть (как, например, цены на транспорт). Такой процесс вызвал необходимость **соответствующего увеличения глобальной денежной массы** в обращении.

Во-вторых, сразу же оказалось, что **неравномерное географическое распределение** этого резкого увеличения денежных средств — в результате резкого увеличения цен на нефть — нарушило прежнее неустойчивое финансовое равновесие в мире. Некоторые страны — производительницы нефти вдруг стали располагать колоссальными средствами, которые они не могли более или менее одновременно употреблять и тратить. Значит, они должны были **держать в запасе** экспоненциально увеличивающиеся излишки получаемой ими выручки за нефть. Вставали вопросы: где ее держать и в каком виде?

Известный сенатор США Jacob K. Javits, член Комиссии иностранных дел Сената США, сформулировал 1 марта 1974 года в одной речи свою публичную версию ответа на эти вопросы: страны — производительницы нефти могут вкладывать излишки своих доходов, получаемых за нефть, в банковскую систему США. В свою очередь, банковская система должна **помещать получаемые таким образом крупные средства в широко предоставляемые другим странам кредиты**: *«Можно ожидать, что значительная часть доходов производителей нефти каким-то образом попадет в США. В таком случае мы должны быть готовы к тому, чтобы снова вернуть в обращение эти ресурсы и* дать их в заем *странам с наибольшими дефицитами в их платежных балансах».* Эта речь тогда была опубликована повсеместно посольствами США под заглавием «Начало нового пути». Сегодня, через сорок лет, пробег этого «**нового пути**» подходит к своему концу.

Исключением в этой глобальной системе **наращивания кредитов и долгов** тогда был СССР, который был вынужден вкладывать получаемые доходы за продажу нефти в свое вооружение. В рамках развязанной тогда «гонки вооружений» СССР стал преследовать (подбодряемый своими врагами?) «**паритет в вооружении**». Ввиду большой разницы между размерами ВВП участников этой гонки (США, СССР и Западной Европы) такой паритет вооружений оборачивался колоссальным **неравновесием** в процентах ВВП, **в расходах для его достижения**. Если США тратили на эту гонку около 8 % своего ВВП, а Западная Европа около 6 %, то СССР был вынужден тратить на нее более 40 % своего ВВП[1].

Если посмотреть на все эти процессы в соответствующей перспективе, на поверку оказывается, что не все вкладчики всегда получают проценты за свои вклады, в размерах, превышающих инфляцию в течение всего их срока, а иногда и подвергаются «добровольным» урезываниям своих вложенных капиталов. Например, в начале 90-х годов такие урезывания даже происходили в организованном порядке, в рамках т. н. «Плана Брейди». Несмотря на это, приблизительно через восемь-девять лет по всему миру

[1] Паритет на глиняных ногах // Наша страна. 15 ноября 1986. № 1894.

прокатилась новая волна «дефолтов». А еще через следующих девять-десять лет мир сегодня оказался снова в очередном финансовом кризисе. На этот раз, по-видимому, конец этого очередного среднего (10-летнего) цикла совпадает с началом конца большого (50-летнего) «кондратьевского цикла»[1].

Экономическая модель востребована моделью политической

Если проследить логическую **причинную цепь** всех этих экономических процессов, то в начале этой цепи мы неизбежно должны натолкнуться и на какие-то внешние, по отношению к самой экономике, причины.

«Дефолты» вызваны чрезмерными долгами, которые уже невозможно погашать выручками от новых кредитов, ибо таковые уже нельзя получить по более или менее нормальным условиям. Кроме того, потенциальные кредиторы, в свою очередь, отказываются давать новые кредиты старым должникам, ибо они боятся новых потерь и не имеют достаточной ликвидности. Таким образом, государство вынуждено вмешиваться, чтобы предотвратить дальнейшие финансовые обвалы. Оно выпускает свои государственные облигации и на их выручку дает ссуды неплатежеспособным частным должникам (главным образом банкам), чтобы государственными долгами покрыть долги частные. Сами центральные банки теоретически не вмешиваются прямо в эти манипуляции, но они энергично увеличивают свои денежные эмиссии, чтобы дать колоссальные ссуды частным банкам на средние сроки по ничтожным процентам, ниже инфляции. Иногда центральные банки еще прямо покупают на рынке ранее выпущенные государственные облигации на выпускаемые ими без всякого покрытия эмиссии. За всеми этими сложными процессами постоянно, неумолимо и беспрерывно действует инфляция. При средней годовой инфляции от 2 % до 3 % через десять лет все долги (и все валютные запасы) теряют от 30 % до 40 % своей изначальной покупательной способности.

В конечном итоге все эти сложные и многоэтапные процессы можно свести к довольно простой формуле, являющейся своего рода финансовой вариацией закона Лаувазье, согласно которому **в природе ничего не теряется и ничего не создается из ничего**. То, что теряют многие, получают, так или иначе, немногие. Кто эти немногие? В основном это две группы: какая-то часть организаторов и манипуляторов этой финансовой модели и какая-то часть участников одновременной политической модели. **Обе модели терпят взаимообразно друг друга**, ибо обе модели тесно взаимосвязаны и **зависят друг от друга**. Однако действительным **первоисточником** всей этой сложной системы является **политическая модель**, ибо именно она обеспечивает **хронические государственные дефициты**, каковые влекут за собой хронические задолженности, в свою очередь подпитывающие новые дефициты, ибо за долги надо платить проценты, в этом случае превышающие инфляцию.

Эта политическая модель обыкновенно определяется как **представительная партийная демократия**, зачастую в рамках **федеративных государственных структур**.

---

[1] Периодические циклы в природе, истории и экономике // Кадетская перекличка. 2005. № 76. www.kadetpereklichka.org

Как известно, сам термин «демократия» был взят в ущербленном виде из политического строя древнего Афинского Полиса, в котором, согласно Аристотелю, демократический режим возобладал, с маленькими перерывами, между 508 и 338 годами до Р. Х., хотя элементы демократии существовали в Афинах и до этого. Однако в течение этих 170 лет под «**демократией**» в Афинах подразумевалось не только «народоправие» в широком понимании этого слова, но, конкретно и в первую очередь, **право каждого из ста демосов** (уездов, земских общин, приходов), из которых состояли Афины, ежегодно **выдвигать** из среди состоящих **в каждом демосе** граждан **одного своего кандидата в архонты** (начальники, правители, князья) всего Афинского Полиса. Затем из этих ста поместно выдвинутых кандидатов определялись путем жребия десять годовых архонтов Афин. Таким образом, этот **первоначальный прототип демократии** не был партийным ни представительным, ни федеративным. Суть этой первичной демократии заключалась в **выдвижении кандидатов в правители местными «демосами»**, а не централизованно организованными партийными аппаратами. Значит, весь процесс отбора правителей не причинял никаких издержек и расходов ни государству, ни обществу, и даже не предоставлял особенных возможностей для коррупции.

Современный финансовый кризис вызвал повсеместно жгучую необходимость доскональной проверки многих государственных бюджетов. Таким образом, в некоторых странах выяснилось, что именно **на федеральных уровнях** в государстве и **в партийных структурах гнездятся основные причины дефицитов** в государственных бюджетах, а также и главные очаги коррупции. На эти темы в международной печати опубликовано очень много информации за последнее время, резюмировать каковую нет необходимости. Можно лишь привести несколько примеров для иллюстрации.

В Греции около **30 % всего населения** страны до сих пор живет за счет государства. (Правда, такой процент не кажется очень большим по сравнению с 47 % жителей США, которые, якобы, «паразитируют за счет государства», как недавно сказал один из кандидатов в президенты США во время предвыборных дебатов.) Международные комиссии, проверяющие государственную бухгалтерию Греции, натолкнулись на курьезные детали. Например, на группу сторожей одного озера, которое не фигурировало на картах. Оказалось, что это озеро высохло в 1936 году, но расходы по его охране продолжали регулярно предусматриваться в бюджетах.

В Испании оказалось, что важным источником дефицита являются автономные региональные администрации, впервые созданные после смерти генерала Франко в процессе «демократизации» страны. Они имеют не только собственные бюджеты, но также и берут для себя «автономно» на финансовых рынках кредиты, то есть автономно делают автономные долги. Когда эти автономные региональные администрации не могут своевременно погасить взятые ими автономно долги, они обращаются за помощью к центральным властям, как это недавно произошло в случае автономной Каталонии, чьи долги превышают 42 миллиарда евро. Ввиду протестов против такой практики автономное правительство Каталонии недавно объявило «референдум о независимости». Галисия, другая автономная региональная администрация Испании, чьи долги достигают 14 миллиардов евро, натолкнулась на аналогичные затруднения на собственной территории. Оказыва-

ется, в Галисии было создано много новых муниципалитетов путем раздробления предыдущих структур, содержать каковые без влезания в долги невозможно. Сейчас правительство Галиции соединяет два-три муниципалитета в один в тех местах, где их возглавляют члены одной и той же партии.

Во Франции расходы местных администраций увеличились за последние десять лет на 60 %. Особенно велика задолженность муниципалитетов, которых во Франции, согласно данным газеты «Корриере де ла серра», чересчур много.

В Аргентине за последние десятилетия был создан ряд новых «федеративных провинций» на прежних «территориях», управлявшихся раньше прямо из центра. Многие из этих провинций хронически находятся в кризисе. Недавно в одной из них, в провинции Санта Крус, положение очень обострилось. Оказывается, из 190 000 жителей этой провинции якобы 70 000 являются государственными служащими провинции, ибо в этой провинции есть правительство, судебная система, верховный суд, парламент и т. д.

В Италии сегодня тоже широко раздается критика ее территориальной организации, основанной на разделении на регионы и на провинции. Высказываются предложения сократить такое двойное разделение. Однако гораздо сильнее критикуется партийная система Италии, страшно дорогая для государства и, кроме того, сильно потворствующая коррупции (и мафии?). В передовице итальянской газеты «Корриере де ла серра» от 11 сентября цитируется курьезное предложение левого политика Энрико Боселли сократить весь итальянский парламент до всего лишь **двух депутатов**, одного от правительства и другого от оппозиции. Они будут иметь голоса в соответствии с процентами голосов, полученных правительством и оппозицией на последних выборах. Ведь сегодня все партийные фракции в парламенте голосуют «как один», по указке их секретарей. (Ослушаться указки партий депутаты не могут, ибо партии выдвигают их кандидатуры. Так что одних секретарей фракций было бы достаточно.) Таким сокращением можно было бы достигнуть колоссальной экономии расходов по оплате сотен народных представителей и многих тысяч обслуживающего их персонала (советников, секретарей, водителей и т. д.) вместо дополнительного сокращения пенсий и жалований служащих. Эта критика в Италии не прекращается, а все время усиливается. Например, в номере от 14 октября в той же газете «Корриере де ла серра» можно прочесть следующие заголовки статей: *«Вцепившаяся в государство олигархия живет заявлениями и лицемерием», «Жестокая тирания долгов ускоряет упадок Запада».* (Между прочим, на недавней встрече МВФ в Токио его председательница Христина Лэгард заявила, что большие долги многих стран очень трудно снизить без экономического роста, но сами эти долги препятствуют экономическому росту, так что получается порочный круг.)

Таких примеров критики сегодня очень много. Причем расчленение стран еще более выгодно политиканам, чем их федерализация. Мне один дипломат сказал в начале 90-х годов, что расчленение Югославии и России (СССР) необратимо, ибо эти расчленения обеспечивают сословию политиканов колоссальное количество хорошо оплачиваемых постов (министров, послов, депутатов, дипломатов и т. д.). Например, сказал мне он, в некоторых новых маленьких пост-югославянских государствах чуть ли не каждая пятая большая семья (род, клан) будет иметь хотя-бы одного такого высоко-

го сановника, что повлечет за собой для нее много дополнительных выгод. Я тогда ответил, что эти «выгоды» должны будут оплачивать остальные члены общества. Нет, сказал дипломат, они будут оплачены выпуском денег в собственном государстве или кредитами из других государств, где они, в свою очередь, будут покрыты тамошними эмиссиями.

Поиски новых направлений для выхода из кризиса

Сегодня уже многим стало очевидно, что пробег современного «большого» экономического цикла уже подходит к своему концу. Однако для старта нового цикла необходимы **творческие нововведения** («инновации», новинки), как на это указал в свое время Кондратьев[1].

В экономическо-финансовой области некоторые инновации уже вырабатываются в Еврозоне, нередко мучительно. На самом деле не все они являются таковыми, ибо некоторые из них уже давно содержатся в доктрине «Бундесбанка» Германии. Эта доктрина была выработана немецкими учеными экономистами, практически без участия победителей, еще во время оккупации Западной Германии, до создания ФРГ, одновременно с подготовкой денежной реформы, состоявшейся в июле 1948 года.

В основном эту доктрину можно свести к постулату, что единственной императивной задачей Центрального банка Германии («Бундесбанка») является максимальное **сохранение покупательной способности денег**, выпускаемых этим банком. Годовая инфляция должна быть ниже 2 % (в принципе, не выше получаемых процентов за сбережения). Для этого количество денег в обращении, в конечном итоге, не должно увеличиваться более экономического роста страны. Необходимые временные колебания этого количества денег должны со временем возвращаться в рамки общей тенденции экономического роста. Другие экономические вопросы (как, например, количество безработных в стране) не лежат в компетенции «Бундесбанка», в отличие от Центрального банка США. Короче говоря, «Бундесбанк» не должен заботиться о безработных, а только защищать интересы потребителей и **сберегателей**. Символически это было продемонстрировано в момент обмена райхсмарок на новые немецкие марки: за любое количество старых денег наличными тогда всем дали одинаково по сорок новых марок на человека, но за старые деньги **на счетах сберегательных касс**, через неделю после обмена, аккредитовали новыми марками 10 % от прежде накопленных сбережений в старых деньгах. **Сбережения жителей стоят на первом месте**. Для выполнения этой задачи «Бундесбанк» является полностью независимым от политики.

Эта доктрина немецкого «Бундесбанка» была в основном усвоена и Европейским Центральным банком, созданным для всей Еврозоны. Однако под доктриной «Бундесбанка» в Германии существует соответствующий **социологический фундамент**: традиционно население Германии **потребляет меньше, чем производит**. Разницу между производством и потреблением оно сберегает, **копит для будущего** (для расходов или для приобретения активов в будущем). Посему, главной функциональной задачей денежной

[1] Периодические циклы в природе, истории и экономике // Кадетская перекличка. 2005. № 76. www.kadetpereklichka.org

системы в Германии было **обеспечение сохранения** на средний срок **покупательной способности сбережений** населения и предотвращение их обесценивания. Однако в некоторых других странах имеются **иные социологические предпосылки**, как, например, тенденция к потреблению товаров и услуг в размерах, **превышающих** одновременное их производство. Для покрытия разницы берутся кредиты в долг, чтобы часть сегодняшних расходов оплатить в будущем. При преобладании такой тенденции некоторая инфляция и некоторое обесценивание денег, в которых выражены долги, являются выгодной для должников. Посему, в этих странах государственный долг тоже видится в иной психологической перспективе.

Когда такие разнородные финансовые системы были унифицированы в Еврозоне под общим щитом одной общей монеты, без изначального учета этой разнородности, со временем неизбежно стали возникать проблемы, а затем и кризисы. Также не была учтена и **разница в производительности** в разных странах, как это было сделано при объединении двух зон Германии, с последующим установлением разницы и в уровне зарплат. (Эти разницы затем постепенно уменьшались, но они до сих пор существуют.)

Кроме того, сегодня ни одна из 17 стран Еврозоны не может делать девальваций в индивидуальном порядке. Девальвация является самым простым способом ловко снизить общий уровень зарплат и пенсий без каких-либо специальных дискуссий об этом, для повышения национальной конкурентоспособности и улучшения внешнеторгового баланса. Значит, сегодня необходимо производить «**внутреннюю девальвацию**» путем **открытого селективного урезывания зарплат и пенсий**, что психологически гораздо труднее и ведет к снижению экономического роста и даже к его стагнации и рецессии. В последнее время раздаются голоса, что методология «внутренней девальвации» в некоторых отношениях может быть опасной. В швейцарской газете «Basler Zeitung» недавно вышла статья на эту тему, в которой указывается, что аналогичная «внутренняя девальвация» в Англии в 30-х годах XX века вызвала долгий экономический застой в этой стране: ВВП Англии в 1938 году был почти такой же, как и в 1918 году. Именно тогда и возникла экономическая теория Кейнеса, в конечном итоге сводящаяся к предпочтению экономического роста перед другими задачами.

Однако раздаются и голоса, утверждающие, что экономическое положение Европы, измеряемое рядом показателей, сегодня лучше, чем положение в США, Японии, Индии и Англии. Лишь положение Китая немного лучше Европы. Так утверждает Петер Бофингер, один из т. н. «экономических мудрецов Германии», в его недавно вышедшей книге *«Назад к немецкой марке?»*. Посему, не надо перебарщивать с жестокими мерами, если они слишком вредят экономическому росту, считает он. (В 2012 году ожидается следующий экономический рост в процентах ВВП: В Китае — 7,8 %, в Индии — 4,9 %, в России — 3,7 %, в США — 2,2 %, в Японии — 2,2, в Бразилии — 1,5 %, в Германии — 0,9 %, во Франции — 0,1 %, во всей Еврозоне — минус 0,3 %, в Англии — минус 0,4 %, в Италии — минус 2,3 %.)

Финансовый разнобой происходит и во всем мире, а не только в рамках Еврозоны. Посему, нельзя сравнивать все главные валюты мира только лишь на основании обыкновенно учитываемых экономических и торговых данных. Необходимо также принимать во внимание и специфический характер каждой валюты, и **с какой целью** (гласной или негласной), на сред-

ний и на дальний сроки, она выпускается: **для сохранения ее покупательной способности** или для незаметного хронического **обесценивания долгов**, выраженных в ней. Возможно, что со временем в мире установится система **нескольких главных валют**, в каковой будет так или иначе учтен специфический характер каждой из них. Конечно, достичь этого будет чрезвычайно трудно. Теоретически возможно и создание некой новой абстрактной денежной единицы, основанной на «корзине» таких главных мировых валют, но это еще труднее.

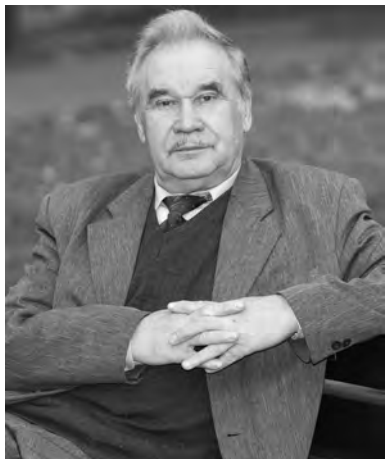
Во всяком случае, уже сегодня необходимо иметь в виду, что не всегда выгодно иметь односторонне на долгий срок большие запасы иностранных валют, ибо эти запасы зачастую являются лишь ничем не обеспеченными **чужими долгами**, которые все время понемногу обесцениваются. Конечно, необходимо располагать оперативными фондами обращения в иностранной валюте, каковые, однако, не должны быть чрезмерными. Лишние свободные средства лучше вкладывать в запасы сырья, в средства производства и в инфраструктуру.

Меры для бюджетных экономий, во избежание дефицитов и долгов, необходимо согласовывать с социологическими исследованиями, как это было сделано в Германии во время правительства Шрёдера, по отношению к системе социальных субсидий. Сегодня особенно необходимо хорошо социологически исследовать перспективы на следующие десятилетия развития пенсионных систем в связи с имеющимися демографическими тенденциями.

В заключение можно высказать предположение, что необходимые **политические** структурные реформы можно сделать гораздо легче, чем это может казаться на первый взгляд. При этом нет никакой необходимости впадать в вышеотмеченные «итальянские крайности». Ведь глубокие реформы в этой области можно осуществить даже без конституционных реформ, лишь с помощью изменения избирательного законодательства, для преодоления недостатков современной модели. Даже можно частично вернуться к принципам и к опыту некоторых престижных исторических моделей: Афинской демократии, в которой **кандидаты** в правители **выдвигались поместно** демосами (уездами, общинами), или Римской республики, в которой кандидатами могли быть лишь государственные деятели, **отслужившие свои сроки на низших ступенях** власти и кооптированные в Сенат. На Руси, до реформ Петра Великого, существовала **смешанная система**: выдвижение кандидатов и выборы в члены Земского Собора производились по местам, в то время как члены Боярской Думы назначались Царем, по заслугам, из государственных служилых чинов.

Все вышесказанное делает очевидным то, что любые **экономические** планы, меры и решения, так или иначе, зависят от **политических** целей, планов, моделей и структур.

Чеслав КИРВЕЛЬ

РЕФОРМА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ БЕЛОРУССИИ

Снежана СЕМЕРНИК

Образование — стратегически важный ресурс развития любого общества. Именно поэтому реформы, проводимые в сфере образования, оказывают влияние на все, без исключения, сферы общественной жизни: экономическую, политическую, культурную, социальную. В этой ситуации очень важно понимать, что стоит за лозунгами, написанными на знаменах реформаторов от образования.

На фасадной стороне осуществляемых реформ читаем: «модерни-

Чеслав Станиславович Кирвель — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. Родился в 1945 г. в д. Мякиши Щучинского района Гродненской области. В 1972 г. окончил философский факультет Ленинградского государственного университета, в 1976 там же — аспирантуру. В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию по философии. В 1977—1980 гг. работал старшим преподавателем кафедры философии в политехническом институте в Комсомольске-на-Амуре. С 1980 г. возглавляет кафедру философии в ГрГУ им. Я. Купалы. Автор более 200 научных работ, в том числе книг: «Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции», «Образы будущего: утопия и антиутопия в современном мире», «Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов», ряда учебников и учебных пособий, многочисленных публикаций по философской проблематике. **Живет в г. Гродно, Беларусь**.

Снежана Здиславовна Семерник — родилась в 1973 г. в городе Гродно. Окончила биологический университет ГрГУ им. Я. Купалы. Затем аспирантуру по философии по специальности «Теория и история культуры». Работает на кафедре философии ГрГУ им. Я. Купалы. Защитила кандидатскую диссертацию на тему «Экзистенциальные состояния личности в социокультурном контексте переходного общества». В 2009 г. получила звание доцента. Автор более 50 научных публикаций, в том числе двух монографий. **Живет в Гродно, Беларусь.**

зация и оптимизация образования как эффективный ответ на вызовы современности», «инновации и динамизм», «компетенции и экспертиза качества», «конкурентноспособность», «рентабельность», «рынок».

Броские названия не имеют ничего общего с реальностью: за яркой вывеской образовательных деклараций скрываются процессы, все дальше уводящие образование от высокого уровня, основательности, подлинного качества.

Модернизация образования и его обратная сторона

Общим местом отечественных реформ становится призыв к усвоению европейских норм высшего образования, приведению его в соответствие с международными (европейскими) стандартами. Однако хорошо известно, что белорусские, украинские и русские специалисты ценятся за рубежом именно потому, что они способны выходить за рамки европейского стандарта, превосходить его. Российский академик А. А. Кольков справедливо отмечает по этому поводу: «Ценность образования определяется не только и даже не столько стандартами, сколько способностью выпускников преодолевать стандарты, иначе говоря, способностью творчества» [1]. А вот с творчеством в новых образовательных реформах дела обстоят не самым лучшим образом: оно явно или неявно изгоняется из-под сводов некогда щедро питающей его alma mater.

Чтобы понять это, достаточно взглянуть на процессы, полным ходом разворачивающиеся в системе образования вообще и высшего образования в частности. Для обозначения их генеральной направленности уместно использовать префикс «де-», указывающий на разложение и распад: «дефундаментализация», «дегуманитаризация», «детеоретизация», «дегуманизация».

Разрушается, собственно, классическая модель образования, характерная для индустриальной стадии развития общества, благодаря которой мы имеем все окружающие нас блага цивилизации: развитую промышленность, коммуникации, быт, культуру и т. д. Для нее, классической модели, как раз и были характерны фундаментальность, теоретичность, широкая гуманитарная подготовка, гуманистическая ориентация. Доказывать состоятельность уходящей модели образования нет необходимости: свидетельством ее эффективности является сама жизнь.

А что же мы имеем сегодня? На смену хорошо подготовленным, высокомотивированным в отношении учебы студентам, тщательно отобранным сравнительно в небольших количествах в ходе абитуриентской кампании, пришли широкие массы бывших школьников, образовательный уровень которых в большинстве случаев далек от предъявляемых высшей школой требований. «Переварить» эти массы в имеющихся сегодня условиях высшая школа не в состоянии — ею все еще не найден верный «ответ» на этот, во многом обусловленный коммерческими соображениями, «вызов среды». А потому решение проблемы, по мнению современных реформаторов образования, заключается в том, чтобы отказаться от «полноты научного содержания преподаваемых дисциплин», особо не перегружать нерадивых студентов, а дать им некое «базовое содержание», «немногочисленные концепции и идеи». Лишь в этой ситуации, по мнению новаторов, мы сможем говорить о «действительно качественном знании», поскольку замена глубо-

кого изучения предмета (чем по определению занимается высшая школа) на принцип общего («базового»), поверхностного с ним ознакомления, может повысить качество образования. Совершенно очевидно, что предлагаемый метод, действует, скорее, с точностью до наоборот: понижает уровень подготовки студента до весьма посредственного, формирует студента вуза, не способного на современном уровне осмысливать проблемы и перспективы развития общества, решать жизненно важные задачи. Более того, при таком направлении реформ реализуется принцип «понижающей селекции»: из образовательного пространства выбраковываются лучшие и перспективные. Вынужденная довольствоваться узкой, усеченной программой, ориентированной на «серого», «посредственного» студента, способная к учебе молодежь в принципе не сможет в полной мере овладеть тем уровнем знаний, благодаря которому возможна подлинная творческая реализация личности. Магистратура в том виде, в каком она существует сегодня, эту проблему решить не сможет. Ведь надо отдавать себе отчет в том, что магистранты будут набираться из массы слабо подготовленных студентов. За год-два магистерской учебы принципиальный перелом в их подготовке осуществить будет трудно. А если у нас не будет творцов, а только лишь серые владельцы инструментальных навыков, кто будет воплощать в жизнь проекты инновационной экономики? Кто будет создавать передовые информационные и технические продукты, авторство в которых только и способно определить стратегическое положение страны на мировых современных рынках. О каком качестве образования в этой ситуации идет речь?

Еще один недуг образовательной системы, возникший на современном этапе ее развития и все еще полноценно не компенсированный высшей школой, — сократившийся объем аудиторных часов, количество которых таково, что не позволяет обеспечить ту «энциклопедическую полноту» знаний, которая была присуща ее выпускникам еще несколько десятилетий назад. Причем в ситуации более низкой стартовой подготовки школьников, приходящих в вуз, эту проблему можно умножить как минимум в два раза: слабым студентам необходимо больше времени на усвоение материала (поскольку приходится сначала восполнять пробелы базового уровня). Педагог, сориентированный на то, чтобы «дотянуть» слабого студента до приемлемого минимального образовательного уровня, чтобы ни в коем случае никого не отчислить и не потерять тем самым доход (на что ориентируют новые реалии функционирования высшей школы), сначала вынужден, а затем и привыкает работать по нижней планке своих возможностей, что также отрицательно сказывается на качестве образования.

В скоропалительных реформах образования, стремящихся сбросить с себя «груз» фундаментальности и основательной теоретичности, можно потерять сложившуюся в Белоруссии эффективную систему образования. Аналитики констатируют: «Система образования работает если:

- фундаментальная наука опережает прикладную;
- теоретическая подготовка опережает практическую [2].

При этом те знания, которые студенту с высоты собственного жизненного опыта кажутся «лишними», могут оказаться самыми важными в подготовке его как специалиста. Как справедливо замечал Г. Лихтенберг, «кто не понимает ничего, кроме химии, тот и химию не понимает». Тем самым великие мыслители прошлого раскрывали секрет успешного обучения и возмож-

ности научных открытий: широкая теоретическая подготовка специалистов. Физиков обязательно нужно учить лирике и наоборот. При этом важны и стратегические принципы, и методики преподавания различных дисциплин.

В современных условиях развития социума, в которых взаимовлияние стран и культур все возрастает, необходимо учитывать то обстоятельство, что в области преподавания естественных и технических наук заимствование заграничных идей и знаний допустимы и необходимы. Однако в сфере преподавания гуманитарных наук необходимо опираться на свой социокультурный продукт. В противном случае заимствование гуманитарных идей (в сфере экономики, политологии, философии и т. д.) будет напоминать культурный империализм — когда идеи, выгодные доминирующей культуре, транслируются на все остальное образовательное пространство. В гуманитарной сфере не только нежелательно, но и опасно пользоваться импортными интеллектуальными продуктами. Необходимо создавать свои.

Тем не менее, в структуре «приоритетных направлений развития Республики Беларусь на 2010–2015 годы», подготовленной белорусской Национальной академией наук, среди отмеченных 10 приоритетов нет ни одного социогуманитарного профиля. Означает ли это, что мы заведомо соглашаемся со статусом мировой периферии, ожидающей донорских идей от заграничного центра?

Ведь сегодня, когда человечество зашло не столько в технологический, сколько в социогуманитарный тупик, когда на повестке дня стоит создание нового «социогуманитарного коллайдера», с помощью которого необходимо искать новые социальные механизмы, смыслы жизни, способные преодолеть катастрофические проблемы общества потребления, отказ от развития социогуманитарной сферы означает отказ от субъектности в мировых процессах.

Совершенно очевидно, что ситуация тотального сворачивания исследований в области социогуманитарных наук является недопустимой.

Однако слишком узкая специализация, отличающаяся отсутствием широкой теоретической базы, подрывает качество подготовки и в области технических наук. Тем не менее, с «легкой руки» Болонского процесса, по многим странам (европейским и следующим за ними постсоветским) идет процесс снижения серьезной теоретической подготовки студентов и школьников. Это имеет самые серьезные последствия для общества. Скоро пошедшие по этому пути страны не смогут иметь достаточно грамотных специалистов (инженеров, конструкторов и т. д.), чтобы поддержать унаследованные от модерна огромные и сложные системы жизнеобеспечения.

В чем причина такого удручающего положения?

Сегодня во многих странах мира, в том числе и в Беларуси, среди официальных лиц, теоретиков и практиков от педагогики возобладала устойчивая тенденция рассматривать процесс образования исключительно в экономоцентричном ключе — исходя из позиций чистого экономизма. С точки зрения данного подхода, образование должно превратиться в контору по продаже знаний, цель которой — максимально выгодно продать некоторую информацию, получив при этом наибольшую прибыль.

Данная установка не просто расставляет новые приоритеты в осуществлении образовательной деятельности — она принципиально меняет понимание места и роли системы образования в обществе. Во-первых, при по-

добном отношении упраздняется классическое отношение к образованию как к общественному благу, а также изменяется понимание того, что именно дает обществу система образования. Традиционно речь шла о том, что образование не просто готовит участников профессиональных отношений, но производит (и воспроизводит) определенный тип личности, который обеспечивает нормальное функционирование общества. Ибо образованный человек является участником многочисленных социальных коммуникаций вне собственно профессиональной деятельности: реализовывает экономические, политические, культурные, духовные и подобные взаимоотношения в обществе. Он является рационально вменяемым агентом, в силу чего более склонен к соблюдению самого широкого спектра норм, транслируемых обществом: юридических, моральных, политических и т. д. Поэтому производство данного типа личности, безусловно, является благом для общества, приносит пользу всем участникам социальных отношений вне зависимости от того, оплачивали они обучение данного человека или нет. Очевидно, что государство заинтересовано в воспроизводстве образованных граждан, рационально строящих свое поведение, способных вменяемо осуществлять самый широкий спектр общественных отношений. Именно поэтому в самых различных странах мира образованию уделяется так много внимания, существует система государственной поддержки образования, деньги налогоплательщиков, получающих в виде всеобщего блага общество образованных граждан, направляются на финансирование образования, создающего это благо.

Ложь экономоцентризма заключается в том, что он объявляет образование частным интересом отдельных «заинтересованных лиц» (отдельных работодателей и потенциальных наемных работников) и сводит всю полноту создаваемых системой образования благ лишь к одному — узкой профессиональной подготовке. Социализирующая роль образования остается вне поля зрения экономоцентричных теоретиков от образования. А поэтому «за скобки» здесь выносятся все значимые с точки зрения общественного развития характеристики личности: ее воспитание, формирование мировоззрения, политических взглядов, гражданской позиции, норм повседневного поведения, а также собственно ***образованности***, которая отнюдь не сводится к узкому набору профессиональных умений и навыков, словом, всех тех феноменов, вне которых невозможно говорить о полноценном включении личности не только в социальный контекст, но и непосредственно в современные производственные отношения.

Предполагая, что образование лишь создает некого абстрактного профессионала, а все остальные социальные характеристики личности приобретаются сами собой, экономоцентризм наносит обществу существенный вред, ибо он предлагает пустить на самотек важнейшую сферу, связанную с процессом становления личности.

Традиционное общество, равно как и эпоха модерна, себе такого не позволяли. С тех пор как общество вступило на индустриальный путь развития, образование стало решающим фактором, определяющим стратегии и уровень его развития. Промышленные революции для закрепления полученных на их основе экономических успехов требовали образовательных инноваций. Именно поэтому в странах «восходящего индустриализма» один за другим были приняты законы об обязательном всеобщем образовании.

Так, законы о всеобщем обучении приняты: в Пруссии — в 1717 и 1763 гг., в Австрии — в 1774 г., в Дании — в 1814 г., в Швеции — в 1842 г., в Норвегии — в 1848 г., в США — в 1852–1900 гг., в Японии — в 1872 г., в Италии — в 1877 г., в Великобритании — в 1880 г., во Франции — в 1882 г. [3].

И дело было не только и не столько в идеалах эпохи Просвещения, трубадуры которого воспевали образованность масс как необходимое условие идеального устройства общества. Усложнение процесса производства, нарастание его технической мощи и технологизация с неизбежностью требовали для реализации поставленных перед ним задач высококвалифицированных, хорошо образованных и подготовленных рабочих и специалистов. К тому же, человек, пройдя через систему образования, имел практику и навыки упорядоченной систематизированной деятельности, выступающей мощным дисциплинарным и организующим фактором, определяющим его поведение, позволяющим включаться в самые разнообразные производственные процессы.

Современные политики, родившись в обществе модерна и «по умолчанию» пользующиеся накопленным данным типом социума потенциалом, в том числе и человеческим, не берут на себя труд сделать проекцию в будущее и представить ситуацию утраты достижений модерна, к числу которых, безусловно, принадлежит и развитая система образования на всех ее уровнях (среднее, средне-специальное и высшее). Концентрируя свое внимание на материально-технической составляющей успехов общества, они совершенно упускают из виду то обстоятельство, что данные достижения неразрывны с достижениями в области социального строительства и человеческого развития, более того — невозможны без них.

Ведь не надо забывать, что наследие модерна с его развитой инфраструктурой и высоким уровнем культурного развития создавалось и было рассчитано на разностороннего, широко образованного, «окультуренного» высокими нормами социальных отношений субъекта. Именно в этом случае обеспечивалась стабильность и бесперебойность функционирования самых различных сфер социальной жизни.

Если мы произвольно и механически произведем замену такого субъекта на совершенно иной тип — узкопрофильного практика с потребительскими нормами в качестве эталонных образцов поведения, то ситуация во многих сферах общественного развития, в том числе и экономической, изменится самым существенным образом.

Никто с точностью не берется сегодня судить о том, что мы получим в результате. Однако футурологические интуиции большинства современных аналитиков в этом отношении весьма сходны. Они предсказывают рост нестабильности и стремительного снижение уровня благополучия общества.

И если, как гласит пословица, «скупой платит дважды», то за скупой (недальновидный) подход к такой стратегически значимой сфере общественного воспроизводства, как образование, которое воспроизводит человеческие типы, обеспечивает наличие в обществе личностей с определенными характеристиками, общество может не просто заплатить вдвойне, а отдать неимоверно дорогую цену: утратить свою независимость и полноценность существования. Примеры этому можно найти в совсем недалекой истории.

Так, в России в царствование Александра III (далеко не худшего русского Царя, достигшего серьезных успехов в экономике и во внешней поли-

тике) была попытка снизить образовательный уровень широких масс людей в надежде сделать их более послушными и управляемыми в складывающейся революционной ситуации в стране. Печально известный циркуляр министра образования Ивана Давыдовича Делянова от 18 июня 1887 г. резко ограничил доступ к образованию представителям низших сословий. Снижение уровня образованности масс (как следствие — общая дерационализация их сознания) привело к тому, что революция наступила скорее, чем того могли ожидать правящие элиты России, а жестокость и неразумность бунта сопоставима была со средневековыми восстаниями. Современные аналитики приходят к выводу, что деляновская «реформа» образования сыграла свою роль и в приближении революции, и в ее кровавости.

Таким образом, предположение о том, что менее образованный народ будет легко управляемым, менее склонным к подрывной деятельности по отношению к государству, нежели «слишком образованная» интеллигенция, оказалось в корне неверным. Неразвитость масс — качество, по управленческим меркам оправдывающее себя лишь в специфических — стабильных — экономических и политических условиях, когда сытые и спокойные люди не задают себе и окружающим «лишних» вопросов. Правда, процент социопатических форм поведения все же будет выше, чем в обществе с высокообразованными гражданами. Как показывают исследования, примитивная личность более склонна преступать нормы, так как попросту является рационально менее вменяемой, а потому логическую аргументацию о необходимости соблюдения названных норм (правовых, моральных, социальных и т. п.) усваивает с трудом: голос не тренированного в рационально-абстрактных упражнениях разума звучит слабо и неубедительно.

Положим, эту, мягко говоря, неприятность можно «скорректировать» усилением корпуса внутренних силовых структур, расширением состава исправительных учреждений и тому подобными мерами. Однако сегодня, в эпоху масштабных финансовых кризисов трудно (если не сказать — невозможно) найти страну, которой бы не коснулись экономические «встряски». В этой нестабильной, сложной для страны ситуации взращенная серость непременно даст о себе знать: ее бунт будет неразумен, жесток и беспощаден. Он способен смести любую власть, любое правительство. В критический момент, в ситуации нестабильности, нарастания экономических и подобных проблем, наплыва информационных атак извне малая образованность масс (проявляющаяся, в том числе, и в гражданской невоспитанности, так как плохо образованный человек плохо усваивает рациональные компоненты национально-патриотических идеалов, не стремится защищать Родину и собственно руководящие ею верхи в трудную минуту) дает прямо противоположные результаты. Эти массы легко поддаются ложным лозунгам, не задумываясь о последствиях, разрушают на своем пути все, что «попадает под руку» их разъяренной иррационально действующей личности: транспорт, коттеджи, магазины, официальные учреждения и т. д. В современном обществе, для которого нестабильность становится своеобразной «визитной карточкой», эта проблема более чем актуальна.

Далее хотелось бы отметить, что экономоцентризм в качестве нормы утверждает принцип коммерциализации образования. Реализация данного принципа приведет к тому, что доступ к качественному образованию со стороны наименее обеспеченных слоев общества будет существенно ограничен.

Это, безусловно, будет способствовать усилению неравенства в обществе, в перспективе — люмпенизации относительно широких его слоев, с одной стороны (что, в свою очередь, породит ряд серьезных внутренних социально-экономических проблем, соответственно значительно ослабит внешнюю геополитическую безопасность общества), и снижению возможности притока творчески одаренных людей в сферу образования и науки, с другой.

Между тем глубокий образовательный фундамент широких масс является тем ресурсом, из недр которого общество может в необходимом количестве рекрутировать умы для обеспечения существования такого высокосложного и трудновоспроизводимого социального института как наука. Нет необходимости убеждать современного человека в том, что развитая инфраструктура общества, благами которой мы все привыкли пользоваться, создана и поддерживается благодаря науке.

Достаточно сказать, что американский экономист, представитель неоинституционализма, лауреат Нобелевской премии (1993) по экономике Норт Дуглас назвал переход к систематическому применению теоретических знаний в производстве (примерно с середины XIX века) «второй экономической революцией», сопоставимой по значимости со своей предшественницей — революцией неолитической (8–10 тыс. лет назад). И если первая революция создала возможность роста населения при неснижающемся уровне потребления, привела к возникновению государства, то вторая позволила государству создать «общество массового благоденствия» — дала возможность при растущей численности населения увеличивать среднедушевой доход.

Так, например, доход европейцев в течение динамичного XIX века (1820–1913 гг.) увеличился более чем в два раза, а с 1914 г. по 1990 г. вырос в пять раз. Наиболее быстрым он оказался в период с 1950 по 1973 г. (4,3 % в год) [4].

Таким образом, развитие науки и техники вывело процессы производства и потребления на совершенно иной уровень, стало локомотивом экономических процессов. Известный американский экономист, гуру классического менеджмента Питер Друкер замечает в связи с этим: «научно-технический прогресс и новаторство имеют самое непосредственное отношение к экономике. … Научно-технический прогресс играет важную роль в том, что касается производительности земли, труда и капитала. Утверждение экономистов о незначительности такого существенного явления не менее глупо, чем бы заявление математиков о том, что им “чужды числа”» [5].

В то же время коммерциализация деятельности ученого подрывает самые основы научно-исследовательской работы. Выбор в качестве основного критерия эффективности труда людей в сфере науки такого показателя как «коммерческий успех» приведет к тому, что у нас возникнет огромное количество торговцев научной информацией, имеющейся в запасе на сегодняшний день (которая в обозримом будущем будет исчерпана), но не останется ученых. Поскольку принцип развития науки — работа на перспективу. Путь от возникшей перспективной научной идеи до ее реализации и уж, тем более, коммерческого использования может быть очень долгим: от нескольких десятилетий до сотен лет.

Так, например, от момента открытия жидких кристаллов до получения прибыли от реализации этой идеи прошло около 100 лет. Впервые в 1888 году жидкие кристаллы обнаружил австрийский ботаник Фридрих Рейнит-

цер, наблюдая две точки плавления сложного эфира холестерина — холестерилбензоата. Ученые того времени не обратили внимания на это открытие, долгое время не признавали его. Ни о каком практическом применении в этой ситуации речи быть не могло. Еще целый ряд попыток донести до научного сообщества идею работы с жидкими кристаллами не увенчался успехом. И только после 1973 года, когда группа английских химиков под руководством Джорджа Грея синтезировала жидкие кристаллы из относительно дешевого и доступного сырья, эти вещества получили широкое распространение в разнообразных устройствах, коммерческая выгода от использования которых растет из года в год.

Еще более длительный путь у идей реактивного движения. Идея реактивного движения и первая ракета родились в Китае примерно во 2 веке н. э. Конкретные расчеты в области космического ракетостроения были произведены Циолковским в первых годах XX века. Возможность реализации космических программ, связанных с полетами в Космос, появилась спустя пятьдесят лет. Долгое время эта отрасль оставалась никак не окупаемой, требующей серьезных государственных вложений. Собственно коммерческое использование космических проектов (прежде всего спутниковое ТВ) осуществилось еще позднее — в середине 60-х годов.

Открытия в области оптоэлектроники датируются серединой XX века, коммерческую выгоду мы получаем на рубеже тысячелетий. Открытое в 1831 году М. Фарадеем явление электромагнитной индукции практически стало использоваться полстолетия спустя. И таких примеров множество.

Другими словами, если бы мы оценивали по критериям мгновенной выгоды, насущной коммерческой эффективности научную деятельность заслуженных ученых прошлого, то они все получили бы оценку «неудовлетворительно». Поскольку их труды стали основой экономического успеха многих отраслей промышленности намного позже, чем осуществлялась непосредственно исследовательская работа. Отсюда следует вывод, что научно-исследовательскую деятельность нельзя загонять в прокрустово ложе коммерческих выгод. Поскольку те, кто гонится только за коммерческим успехом научных открытий, в силу узости понимания роли науки, исключительной ориентации на текущий момент или обозримое ближайшее будущее не способны увидеть перспективу, или, увидев, оценить и поддержать те идеи, которые не сулят мгновенной окупаемости и прибыли. В этом смысле деятельность коммерциализированного сознания сопряжена со своеобразным социокультурным паразитизмом. Поскольку, беззастенчиво пользуясь достижениями ученых и науки, существовавшими в прошлом, и получая от этого прямую коммерческую выгоду, оно (это самое коммерциализированное сознание) не желает финансировать дальнейшее развитие фундаментальной науки, тем самым отбирая возможность найти практическое применение фундаментальным исследованиям своим детям и внукам.

Не удивительно, что итоговая обобщающая вышеперечисленных тенденций укладывается в довольно неприглядное слово — «деградация». Не она ли скрывается за магией слов об оптимизации и модернизации современного образования?

Данный факт становится особенно очевидным в случае рассмотрения системы образования как некоего общественного явления в широком социальном и геополитическом (геокультурном) контексте, а также в плане

информационно-культурной безопасности страны, которая в современном мире является важнейшей составляющей национальной безопасности. Поскольку именно данное, информационно-культурное измерение определяет облик и перспективы развития современного общества.

Геополитическое измерение образовательных реформ

Реалии ушедшего XX века изменили наши представления о закономерностях развития социума. Мнение о том, что процессы, происходящие в обществе, поддаются анализу с помощью тех же принципов и оснований, которые используются при изучении природных объектов, сегодня является не более чем устаревшей теоретической презумпцией. В частности речь идет о так называемом «принципе объективности». Утверждение, что развитие современной науки, техники и социума в целом происходит исключительно объективно — не более чем миф, интеллектуальная иллюзия ушедшего XX века. В современном социогуманитарном знании аргументированно обосновывается мысль о том, что все эти процессы подчиняются иной — ***субъективно-объективной*** логике. Это уточнение специфики функционирования социальных процессов и социоразмерных систем — не просто «игра слов». Из данной терминологической определенности следуют далеко идущие выводы.

В частности, говоря о становлении новой геоструктуры мира, теперь нельзя ограничиваться лишь исследованием принципов и механизмов их стихийного формирования. В наше время невозможно говорить о каких-то чисто объективных социальных процессах, протекающих независимо от воли субъектов. При ближайшем рассмотрении современных социально-экономических процессов оказывается, что их стихийность все более уверенно преодолевается целерациональным началом, заключающимся в способности сознания влиять не только на функционирование, но и на становление экономических реалий.

Примеры такого рода инновационного влияния сознания на сферу экономических отношений можно найти еще в прошлом веке: развитие экономики в Советском Союзе, явившееся результатом сознательного выбора в пользу огосударствления средств производства; «Новый курс» президента США Ф. Рузвельта, ставший «целевой причиной» выхода США из тяжелейшего экономического кризиса; продолжающиеся и ныне попытки российской властной элиты сознательно «построить» экономику рыночного типа. Вопрос об удачности или не удачности результатов такой сознательной деятельности здесь мы не ставим. Для нас интересен факт функционирования экономических отношений, ведущим фактором возникновения которых выступили субъективные интересы и сознательно оформленная целевая установка определенных субъектов социального развития.

Это обстоятельство представляется особенно важным в связи с тем, что сегодня, по мнению многих аналитиков, закладываются основания событиям, развертывание которых будет происходить ближайшие десятки и, возможно, сотни лет. И если учитывать то обстоятельство, что субъективная составляющая в развитии социальных процессов, благодаря имеющимся на сегодняшний день технологиям, все более усиливается, а история постепенно превращается в реализацию некоторого «исторического проекта», то совершенно очевидно, сколь существенно возрастает роль социаль-

ного субъекта, способного к «сознательному проектированию» социальных процессов, умеющего выбрать правильную политическую, экономическую, культурную, духовную и т. д. позицию в сложном хитросплетении исторических событий.

Однако, чтобы выработать правильные, эффективные стратегии развития в создавшихся исторических условиях, необходимо глубоко понимать суть происходящих процессов. Для этого нужен серьезный теоретический анализ, осуществление которого в разы повышает вероятность того, что субъекты мировой истории сделают правильный исторический выбор и поставят свои страны в выгодное положение, обеспечив им благоприятную, жизнеутверждающую перспективу.

Возможность такого анализа, связанная со способностью к теоретическому абстрагированию, с одной стороны, и умением воплощать выявленные логические схемы в плоскость конкретных практических ситуаций, с другой, является сильной стороной любого субъекта социального развития вне зависимости от той фактической роли и положения, которое он занимает в сложившейся геополитической ситуации. Серьезный теоретический анализ (осуществить который способен только хорошо образованный, всесторонне развитый человек) позволяет возвышаться над эмпирикой наличных фактов и прозревать тенденции, перспективы и причинные связи внешне не связанных между собой событий, усиливает положение сильных государств и становится серьезным оружием слабых стран в борьбе за свои исторические перспективы.

Это обстоятельство, как ни странно, игнорируется элитой постсоветских стран, экономическое, политическое и социальное развитие которых оставляет желать лучшего. Однако хорошо осознается наиболее сильными на данный момент участниками исторического процесса: Западной Европой и США, где создано огромное количество «аналитических институтов», «мозговых трестов», в которых специалисты-гуманитарии занимаются изучением современного геополитического контекста, а также специфики сознания населения стран-оппонентов. Причем безусловное лидерство в данном вопросе принадлежит именно Соединенным Штатам. При полном приоритете вопросов наращивания экономического, политического и военного могущества здесь наблюдается довольно «трепетное» отношение к таким находящимся в ведении социогуманитарной сферы социума нематериальным факторам общественного производства как «мировоззренческие аксиомы» и стереотипы мышления. Причем интерес к этой сфере поистине тотальный: изучению подлежат не только феномены сознания населения собственных стран (к примеру, чтобы сделать прогноз о вероятном исходе выборов и сообразно полученным результатам выстроить предвыборную кампанию), но и сфера идеального, имеющая место у населения стран мировой периферии. Этот интерес проявляется здесь отнюдь не случайно. На основе полученных в аналитических центрах данных создаются проекты по идеологическому программированию сознания элит и масс как можно большего количества стран с целью установления мирового контекста, в котором автоматически реализовывались бы интересы исключительно Соединенных Штатов.

Механизмы такого программирования оттачиваются из года в год, используются уже давшие «положительный» результат наработки. В частности хорошо зарекомендовала себя в этом отношении практика создания

«пятых колонн», действующих внутри отдельных стран против самих этих стран. Именно такого рода «пятая колонна» в значительной степени поспособствовала успешному развалу Советского Союза, а также целого ряда других незападных стран.

Сегодня техника покорения отдельно взятых стран без применения прямого военного вмешательства со стороны «покоряющего» государства все более совершенствуется. Так, в США, по оценке современных аналитиков, сформирована мощная киберармия, включающая в себя, по некоторым данным, до 15 тысяч высококлассных специалистов, организованных в весьма специфические структуры (к примеру, интересным является так называемый «корпус блогеров», орудующий в интернет-пространстве) и выполняющих весьма специфические задания. Мишенью этой киберармии является информационно-смысловое пространство как отдельно взятой страны, так и целых регионов планеты. Без бойцов этого «невидимого фронта» не обходится ни одна «цветная» революция, ни один государственный переворот.

При этом безупречная организованность и анонимность данной армии позволяют реализовывать самые утонченные «серые» схемы ее действий. Так, например, на вооружение кибербойцов взяты очень популярные и привлекательные, интригующие инфантильную современную молодежь акции флешмоба и смартмоба.

Флешмоб или флэшмоб (от англ. flash mob — flash — вспышка; миг, мгновение; mob — толпа, переводится как «вспышка толпы» или как «мгновенная толпа») — это заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей (мобберы) внезапно появляется в общественном месте, выполняет заранее оговоренные действия (сценарий), и затем расходится. Смартмоб является разновидностью флешмоба. Сбор участников флешмоба осуществляется посредством связи (в основном это Интернет).

Современная молодежь очень отзывчива на возможность участия во всевозможных флэшмобоподобных мероприятиях. Это продиктовано, с одной стороны, присущим абсолютно любому молодому поколению стремлением к новшествам, активности, желанию «заявить о себе миру». С другой, спецификой нынешнего социокультурного контекста. Вот уже несколько десятилетий ведущим способом социального поведения больших масс людей становится игра. Игровые шоу, взрывообразно увеличившие свое количество на экранах телевизоров, рекламируют жизнь-праздник, жизнь-антитезу трудовой аскезе. Сюда стоит отнести и популярность компьютерных игр, и востребованность игровых клубов, и т. д. Масштаб явления столь существенен, что это позволило известному нидерландскому исследователю И. Хейзингу заявить о возникновении личности особого типа — Homo ludens — «человека играющего».

Современная «играющая молодежь» охотно готова переместить действие игры из виртуального пространства в реальную жизнь. Все это на руку заказчикам и организаторам флешмобных акций, экстравагантных и забавных, созданных якобы исключительно для того, чтобы шокировать обывателя. При ближайшем рассмотрении безобидные мобберы оказываются мощной политической силой, способной «с легкой руки» киберспециалистов повлиять на ход политических событий в любой стране мира.

Имеющиеся на сегодняшний день результаты подобной «работы» киберпрофессионалов с использованием компьютерных технологий впечатля-

ют: в Филиппинах в 2001 году группа протестующих, организованная с помощью текстовых сообщений, собралась около церкви EDSA Shrine, чтобы протестовать против коррупции президента Джозефа Эстрады. Протест организовался быстро и неожиданно, и Эстрада вскоре покинул свой пост [6].

Еще более поразительными явились стремительно и неожиданно для всех «созревшие» не без помощи «компьютерных друзей» молодежи «плоды» «арабской весны» 2011 года в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Это обстоятельство необходимо постоянно держать в поле зрения и политическому руководству таких стран как Россия, Беларусь, Иран, Китай, Индия, Бразилия и др., поскольку они, по заявлению главы Министерства обороны США Леона Панетты, находятся в списке «Tanget-nations», то есть государств-мишеней. А это может означать лишь одно: относительно этих потенциальных государств-мишеней, помимо прочего, планируются «революции» с применением новейших коммуникационных и информационно-психологических технологий, где главные удары наносятся сетевыми структурами именно по когнитивной сфере — по сознанию и подсознанию индивида и групп. Хотя, конечно, стоит согласиться с теми аналитиками, которые полагают, что нельзя абсолютизировать роль компьютерных технологий в процессах разворачивания различных деструктивных событий в том или ином государстве [7]. Тем не менее воздействие киберспециалистов в определенной сложившейся ситуации может стать той каплей, которая решит исход дела.

В этой связи интересно привести мнение исследователей В. Гигина и Н. Комарницкого, которые отводят техническим средствам реализации социальных идей вспомогательную роль, а главный приоритет отдают знанию и пониманию реальных закономерностей развития общества. Украинский IT-аналитик и блогер Нестор Комарницкий, в частности, пишет: «Для осуществления революции Ленину в октябре 1917 не понадобился Fasebook. Хотя газета «Правда» свое дело тоже сделала. Но в свое время Ленин знал, а теперь и новые революционеры в первую очередь должны понимать, как работают современные им общества, чем живет народ и в чем его коренные интересы. Понимать присущие обществу характеристики, законы и предпосылки его развития и уметь пользоваться этими знаниями для политика гораздо важнее, чем очередная технологическая штучка, которая может помочь ему как достичь его стратегических целей, так и навредить» [8, с. 54].

Здесь уместно задаться вопросом: кто из современных незападных политиков в ситуации разворачивающихся информационных войн учитывает, по примеру западных коллег, данные социогуманитарных наук? Кто из них в своей повседневной деятельности ориентируется на их достижения и способствует развитию этой отрасли знания в собственной стране, обеспечивая информационную безопасность общества?

Как показывает практика, лидеры постсоветских стран в большинстве своем пренебрегают этими данными. Они либо опираются на информационно-идейный продукт зарубежных коллег (который, как можно заметить, работает исключительно в пользу своих создателей), либо вообще действуют не системно, а ситуативно, занимаясь «латанием дыр», пытаясь как можно быстрее решить текущие, сиюминутные проблемы, довольствуясь ролью «временщика» и не стремясь подняться до уровня стратегического, перспективного характера мышления. При этом очень часто информационная безо-

пасность отождествляется ими исключительно с техническими параметрами функционирования информационно-коммуникативных технологий. Смысловая — содержательная сторона, реализуемая посредством этих технологий, остается вне поля внимания национальных элит.

Такая ситуация является недопустимой. Устаревший, утилитарно-технократический подход к социогуманитарным наукам, непонимание их роли в развитии современного сотрясаемого серьезнейшими изменениями общества (в частности в сфере общественного, индивидуального и массового сознания) ничего иного, кроме обоснованного беспокойства вызывать не может. В эпоху глобальной «перезагрузки» мирового геополитического контекста, когда происходит «пересдача карт истории», на выживание и благополучие может рассчитывать лишь тот народ и, соответственно, то политическое руководство страны, которые способны, несмотря на локальность собственного проявления, учитывать в своих целевых стратегиях общемировые тенденции, быть игроками мирового уровня. А это, помимо прочего, означает умение успешно противостоять информационным атакам извне, формируя в нужном для страны (а не в интересах геополитического противника) направлении сознание собственного народа.

Еще одним важным умением в современной геополитической и геокультурной ситуации является умение грамотно расставлять приоритеты политики, проводимой в обществе, способность выявлять главных, стратегически значимых акторов, могущих существенным образом повлиять на ход исторических событий. В частности **серьезный аргумент по регуляции сложной ситуации, складывающейся в сфере действия высоких технологий** — сети Интернет, по вездесущей паутине которой бродит призрак «твиттерных революций», призванных свергать неугодные глобократии (мировой власти представителей стран-лидеров глобализационных процессов) режимы, **может предложить национальная система образования**. Сильное, государственно-патриотически ориентированное образование может стать заслоном или даже контроружием в информационных войнах, разворачивающихся на виртуальных полигонах.

Это обстоятельство хорошо осознается «генералами» и «маршалами» современных сетецентрических войн. Именно поэтому наиболее массированные (при этом тщательно завуалированные под прагматическую эффективность) удары наносятся сегодня по системе образования национальных государств.

Смена образовательной парадигмы и перспективы развития науки

Реформы, полным ходом идущие в системе образования, внешней своей стороной имеют «ужимание» образовательного процесса по очень многим позициям: это и сокращение часов на обеспечение целого ряда дисциплин, и снижение уровня образовательных программ, предлагаемых обучающимся, и сокращение сроков обучения. Внутренняя сторона этого процесса гораздо более трагична: из процесса общественного воспроизводства изымаются те необходимые составляющие, которые обеспечивают социуму так полюбившиеся ему комфорт, благополучие, независимость и безопасность.

Так, например, как уже отмечалось, реформы наносят серьезнейший удар по науке. Уже сегодня ситуация, сложившаяся в этой сфере деятель-

ности, характеризуется как критическая. С одной стороны, мы имеем высочайшую потребность в технологическом «рывке», в реальных достижениях, научных разработках, которые позволили бы нашей стране обеспечить себе достойное место на мировом рынке. С другой — то неоправданно шаткое и неубедительное положение, которое занимает сегодня в обществе как отдельный ученый, так и наука в целом, не способствуют тому, чтобы данная сфера имела необходимый потенциал и пополнялась свежими силами. Печальность ситуации заключается в том, что если сегодня мы ведем речь о том, что талантливая молодежь не идет в науку, потому что это не престижно, тяжело и не оправдано ни материально, ни статусно, то уже завтра, если наметившиеся тенденции в образовании и науке сохранятся, мы столкнемся с проблемой, что просто некому будет идти в науку. Получающие набор практических знаний и навыков школьники и студенты по определению не способны быть творцами, создающими новое знание: этому практические навыки не учат. В лучшем случае они будут полноценными субъектами тиражирования имеющихся достижений: материально-технических, культурных и т. д. В худшем — не дотянут до той планки личностного развития и образования, которая необходима для того, чтобы это осуществлять.

Здесь вполне уместно задаться следующими вопросами: почему при анализе стратегий развития Республики Беларусь не учитывается то реальное, а не «желаемое» геополитическое и геоинформационное положение, которое она занимает в современном мире? Почему при осуществлении масштабного сокращения общенаучной и социогуманитарной составляющей в системе отечественного образования не принимаются во внимание следующие обстоятельства.

1. Вектор неформальных интеллектуальных потоков (в виде «утечки мозгов» и т. п.), который играет значительную роль в формировании научного потенциала стран, сегодня направлен, увы, не в сторону Белоруссии. Число ученых и высококвалифицированных специалистов, а также активной и интеллектуально одаренной молодежи, по тем или иным причинам покидающих страну, если и уменьшилось за последние годы, то все равно не равняется нулю, не говоря уже об обратной тенденции — не наблюдается массового «исхода» западноевропейских или американских специалистов в наши академии, научно-исследовательские институты и вузы. Это приводит к тому, что сегодня такие постсоветские страны, как Россия, Украина, Литва, Латвия и другие бесплатно обеспечивают западноевропейские страны, а также США высококвалифицированными специалистами, профессионалами своего дела или просто энергичными, предприимчивыми, работоспособными трудовыми ресурсами. И Беларусь, к сожалению, не является здесь исключением. Особенно вопиющей является ситуация в сфере науки. Так, например, в России число ученых, покинувших страну, приближается к гигантской цифре: «1,5 млн докторов и кандидатов наук эмигрировали из страны» [9].

Никем еще не оценен экономический, информационный и культурный ущерб, понесенный данными странами в связи с осуществляемой «утечкой мозгов» (а также утратой экономически наиболее активной части населения). Равно как никто не подсчитал, насколько повысили возможность увеличения богатства и благополучия страны, безвозмездно получившие в свое распоряжение такое сокровище как высокопрофессиональные научные кад-

ры. Ценность уехавших сотрудников повышается в разы, если учитывать тот факт, что реформы современного высшего образования идут по пути уничтожения самой возможности подготовки ученых — людей, способных создавать новое знание. Как мы уже писали, система современного высшего образования стремится к тому, чтобы «на выходе» получить не человека-творца, фундаментально образованного генератора прорывных идей, способного привносить конструктивные предложения «на перспективу» развития самых различных сфер общественной деятельности, а ограниченного в своих созидательных возможностях практика, который обладает узким набором конкретных навыков, а потому полностью зависим от тех наличных условий труда, к которым его подготовили: ни преодолеть их, ни гибко перестроится в смежные или трансформированные области он не сможет, а потому срок его «пригодности» в качестве эффективного трудового ресурса весьма ограничен. Не говоря уже о том, что узкий практик никогда не сможет увидеть перспективную дальнесрочную стратегию, заглянуть в будущее и вывести свою страну на новый виток развития.

Между тем, это обстоятельство является немаловажным. В ситуации, когда научно-академическая отрасль является обескровленным образованием (средний возраст докторов наук по стране приближается к пенсионной планке, нет достаточного количества молодых кадров для воспроизводства системы на необходимом уровне), а потребность в ее разработках все растет, то остается предположить, что придется перекупать специалистов из-за рубежа. Как надолго хватит такого финансирования, и не отдадим ли мы иностранцам вдвое, а то и вдесятеро за подобные «интеллектуальные услуги», если они вообще согласятся нам их оказывать?

2. Наряду с межгосударственной интеллектуальной миграцией происходит и межотраслевая интеллектуальная миграция внутри самого общества: из науки и образования, как высокосложных, многозатратных, с точки зрения трудовых усилий, да к тому же и невысокооплачиваемых сфер деятельности (зарплата доктора наук — человека, находящегося на вершине научной иерархии, сопоставима с зарплатой мастера на заводе), требующих долгих вложений и еще более длительного ожидания результатов, с позиций личной пользы (доход, карьера, статус и т. д.) наиболее перспективные кадры мигрируют в конъюнктурно привлекательные отрасли (бизнес, банковский сектор, индустрию развлечений и т. д.).

Все это приведет к тому, что, по разным причинам утратив уже подготовленных и состоявшихся специалистов, наша страна не обеспечит воспроизводство кадров в достаточном количестве для того, чтобы решать стремительно нарастающие информационные запросы общества.

3. В XXI веке, когда разделительные линии, отделяющие страны благополучные, претендующие на высокий уровень жизни, и страны с «депрессивными» возможностями, проходят не только по «чистым» экономическим линиям, но и по информационным, культурным, военным и политическим граням, серьезно влияющим на экономику, каждая из названных составляющих является стратегически важной для развития страны, не должна выпадать из поля зрения государственной политики. В этом отношении у Белоруссии, также как и у ряда других постсоветских стран, а также стран мировой периферии, более чем слабая позиция. В период глобализации, когда резко возросла коммуникативная и информационная связность мира,

а сознание человека перестало быть глубоко спрятанной внутренней его принадлежностью, граждане нашей страны оказались вовлеченными в мощные информационные потоки, вектор которых, опять же, направлен не в сторону нашего государства.

Реформы в сфере образования и судьба национального государства

Пропаганда собственного комфортного и благополучного образа жизни является сильным аргументом стран, претендующих на мировое лидерство (Западная Европа и США). В результате теперь очень многие люди от Африки до Чукотки недовольны своей жизнью. Они оторвались от родной почвы и возненавидели ее, хотят жить, как в Европе и, несмотря на свое афро-австралийско-азиатское и т. д. происхождение и экономическое развитие, обрели парижские потребности: «Давай Европу!», «Хотим Европу!» — главный лозунг их неудовлетворенности настоящим.

Им и в голову не приходит, что Европа — уникальный регион планеты, на котором, благодаря природно-климатическим условиям, создана уникальная, невоспроизводимая нигде и никогда цивилизация, дублирование которой объективно невозможно на нашем «обшаренном» шарике, где все обсчитано и измерено, и где всего оказалось мало.

В нашей стране на пропаганду собственного образа жизни тратится несоизмеримо потребностям в ней мало сил — не только не транслируется по миру белорусский образ жизни, белорусская культура, ценности, социокультурные идеалы, но и нет достаточного внимания к тому, чтобы таковые усваивались собственным обществом, в особенности молодым поколением, воспроизводились как устоявшаяся норма общежития (тиражирование броских слоганов наподобие «Купляйце беларускае!», «Я люблю Беларусь» и т. д. — хорошее мероприятие, но явно недостаточное для того, чтобы стать серьезной альтернативой мощным мировым информационным потокам).

Усвоение норм жизни американского общества крайне негативно сказывается на жизнеспособности нашего государства. Прежде всего потому, что обеспечить аналогичный образ жизни Белоруссия, страна с имеющимися в ее распоряжении специфическими природно-климатическими условиями, ресурсным и финансовым потенциалом и т. д. и т. п., попросту не сможет ни в обозримом будущем, ни в более отдаленной перспективе. Не было у нас серьезных оснований и удачного исторического момента, которым, к примеру, в свое время с успехом воспользовалась Америка (Бреттон-Вудское соглашение), для того, чтобы сделать белорусский рубль мировой валютой, нет мощных финансовых династических кланов, лоббирующих экономические интересы Белоруссии на мировом уровне (которые определяют благополучие далеко не благополучной экономики Америки) и множества других обстоятельств, которые бы позволили нам претендовать на жизненную модель под названием «потребительский рай».

Тем не менее, данное противоречие — между искусственно формируемыми СМИ потребительскими ожиданиями общества (и особенно — молодежи) и реальными возможностями нашей системы по их удовлетворению (если потребительская ненасытность в принципе может быть удовлетворена!) нарастает с каждым днем. Все это приводит к тому, что у граждан

увеличивается неудовлетворенность жизнью при объективно недостаточных для этого основаниях. Следуя иррационально-аффективным схемам поведения, активно культивируемым СМИ, они все более утрачивают способность к критическому анализу, к рациональному сопоставлению фактов для того, чтобы дать взвешенную оценку процессам, происходящим в стране. В этой ситуации все положительное, что имеется в государстве, реальные наработки и достижения ими просто игнорируются, так как, с одной стороны, неизбежно блекнут на фоне манящего рекламными огнями «волшебного заграничного мира», с другой — не могут быть в принципе оценены и отслежены в силу недостатка культуры рефлексивного мышления, стремительного обеднения рациональной компоненты сознания, произошедшего за последние десятилетия под мощными информационными ударами СМИ, демонстрирующими в качестве эталонного не облагороженное культурой и освещенное высокими этическими нормами поведение, а культ разнузданного субъекта, полностью находящегося под властью разыгравшихся инстинктов. Характерно, что среди аналитиков бытует мнение о том, что современные СМИ все более стремительно превращаются в СМРАД — средство массовой рекламы, агитации и дезинформации.

Неудивительно, что в результате потребления такого рода «дезинформации» сознание населения стремительно деформируется, утрачивает свои лучшие черты. Научные исследования качественных характеристик населения, проводящиеся в ряде постсоветских стран, в последние годы констатируют стремительный регресс по основным человеческим параметрам: интеллектуальным, моральным, волевым и т. д.

Особенно далеко данные процессы зашли среди школьников и молодежи. Ректоры и профессора вузов практически повсеместно бьют тревогу: уровень общекультурной подготовки абитуриентов не позволяет готовить специалистов на прежнем уровне. Работодатели столь же повсеместно сетуют на недостаток квалифицированных кадров. Данные социологических исследований последних лет фиксируют рост иждивенческих настроений молодежи, массовую потерю мотивации к учебе, к саморазвитию.

В этой ситуации стремление «сэкономить» на системе образования, и в особенности демонтировать социогуманитарную ее составляющую, ответственную за формирование сознания и развитие способности к рациональному мышлению как таковому, является политическим, экономическим и социальным самоубийством для национального государства. Поскольку именно национальное государство, как никакой другой субъект мирового развития, нуждается в регулярном воспроизведении особого типа личности — гражданина-патриота, обеспечивающего неприкосновенность, жизнеустойчивость и экономическое благополучие своей страны. Общечеловек-космополит, для которого дом там, где сытнее кормят, вырастет и сам, как сорная трава, удобряемая ливнями внешней информации (дезинформации). А вырастить культурного, образованного, мыслящего в интересах собственного государства человека — дело многозатратное и хлопотное. Ведь работа по формированию мировоззрения — это долгий и кропотливый труд, требующий систематических усилий, напряжения и ответственной работы по преодолению тех деструктивных влияний, которые сегодня с избытком оказываются на молодежь. Уничтожение социально-гуманитарной составляющей высшего образования, каковым по существу является реализуемая

ныне реформа — хороший подарок для деструктивных сил, направленных против нашего государства, действующих в стране и за ее пределами. Наконец-то их усилия, долгое время нейтрализуемые системой образования и воспитания молодежи, смогут увенчаться успехом.

В связи с эти хотелось бы отметить, что государство не должно забывать, что оно — не обычный агент экономических отношений. Помимо денег и собственности, оно обладает чем-то не менее, если не сказать значительно более ценным — национальным суверенитетом и властью, поддерживающей этот суверенитет и опирающейся на него. Названные составляющие являются серьезным аргументом для государства на мировой арене, влияющие, в том числе, и на эффективность экономических взаимоотношений с другими государствами. Утрата суверенитета, смена национального правительства на подконтрольных мировым глобалистским структурам управленцев лишит страну, особенно в условиях недостатка собственных природных ресурсов, серьезнейшего экономического аргумента, существенно понизит его сделочные позиции на мировом рынке, приведет к социальной деградации и нищете.

Поэтому «цена вопроса» слишком высока: временно сэкономив на важнейших внутренних стратегических партнерах, в числе которых система образования, безусловно, занимает одно из ведущих мест, государство рискует лишиться значимой (в условиях современных неклассических информационно-культурных, социально-экономических и т. д. войн — *сверх*значимой) точки опоры, колоссально понизить свою устойчивость.

Поэтому реформа образования, отказывающая учащимся в полноценном всестороннем развитии, есть дело, не только понижающее уровень культуры белорусского народа, но и способствующее в средне- и долгосрочной перспективе нарастанию угроз его государственному суверенитету и политической стабильности.

Решать, безусловно имеющиеся в системе высшего образования проблемы, необходимо не путем его разрушения, а путем ответственного преобразования, руководствуясь принципом «не навреди». В противном случае наше общество будет напоминать безумцев, которые, заметив, что уровень подготовки военных кадров не достаточно высок, что солдаты плохо стреляют, а генералы не вовремя и не точно отдают приказы, решили демонтировать армию. И эта аналогия отнюдь не случайна. В эпоху неклассических войн (о которых говорилось выше) между геополитическими соперниками, значительная часть которых приходится на информационную составляющую, проект, предлагающий государству вывести свои информационные силы из очень опасной для него зоны — сферы, отвечающей за социализацию молодежи, снизить долю присутствия государственных образовательных систем в деле подготовки мировоззренческих ориентаций молодых людей, а также официального академического теоретического присутствия в объяснительных моделях современного мироустройства, норм социального общежития, геополитических приоритетов развития общества и т. д., является не только крайне непродуманным с точки зрения государственных интересов, но и потенциально опасным для общества. Поскольку шанс на выживание в современную эпоху вселенских трансформаций имеет лишь государство, максимально сохранившее классические составляющие, обеспечивающие его стабильность: классическое образование, где классические

педагоги думают о том, как лучше воспитать и образовать ученика, а не «заполучить» их в качестве клиентов для репетиторства; классических ученых, которые жаждут великих открытий, а не великой прибыли; классическую армию, в которой классические солдаты и генералы сражаются за идею (любовь к Родине и т. д.), а не наемники, зарабатывающие на охране государства деньги и служащие тому, кто больше платит и т. д.

К слову сказать, это обстоятельство хорошо понимают азиатские страны. Именно поэтому они не торопятся расставаться с классическими формами индустриального производства, охотно принимая их из рук Европы, щедро финансируют образование и науку, как минимум, в два раза превышая расходы, отведенные на эти отрасли в Европе и США (интересно, что даже в небольшом Сингапуре на науку отводится 6 % ВВП), воспитывают молодежь, сохраняя свои национальные традиции. Очевидно, что эти страны стараются не упустить исторический шанс вывести в сложившихся условиях свои народы на более высокий уровень развития.

Что касается нашего государства, то, перефразируя известное выражение Наполеона о том, что нежелающий кормить свою армию будет кормить чужую, хотелось бы сказать: полагая, что содержать полноценную систему национального образования слишком затратно для общества, мы потеряем само это общество, утратим его целостность, полноценность существования, превратим свой народ в хорошее «удобрение» для роста и расцвета чужих садов, плоды из которых достанутся, увы, не нашим детям.

Литература

1. *Корольков А. А.* Органика культуры. Бийск: Издательский дом «Бия», 2011.

2. *Кочетков В. В.* Глобализация в образовании // Вестник Московского университета. Сер. 1. 2005. № 1. С. 144–158.

3. Всеобщее обучение // Российская педагогическая энциклопедия. Т. 1. М., 1993. [Электронный ресурс]. Режим доступа www.otrok.ru/teach/enc/index.php?n=3&f Дата доступа: 28.02.2008.

4. *Ливи Баччи М.* Демографическая история Европы. СПб.: Alexandria, 2010.

5. *Друкер П.* Эпоха разрыва. Ориентиры для нашего меняющегося будущего. М.: Вильямс, 2007.

6. Смартмоб — ранние проявления // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.muldyr.ru/a/a/smartmob_-_rannie_proyavleniya Дата доступа: 28.04.2012.

7. *Гигин В. Ф.* Революционная волна: уроки и выводы // Беларуская думка. 2012. № 5. С. 48–56.

8. Цит. по *Гигин, В. Ф.* «Революционная волна: уроки и выводы» // Беларуская думка. 2012. № 5. С. 48–56.

9. *Луков В. А.* Мировая университетская культура // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 30–41.

ПОЭЗИЯ

Александр КЕРДАН

«...РУССКОЕ СЛОВО И ВЕРУ РОДНУЮ СПАСТИ»

Александр Борисович Кердан — родился в 1957 г. в городе Коркино Челябинской обл. Окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру военного университета. 27 лет прослужил в Вооруженных Силах. Полковник запаса. Доктор культурологии. Автор 40 книг стихов и прозы, вышедших в Москве, Санкт-Петербурге, на Урале и в Западной Сибири. Лауреат Большой литературной премии России, всероссийских и международных литературных премий. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. **Живет в Екатеринбурге.**

ГОДОВОЙ ОТЧЕТ

В незапамятном году
Лет мне было пять.
Ждал я маму в детсаду —
Притомился ждать.

В группе пусто уж давно —
Разобрали всех.
Я стою, гляжу в окно —
Мне не до потех.

Вдруг да мама не придет
Больше никогда?..
А у мамы был отчет
Годовой тогда.

И с работы не уйдешь,
Чтоб меня забрать…
А меня колотит дрожь —
Мне всего лишь пять!

Зарыдать навзрыд готов,
Но креплюсь пока…
Много минуло годов —
Целые века.

И гляжу в окошко я,
И зову опять
Маму, чтоб могла меня,
Как тогда, забрать

В мир, свободный от оков,
Где душа поет…
Только вот на этот зов
Мама не придет.

Ведь уже почти что год,
В неземном дому
Свой сдает она отчет —
Ведомо, Кому…

ПОКАЯНИЕ

Судьба от Бога дана поэту…
А. Н. Мауров

Раньше думал, что все смогу…
А в итоге — на берегу
Словно мальчик играю щепкой
И бросаю ее в океан —

Старичок в полинявшей кепке,
Не Колумб и не Магеллан…

А какие амбиции были!
Верил: этот простор осилю —
Еще времени дополна…
Волны щепку-судьбу подхватили
И под ноги швырнули мне:
— На!

* * *

Есть у победы правота отмщенья
Врагу, что по заслугам получил,
И все же ты готов просить прощенье
У самых высших, самых главных сил,
За то, что враг повержен и унижен,
Что победил ты в схватке, что — живой…
За то, что мир стал на мгновенье ближе
К началу новой, жуткой, мировой…

НОВЫЙ ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

Говорят, что страна, та, которой давал я присягу,
Проиграла войну иноземцам, пролезшим во власть.
И пусть даже костьми я теперь за Отечество лягу,
Суждено нашей вере и русскому слову пропасть.

Я не верю беде, что с Россией в веках неразлучна,
Я не верю в судьбу, что готова Россию смести…
Да, я лягу костьми, как солдату мне это — сподручно,
Чтобы русское слово и веру родную спасти.

Я такой — не один. Нас еще, как посмотришь, немало
На просторах родных, тех, кто Родину любит свою —
От вулканов Камчатки до сосен державных Урала —
Мы не раз русский Кремль возвращали в неравном бою.

Через смуты любые и злые улыбки соседей
Поднимались из грязи, хотя и не лезли в князья…
Столько крови и слез в каждой нашей священной победе,
Что не верить в Россию нам просто сегодня нельзя.

Восстановим страну и вернем нашей матери имя,
Даже если не нам доведется увидеть итог…
Богородица нас покрывает крылами Своими,
И для русского сердца открыт Ее светлый чертог.

ДУПЛО

Внутри ствола живет небытие —
Древесный прах, пространство горевое…

Лишь филин ухает:
— Люблю дупло свое,
Мне нравится оно, как таковое.

А дерево готово умереть…
Когда дыра в груди, и людям — плохо!
Что толку вечно ухать да смотреть,
Как рушится твой дом, а с ним —
эпоха?

* * *

Страшно шумят тополя перед бурей —
Страшно, наверно, самим,
Словно солдатам пред битвой: что будет,
Как им остаться живым?

Будет, конечно же, жуткая буря
Ветки живые ломать,
Ветры свинцовые, злые, как пули,
Будут листву обрывать.

Но ведь такое бывало и прежде:
Бури и злые ветра…
Разве у вас не осталось надежды
И на растопку пора?

Разве не вы прорастали корнями
В эту, уральскую, твердь,
Чтобы сентябрь, расшумевшись ветрами,
Смог вас легко одолеть…

* * *

А дни летят неудержимо,
И вот мы снова в сентябре.
Какая вызрела рябина
У нас с тобою во дворе.

Собрать бы гроздья этих ягод,
Поставить в банке на окно,
Чтоб горький привкус листопада
Вобрало сладкое вино.

ПЕЙЗАЖ

Проселок пыльный. На пригорке
Деревня, вроде бы живая…
За ней — леса: березы, елки
Стоят от края и до края.

А надо всем — сквозное небо,
В котором облака теснятся…
Каким бы ты везучим не был,
Навек не сможешь здесь остаться.

Не от того ль, как на картину,
Что мастер написал известный,
Глядишь с тоской, почти былинной,
На крест церквушки затрапезной,

И на церковную ограду,
И на могилки на погосте…

Запомнить бы все это надо,
Пока живешь здесь званым гостем,

Вбирая запахи и звуки,
Весь мир — ни много и ни мало…
Запомнить, чтоб потом, в разлуке,
Душа об этом тосковала.

* * *

Ты ищешь денег, славы, власти,
Живешь в тревогах и борьбе…
Но вот, когда остыли страсти,
Вдруг открывается тебе,

Что смысл всего — любовь и вера,
Что жизнь кончается не тут,
Что у нее одна лишь мера —
Души твоей смиренный труд.

Вышла книга

Титков Е. П.

Рождение полководца. Сталин на фронтах Гражданской войны / Е. П. Титков; АГПИ. — Арзамас: АГПИ, 2011. — 388 с. Серия «Вузовская и школьная библиотека».

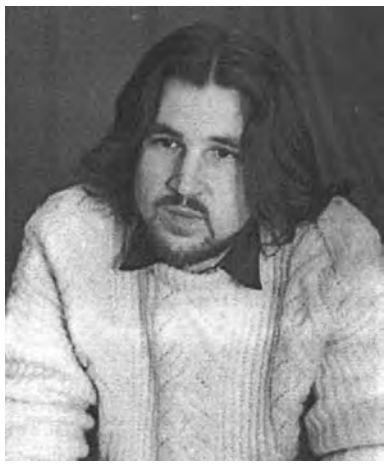
Печатается по решению редакционно-издательского совета Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара

Рецензент: кандидат исторических наук, доцент *Е. И. Подрепный*.

И. В. Сталин был одним из организаторов Красной Армии и ее побед. За годы Гражданской войны он проехал чуть ли не по всем фронтам, окружавшим Советскую республику, совершив за два с половиной года «полный оборот против часовой стрелки» по этому полыхающему кольцу. И каждый раз он оказывался там, где складывалась критическая ситуация. На фронтах Гражданской войны сформировался его полководческий талант. Об этом повествуется в данной работе.

Книга адресована ученикам, учителям, студентам, преподавателям, ветеранам войны и труда, всем, кто интересуется военной историей нашего Отечества.

ПОЭЗИЯ

Алексей ШОРОХОВ

«ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК»

Алексей Алексеевич Шорохов — родился в 1973 году в городе Орле. Закончив школу, поступил на филологическое отделение Орловского Государственного университета. В 1993 году поступил в Литературный институт имени Горького.
По окончании Литературного института, в 1998 году, жил и работал в родном Орле. Сначала главным режиссером на православном телеканале, позже — в центральной областной газете. В декабре 2001 года поступил в аспирантуру Литературного института. Секретарь СП России. **Живет в Москве**.

ПО ПРОЧТЕНИИ АНТОЛОГИИ «РУССКАЯ ПОЭЗИЯ. XXI ВЕК»

В никуда уходит творчество.
Остается молодечество
Да постылое пророчество,
Где про дым и про Отечество.

Весь двадцатый — пьем и маемся,
В двадцать первом бьет похмелием.
Для кого мы так стараемся?
Всё и так давно успели мы:

Уж страна не будит поутру,
Просыпаемся к обеду мы.
И гордимся, что не пороты…
Да спортивными победами.

НА КРЫМСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

А. Фефелову

Плывут Москва-рекой трамвайчики,
Играют солнечные зайчики,
И аккуратные лужайчики
Стрижет узбек.
Остались в прошлом каравайчики,
Трактиры, бани, балалайчики…
Железный век
Идет путем своим, не спросится,
И по волнам пустынным носятся
Тоска, печаль и миноносица —
Совсем одна.
Все миноносцы пали в омуты,
Лежат, уста стальные сомкнуты,
И пушки длинные, как комнаты,
Глядят со дна.
Империя лежит, ей дремлется.
Родная, с черноземом, землица
Горчит в горсти.
Уже последнее отъемлется,
И нету ни царя, ни кремлинца
Сказать: прости.
Играй же потихоньку вальсами,
Горилкой, газом, аусвайсами,
Моя страна!
Умрем, сказать «спасибо» некому,
Наверно и живем поэтому,
Ведь ты — одна.

ТОЛЬКО ЭТО ПРОДЛИ

И. Русанову

Потому что живем, потому что уже не поем,
Потому что забыли дыханье чумы, Колымы и сумы,
Потому что страна порастает быльем, вороньем и ворьем,
Потому что — «не мы», ну а может быть все-таки — мы?

Потому что черны и своей и чужой чернотой,
Потому что устали задолго еще до войны,
Потому что тоска под орлом, и тоска под звездой…
— Ну же, что там еще? Чем еще мы сегодня больны?

Эй, вино-зелено! Нам ли слушать их заячий стон?
Потерявший любовь не спасется писанием книг!
Только музыки звон, уходящий бессмысленный звон!
Только это продли — на глоток, на улыбку, на миг!

НОРД

С. Б.

Я упал в эту осень, как с праздничной масляной горки!
Где вы руки мои, где вы ноги? Не чую земли!
Полной грудью вдыхал ее воздух сладчайший и горький,
И осенние листья подошвы мои замели.

Что мне делать с тобой, моя мировая отрава?
Где ты, лето мое, где вы, зимы и весны мои?
Появляется осень и ставит избранников справа.
Остальным хоть запей, хоть рыдай и напрасно моли.

Зацелован тобою до самых до рыжих отметин.
Русским викингом кличут меня, и спасибо на том.
Твой приход, как ладья, и след ее долго заметен
Средь синеющих рек, зарастающих снегом и льдом.

Я упал в эту осень, чтоб встать в полный рост в эту зиму.
Нашим женам варить твоих листьев сладчайшую падь.
Отплывает ладья: чьи-то души валькирии примут.
Ну а нам еще год у причалов заснеженных ждать.

* * *

В. Юдину

Все грустней, мой друг, все интересней
Этой жизни искренний финал.
Хорошо б ее, конечно — песней!
А потом бы можно и в пенал.

Ведь неважно, сколько пишет ручка —
Целый месяц или уйму лет.
Важно, что таила эта штучка,
Важно — написалось или нет.

НОЧНОЙ ПОЖАР

Г. Полякову

Тьма за окнами — тьма, а не марево
Беспокойных больших городов.
И огромное страшное зарево
Средь ночных неподвижных снегов.

С каждым шагом тревожнее дышится,
С каждым метром — навстречу беде.
Вот сирена пожарная слышится,
Вот промчались… Но где это, где?

Ничего не видать за деревьями!
И зачем мы оставили дом
И бредем нежилыми деревнями
По дороге, покрывшейся льдом?

Что нас выгнало в поле с товарищем?
Что мы ищем в морозной ночи?
Вот проходим с опаской над кладбищем,
Где могилы неведомо чьи.

Все тревожные мысли проносятся.
— Боже правый, прости, не суди!
И лишь пламя до неба возносится,
Как молитва из грешной груди.

Анатолий СТЕПАНОВ

ЖИВОТВОРЯЩАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Впечатления от посещения святой Псковской земли…

Анатолий Дмитриевич Степанов — родился в Брянской области. Окончил исторический факультет университета во Владивостоке, аспирантуру СПбГУ по кафедре истории России, занимался русским консерватизмом. Был сотрудником пресс-службы митрополита СПб и Ладожского Иоанна (Снычева), состоял членом редколлегии нескольких православных газет. Учредитель и гл. редактор интернет-портала «Русская народная линия». Действительный член ПАНИ. Автор книги «Черная сотня: взгляд через столетие» (2000). Член Совета общероссийского движения «Народный Собор». Награжден орденами: РПЦ прп. Серафима Саровского III степени (2009), РПЦ Заграницей св. Страстотерпца Царя Николая (2012) и др. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Многообразные заботы главного редактора, к сожалению, не всегда позволяют оперативно рассказывать о событиях, свидетелем которых доводится быть. А поездки и встречи нередко бывают весьма интересными. Вот прошло уже две с половиной недели, как в составе делегации Академии Российской словесности мне довелось побывать на Псковщине. Это была такая интересная и познавательная, более того, на мой взгляд, важная для понимания процессов, протекающих в нашем обществе, поездка, что стоит поделиться впечатлениями о ней с читателями.

Николай Васильевич Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» советовал своему другу-чиновнику «проездиться по России». Совет, что называется, на все времена. Причем это необходимо не только чиновникам, но любому русскому человеку, который хотел бы увидеть русские пространства, ощутить русский дух, напитать свою душу впечатлениями.

Хотя Псковщина рядом с Петербургом, но раньше мне доводилось буквально два раза бывать в этих краях. Оба раза целью был Псково-Печерский монастырь, хотя в последний раз довелось заехать в Изборск и Снетогорский монастырь. Поэтому можно сказать, что нынешняя поездка на древнюю Псковскую землю была для меня фактически первой.

Делегация Академии Российской словесности (АРС) в составе члена правления Союза писателей России, известного петербургского прозаика Николая Коняева; главного редактора одного из самых популярных современных литературных журналов «Родная Ладога» поэта Андрея Реброва; заместителя главного редактора этого же журнала, руководителя Санкт-Петербургского отделения

АРС, поэтессы Валентины Ефимовской и автора этих строк посетила Псков 17–19 сентября. Возглавлял делегацию академик АРС авторитетный архиерей Русской Православной Церкви архиепископ Курганский и Шадринский Константин, в недавнем прошлом ректор Санкт-Петербургской Духовной академии.

Организаторами поездки выступили Псковское отделение Союза писателей России, которое возглавляет прозаик Игорь Смолькин, пишущий под литературным псевдонимом Изборцев, и председатель Общественной палаты Псковской области профессор Валерий Павлов, сопровождавшие нас в этой поездке.

1

Первой остановкой на нашем пути был Иоанно-Богословский Крыпецкий монастырь, затерянный в псковских болотах. Недавно к монастырю проложена вполне комфортабельная дорога, и теперь до него можно доехать на машине, но и сейчас вполне можно себе представить величие подвига преподобного Саввы Крыпецкого и других основателей обители, которые пришли на этот островок твердой почвы среди непроходимых топей. И теперь здесь высятся купола православных соборов. С высоты колокольни мы могли увидеть бескрайние болота окрест с небольшими вкраплениями низкорослого леса. Бескрайняя моя Родина…

Для меня паломничество в монастырь, который находится в стороне от популярных паломнических маршрутов, было особенно отрадно, поскольку Крыпецкий монастырь — зримое воплощение русско-сербского братства, его глубинных, вековых традиций. Основатель обители, преподобный Савва, согласно преданию, был этническим сербом, он пришел в псковские пределы с Афона во второй половине XV века, после падения Константинополя. Сначала монах Савва подвизался в Снетогорском и Елеазаровском монастырях, а потом захотел уединиться и по благословению преподобного Евфросина поселился на этом небольшом клочке суши посреди топей и болот. Как говорится в житии преподобного, «место, человеки непроходимо, но токмо зверие живяху мнози». Что-то потянуло этнического серба в такие места. Что-то глубоко русское. Как там у поэта: «Топи да болота, синий плат небес…». Русская земля стала для серба родной, она приняла его прах. Теперь о сербском происхождении основателя обители напоминает разве что храм, основанный в честь святителя Саввы Сербского, что является редкостью для русских монастырей.

Как бывало не раз, скоро к отшельнику стали стекаться ученики и возникла обитель. Причем Савва, подобно основателю Киево-Печерской Лавры преподобному Антонию, отказался принимать звание игумена и до конца дней оставался только духовником монастыря.

Много преданий и рассказов связано с историей обители. Одна из них, любовно передаваемая насельниками монастыря, рассказывает о том, как заболела супруга псковского князя Ярослава. Князь, почитавший преподобного Савву, решил обратиться к нему за помощью. Вместе с больной женой он направился в обитель. Однако преподобный, узнав о приближении гостей, послал им навстречу монаха, который передал княжеской чете, что преподобный Савва запрещает княгине переступать порог монастыря

Члены Академии Российской словесности в Псково-Печерском монастыре

(в монастыре действовало афонское правило в отношении женщин). Сейчас трудно себе и представить нечто подобное. Думаю, непросто было и в те времена так разговаривать с сильными мира сего, с благотворителями монастыря. Но псковская княжеская чета проявила смирение и безропотно выполнила повеление преподобного, остановившись у ворот обители. После этого сам преподобный Савва вышел им навстречу, тепло приветствовал и совершил молебствие о здравии болящей княгини, и она была исцелена. В благодарность князь Ярослав построил на свои средства дорогу к монастырю, по которой с тех пор веками ходили в обитель паломники. Остатки дороги сохранились до нашего времени. Но в наше время есть более удобная дорога для передвижения в сторону монастыря.

С Крыпецким монастырем связано начало монашеского подвига великого русского святого преподобного Нила Столобенского, прославившегося своими подвигами в тверской земле. Здесь принял монашеский постриг с именем инока Антония начальник Посольского приказа во времена Царя Алексея Михайловича Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин.

В обители подвизался и прославился в недавние времена еще один удивительный святой — преподобный Корнилий, преставившийся в 1903 году. Он был человеком некнижным, а стал известен многим современникам благодаря своему пророчеству. Блаженный старец предсказывал, что после

смерти его похоронят «не по чину Православной Церкви», головою на север, «и будет то погребение на бедствие России». Когда старец скончался, настоятеля не было в монастыре, и работники, решив, видимо, поглумиться над простецом-подвижником, похоронили его именно головою на север. В 1904 году началась война с Японией, следом революция 1905 года, в 1914 году началась страшная Мировая война, а потом грянула революция, пало Самодержавие… Духовные чада старца все это время говорили о том, что так сбывается пророчество блаженного, и призывали исправить ошибку, тогда судьба России переменится к лучшему. О неправильном погребении старца писала Святейшему Патриарху Тихону Великая княгиня Елизавета Федоровна. На Поместном Соборе игумен Елеазаровского монастыря докладывал о неправильном погребении старца, но большинство «просвещенных» соборян встретили его доклад скептически, и решение не было принято. Тогда сами монахи в 1918 году решили тайно перезахоронить блаженного. Но в суете и в темноте (дело было вечером) опять погребли неправильно. А ночью в обитель нагрянул отряд красноармейцев.

И только в июле 1997 года была исправлена ошибка. В восстанавливавшийся монастырь осенью 1996 года приехал архиепископ Псковский Евсевий, который благословил игумена отыскать мощи Корнилия, «поскольку есть пророчество, что после исправления ошибки судьба России переменится к лучшему». К работам смогли приступить только летом следующего года. Когда мощи обрели, они заблагоухали. Теперь мощи покоятся в раке неподалеку от мощей преподобного Саввы.

А судьба России и впрямь начала меняться к лучшему. Неожиданно поползли вверх цены на нефть. Борис Ельцин ушел, передав власть Владимиру Путину…

После революции монастырь, конечно, подвергся разграблению и осквернению. Во время Великой Отечественной войны строения монастыря служили базой для партизан. Нам показали фотографии, как выглядел монастырь в конце 80-х годов, — печальное зрелище.

Но вот в 1990 году руины монастыря были переданы Церкви, а спустя два года сюда пришел по благословению правящего архиерея иеромонах Дамаскин (Сахнюк), который в свое время был келейником у знаменитого наместника Псково-Печерского монастыря архимандрита Алипия (Воронова). Отец Дамаскин начал восстановление обители. Возведенный к тому времени в сан архимандрита и восстановивший почти полностью старинную обитель, отец Дамаскин разбился в автокатастрофе 29 ноября 2007 года на той самой дороге, по которой мы ехали в монастырь. К кресту на его могиле мы подошли, чтобы пропеть труженику Христову «вечную память». Могила его расположена как раз за алтарем Иоанно-Богословского собора. А восстановленный монастырь, сияющий куполами храмов — лучший памятник отцу Дамаскину.

Побывав в храмах Крыпецкого монастыря и приложившись к мощам преподобных Саввы и Корнилия, мы направились в Изборск.

2

На ночлег нас разместили в небольшом гостевом домике Изборского музея-заповедника. Из комнаты на втором этаже открывался чудесный вид

на Изборскую крепость. Великолепное зрелище. Седая старина. Мощные крепостные стены напоминают о вековой истории Руси. Сколько же врагов русского народа — немцев, ляхов, литвинов, шведов и прочих — нашли здесь свою погибель! Долгие века оберегал Изборск границы Руси.

А рядом с мощными укреплениями — символом русской мощи и воинской доблести, прилепилась на пригорке маленькая белая часовенка — символ величия русского духа. Она построена в честь Корсунской иконы Божией Матери, которая избавила изборян от немецкого нашествия в конце XVII века и особо чтилась местными жителями. От этой иконы в 20-е годы XX века исцелилась жена бывшего морского офицера Костенко-Радзиевского. В благодарность Божией Матери за исцеление жены он и воздвиг на свои средства эту часовню. А во время Великой Отечественной в нее попал немецкий снаряд. Случилось это после того, как туда забежали дети, прячась от бомбежки. Все они уцелели, удар принял на себя чудотворный образ. К несчастью, чтимая икона была украдена злоумышленниками в 1981 году… Но стоит рядом с крепостной стеной часовня, построенная для Корсунского образа, радуя глаз своей необыкновенной красотой и давая надежду на исцеление нашего народа.

Утром следующего дня мы направились в Псково-Печерский монастырь. Радостно паломничать с архиереем, какой-то особый душевный настрой появляется в таком паломничестве. Да и, если можно так выразиться, выгодно паломничать с архиереем — открываются многие двери, есть возможность побывать там, куда не всегда «рядового» паломника пускают. Так случилось и теперь. Оказалось, наместник Печор архимандрит Тихон (Секретарев) в свое время учился у Владыки Константина в Санкт-Петербургской академии. Поэтому нас в монастыре приняли особенно тепло. Наместник благословил провести для своего учителя (и для нас, соответственно) обстоятельную экскурсию по обители. Мы побывали в Успенском соборе и других храмах славной обители, приложились к мощам подвижников Псково-Печерских. Зашли в святые пещеры, поклонились месту упокоения самого известного печерского подвижника архимандрита Иоанна (Крестьянкина). А рядом пещерка, где покоятся мощи знаменитого митрополита Вениамина (Федченкова), человека удивительной судьбы, последние годы жизни подвизавшегося в Печорах.

Ну и, конечно, нам показали места, навсегда вошедшие в русскую историю. Вот дорожка, по которой Царь Иоанн Грозный нес тело убитого по его приказу наместника монастыря преподобномученика Корнилия, заподозренного Государем в измене. Видимо, сыграл свою роковую роль тот факт, что незадолго до того сбежал в Литву руководитель обороны края изменник князь Андрей Курбский. Гнев Царя был обрушен на духовного руководителя.

А вот стоит коляска Императрицы Анны Иоанновны. Это уже слегка курьезная история. Согласно легенде осенью 1732 года неожиданно выпавший снег застал Государыню в дороге неподалеку от монастыря, и ей пришлось попросить у монахов сани для продолжения пути. Так и осталась коляска в обители.

А вот беседка, специально построенная на горке, в монастырском саду для Императора Петра Великого. Царь намеревался превратить монастырь

В Псково-Печерских пещерах.
Архиепископ Константин (Горянов) и гл. редактор РНЛ А. Степанов

в опорный пункт для расширения русского влияния в крае. Были построены мощные стены вокруг обители, прорыты подземные ходы. Чтобы не смущать ни Государя, ни братию видом курящего Императора (он имел, увы, такую слабость) специально была построена эта беседка. Мы присели передохнуть на месте, где великий Преобразователь, наверное, размышлял о будущем России.

Совсем недавно мне довелось насладиться чтением замечательной книги печерского постриженика наместника Сретенского монастыря архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые». Поэтому, бродя по монастырю, живо представлял себе истории из современного печерского патерика, описанные автором. Вот здесь, видимо, архимандрит Алипий (Воронов) вразумлял хмельных десантников. А вот отсюда, наверное, выходил Крестный ход с хоругвями на избирательный участок…

После трапезы с братией монастыря архимандрит Тихон рассказал нам о просветительских трудах братии обители и подарил нам книги, посвященные печерским подвижникам благочестия. Архиепископ Константин в ответ подарил наместнику монастыря свою книгу и оставил запись в книге почетных посетителей обители. Владыка благословил и нам расписаться под этой записью, великодушно поделившись честью с членами делегации. Так и я, грешный, удостоился оказаться не по чину в числе почетных посетителей знаменитой обители.

3

Во второй половине дня состоялось выездное заседание членов Академии Российской словесности с участием псковских писателей и общественных деятелей. Это мероприятие, которое и составляло главную цель нашей поездки, проходило в Изборской палате, одном из нескольких восстановленных и построенных заново зданий Изборского музея-заповедника.

Совсем недавно Изборск был известен крепостью XIV века, сохранившиеся мощные стены которой потрясали каждого гостя. В связи с празднованием 1150-летия Государства Российского и объявлением в честь этой круглой даты 2012 года Годом русской истории Правительство России выделило серьезные бюджетные средства для реставрационных работ. Говорят, что до Изборска деньги дошли в сильно урезанных размерах, но даже их хватило на реконструкцию и восстановление нескольких старинных городских зданий, в которых разместились сейчас коллекции музея. Ведутся работы и по восстановлению крепости, некоторые стены которой серьезно пострадали во время Великой Отечественной войны. Фашисты устроили в крепости мастерские по ремонту танков, орудия которых испытывали тут же, стреляя из них по крепостным стенам, а часть стены и вовсе разрушили для въезда и выезда машин. Эдакая месть за унижения своих предков, терпевших неудачи при штурме Изборска в былые времена…

Изборск, кстати, получил теперь известность еще и тем, что по его имени назван интеллектуальный клуб, созданный совсем недавно, в состав которого вошли известные ученые, писатели и общественные деятели национально-консервативной ориентации (главный редактор газеты «Завтра» Александр Проханов, экономист Сергей Глазьев, архимандрит Тихон (Шевкунов), философ Виталий Аверьянов, журналисты Максим Шевченко и Михаил Леонтьев, экономист Михаил Делягин и др.). Организаторы как нельзя более удачно подобрали название для клуба — «Изборский», ведь Изборск — живой символ вековой русской традиции.

Изборская палата, в которой проходило заседание АРС, примечательна, прежде всего, своей оригинальной росписью, созданной по проекту академика живописи Петра Павловича Оссовского. Тексты к росписям, выполненным Оссовским, были подготовлены при участии еще одного знаменитого псковича Валентина Яковлевича Курбатова, известного краеведа и литературоведа.

И вот в окружении таких замечательных росписей под председательством Валерия Павлова и Игоря Смолькина открылось заседание Академии Российской словесности. Оно было посвящено проблемам российской словесности и русского языка. Открывая собрание, председатель Общественной палаты Псковской области Валерий Павлов рассказал, что представляемую им организацию очень волнуют проблемы русского языка, на одном из заседаний палаты рассматривался вопрос о необходимости принятия закона о защите русского языка.

Игорь Смолькин в своем докладе говорил о проблемах российской словесности. Он подчеркнул, что каждый русский писатель стремился постичь тайну нашей словесности, которая всегда была богоискательной. Российская словесность, как образно выразился писатель, «река спокойная и величавая». Такой она была всегда, даже в советское время. Однако сегодня наша

словесность находится под угрозой. Ярким свидетельством того, в каком забвении она пребывает, является, по мнению докладчика, тот факт, что самые представительные праздники, посвященные русской поэзии, сейчас проводятся отнюдь не в России, а в… национальных республиках. Один из них — праздник «Белые журавли» проводится на весьма хорошем уровне в Дагестане, в чем сам докладчик имел возможность убедиться. Мы должны бить тревогу в связи с нынешним состоянием российской словесности, отметил докладчик.

Архиепископ Константин (Горянов), выступивший следом, разделил тревогу писателя, отметив, что сегодня падает интерес к русскому языку, как в России, так и во всем мире. По мнению Владыки, на Западе нарочито принижают значение русского языка, что не удивительно из-за вековой вражды Запада к России. Но самое главное, что и в нашей стране русский язык занимает совсем не то место, какое занимать должен. Впрочем, началось это не вчера. Тяжелый удар по русскому языку и российской словесности был нанесен после революции 1917 года. Это выразилось, прежде всего, в том, что власти тогда целенаправленно уничтожали тех ученых и педагогов, которые знали санскрит, подрывая корневые основы языка. Владыка Константин, в этой связи, высказал очень важную, можно сказать, революционную мысль о том, что нам необходимо добиваться, чтобы в школах началось преподавание старославянского языка. Если бы власть решилась на такой шаг, уровень российской словесности поднялся бы. Что же касается русской литературы, она должна стремиться выразить те идеи, которые жаждет от нее услышать наш народ, подчеркнул Владыка.

Выступивший на заседании поэт **Андрей Ребров** заявил о том, что у него такое впечатление, что всю русскую национальную литературу изъяли из нашей культуры и вывезли на свалку. Поэт рассказал о журнале «Родная Ладога», ставшем в последние годы заметным явлением в отечественной литературе. Касаясь проблемы русского языка, А. Ребров подчеркнул, что наш язык сегодня — это Куликово поле русской словесности. В заключение своего выступления поэт прочитал свои стихи о русском языке.

Взявший слово **Валерий Павлов** обратил внимание на проблемы языка телевещания. «Наши противники, — заявил Павлов, — боятся нашего объединения, а изучение славянского языка позволит приблизить церковно-славянский язык и Церковь к народу». По мнению псковского чиновника, нам также нужна новая редакция закона об образовании. В. Павлов призвал объединить усилия в деле защиты русского языка с соотечественниками из стран СНГ, хранящими русскую идентичность.

Валентина Ефимовская рассказала об Академии Российской словесности, которая была учреждена еще Императрицей Екатериной Великой и возобновлена в 90-е годы прошлого века стараниями отечественных писателей и общественных деятелей. Она сообщила, что в число академиков АРС приняты Валерий Павлов и Игорь Смолькин, которым поэтесса вручила соответствующие дипломы. А директор Изборского музея-заповедника Наталья Дубровская и председатель Псковского отделения Союза писателей России Игорь Смолькин решением правления АРС награждены медалями «За заслуги перед российской словесностью». Под аплодисменты присутствующих эти награды также были вручены. В заключение Валентина Ефимовская прочитала свои стихи.

Выступивший на собрании известный петербургский писатель **Николай Коняев** говорил о великом Николае Семеновиче Лескове. По мнению писателя, если бы в свое время страна прочитала Лескова, то наша история могла пойти иным путем. Коняев отметил, что часто слышит сетования о мало читающем народе, но и читать-то особенно нечего. В нынешней литературе, по мнению писателя, трудно найти ответы на запросы современности, сформулированные на таком же уровне, как это делал в свое время Лесков.

На заседании довелось выступить и автору этих строк. Я говорил о том, что литература, конечно, имеет дело с вечными ценностями, но у нас издавна повелось, что «поэт в России больше, чем поэт». Поэтому литераторы всегда были и всегда будут на острие вызовов времени. А сегодня как никогда, русская общественность — писатели, ученые, журналисты, священнослужители — должны быть активными. Страна находится на переломе, идет борьба за вектор дальнейшего развития нашего Отечества. Одним из главных направлений борьбы является Закон об образовании, прямо связанный с темой русского языка и российской словесности. Закон об образовании создан в условиях, когда в стране господствовал старый, либеральный вектор развития, он выражает этот вектор и тем самым входит в противоречие с новыми потребностями общества. Я поддержал предложение Владыки Константина о необходимости введения в школах преподавания славянского языка, что дало бы мощный толчок развитию всей системы нашего образования.

В состоявшейся дискуссии приняли участие члены Псковской областной писательской организации, которые выступили с интересными замечаниями и предложениями, прочитали свои стихи. Прозвучали мысли, что нам самим надо быть активными, создавать литературные клубы, исторические кружки; что для возрождения России необходимо восстановить социальную структуру общества, прежде всего, возродить крестьянство и рабочий класс; что не надо пугаться Интернета, надо научиться использовать современную технику для пропаганды вечных ценностей.

А после заседания директор Изборского музея-заповедника Наталья Петровна Дубровская провела для нас замечательную экскурсию по Изборской крепости и другим достопримечательным местам древнего города. Она рассказала, что реставрационным работам, на которые выделило деньги государство, предшествовали изыскательские работы. В результате наши знания о крепости значительно расширились, в частности, произведены раскопки подземного хода из крепости. Правда, пока не удается договориться с владелицей участка, где подземный ход выходит на поверхность, а потому пока ход ведет в тупик.

Мы поднялись на башню, откуда открылся еще более величественный вид на окрестности.

Меня, конечно, интересовала судьба церковного дома, конфликт вокруг которого стал причиной трагедии — смерти настоятеля старинного Никольского храма, расположенного в Изборской крепости, митрофорного протоиерея Алексия Лопухина. Напомню, что батюшка скончался в Изборске прямо в ходе заседания правительственной комиссии под председательством вице-премьера Александра Жукова, на которой обсуждались вопросы реставрации, в том числе звучала идея о сносе здания

причта, принадлежавшего храму, где располагалась воскресная школа[1]. Оказалось, что Н. Дубровская присутствовала на том печальном заседании, даже сидела рядом с отцом Алексием. Она рассказала нам в деталях, как это произошло. После того драматического события, привлекшего внимание церковных и светских СМИ, губернатор области пообещал, что дом не будут сносить. Это был жест уважения к памяти настоятеля храма. Оказалось, что, вопреки обещаниям губернатора, человек, руководивший реставрацией крепости, дал указание снести дом. Правда такая дерзость получила уже соответствующую оценку, и человек, допустивший это безобразие, отстранен от должности. Но дом, о котором так беспокоился покойный отец Алексий, увы, более не существует.

Помимо крепости директор музея-заповедника провела экскурсию по окрестностям. Мы побывали у знаменитого Труворового креста, где по преданию похоронен легендарный князь Трувор, брат Рюрика, первый князь Изборска. Этот мощный, таинственный Крест воспет поэтами. Здесь бывали Иван Бунин и Анна Ахматова. Потом мы прошли к месту старого Труворова городища, где археологи ведут раскопки первой крепости XII века. Мы познакомились с раскопом, увидели, как выглядела первая крепость, которая была земляной, и только сверху метра на два видна каменная кладка. На территории городища восстанавливается древний Никольский собор. Здесь особенно чтут Святителя Мир Ликийских. Когда Изборск был частью Эстонии, эстонские ученые поспешили установить тут камень с надписями на русском и эстонском языках, который до сих пор стоит на Труворовом городище. С городища открывается великолепный вид на Городищенское озеро, на долину. Живо представляешь, как в те давние времена сюда причаливали лодьи, как внизу на торговой площади шла бойкая торговля, а на башнях зорко всматривались вдаль воины.

Сейчас в Изборске постоянно проживает всего около 600 человек, а вот после революции, когда Изборск был приграничным городом, в нем было много русских беженцев, население в довоенный период превышало 7,5 тысяч человек.

4

Последний день своего пребывания на Псковщине мы провели в самом Пскове. Сначала состоялась встреча с министром культуры Псковской области Александром Голышевым, который рассказал нам о том, что сделано и делается областной администрацией для возрождения исторической памяти и вековых традиций нашей истории и культуры, особенно в Изборске в рамках празднования 1150-летия Российской государственности. А сделано и впрямь немало, чему мы были свидетелями. Помимо того — в Изборске состоялась крупная научная конференция, на территории Изборской крепости состоялись два грандиозных концерта под открытым небом… На прощание Владыка Константин подарил Александру Голышеву свою книгу, а министр культуры каждому участнику делегации подарил книгу об истории Псковского княжества.

[1] http://ruskline.ru/news_rl/2011/08/22/svyawennik_umer_na_glazah_u_vicepremera

На приеме у министра культуры Псковской области Александра Голышева.

Затем мы побывали в Псковском кремле, где нам была проведена замечательная экскурсия. Поклонились мы, разумеется, и святыням Троицкого собора, мощам великих псковских святых. Я знал, что собор — один из самых больших русских храмов, но величие его можно ощутить, только находясь рядом с ним и внутри его. Испытываешь воистину благоговейное чувство.

Замечательной была экскурсия по древнему Преображенскому Мирожскому монастырю. В монастыре, основанном епископом Новгородским Нифонтом в середине XII века, сохранились потрясающие византийские фрески. Вот он дух Православной Византии! Мало где сохранились так полно такие древние фрески. Сотрудник музея, человек не только увлеченный церковным искусством, но и верующий, так увлекательно рассказывал о росписях монастыря, что своим восхищением заряжал всех слушателей. Подумалось, что вот такие люди и сохранили наше искусство, наши храмы в годы жесточайшего безбожья и бескультурья.

В обратный путь, простившись с гостеприимными хозяевами, мы отправились от еще одного символического места русской истории — Псковского железнодорожного вокзала. Именно здесь была решена судьба русской истории в начале марта 1917 года. Неподалеку от вокзала на запасных путях стоял императорский поезд, в котором находился фактически на положении пленника масонов-заговорщиков Царь-Мученик Николай. Именно здесь Государь вынужден был подписать отречение от престола, после чего Россия была обречена на кровавую междоусобицу и страшное братоубийство…

* * *

Возвратившись домой в Санкт-Петербург, размышляя об увиденном и услышанном, я подумал, что псковская земля и впрямь хранит какие-то

мистические ключи русской государственности. Не может быть случайным совпадением, что здесь, в Изборске, сел княжить один из трех первых русских братьев-князей, что отсюда родом была Просветительница Руси святая Равноапостольная Великая княгиня Ольга. И что здесь же судил Господь подписать роковой манифест Страстотерпцу Николаю.

Закономерно, что здесь был один из главных центров празднования юбилея Российской государственности, которое, даст Бог, станет началом возрождения России.

По крайней мере, мы увидели очаги, плацдармы этого будущего возрождения. Мы увидели, что народ остро чувствует необходимость решительной смены государственного курса. Да и может ли быть иначе, когда все здесь свидетельствует о живительной силе нашей истории, о связи времен.

Народ на этой земле, уверен, и во всех коренных русских землях, готов активно поддержать те силы внутри власти, которые решатся, наконец, переменить либеральный, то бишь — разрушительный, вектор развития страны. Дело только за решимостью, политической волей этих людей, волей Божией оказавшихся у кормила власти нашего богоспасаемого Отечества.

Вышла книга

Гореликова Т. В.

Не счастье ль — жить?: [стихи] / Т. В. Гореликова. — Псков, 2011. — 320 с.

Татьяна Викторовна Гореликова — член Союза писателей России, поэтесса.

Псковскому читателю ее имя стало известно после первой книги стихотворений «Стихи — моя молитва», изданной в 1999 году.

В 2001 году увидел свет сборник «Падающая звезда», в 2004-м — «Зачем пришла я в этот мир...», в 2007-м — «Что нашептывают листья...».

Публиковалась в сборниках и альманахах: «На ладонях небес», «Березы, не покидайте Россию», «Пскова негасимый свет», «На берегах Великой и Псковы», «Скобари», «Вижу как сейчас...», «С любовью женская душа», «Антология одного стихотворения», «Молодая гвардия», «Родная Ладога» (2008), «Земляки» (Псков, 2009), «Вспомним всех поименно» (Псков, 2010), «Медный всадник» (СПб., 2010).

Автора стихов волнуют те же темы, что и всех: любовь, смысл бытия, поиск утраченной веры, судьба родной земли. Облекая в своеобразную мелодичную форму строки стихов, поэтесса приглашает читателя внимательно присмотреться к окружающему миру, чтобы ощутить радость жизни.

*«Поступайте осторожно…
потому что дни лукавы»*
Ефес. 5:15, 16

**Архиепископ Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

БРЕСТСКАЯ УНИЯ 1596 ГОДА КАК ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛОД УНИОНАЛЬНОГО БОГОСЛОВИЯ

*К 400-летию окончания
Смутного времени
в России*

На эту тему опубликованы статьи:

Брест-Литовская уния 1596 г. как церковно-политический плод догматически бесплодного унионального богословия // Материалы научно-богословской конференции, посвященной памяти предобномученика Афанасия, игумена Брестского, и 400-летию Брестских церковных соборов. Брест, 16–19 сентября 1996 г. Минск: Изд-во Православного братства во имя Архистратига Божия Михаила, 1997. С. 18–23.

Брест-Литовская уния 1596 г. как церковно-политический плод догматически бесплодного унионального богословия // Христианское чтение. СПбДАиС. 1997. № 14. С. 149–156.

В современном мире кажется привычным звучание слов «уния», «униаты». Но, несмотря на развет-

---

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) – родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Член СП России. Лауреат ряда премий. Правящий архиерей Курганской епархии с 2008 г.

вленные, глубокие исторические корни этих понятий, в них и сегодня чувствуется нарочитость и противоречивость. И это можно объяснить, если обратиться к истории и причинам возникновения событий, обозначающихся этими словами.

I

Как известно, унией называется объединение (союз) Православной и Римо-католической церквей с признанием главенства папы римского при сохранении традиционных форм православной обрядности; униатами называют последователей церковной унии. Эти краткие пояснения, имеющиеся в любом толковом словаре, даже в малой доле не передают степени тех трагедий в жизни Христианской церкви и в судьбах многих христиан, которые явились следствием унии. Уния была, в свою очередь, результатом катастрофического, полного разрыва между Восточными и Римо-католической церквами, произошедшего в XI в. Но если этот разрыв возник на догматической почве, то униональная история определяется не только причинами обрядово-догматическими, но во многом и политическими. Каковы же были исторические предпосылки и прецедент Брест-Литовской унии 1596 г.? Именно в **сфере политики** (*здесь и далее выделено автором*) следует искать причины Лионской унии 1274 г. и особенно Ферраро-Флорентийской унии, принятой на соборе 1439 г., ставшей своего рода прототипом Брест-Литовской унии 1596 г.

«Как же смотреть на это соединение Церквей, Восточной и Западной, совершившееся во Флоренции?», — задается вопросом известный церковный историк митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков), — и тут же отвечает: «Это поистине было соединение незаконное и недействительное, а только мнимое, призрачное»[1]. Незаконность Ферраро-Флорентийской **церковной** унии состояла в ее **политической** цели, которую, с одной стороны, преследовал византийский император Иоанн Палеолог, желая получить военную помощь Рима в борьбе с мусульманскими завоевателями, а с другой — папа Евгений IV, стремящийся утвердить свою абсолютную власть (главенство) над всем христианским миром.

Для достижения вышеприведенной цели обе стороны в отношении прибывших на собор православных делегатов избрали политику «кнута и пряника», подкрепляемую инквизиционной моделью устройства западноевропейского общества, симфония которых (императора и папы римского) пришла на смену византийскому православному принципу симфонии властей. В ход были пущены все средства, физические и моральные, чтобы принудить греков к принятию римо-католических лжедогматов и заключить унию. Так, например, за упорное нежелание греческих богословов принять Filioque папа пошел на хитрость и обман: взяв на себя все финансовые обязательства по содержанию православных греческих делегаций, прибывших на собор, папа начал урезать средства на их содержание, и, в конце концов, вовсе прекратил их финансирование, так что бедные греки вынуждены были терпеть крайнюю нужду и голод, а также предпринимать попытки бегства.

---

[1] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 3. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. С. 355.

Император запретил греческим иерархам при любых обстоятельствах покидать Флоренцию и не скупился на разные обещания и подарки, а также «укорял их в нерадении об общем благе, напоминал им о бедствиях отечества, выставлял выгоды от заключения мира с латинами, грозил своим гневом»[1]. Убеждения императора, а также санкции папы (голод и отсутствие денег на еду) заставили греков уступить. Единственный русский епископ, приведенный митрополитом Киевским и всея Руси Исидором на этот собор, Авраамий Суздальский, также принужден был признать своим «господином» папу римского, и после недельного заключения в темнице, приложить свою руку: «Смиренный епископ Авраамие Суждальский подписую».

Вскоре все греческие иерархи, за исключением Марка Ефесского, уступили папе во всем и «признали его главою Церкви, наместником и местоблюстителем Иисуса Христа, с тем, однако ж, чтобы сохранены были права и преимущества Восточных патриархов; приняли и латинское учение о чистилище, об освящении даров и об опресноках в Евхаристии с условием, чтобы таинство могло быть совершаемо и на квасном хлебе… Они были доведены до того, что самый акт о соединении с латинами подписали, не прочитав его предварительно: содержание его знали только составители его… И такое ли соединение Церквей можно назвать законным? Такой ли Собор — Собором Вселенским? Нет, он не заслуживает иного имени, кроме имени лжесобора»[2].

Однако, несмотря на то, что долгожданная уния была подписана, желаемого политического результата она не принесла. 29 мая 1453 г. Константинополь взят был турками и Византийская империя окончательно пала. Базельский собор подтвердил решение Констанцского собора (1414–1418) о примате Вселенского Собора (соборной власти епископов) над папой, объявил о низложении Евгения IV и избрал другого папу под именем Феликса V, впоследствии признанного антипапой. «Не утешили папу и греки: они решительно не хотели принимать привезенного из Флоренции соединения… А прочие патриархи Востока — Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский, узнав о состоявшемся на Флорентийском соборе соединении с Римом, объявили этот собор нечестивым и уполномочили митрополита Кесарийского Арсения всюду и пред всеми проповедовать против беззаконного соединения (1443). В то же время знаменитый Марк Ефесский своими окружными посланиями заклинал всех православных удаляться этого соединения как богоненавистного. И голос великого поборника Православия имел неотразимую силу на всех. Флорентийский собор не только не привлек к папе, не покорил ему греков, а еще сильнее возбудил в них нерасположенность к нему и ненависть»[3].

Первый опыт унициональной политики, связанный с Русской Церковью, приходится на это же время и принадлежит митрополиту Киевскому и всея Руси Исидору (с кафедрой в Москве), принимавшему участие в Ферраро-Флорентийском соборе, выдающемуся богослову своего времени,

---

[1] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 3. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. С. 352.

[2] Там же. С. 354, 356.

[3] Там же. С. 357–358.

с именем которого греки надеялись одержать «догматическую» победу над римо-католиками. Однако, дав клятву ревностно стоять за Православие, он вовсе и не думал исполнять ее. В деле Флорентийской унии русскому митрополиту Исидору (по национальности он был грек или огреченный болгарин) принадлежит первостепенная роль инициатора и главного ее устроителя. Исидор первый начал доказывать необходимость принятия унии на условиях, предложенных папой, и решительно повлиял на Императора, пользуясь своим авторитетом.

Что же побудило Исидора стать ярым поборником унии? Церковные историки объясняют такое поведение митрополита его крайним патриотизмом в отношении к Византии. Так, например, по мнению выдающегося русского историка Голубинского, слепое «желание и надежда спасти отечество при помощи папы и западных государей и составляли причину, побудившую Исидора к тому, чтобы он решился изменить отеческой вере»[1].

Другой причиной его доброжелательности в отношении к латинянам было то, что Исидор был более гуманистом по убеждениям, чем богословом, о чем свидетельствует его активная переписка с итальянским гуманистом Гуарино Гуарини. По словам историка Русской Церкви XX столетия А. В. Карташева, Исидор «…был **гуманист**, т. е. человек настолько отрешившийся от твердой почвы церковности, что для него были совершенно безразличными мелкие вероисповедные разности отдельных церквей. С этим предположением как будто гармонирует и образ поведения Исидора на соборе. Он — многосведущий философ, на диалектику которого греки возлагали большие надежды, молчит во все время, пока продолжаются богословские рассуждения (догматика не трогает его сердца; он к ней индифферентен), и начинает говорить только тогда, когда богословию пришел конец и наступил момент практической сделки…»[2].

Возможно, — полагает Голубинский, — «что к этому присоединялось и личное честолюбие — желание занять то блестящее и высокое положение в римской иерархии или латинском духовном царстве, которое он потом действительно занял»: кардинал-пресвитер и легат от ребра апостольского (*legatus de latere*) для провинций: Литвы, Ливонии, всей России и Польши (т. е. вероятно Галичины)[3].

Возвратившись в Москву, Исидор был низложен как «латинский прелестник и еретик». Вместо него Собором русских епископов на Московский престол был возведен Иона, епископ Рязанский, что «послужило началом для самостоятельности Русской Церкви и независимости от Цареградского Патриарха, хотя еще не всецелой; началом и для нового периода истории Русской Церкви»[4].

---

[1] *Голубинский Е.* История Русской Церкви. Период второй, Московский. Том II, от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М.: Университетская типография, 1900. С. 442.

[2] *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. В 2-х т. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2007. Т. 1. С. 369.

[3] *Голубинский Е.* История Русской Церкви. Период второй, Московский. Том II, от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М.: Университетская типография, 1900. С. 442.

[4] *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 3. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. С. 360.

Отголоски унии с новой силой зазвучали в России вновь уже в XVI в. Слышатся они и сегодня. Неспроста совсем недавно наш выдающийся современник, церковный пастырь и мыслитель-богослов митрополит Иоанн (Снычев), предупреждал, обращаясь к нерадивым христианам, о недопустимости отпадения от благодатной полноты Вселенского Православия и уклонения «к словам лукавым», напоминая образную мысль псалма Царя Давида: «Не дай, Господи, уклониться сердцу моему к словам лукавым для извинения дел греховных» (Пс. 140:4). Как пишет митрополит Иоанн (Снычев): «В течение тысячи лет после Рождества Христова Единая Святая Соборная Апостольская Церковь, внимая этим словам, строго следила, чтобы никакое чуждое учение не могло смутить народ церковный и стать поводом для пагубных разделений и разномыслий.

Но это исповедническое стояние во истине Православия оказалось не всем по силам. Римские епископы, основываясь на центральном положении Рима, как имперского города, и на происхождении кафедры от первоверховного апостола Петра, уже с III в. после Рождества Христова начали претендовать на особое, главенствующее положение во всей Церкви. Доколе Рим хранил чистоту Православия, Господь за веру миловал Западную церковь, и претензии римских первосвященников не могли разрушить всецерковного единства. Всех еще связывала общность веры, Таинств и сознание принадлежности к единой Апостольской Церкви… Но, к несчастью для христианского мира, с течением времени амбиции римских первосвященников росли, гордыня все глубже и глубже пускала свои ядовитые корни в церковную жизнь Запада… Все это привело к отпадению католицизма от полноты Божественной благодати и от соборного единства Вселенской Православной Церкви»[1].

Основные прегрешения Римо-католической церкви, приведшие к расколу Вселенского Православия, можно кратко сформулировать так: вопреки словам Христа (Ин. 15:26), апостольским заповедям и Вселенским Соборам Римская **поместная** церковь дерзнула внести искажение во **Вселенский** Никео-Константинопольский Символ Веры (вставка «Filioque»); измыслила и догматически утвердила положения о всемирном главенстве римского папы и его непогрешимости; презрела и исказила древнюю церковную традицию в свершении Таинств, ввела обязательный целибат для духовенства и т. п.

Сегодня, во времена заметной миссионерской активности Римо-католической церкви на территории России, Белоруссии и особенно на родственной нам православной Украине, на западных землях которой под прикрытием так называемой «унии» католицизм развернул очередное наступление на Православие, надо здраво оценивать смысл такой активности. А для этого не лишним будет обратиться к трагическому историческому опыту, полученному Россией в XVI в., а именно, к нуждающемуся в дополнительном современном осмыслении Брест-Литовскому церковному собору 1596 г., который объявил о заключении религиозной унии между Римо-католической церковью и несколькими западно-русскими православными епархиями, находившимися на территории Великого Княжества Литовского, Русского и Жмудского, входившего в состав Речи Посполитой.

---

[1] *Иоанн (Снычев), митр.* Русский узел. СПб.: Царское дело, 2001. С. 327.

Предпосылками этого исторического события были не только намерения и амбиции Римо-католической церкви, о чем уже упоминалось выше, но и региональные внутриполитические и социальные особенности жизни. Так, в XVI в. сложилась очень серьезная ситуация в Литовской Руси, где литовско-русское дворянство легко поддавалось иезуитской пропаганде вследствие своего давнего тяготения к польскому католическому дворянству. Кто из дворян не переходил в католичество, тот склонялся к протестантам. «С щеголеватым ксендзом, привыкшим господствовать в обществе, или с либеральным, светским протестантским пастором в доме пана нельзя было и думать стать рядом русскому попу или монаху в его грубой одежде, в чеботищах, смазанных дегтем, с хлопскою речью и манерами»[1]. Высшая знать тоже находилась под влиянием иезуитов, которые всячески старались смутить ее тем фактом, что польская знать заседает в сенате, куда Речь Посполита постыдится допустить иерархов, подчиненных Константинопольскому Патриарху — рабу турецкого султана.

Король Стефан многим помог иезуитам, назначая на православные епископии и настоятельства людей, наиболее подходящих для целей унии, большей частью из дворян, не пригодных к духовному служению. Но особенно постарался воспитанный иезуитами ярый католик Сигизмунд III, вступивший на престол в 1587 г. Для Православной Церкви наступили тяжелые времена, самой церковной иерархии приходилось отступать в духовной борьбе. Но интересно, что защитниками Православия на литовской земле стали аристократы, и главные из них — сбежавший из Москвы от Царя Ивана Грозного князь Андрей Михайлович Курбский (1528–1583) и князь Константин Константинович Острожский (1526–1608), киевский воевода, имевший обширные владения в Галиции и на Волыни. Князь Курбский посвятил защите Православия все свои средства и силы. Он занимался миссионерской деятельностью среди местной знати, предостерегая одинаково ее от католичества и протестантства. Считая самым действенным средством борьбы книги, занимался переводческой и издательской деятельностью. Даже сам взялся за переводы, выучившись латинскому языку в почтенном возрасте. Князь Острожский, будучи человеком состоятельным, в 1580 г. открыл у себя в Остроге высшую школу, в которой была типография, где работал известный первопечатник Иван Федоров. Здесь была издана знаменитая Острожская Библия (1580–1581).

Помощь Православной Церкви от аристократов осуществлялась, однако, недолго. Многие паны благодаря иезуитам ополячивались, а следующие поколения вовсе отвергали Православие, которое в основном укоренилось к тому времени в городских общинах и братствах, т. е. в народе. Братства и простые священники, несмотря на тотальную, всепроникающую католическую пропаганду, в первую очередь осудили и категорически не приняли унию.

Казалось бы, уже сам факт заключения унии с представителями православных христиан, которых к тому времени уже несколько поколений не только римо-католических мирян, но и облаченных в священнические

---

[1] Миссиология: учеб. пособие / под. ред. архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна. Белгород: Изд-во Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), 2009. С. 51.

одежды римо-католических богословов объявили злостными еретиками или, в лучшем случае, схизматиками, должен был явиться эпохальным событием в истории всей Римо-католической церкви. Но для нее Брест-Литовская уния была лишь одним из многих, подобных религиозных соглашений, которые заключались римским престолом с самыми различными категориями христиан — от месопотамских несториан и сирийских монофелитов до православных русинов в Австрии и православных румын в Трансильвании как до 1596 г., так и в последующие столетия. Столь определенно проявившая себя в истории Римо-католической церкви униональная тенденция свидетельствует о наличии в римо-католической богословской традиции определенных предпосылок для постоянного возвращения римо-католической церковной иерархии к идее разрешения противоречий, которые существуют между ней и остальным христианским миром. Но если для Римо-католической церкви эта уния была делом текущим, можно сказать, привычным, то для Русской Православной Церкви она имеет не только историческое значение, но и дает повод к богословско-догматическому исследованию, являющемуся необходимым звеном духовного образования.

Для настоящего исследования особый интерес представляет проблема рассмотрения богословских аспектов события, без понимания которых не только богословская, но и историческая оценка Брест-Литовской унии окажется весьма поверхностной и для православной церковной жизни совершенно бесплодной.

II

Конец XVI в. явился временем, когда все важнейшие вероучительные расхождения между римо-католической и православной богословскими традициями были уже не только сформулированы богословами, но и, по крайней мере, частично закреплены соборами Римо-католической церкви в качестве общеобязательных, догматически значимых отличительных черт ее вероучения. При этом статус догматических расхождений придавался даже исторически приходящим обрядовым особенностям богослужения, с неизбежностью возникавшим при столь различных культурно-исторических условиях, в которых происходило развитие римо-католической и православной литургических традиций.

Казалось бы, такое положение вещей требовало предпослать заключению унии обстоятельный, открытый для участия широких кругов церковного народа богословский диалог римо-католических и православных церковных иерархов и богословов. В ходе него богословские расхождения, которым обе стороны придавали догматический характер, были бы устранены. Необходимость подобного богословского диалога представлялась тем более очевидной, что Феррaро-Флорентийский собор 1438–1439 гг. (подменивший дискуссию между римо-католическими и православными богословами навязыванием византийским церковным иерархам Символа Веры, искаженного Филиокве (Filioque), и других латинских новшеств в обмен на военно-политический союз Рима с Константинополем) не сумел обеспечить признание своих решений в Православном мире.

Как утверждает выдающийся православный богослов XX в. В. Н. Лосский (1903–1958): «Именно Filioque и был единственной догматической

причиной, был "первопричиной" разделения Востока и Запада; остальные доктринальные разногласия — только его последствия»[1]. Восьмой член Вселенского Никео-Константинопольского Символа Веры гласит: «Верую… и в Духа Святаго, Господа Животворящего, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки».

Филиокве (лат. *Filioque* — «и от Сына») — добавление, сделанное Римской церковью к восьмому члену Вселенского Никео-Константинопольского Символа Веры об исхождении Святого Духа не только от Бога Отца, но «и от Сына». Святые Отцы Второго Вселенского Собора, проходившего в Константинополе в 381 г., ввели в восьмой член Символа Веры о Святом Духе слова Иисуса Христа из Евангелия от Иоанна: «Когда же приидет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, **Дух истины, Который от Отца исходит**, Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин. 15:26). Таким образом, точно опираясь на первоначальный текст Символа Веры, принятого в Константинополе, Древняя церковь, согласно Евангелию от Иоанна (15:26), учила об исхождении Святого Духа от Бога Отца. Римо-католики в первоначальный текст Символа Веры («Верую … и в Духа Святаго, Господа Животворящего, **Иже от Отца исходящаго**, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки») добавили к словам Христа свое выражение «**и Сына исходящего**». В итоге у римо-католиков этот член Символа Веры приобрел такую искаженную форму: «Верую … и в Духа Святаго, Господа Животворящего, **Иже от Отца и Сына (*ex Patre Filioque*) исходящего**…», что, в свою очередь, является горделивым уточнением слов Самого Христа Спасителя.

Ошибка латинян в данном случае состоит в том, что они игнорируют то очевидное положение, что «Изведение» Святого Духа есть не общее свойство Природы (*Сущности*) Святой Троицы, а отличительное свойство Ипостаси (*Личности*) Отца. Утверждение Отца и Сына единым началом *личного* бытия Святого Духа нарушает единоначалие Отца и смешивает Ипостаси (*Личности*) Отца и Сына. «Греческие отцы всегда утверждали, что начало единства в Святой Троице — Личность Отца… Поэтому Восточная церковь и воспротивилась формуле «Filioque», которая как бы наносила урон единоначалию Отца… По выражению греческих Отцов «Один Бог, потому что один Отец»[2]. Так, например, характеризуя Filioque как ересь, святой Фотий, Патриарх Константинопольский (IX в.), пишет, что если принять это учение, «то имя Отец теряет свой смысл и становится пустым. Характеризующее Его (Отца) свойство (изводить Святой Дух) уже не принадлежит Ему, и две Божественные Ипостаси смешиваются в одно Лицо. И вот возрождается Савеллий или скорее некое новое полусавеллианское чудовище»[3].

В развитие учения об исхождении Святого Духа «от Отца и Сына» внес свой вклад блаженный Августин (IV в.). По учению Августина, Бог Отец и Бог Сын ниспосылают друг другу Святого Духа. Следовательно,

---

[1] *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М.: Изд. центр «СЭИ», 1991. С. 45.

[2] Там же.

[3] Цит. по: *Алипий (Кастальский-Бороздин), архим., Исайя (Белов), архим.* Догматическое богословие. Курс лекций. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 276.

Святой Дух есть взаимный дар Отца Сыну и Сына Отцу. Святой Дух есть, будучи Их взаимным даром, **союз любви**, связывающий между собой Отца и Сына. Кстати сказать, блаженный Августин совершенно не намеревался изменять текст Символа Веры, навязывая всей Церкви свое частное богословское мнение.

Согласно блаженному Августину Святой Дух трактуется как любовь между Отцом и Сыном, между Богом и людьми: «Бог-Любовь есть Дух Святой… Именно на Духа указывает этот текст: “Бог есть любовь” (1 Ин. 4:8)… Дух есть та общая любовь, которой взаимно любят друг друга Отец и Сын… Дух Святой, когда дается человеку, зажигает его любовь к Богу и ближнему, Сам будучи любовью».

При этом блаженный Августин совершенно игнорирует многочисленные места в Священном Писании, в которых любовь усвояется и Отцу, и Сыну. Например, «Ибо так **возлюбил Бог (Отец)** мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную (Ин. 3:16)», «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и **любовь Бога Отца**, и общение Святаго Духа со всеми вами» (2 Кор. 13:13), «Ибо **Отец любит Сына** и показывает Ему все, что творит Сам» (Ин. 5:20), «**Я люблю Отца** и, как заповедал Мне Отец, так и творю» (Ин. 14:31), «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как **Я возлюбил вас**, [так] и вы да любите друг друга» (Ин. 13:34) и др. Поэтому в Православии Божественная любовь рассматривается как **общая** энергия Святой Троицы.

В современном римо-католическом вероизложении так и написано, что Святой Дух — есть **связь** любви между Отцом и Сыном. Приведем свидетельство современного богослова Римо-католической церкви кардинала Поля Пупара, президента Папского Совета по диалогу с неверующими, президента Папского Совета по культуре, из его книги «Вера Католической церкви»: «Евангельское Откровение — это приоткрытые небеса, это интимность Божественной Жизни, раскрывающая перед людьми свою глубочайшую тайну любви: Единый Бог внутренне троичен в самой сокровенной жизненной глубине, в Своих мыслях и Своей любви. И Трое — не что иное, как Одно. Таинственная печать Их единства есть Дух Любви. **Святой Дух, Параклет — это как бы Любовь, соединяющая Отца и Сына**: взаимная Любовь, вечно объединяющая Того и Другого, пребывающих в вечном единении через этот взаимный дар жизни, источник которого — Отец»[1].

Приведем свидетельство еще одного современного римо-католического богослова: «Отец в совершенстве знает Сына, и из этого знания изливается бесконечная Любовь, которая полностью отдает себя Сыну. Также и Сын в совершенстве знает Отца, и из этого знания изливается бесконечная Любовь, которая отдает себя целиком Отцу. **Это вечное созерцание между Отцом и Сыном вызывает взаимное восхищение, взаимную божественную Любовь, не остающуюся бесплодной, божественную Любовь, имеющую божественное содержание, которое выражается в Третьем Божественном Лице, Которое есть Дух Святой или Дух Любви** (выделено — *аббат Поль*). Отец и Сын единятся тесной любовью, могучей и пронизывающей все Их существо, откуда исходит Святой Дух. Подобным образом и на зем-

[1] *Поль Пупар, кард.* Вера Католической церкви: пер. с франц. М.: Центр по изучению религий, 1992. С. 76–77.

ле двое существ, любящих друг друга, составляют одно и, в конце концов, становятся третьим. Отец и мать взирают на своего ребенка, который является совершенным выражением их любви и который свидетельствует об их плодотворном единстве»[1].

Итак, согласно православному учению **Божественная любовь — это общая энергия Святой Троицы**, которая присуща Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Святой Дух теряет Свой ипостасный (личный) облик, если Его отождествлять с любовью. Святой Дух из Личности превращается у римо-католиков в любовную связь между Отцом и Сыном. С таким умалением Святого Духа — Третьего Лица Святой Троицы — православные никогда не согласятся.

Что же касается непосредственно самих исторических предпосылок возникновения догмата о Filioque, то здесь необходимо отметить следующее. В эпоху Раннего Средневековья (476–900) разгромленная дикими ордами гуннов, готов, вандалов, норманнов, лангобардами, франками и различными германскими племенами цивилизация западной части Римской империи являла собой печальное зрелище во всех отношениях.

Захват и разграбление Рима в 410 г. королем вестготов Аларихом I (ок. 370–410) произвели огромное впечатление на современников. Вестготы придерживались арианской ереси, которая умаляла Божество Второго Лица Святой Троицы — Сына Божия Иисуса Христа. Под впечатлением этого события блаженный Августин написал свое сочинение «О граде Божьем», в котором рассматривал гибель Рима как закономерное наказание за бесчисленные грехи.

В 430–440-х гг. римляне с трудом отразили нападение вождя гуннских племен Аттилы (вождь с 434 по 453 г.), прозванного «бичом Божиим», опустошавшего с помощью своего 700-тысячного войска провинции западной части Римской империи.

Новое тяжелое испытание выпало на долю Рима в 450-е гг. в связи с вторжениями вандалов на Сицилию, Сардинию и Италию. Так, в конце мая 455 г. вождь вандалов Гейзерих под предлогом отказа римского императора Петрония Максима сочетать браком сына Гейзериха с дочерью императора Валентиниана III Евдокией подверг Рим 14-дневному разграблению. В итоге Сицилия, Сардиния, Корсика и Балеарские острова перешли под власть вандалов. Тем самым Западная Римская империя уменьшилась до размеров Италии.

Со времени вторжения Алариха власть императоров Западной Римской империи стала чисто номинальной. Реальная власть находилась в руках военачальников, преимущественно варварского происхождения. В 475 г. командующий войсками римский патриций Орест, бывший некогда секретарем гуннского вождя Аттилы, а при императоре Непоте обладавший фактической властью, объявил императором своего 16-летнего сына Ромула Моммилия Августула (475–476), который стал последним официальным императором Западной Римской империи. Уже в следующем, 476 г., наемные войска подняли бунт. Во главе взбунтовавшихся наемников стоял Одоакр (ок. 431–493), ругиец по происхождению, служивший в преторианской гвардии. Он умертвил Ореста и свергнул с престола Ромула Августула.

---

[1] *Поль, аббат.* Замысел Божий и чудеса Его милосердной любви. Изложение христианского вероучения: пер. с франц. Брюссель: Жизнь с Богом, 1990. С. 62.

Объявленный наемниками королем, он отказался от императорского титула, **отослав инсигнии (регалии, знаки власти) императорской власти в Константинополь**. Одоакр мотивировал это тем, что сами италийцы и римский сенат считают существование самостоятельной империи на Западе уже не нужным. **Именно это событие 476 г. считается официальной датой гибели Западной Римской империи.**

Именно в этот период борьбы с завоевавшими Пиренейский полуостров вестготами (еретики-ариане) Испанской церковью впервые в Никео-Константинопольский Символ Веры было введено Filioque. Ариане не только умаляли Личность Второго Лица Святой Троицы — Сына Божия, но и отрицали Его единосущие Богу-Отцу. Испанские епископы воспользовались авторитетным на Западе мнением блаженного Августина и добавили в Символ «и от Сына». На Третьем соборе в Толедо 589 г. это стало официальным учением Испанской церкви. Епископы в борьбе с еретиками-арианами, чтобы сильнее подчеркнуть Божественность Христа, проявили готовность пойти на умаление в высказываниях относительно Святого Духа. «Должно думать, — пишет выдающийся православный догматист епископ Сильвестр (Малеванский), — что и король Рекаред не случайно избрал означенную формулу для исповедания веры в Духа Святого. Сделал он это, конечно, наперед убедившись в том, что его сторонники по арианству более всего готовы были согласиться на эту формулу»[1]. Действительно, на соборе был подтвержден переход Рекареда (Рикаретто), короля западных готов, из арианства в кафолико-православную веру. Следовательно, мотив присовокупления Filioque в данном контексте был еще совершенно наивным: следовало сказать о Втором Лице Троицы нечто такое, что «возвысило» бы Сына Божия. Выдающийся богослов священник Павел Флоренский снисходительно оценил этот поступок испанских провинциалов как «наивное порождение излишнего благочестия и недоношенного богословия». Понятно, почему Рим отказывался включать Filioque в Символ Веры вплоть до XI в. и вынужденно сделал это только под давлением германского императора Генриха II.

Чтобы укрепить свое владычество над папским престолом и не дать франкам захватить администрацию Церкви, просвященные римляне издали законы избрания пап: кандидатами на папство могли быть только кардиналы, диаконы и пресвитеры Рима, которые, кроме того, должны быть римской национальности. Эти запретительные меры от захвата высшей церковной власти дикими завоевателями и для закрепления папского престола за римлянами были провозглашены на соборе, состоявшемся в Риме в 769 г. в присутствии 13 франкских епископов.

В те времена, если не считать Испании, ни одна из Западных церквей не включила Filioque в Никео-Константинопольский Символ Веры вплоть до эпохи короля франков и лангобардов Карла Великого (742–814), покорившего Италию в 773–774 гг. После 787 г., когда потерпел неудачу Карлов проект династического брака между Константином, наследником Константинопольского престола, и Ротрудой, дочерью Карла Великого, сильно обострилась враждебность франкского королевства против восточной части Римской империи (позднее название — «Византия») со столицей

[1] *Сильвестр (Малеванский), архим.* Опыт православного догматического богословия. В 5 т. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008. Т. 2. С. 587.

в Константинополе, который тогда процветал. Карл Великий, чувствуя себя оскорбленным, окончательно оторвался от императоров Нового Рима — Константинополя.

Итак, после окончательного падения западной части Римской империи (476) несколько столетий единственным императором Римской империи был император Нового Рима — Константинополя, у которого была прерогатива коронации королей Западной Европы. В 800 г. короля франков и лангобардов Карла Великого папа Лев III венчал золотой короной и провозгласил Римским императором. Это был беспрецедентный случай, и понятно, что единственный Римский император Константинополя — Нового Рима не признал Карла еще одним римским императором.

В 809 г. император Карл Великий созывает собор в своей столице Аахене (небольшой город в современной Германии), который специально рассматривал вопрос Филиокве. Несмотря на личное председательство императора и его давление, на соборе было проявлено большое разногласие, попытка богословски оправдать Филиокве оказалась безуспешной, и поэтому решили оставить восьмой член Символа Веры неизменным. Однако Карл, желая подчеркнуть свою независимость от Константинополя, а также свое значение в Церкви, обратился к римскому папе Льву III (понтификат 795–815 гг.) с просьбой утвердить недавно появившееся учение о Святом Духе (Filioque) и внести его в Никео-Константинопольский Символ Веры. Это необходимо было императору Карлу, чтобы иметь не только политические, но и религиозные основания для военных действий против богатого Константинополя. Например, с VI по X в. Париж был небольшим городом на о. Сите, а в Константинополе в IX в. было около миллиона человек. Чтобы обвинить греков в ереси, лучше всего было заставить папу включить в текст Символа Веры ту вставку (Filioque), которую православные отбрасывают принципиально. И тогда франки будут «иметь право» обращаться с ними как с еретиками, проще говоря, грабить «с чистой совестью». Таким образом будет уничтожено то первенство Константинополя, которое за ним оставалось в вопросах веры, политики и экономики.

Папа Лев III отвечает императору Карлу, что Второй Вселенский Собор, проходивший в Константинополе в 381 г., и последующие Соборы не включили Filioque в Символ Веры не по небрежности или греческому невежеству, а нарочито. И далее папа Лев III по Божественному вдохновению «и ради любви и защиты Православной веры, — по выражению liber pontificales — повелел поместить справа и слева исповедального входа базилики св. Петра в Риме по серебряной доске с текстом Никео-Константинопольского Символа Веры без Filioque на греческом и латинском языках». Таким образом, тогда «Спор о Filioque… не был конфликтом между Патриархатами старого и нового Рима, а был **конфликтом между франками и всеми римлянами, как на Западе, так и на Востоке**», — подчеркивает профессор Догматического богословия Фессалоникийского университета в Греции протоиерей Иоанн Романидис[1].

---

[1] *Романидис Иоанн, прот.* Филиокве. Доклад на конференции православно-англиканской богословской комиссии по диалогу 21–28 июля 1975 г. в Сент Олбанс (Англия) // Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата. Paris. 1975. № 89–90. С. 89.

На враждебные действия франкского и германского духовенства против миссии святых Кирилла и Мефодия на Балканах (перекрещивали тех, кто крестился у греческих священников, осуждали женатое духовенство, 300 православных священников были посажены в тюрьму и проданы иудеям и мусульманам в рабство) святой Патриарх Фотий в 866 г. пишет «Окружное послание предстоятелям Восточных церквей», в котором ставит уже назревший вопрос о догматических расхождениях вероучений Римской церкви и Восточных церквей. В этом очень обширном послании Фотий перечисляет беззакония латинского духовенства: с одной стороны — пост в субботу, а с другой — разрешение сыра и молока в первую неделю Великого поста, обязательный целибат, вторичное помазывание Миром тех, кто уже был помазан православным священником. Большой перечень упреков латинскому духовенству завершается у святого Фотия упоминанием о Filioque как о «венце безобразий», как о «диавольском деянии», как о ереси.

На Великом Свято-Софийском Соборе 880 г., проходившем в Константинополе в 879–880 гг. (Собор 383 Отцов) — последнем в истории Соборе, в деятельности которого принимали участие делегаты всех пяти Патриархатов Древней Церкви: Римского, Александрийского, Антиохийского, Константинопольского, Иерусалимского — было принято важное решение о недопустимости никаких изменений в Символе веры и осуждена вставка «Filioque». Знаменательно, что под деяниями этого Собора подписались легаты римского папы Иоанна VIII, поскольку в самом Риме в это время Символ Веры читался еще без Филиокве[1]. Трудно переоценить значение этого Великого Собора, явившегося наглядным ярким свидетельством единства в Православии Церквей Рима и Востока перед наступившим через полтора столетия кризисом этого единства.

Однако постепенно под давлением франкских и германских императоров, а также человеческих амбиций Filioque к концу X в. распространился по всему Западу, кроме Рима. Римские папы отстаивали неизменность Никео-Константинопольского Символа Веры дольше всех. В Риме вставка Filioque в Символ Веры была сделана лишь 14 февраля 1014 г. при короновании германского императора Генриха II папой Бенедиктом VIII по категорическому настоянию императора. Даже римский папа Иоанн Павел II вынужден признать этот факт, пусть и в смягченной форме: «Это уточнение ни в чем не изменяло сущности прежней веры, однако сами римские папы принимали эту формулу неохотно, в силу уважения к прежней общепринятой формулировке, звучащей также и в базилике св. Петра. Новая формула, введенная на Западе без особого сопротивления, вызвала много нареканий и споров среди наших восточных братьев, упрекавших Запад за введение существенных изменений в области веры»[2].

А сорок лет спустя 16 июля 1054 г. кардинал Гумберт яростно бросил на престол храма святой Софии в Константинополе буллу, содержащую анафему на Патриарха Михаила Керулария, обвиняя греков в том, что они выбросили из Символа Веры Филиокве и «Подобно Пневматомахам («духоборам»), или Феумахам, отсекают в Символе Веры исхождение Духа

[1] См.: *Лебедев А. П.* История разделения церквей в IX, X и XI веках. СПб., 1905. С. 297–298.

[2] *Иоанн Павел II.* Верую в Духа Святого Господа Животворящего. М.: Католический колледж им. св. Фомы Аквинского, 1998. С. 304.

Святого от Сына». Было добавлено к этому еще и много других обвинений канонического и литургического порядка, гораздо менее значительных (например, запрет причащать женщин во время месячных), а иногда и бессмысленных. В то время Патриарх Антиохийский Петр в ответ на этот поступок Рима писал Патриарху Михаилу: «Искренне выражая свое мнение, если бы латиняне согласились вычеркнуть вставку в Символ, я бы от них не требовал ничего более, почитая в числе вещей неважных со всем прочим даже вопрос квасного хлеба. В конце концов, эти латиняне — наши братья, хотя их грубость и невежество, их приверженность к собственному чувству иногда и уводит их от прямого пути. Не следует требовать от этих варварских народов той совершенной точности, которую мы требуем от наших, воспитанных в тонкостях культуры. И то уже много, если они правильно исповедуют тайну Животворящей Троицы и тайну Воплощения»[1]. 1054 год считается датой «разделения церквей»; это выражение неточное. На самом же деле Римский патриархат отделился от остальных четырех Восточных патриархатов.

Что же касается слов папы Иоанна Павла II — «новая формула, введенная на Западе без особого сопротивления», следует отметить следующее: в высокообразованных богословских кругах на Западе продолжалось сопротивление незаконной вставке в Символ Веры Filioque еще два с половиной столетия после его принятия папой Бенедиктом VIII. В XIII в. в результате разногласий среди преподавателей в Париже на левом берегу Сены (современный латинский квартал) открывается ряд независимых колледжей, прародителей современной Сорбонны. Как пишет директор Восточного института в Эрлангене (Германия) профессор Карл Христиан Фельми: «Тем не менее вплоть до 1240 г. Filioque не было в Символе Веры, который читался в Париже»[2]. По этому поводу профессор — протоиерей Иоанн Романидис также пишет: «Однако последствия франкского Филиокве были приняты не всеми христианами западных провинций, завоеванных франко-латинским христианством и его схоластическим богословием. Остатки библейского Православия и благочестия кое-где выжили и, может быть, когда-нибудь все части воссоединятся, когда в полноте своей откроются последствия святоотеческой традиции и духовный опыт, как основа учения»[3].

Об этом следует помнить российским криптоуниатам (тайным униатам) и филокатоликам. Однако автор доклада из своего опыта знает, что они часто бывают бóльшими католиками, чем римский папа.

Итак, в период Средневековья римо-католической иерархии достаточно было просто везде насаждать убеждение, что Филиокве изначально было в Символе Веры, а попытки обосновать эту незаконную вставку богословски, исходя из текстов Священного Писания, появились гораздо позже. Для

---

[1] Цит. по.: *Плакид (Дезей), архим.* Блаженный Августин и Filioque // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. Paris: 1982, № 109–112. С. 221.

[2] *Фельми Карл Христиан.* Введение в современное православное богословие: пер. с нем. М.: Просветитель, 1999. С. 63.

[3] *Романидис Иоанн, прот.* Филиокве. Доклад на конференции православно-англиканской богословской комиссии по диалогу 21–28 июля 1975 г. в Сент Олбанс (Англия) // Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата. Paris. 1975. № 89–90. С. 115.

учения о Filioque в Священном Писании нет никакого явного основания. Даже папа Иоанн Павел II признает, что в текстах Нового Завета об этом прямо не говорится[1]. Мы можем понять кардинала Поля Пупара, когда он в своей книге «Вера Католической церкви» пишет: «Иисус обещает нам: “Придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины… Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину” (Ин. 15:26; 16:13)»[2]. Зачем почтенному кардиналу, президенту Папского Совета пришлось из вышеприведенной цитаты Ин. 15:26 «Придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины» выбрасывать слова «**Который от Отца исходит**» и ставить вместо них три точки? Он счел, что будет честнее вообще опустить это место из Евангелия, чем насиловать тексты Священного Писания, выводя из них Filioque.

Автор самого популярного учебника по догматическому богословию протоиерей Н. Малиновский в сжатой форме высказывает общепринятое мнение по этому поводу: «Вообще же при взгляде на доказательства из Писания, представляемые в защиту Filioque, нельзя не видеть, что это учение образовалось независимо от Писания и лишь потребность обосновать его на Писании вынуждает искать в Писании подтверждающих его свидетельств, а за отсутствием таковых — прибегать к явно насильственным толкованиям изречений Писания»[3]. Незаконность вставки Filioque еще более усиливается от того, что Римо-католическая церковь является поместной, т. е. **одной** из Церквей, а дополнение ею было сделано в Символе Единой, Святой, **Вселенской (Соборной)** и Апостольской Церкви.

В завершение краткого историко-богословского экскурса возникновения Filioque мне бы хотелось вновь привести цитату из труда профессора-протоиерея Иоанна Романидиса, в которой, на мой взгляд, содержится своего рода квинтэссенция всего вышесказанного: «…как ересь Филиокве столь же вредно, как арианство»[4]. Арианство унижает Второе Лицо Святой Троицы — Сына Божия, а Филиокве — Третье Лицо Троицы — Святого Духа. Если на Востоке Дух исповедуется равным Отцу и Сыну, а поэтому в Православии царствует Дух, духовная свобода и созерцание Живого Бога, то на Западе Дух мыслится в подчиненном положении (связь любви), отсюда другое понимание Таинств, боязнь всего таинственного, рационализация христианства[5].

Теперь Рим защищает Filioque как святой догмат (римский папа ведь, согласно еще одному нововведенному в 1870 г. римо-католиками догмату, не может ошибаться, он обладает непогрешимостью в вопросах вероучения)…

---

[1] См.: *Иоанн Павел II.* Верую в Духа Святого Господа Животворящего. М.: Католический колледж им. св. Фомы Аквинского, 1998. С. 306.

[2] *Поль Пупар.* Вера Католической церкви: пер. с франц. М.: Центр по изучению религий, 1992. С. 77.

[3] *Малиновский Н., прот.* Очерк Православного догматического богословия. 2-е изд. Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1911. С. 169–170.

[4] *Романидис Иоанн, прот.* Филиокве. Доклад на конференции православно-англиканской богословской комиссии по диалогу 21–28 июля 1975 г. в Сент Олбанс (Англия) // Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата. Paris. 1975. № 89–90. С. 115.

[5] См.: *Мейендорф И., протопресв.* Введение в святоотеческое богословие. Нью-Йорк., 1983. Репр.: Вильнюс, 1992. С. 244.

III

Итак, после принятия в Риме в 1014 г. Filioque в статусе догмата, охраняемого теперь уже анафемой, Римо-католическая церковь стала насаждать мнение о «греках» (т. е. о четырех Восточных Православных Церквах), как о еретиках-духоборах, обвиняя их в том, что это они исказили Символ Веры, выбросив из него Filioque. За тысячу лет на Западе это стало повсеместным мнением в обыденном религиозном сознании. Римо-католическая церковь, где только могла, преследовала православных как еретиков за «искажение» Символа Веры и, где только могла, массово перекрещивала их. С теми же, кто сопротивлялся этому, поступали на основании Евангелия от Марка: «Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; но кто будет хулить Духа Святаго, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению» (Марк 3:28–29).

События, предшествовавшие объявлению унии на Брест-Литовском соборе, исключали возможность широкого церковного обсуждения вероучительных противоречий, которые разделяли тогда римо-католиков и православных, а составленные в ходе подготовки Брест-Литовского собора церковные документы имели характер церковно-политических деклараций, в которых догматические вопросы или обходились молчанием, или упоминались как неведомым образом разрешенные. Уже первый, обозначивший возможность унии между Римом и группой западно-русских епископов акт, тайно составленный на Брестском соборе 1590 г. четырьмя епископами, полностью проигнорировал догматическую проблематику. «Соглашаясь отдать нашу волю и мысль в послушание святейшему отцу и подчинить церкви Божии верховной власти святейшего папы римского, — писали епископы, — мы выговариваем себе только то, чтобы святейший папа римский оставил нам до скончания века неотмененными и ненарушимыми все церемонии и обряды, т. е. службу Божию… А его королевская милость, пан наш милостивый, обеспечил бы нам его указами наши привилегии и утвердил бы артикулы, которые нам будут представлены».

Полагая в основу своего вхождения в состав римо-католической церковной иерархии не вероучительное единство, а лишь сохранение внешнего богослужебного обряда и приобретение православными епископами общественных привилегий, которыми обладали в Речи Посполитой римо-католические иерархи, четыре западно-русских епископа предлагали Риму догматически «облегченный» и в то же время ориентированный на церковно-политическую конъюнктуру вариант унии.

Именно такой вариант унии и был первоначально принят представителями римского престола. Похоже, что поднаторевшую в интригах католическую дипломатию это вполне устраивало, потому что ей была известна мудрость: «увяз коготок — и всей птичке конец». Этот вариант предопределил содержание второго документа, предвосхитившего Брест-Литовскую унию — акта 2 декабря 1594 г., который был составлен двумя главными инициаторами унии среди западно-русского епископата, епископом Луцким Кириллом (Терлецким) и епископом Владимирским Ипатием (Потеем). В этом самом расплывчатом с вероучительной точки зрения унинальном документе в качестве главного основания для признания западно-русскими

епархиями власти папы римского выдвигалась прагматическая необходимость обрести внешнее единство христианского мира под эгидой римского первосвященника перед лицом наступавшего протестантизма. «От времен Христа Спасителя и апостолов предки наши всегда признавали одного старшего первопрестольника и пастыря в церкви Божией — святейшего папу римского», — подчеркивалось в акте от 2 декабря 1594 г. «И до тех пор, пока это было, в Церкви был порядок, и ересям трудно было распространяться. Но когда стало много старших и первопрестольников, которые начали приписывать себе ту власть, мы теперь видим, до какого разделения дошла Церковь Божия и какую силу приобретают еретические секты. Посему, не желая, чтобы и впредь гибли человеческие души от такого разделения, мы умыслили, с Божией помощью, соединяться, как было и прежде с братиею нашею — римлянами под одним видимым верховным пастырем».

Окончательно предопределившее объявление унии на Брест-Литовском соборе «Соборное послание к папе Клименту VIII», которое было составлено 12 июня 1595 г. и подписано позднее митрополитом Киевским Михаилом (Рогозой) и шестью епископами, вновь подтвердило выраженную в предшествующих документах тенденцию игнорировать при заключении унии догматические расхождения с Римом и обосновывать ее лишь церковно-политической целесообразностью. При этом сохранение незыблемым восточного литургического обряда должно было создать у православной паствы иллюзию вероучительной оправданности с православной точки зрения заключавшейся унии. «Мы, — утверждали авторы «Послания», — поручили … предложить, чтобы Ваша Святыня согласился оставить нас всех при вере, таинствах и всех церемониях и обрядах Восточной церкви, ни в чем их не нарушая, и утвердил бы то для нас за себя и за своих преемников. В таком случае мы уполномочили названных братьев наших (Ипатия Потея и Кирилла Терлецкого. — *автор*) принести от имени всех нас, архиепископа, епископов, всего духовенства и всех наших словесных овец, покорность седалищу св. Петра и Вашей Святыне и поклониться Вашей Святыне, как нашему верховному пастырю. Когда все, о чем просим, мы получим от Вашей Святыни, тогда и сами с нашими потомками станем послушными тебе и твоим преемникам и будем всегда под управлением Вашей Святыни».

Во время тайных переговоров в Риме в ноябре-декабре 1595 г. епископы Ипатий (Потей) и Кирилл (Терлецкий) были приняты с подобающей честью, удостоились поцеловать папскую ногу и 2 декабря 1595 г. от имени всего западно-русского епископата заявили о признании ими всех решений не только Ферраро-Флорентийского, но и Тридентского собора, т. е,. по существу, всех догматически значимых соборных установлений Римо-католической церкви. Папа Климент VIII проявил осторожность и официально не подчеркивал подобного признания западно-русских епископов. Поэтому в торжественно утвержденной папой римским 21 января 1596 г. «конституции», которая фактически объявляла о заключении унии между римским престолом и западно-русскими епископами, положение о полном принятии представителями последних римо-католической догматики весьма дипломатично скрывалось, а главное значение придавалось положению о сохранении в западно-русских епархиях восточного богослужебного обряда при условии упразднения в нем всех не соответствующих римо-католическому вероучению особенностей. «Мы, — утверждалось в заключительной части

этой «конституции», — настоящим нашим постановлением принимаем досточтимых братьев, Михаила архиепископа-митрополита и проч. епископов русских со всем их клиром и народом русским, живущим во владениях Польского короля, в лоно Католической церкви, как наших членов во Христе. И во свидетельство такой любви к ним, по апостолическому благоволению, дозволяем им и разрешаем все священные обряды и церемонии, какие употребляют они при совершении божественных служб и Святейшей Литургии, также при совершении прочих таинств и других священнодействий, если только эти обряды не противоречат истине и учению католической веры и не препятствуют общению с римской церковью, — позволяем и разрешаем, несмотря ни на какие другие противоположные постановления и распоряжения апостольского престола».

Чем же было обусловлено это стремление Рима скрыть свою богословскую победу в документе, который объявлял о совершении унии почти за девять месяцев до Брестского собора? В первую очередь это стремление было связано с верным церковно-политическим опасением, что объявление о догматической «капитуляции» представителей западно-русского епископата в Риме может вызвать не только у подчиненных ему православного духовенства и паствы, но и у некоторых западно-русских епископов желание отмежеваться от действий инициаторов унии. Римо-католические организаторы последней считали, что продекларированное представителями западно-русского епископата безусловное догматическое подчинение Риму не является единственно возможной основой заключения унии. Оно может рассматриваться как желательная, но весьма отдаленная перспектива формально канонически объявленного и реально политически подкрепленного господства папского престола на территории западно-русских православных епархий. Ведь столь явная недооценка важности догматического начала в деле восстановления единства церковной жизни, проявленная Римом как в ходе подготовки Брест-Литовской унии, так и в ряде других аналогичных уний, которых, как отмечалось выше, было немало в истории Римо-католической церкви, безусловно, явилась проявлением общей тенденции римо-католической иерархии рассматривать догматические принципы как средства осуществления церковной политики, направленной на распространение папской власти в христианском мире. И во времена Брест-Литовской унии одним из главных догматических противоречий между римо-католиками и православными являлось дополнение в Никео-Константинопольский Символ Веры термина «Filioque».

В то же время веками развивавшееся в Римо-католической церкви учение об особом характере папской власти (наместник Христа на земле) привело в XVI в. к существенным изменениям в экклезиологическом сознании католической иерархии, в результате которых формально каноническое признание власти папы римского той или иной группой христиан стало восприниматься в Риме как краеугольное догматическое основание для вступления этих христиан в Римо-католическую церковь и одновременно как безусловная гарантия их дальнейшего уподобления римо-католикам в богословско-каноническом и литургическо-обрядовом отношениях. Так, догмат о папской власти, правда, тогда еще не получивший своего окончательного соборного оформления, но уже ставший доминантой догматических представлений римо-католической иерархии, стал иметь для римо-католических иерархов неизмеримо большее

значение, нежели необходимость трудного или невозможного для Рима разрешения догматических разногласий. Короче: признай власть римского папы, а все остальное со временем придет само собой.

Оставляя в стороне чрезвычайно интересный вопрос о том, насколько характерный для западной схоластики богословский рационализм мог способствовать отмеченному выше церковно-политическому утилитаризму унионального богословия, отметим еще одно проявление этой тенденции в документах, подготовивших Брест-Литовскую унию. В качестве одного из важнейших условий успешного заключения унии обе стороны признавали сохранение в западно-русских епархиях восточного богослужебного обряда, словно игнорируя тот очевидный факт, что православная литургическая традиция являлась, может быть, самым концентрированным выражением не только глубоко отличной в это время от западной мистико-аскетической традиции православного Востока, но и догматического учения Церкви эпохи Вселенских Соборов, уже основательно римо-католически «переработанного» на Западе в XVI в. Сознательное церковно-политическое лукавство, или неосознанное богословское заблуждение, допускавшее возможность выражения римо-католического вероучения в категориях православной литургической традиции, были впоследствии опровергнуты дальнейшими событиями церковной жизни западно-русских епархий, вовлеченных в Брест-Литовскую унию. Переход части униатов к западному богослужебному обряду, превращение их в «полноценных» римо-католиков, с одной стороны, и постоянная инфильтрация элементов западного литургического богословия и богослужебного обряда, с другой стороны, наглядно показали невозможность органичного церковного синтеза римо-католического богословия и православного богослужения. Попытка же представить православный богослужебный обряд лишь в качестве проявления этнокультурного своеобразия восточных славян в Римо-католической церкви, также оказалась несостоятельной в связи с явно проявившейся в эпоху контрреформации тенденцией к унификации литургической жизни римо-католиков в соответствии с богослужебными традициями, сложившимися в латинском мире. Так, недооценка в унициальной политике Рима догматической стороны церковной жизни оказалась усугубленной недооценкой зависимости от догмата литургического обряда, и только безусловный **политический успех** Брест-Литовской унии мог на какое-то время создать иллюзию духовно-исторической самодостаточности этой унии для разрешения всех проблем, существовавших в отношениях между римо-католиками и православными в Речи Посполитой.

Возможно, не без подспудного осознания этого обстоятельства, обе стороны уже в процессе подготовки Брест-Литовской унии и, в особенности, во время церковного собора в Бресте стремились заложить в фундамент унионального соглашения в качестве одного из его главных оснований разрешение уже совсем выходившего из сферы догматических, канонических и литургических проблем вопроса о получении западно-русскими епископами, подписавшими акт об унии, общественных привилегий, которыми обладала в это время в Польше римо-католическая иерархия. Тем самым богословский утилитаризм идеологов Брест-Литовской унии получил свое неизбежное завершение в политическом прагматизме участников этого церковного соглашения.

Весьма показательной особенностью периода практической подготовки Брест-Литовской унии, начавшегося еще зимой 1594 г., явилось то обстоятельство, что все переговоры о заключении унии велись Римом исключительно с представителями западно-русского епископата, позиция которого отождествлялась римо-католиками с отношением к унии всего православного духовенства и мирян Западной Руси. В этом нарочитом стремлении принимать во внимание лишь позицию епископов, безусловно, проявила себя коренящаяся в специфике церковного сознания римо-католической иерархии тенденция клерикализации церковной жизни, когда иерархическое начало, восходящее к «сверхепископской» власти папы римского, постепенно начинает подменять собой начало соборности. Однако избежать соборной процедуры объявления уже принятой западно-русскими епископами унии было невозможно, и именно поэтому 6 октября 1596 г. в Бресте открылся церковный собор, которому было предназначено лишь озвучить уже состоявшееся в тайне решение епископов-предателей для всего православного населения Речи Посполитой.

О том, какой своеобразный состав членов собора был необходим принявшим унию епископам для того, чтобы собор исполнил предназначенную ему весьма скромную роль, красноречиво свидетельствовал королевский универсал о созыве собора, опубликованный еще 14 июня 1596 г. Подчеркивая, что на Брестский собор приглашались «католики римского костела и греческой церкви, которые к этому единству принадлежат», универсал лишь допускал возможность, что «будет вольно и всякому православному явиться на собор, только со скромностью и не приводить с собой толпы». Таким образом, приглашая на собор лишь тех христиан, которые еще до его открытия признали унию, универсал определенно подчеркивал заговорщицкий характер созываемого собора.

Широко распространившееся среди православного духовенства и мирян впечатление догматической и канонической ущербности униатского собора не только привело к открытию в Бресте альтернативного православного Собора, возглавлявшегося Экзархом Константинопольского Патриарха архидиаконом Никифором, но и вынудило двух епископов, некогда поддержавших унию, епископа Львовского Гедеона (Болобана) и епископа Перемышльского Михаила (Копыстенского), выступить против присоединения православных христиан западно-русских епархий к Римо-католической церкви.

Уверовавшие во всемогущество римо-католического клерикализма, оказавшего им неоценимую поддержку в подготовке унии, западно-русские епископы оказались все же неспособными преодолеть клерикальными методами соборное неприятие православным народом объявленной в Бресте унии. «Уния в действительности была и оказалась расколом, — писал один из крупнейших русских богословов XX в. протоиерей Георгий Флоровский. — Она расколола западно-русскую церковь, разъединила иерархию и народ… Уния была делом епископов, действовавших в отрыве от церковного народа, без его свободного и соборного согласия».

После принятия унии положение Православной Церкви сделалось совершенно невыносимым, особенно в Литве, на Волыни и в Галиции. В Малороссии, благодаря казачеству, было относительно спокойно. Учитель виленской братской школы Мелетий Смотрицкий в 1610 г. горько оплакивал бедствия Православия в своем сочинении «Фринос положительно или Плач

церкви Восточной», которое поразило своей трагической правдой даже самих латинян. Один волынский депутат Лаврентий Древинский выступил в защиту Православия с пламенной речью на сейме 1620 года. «Уже в больших городах, — говорил он, — церкви запечатаны, церковные имения расхищены, в монастырях нет монахов, — там запирают скот. Дети мрут без крещения; покойников вывозят из городов без погребения, как падаль; мужья с женами живут без благословения; народ умирает без причащения. Так делается в Могилеве, Орше, Минске. Во Львове не униат не может к цеху приписаться; к больному со Святыми Тайнами открыто идти нельзя. В Вильно тело православного покойника нужно вывозить в те только ворота, в которые из города вывозят нечистоту…»[1]. Православные постоянно подвергались оскорблениям и насилиям и от уличной черни, и от рыцарей, и от иезуитских школяров. Защиты не было, оставались лишь казачьи отряды, после унии возрастала сила вольного степного казачества. Угнетенное по национальному и религиозному признаку мужское население толпами убегало в степь к казакам. И здесь сложилась новая общность, противостоящая унии, — вольное запорожское казачество получило неожиданное новое и весьма высокое звание, став под знамя веры и народности.

Православной Церкви приходилось надеяться только на свои силы, которых у нее оказалось, к счастью, достаточно и даже больше, чем у униатской церкви. Так, на известное сочинение польского иезуита Петра Скарги, против православного собора того же года, осудившего унию, Христофор Филалет ответил убедительным сочинением «Апокрисис, альбо Отповедь», где доказывал право участия мирян в церковных делах. Позже во Львове вышло еще одно сочинение против унии «Перестрога» (предостережение). Поддержка шла с Востока с письмами Патриарха Александрийского Мелетия Пигаса и от русских иноков с Афона. Так, русский монах Иоанн Вишенский посылает униатским епископам «Краткое извещение о латинских прелестях», в котором обличает упадок веры и благочестия.

Кроме братских школ, существовавших и после унии, Православная Церковь находит духовную опору в своих монастырях. Вместе с подъемом просвещения борьба с унией повлияла на подъем нравственного уровня в обществе и иерархии, на оживление монашеской жизни. Несмотря на изъятие у православных множества обителей и перераспределение их униатам, число православных монастырей было больше, чем у униатов, они отличались большим количеством монахов, имели в своих стенах 80, 100, а иногда и 200 человек. Тогда как униатские монастыри стояли почти пустые. Униатская иерархия обращала внимание не столько на монастырскую жизнь, сколько на их функции, которыми они пользовались для своих практических надобностей.

В течение первых 20 лет унии, самых тяжелых для Православной Церкви, возникло даже десять новых православных монастырей. С конца XVI в. Почаевский монастырь становится центром духовной жизни на западных землях Руси. В 1597 г. монастырь получает в дар от местной помещицы Анны Гойской значительные земельные угодья, имения и, самое дорогое со-

[1] Миссиология: учеб. пособие / под. ред. архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна. Белгород: Изд-во Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), 2009. С. 54.

кровище, — чудотворный образ Божией Матери, завещав при этом хранить Православную веру на вечные времена. Начинают процветать Виленский Святодуховский и Киевский братский монастыри, ставшие со временем оплотами Православия для целых краев России: первый — для Волыни, второй — для Литвы, третий вместе с Киево-Печерской Лаврой — для Малороссии.

С 1599 г. архимандритом Киево-Печерского монастыря был поставлен Елисей (Плетенецкий), один из замечательнейших деятелей того времени, сделавшийся истинным отцом обители, упрочивший ее самостоятельность против покушений униатов, восстановивший, украсивший ее, поднявший иноческую жизнь, поддержавший просветительское движение и религиозную борьбу. Подобных примеров в истории униатской церкви этого времени нет.

Таким образом, будучи порождением римо-католической традиции, к концу XVI в. уже глубоко отличной по характеру своего богословия от Православной церковной веры и сводившей всю полноту православной церковной жизни лишь к своеобразию восточного богослужебного обряда и этнокультурной специфике западно-русского населения Польши, Брест-Литовская **уния не достигла желаемого результата** и оказалась мертворожденным экклезиологическим (церковным) плодом, обреченным на духовно-историческое отторжение от православной церковной жизни Западной Руси. Ощущение церковно-исторической бесперспективности унии вскоре стало проявляться в действиях даже некоторых инициаторов унии из числа западно-русского епископата, которые, подобно Ипатию Потею, стремились представить ее лишь как переходный этап к дальнейшей латинизации православно-русского населения Польши и превращения новосозданных униатов в «полноценных» римо-католиков.

Уже в процессе подготовки Брестского собора осознавшие невозможность реализации унии в церковной жизни западно-русского народа церковно-каноническими средствами руководители унии вынуждены были возложить основное бремя трудов по ее насаждению в Польше на королевскую власть, тем самым резко изменив в неблагоприятном направлении и без того сложную религиозно-политическую жизнь Речи Посполитой. Как справедливо подчеркивал русский церковный историк XX в. А. В. Карташев, «начался новый мученический период Православной Церкви в Польском государстве, как гонимого меньшинства, с протекционным насаждением унии, с борьбой православного населения, переходившей часто в гражданскую войну, в виде казацких восстаний. А все это повело через полстолетия к отпадению русской Украины к Москве. А в дальнейшем эта близорукая борьба за покорение Руси под унию ускоряла конец и самой Польши и ее детища — унии, исчезнувшей в XIX в. в пределах уже России»[1]. Вскоре уния в Польше стала верою низшею, простонародною, недостойной высшего класса.

Приведу пример из истории нашей страны. Упомянутый выше князь Константин Константинович Острожский (1526–1608) на деле ревностно защищал Православие и во время униатского собора, и после него. Однако два его старших сына стали «полноценными» католиками (не униатами), а

[1] *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. В 2-х т. Минск, Изд-во Белорусского Экзархата, 2007. Т. 1. С. 709.

его младший сын не захотел стать «полноценным» католиком и был отравлен. В 1636 г. старшие сыновья с внучкой Анной Алоизией выкопали кости отца, омыли их и перекрестили с чтением Символа Веры с Filioque.

Этот пример показывает, во-первых, насколько римо-католики упорно держались за это нововведение Filioque (для них это был принципиальный вопрос, никакого богословского диалога здесь не могло быть, догматические уступки предполагались автоматически лишь с православной стороны), а, во-вторых, признание римского папы «наместником Христа на земле» и «епископом над епископами» порождает гордыню у латинян и ненависть к православным: «Католики, признавая главою церкви папу, настоящую Главу церкви — Христа потеряли и остались без Главы, — пишет святой праведный Иоанн Кронштадтский. — Вся история папства свидетельствует, что у католиков нет Главы, потому что они творят неподобные вещи, воинствуют против Православной Церкви не духовно, а по плоти, — ненавистью, злобою, мщением, ругательствами всякими, убийствами из-за угла, поджогами, мятежами, буйством, непокорством, сепаратизмом, несмотря на то, что полякам в России живется вольно, льготно, попустительно, в довольстве всяком, как и прочим нациям. Ненависть католиков к православным — историческая, самая исступленная: ксендзы и епископы католические, да и польские интеллигенты многие готовы живьем проглотить нас»[1].

Я, даже сейчас, в конце XX в., на основании своего личного опыта архиерея, который служил в Западной Белоруссии, могу сказать, что если спросить простую польскую монахиню: «Почему вы называете православных схизматиками и еретиками?», она ответит: «Схизматик, потому что откололся от римского папы, еретик — потому что исказил Символ Веры, выбросив из него Filioque». К сожалению, со времени Иоанна Кронштадтского мало что изменилось: «Католики виноваты, между прочим, в том, что несправедливо считают нас еретиками и схизматиками, — пишет он, — ругают и проклинают нашу святую, праведную, непорочную иерархию, кафолическую церковь, не хотят проследить наше православное учение, по презорству, гордости и отвращению, не хотят ступить даже ногой в нашу церковь, считая это осквернением. Ненависть сатанинская!»[2]. Конечно же, на экуменических встречах с русскими выпускник Дипломатической академии Ватикана такого сейчас прямо не скажет, а вот что у иезуита в мыслях?…

IV

XX век, резко изменивший и обострившийся этно-политическую ситуацию на границе римо-католического и православного миров, вновь активизировал деятельность сторонников восстановления унии между Римом и православными народами Украины и Белоруссии. Уния лживо выставляется как национальная религия украинцев или белорусов в противовес наднациональным Православию и Римо-католицизму. Замалчивается факт заключения унии с другими народами. И в этой очевидной связи между обострением этно-политических противоречий и активизацией усилий по возрож-

[1] Живой колос с духовной нивы протоиерея Иоанна Ильича Сергиева-Кронштадтского. СПб.: Синодальная типография, 1909. С. 37.

[2] Там же. С. 33.

дению Брест-Литовской унии вновь проявила себя природа унициональной деятельности римо-католической иерархии. Ватикан стремится утвердить власть римского первосвященника прежде всего там, где национальные и общественные конфликты вынуждают христиан искать их разрешения даже путем вероучительных компромиссов во имя сулящего им «благоденственное и мирное житие» существования «под римским престолом».

Сейчас успех унии на территории западных областей Украины объясняется следующими основными факторами:

1. Наличием подогреваемого этнического конфликта между «западенцямы и москалямы». Это материя унии, а ее энергия — это энергия ненависти.

2. Наличием «легковоспламеняющегося горючего материала». Это политические диссиденты, ренегаты, маргинальные элементы, которые со времен Иуды Искариота были, есть и будут. Их спектр весьма широкий: от «бескорыстных» шизоидов до продажных или выгнанных из Православной Церкви за дисциплинарные проступки людей.

3. Наличием влиятельных зарубежных кругов, заинтересованных в межнациональных и межрелигиозных конфликтах на территориях России, Украины, Белоруссии. Социальные и политические конфликты приобретут более ожесточенный и длительный характер, если там появится религиозный компонент.

4. Позицией Ватикана, который в своих интересах пытается использовать сложную ситуацию. При этом догматические различия отодвигаются на задний план и замалчиваются, как и 400 лет назад. На первый план выдвигаются соображения прагматического характера.

Из сказанного видно, что в земной истории Церкви Христовой можно обнаружить немало событий, исторический смысл которых может быть постигнут лишь при сопоставлении их духовного содержания с основополагающими для этого содержания богословскими началами. При таком способе постижения конкретных событий церковной истории все духовно подлинное и исторически значимое в этих событиях становится еще более впечатляющим и величественным, и в то же время все духовно призрачное и исторически бесплодное проступает в них с особенной очевидностью. Однако не всякому духовному зрению эта очевидность доступна, поэтому дело человеческого спасения в лоне Святой Православной Церкви требует от нас и сегодня отношения не менее осознанного и разумного, чем в прошлые трагические времена. Сегодня, когда в обществе умножаются разногласия и смуты, когда человека неослабно одолевают искушения и соблазны, поучительно и актуально звучат слова святого апостола Павла: «Смотрите, поступайте осторожно… потому что дни лукавы» (Ефес. 5:15, 16).

Использованная литература:

Алипий (Кастальский-Бороздин), архим., Исайя (Белов), архим. Догматическое богословие. Курс лекций. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995.

Голубинский Е. История Русской Церкви. Период второй, Московский. Том II, от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М.: Университетская типография, 1900.

Иоанн Павел II. Верую в Духа Святого Господа Животворящего. М.: Католический колледж им. св. Фомы Аквинского, 1998.

Иоанн (Снычев), митр. Русский узел. СПб.: Царское дело, 2001.

Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. В 2-х т. Т. 1. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2007.

Лебедев А. П. История разделения церквей в IX, X и XI веках. СПб., 1905.

Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М.: Изд. центр «СЭИ», 1991.

Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 3. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995.

Малиновский Н., прот. Очерк Православного догматического богословия. 2-е. изд. Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1911.

Миссиология: учеб. пособие / под. ред. архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна. Белгород: Изд-во Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), 2009.

Мейендорф И., протопресв. Введение в святоотеческое богословие. Нью-Йорк, 1983. Репр.: Вильнюс, 1992.

Плакид (Дезей), архим. Блаженный Августин и Filioque // Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата. Paris. 1982. № 109–112.

Поль, аббат. Замысел Божий и чудеса Его милосердной любви. Изложение христианского вероучения: пер. с франц. Брюссель: Жизнь с Богом, 1990.

Поль Пупар, кард. Вера Католической церкви: пер. с франц. М.: Центр по изучению религий, 1992.

Романидис Иоанн, прот. Филиокве. Доклад на конференции православно-англиканской богословской комиссии по диалогу 21–28 июля 1975 г. в Сент Олбанс (Англия) // Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата. Paris. 1975. № 89–90.

Сильвестр (Малеванский), архим. Опыт Православного догматического богословия. В 5 т. Т. 2. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008.

Фельми Карл Христиан. Введение в современное православное богословие: пер. с нем. М.: Просветитель, 1999.

Владимир КРУПИН

БРАТЬЯ СТАРОВЕРЫ

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был гл. редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской Духовной академии. Гл. редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

В конце 60-х годов прошлого века, когда в СССР сталинское отношение к религии начинало сменяться хрущевскими гонениями, я, совсем мальчишкой, работал после школы в районной газете. И редактор послал меня сделать материал с заседания бюро райкома КПСС. А там обсуждался вопрос об исключении из членов партии бригадира одного из колхозов. Свою веру в Бога он не отрицал, не каялся и, когда члены бюро проголосовали за его исключение, положил партбилет и молча вышел. Рядом со мной сидел знакомый председатель колхоза. Он попросил меня догнать этого человека и сказать, чтобы тот подождал его. Спустя месяц я узнал, что исключенный работает у этого председателя завхозом. Мне председатель сказал:

— Меня потащили на ковер: зачем взял на работу? Немедленно уволь. Я отвечал: можете и меня исключить, а такого завхоза я вам не отдам. Почему? Он же старовер, а они копейки чужой не возьмут. Пойди, найди честного завхоза.

И еще воспоминание. Тоже из юности. В районе было много староверов, но вот ночевать у себя в деревне они не оставляли. Раз даже, помню, в деревне Кержаки попросил напиться, хозяйка вынесла воду в черепушке, я напился, вернул ее, а хозяйка черепушку выбросила. По-моему, даже демонстративно. Видимо, она почувствовала запах табака — я, по дурости, тогда курил.

Название Кержаки, конечно, от реки Керженец, куда уходили первые волны гонимых сторонников протопопа Аввакума. Их называли раскольниками. Это более чем несправедливо. Какие же они раскольники? Что они раскалывали? Они хранили ту веру, которую получили от отцов и дедов. Кто взял на себя труд убедить их в том, что какие-то

исправления в обрядности, в текстах Священных книг, чтобы не уклониться от чистоты полученной из Византии веры, необходимы? Что еще задолго до Патриарха Никона преподобный Максим Грек, ученейший монах Святой Горы Афон, приглашенный в Москву для переводов с греческого на русский, говорил о некоторых неточностях русских текстов, уже вошедших в церковную жизнь. За что, кстати, много перестрадал. И тут же, раз уже упомянул Афон, скажу, что афонцы одобряли затеянное Патриархом Никоном созидание под Москвой Нового Иерусалима.

А раскол у нас был, это раскол, названный по имени архиепископа-обновленца Григория (Яцковского) григорианским. Это конец 1925-го года. Григорианцы исполняли директиву ОГПУ «ускорить проведение наметившегося раскола среди тихоновцев». В апреле следующего года Антицерковная комиссия ЦК ВКП(б) постановила: «Проводимую ОГПУ линию по разложению тихоновской части церковников признать правильной и целесообразной». И по всей стране шли аресты, расстрелы и ссылки именно православного священства. На сторону обновленцев переходили многие. Вот это был раскол так раскол, угрожавший по сути существованию Православной Церкви в России. И подчинению остатков ее Ватикану, который жадно ждал результатов раскола. Но не вышло ничего ни у большевиков, ни у Ватикана. И последствия раскола вскоре стали неощутимы, чему во многом содействовал приход Патриарха Сергия на Патриарший престол и чистосердечное раскаяние многих раскольников-обновленцев. А Послание Сергия помогло прекратить действие всяких легатов и нунциев Ватикана в СССР. И в наше время, на волне общей болтологии, всплыли раскольники нового времени, неообновленцы (Г. Якунин, Кочетков, Чистяков…) и тоже провалились в бесславье.

Уже и Русская Православная Зарубежная Церковь едина с Русской Православной Церковью. Вроде и катакомбники вышли из катакомб, уже на поверхности. Но вот все никак не можем мы братски обняться с братьями по вере, старообрядцами.

Почему? Очень сильна у них обида и на царское, и на советское государство, на священноначалие, на большевиков, на коммунистов.

Но и в самом деле: гонения, тюрьмы, ссылки, казни, сжигание заживо… все прошли приверженцы старой веры. Православных они называют нововерами, никонианами, и готовы вновь страдать и умирать за двоеперстие, за «посолонь», за бороды. Крепость их веры сродни фанатизму, они уверены, что спасение можно получить, только пребывая в вере Аввакумовой. Именно он, по преданию, возвысил двоеперстие из горящего сруба и возгласил: «Будете таким крестом молиться, не погибнете во веки». Спросим, а нам, что, погибать со своим троеперстием? И, значит, напрасны все жертвы, реки крови, пролитые православными за Христа во все времена богоборчества? И разве не уязвляет наше сердце Аввакумово название православного креста польским крыжем?

На вопрос: «Како веруеши?» мы отвечаем чтением Символа веры, старообрядцы вздымают двоеперстие. Но и то, и это — исповедание Святой Троицы.

Да, велик Аввакум в своем неистовом желании сохранить старую веру. Велики старообрядцы, пронесшие через века святость семьи, трудолюбие, здоровый образ жизни. Может быть, этому помогло их воинственное от-

межевание от мира? Но они были, так или иначе, в государстве. И когда наступали войны, когда государству были нужны солдаты, как было не считать укрывавшихся в лесах людей призывного возраста дезертирами? И как думать о священниках, вынуждавших своих пасомых идти в подкопы, в коллективное самосожжение?

О, Россия, Русь-матушка, как часто ты относилась к своим хуже, чем к чужим. В Царскосельский лицей, в котором учился Пушкин, не принимали старообрядцев. А для трех лицеистов, мальчиков-лютеран специально выстроили кирху. Да и доселе всё так же, забросили мы 25 миллионов соотечественников в зарубежье, а города наши, рынки, магазины полнятся кавказцами и азиатами. Жилье скупается зарубежным жульем.

Если когда возвращаются старообрядцы из Южной Америки в Россию, им не создают условий для жизни. А уж кто, как не старообрядцы, могут работать и производить безобманные продукты и товары.

Московский центр старообрядчества начинался с «Богоделенного» дома на Рогожском кладбище, которое было определено для захоронения умерших во время чумы в 1771 году. И очень быстро там появилась и деревянная часовня, замененная через пять лет каменной (1781), затем церковью, к концу XVIII века было двадцать тысяч прихожан, а к 1825 году, во времена Александра I, до семидесяти тысяч. Здесь при нашествии французов укрывалось церковное имущество. Уже развернулась благотворная для Москвы деятельность: сиротский дом, приюты для умалишенных, училище для подкидышей (вот что очень бы хотелось возродить, это бы резко уменьшило число абортов), были уже на Рогожке библиотеки, архив, богатый редкими изданиями… Но, силен бес, далее вновь начались притеснения, гонения. В 50-е годы многие старообрядцы переходили в единоверие, но причина была… экономическая. Переход в единоверие позволял записываться в купеческое сословие. А уж купцы староверы были первейшие. В начале XX века Император Николай II даровал старообрядцам гражданские и религиозные свободы. Снято было с них клеймо раскольников. И какой тогда был животворный всплеск в строительстве храмов, больниц, школ, приютов, домов трудолюбия. На деньги старообрядцев.

Но застарелые обиды на власти не заживали, и в революцию некоторые старообрядцы финансово помогали большевикам. В благодарность за это большевики разрешили открыть на Рогожке Старообрядческую академию, в ней, кстати, преподавал Бердяев. Но вскоре большевистские гонения коснулись и старообрядцев.

Но уж теперь-то, теперь-то, во времена усиления сатанинской злобы на Россию, уж время ли помнить обиды? И думать, какое выражение лучше: «сущим во гробех» или «гробным»? И, выходя из храма, куда поворачивать, вправо или влево? За солнцем мы идем или навстречу ему, в любом случае мы идем за Христом. Это главное, в этом мы едины сердцами и душами.

Не горько ли мне, выросшему в вятских лесах, войти в старообрядческий храм и встретить, мягко говоря, неприятие моего вхождения. Я вхожу в храм, крещусь, я прикладываюсь к Распятию, и тут на меня налетает служительница: «Это вы в своей церкви порядки устанавливайте, никониане вы, сергианцы, кагэбисты…», — далее по тексту. Подаю записку об упокоении. «Это вы кого тут понаписали?» — «Друзей, Александра,

Василия, они из старообрядческих семей, брата дедушки Галактиона, тоже старовер», — «А эти еще кто?» — «Тоже православные». — «Тоже? Этих вы у себя поминайте».

Да, и поминаем. И не диво в православных храмах поминание староверов.

И не может ни один старовер припомнить, что ему указали на дверь в православном храме. Да, надо нам каяться в причиненных страданиях братьям по языку и вере. Не мы лично преследовали их, но наши предки. И не мы расстреливали Царскую Семью, но ведь каемся.

Забыть все обиды и жить дальше. Не царапать души памятью о невеселых временах. Не в прошлое живем, в будущее. А оно у нас общее. И то, что нам даже поневоле придется быть едиными, показывает, что у нас одни враги — нехристи. А они наглеют, они хамеют, и наши разногласия их очень тешат.

ВЫШЛА КНИГА

Алексей Фатьянов
Я вернулся к друзьям. М.: Композитор, в 2-х т., 2010.

Автор концепции — А. Н. Фатьянова-Китина.
Редактор-составитель — М. Ф. Буланова.
Музыкальный редактор — И. В. Николаева.

Двухтомный нотный сборник «Я вернулся к друзьям» — уникальное издание, где впервые наиболее полно представлены музыкальные произведения на стихи поэта Алексея Фатьянова.

В книге удалось собрать богатейшую коллекцию песен, сочинений других жанров, некоторые из которых ранее не публиковались. Раскрывая музыкально-поэтический мир автора, они становятся драгоценными свидетельствами эпохи, истории страны, человеческих судеб.

В сборник включены произведения, написанные Алексеем Ивановичем в соавторстве с замечательными композиторами — современниками поэта. Содержание каждого тома выстроено в хронологическом порядке по датам написания стихотворений. На первом месте стоят названия, данные при создании произведений, на втором — названия, под которыми они стали популярными. Разносторонний талант Фатьянова раскрывают его музыка и рисунки.

Многие из произведений рано ушедшего поэта стали народными при его жизни, отодвинув в тень имя их создателя. Вместе с этой книгой Алексей Фатьянов вернулся к тем, кто его помнит, любит и поет. Вернулся, чтобы приобрести новых друзей.

Издание осуществлено Культурным центром имени А. И. Фатьянова под патронатом Администрации Владимирской области.

Наталья ЛЯСКОВСКАЯ (Сегень)

МАТРОНА МОСКОВСКАЯ

Наталья Викторовна Лясковская (Сегень) — родилась на Украине. Окончила Литинститут им. Горького. Писатель, переводчик, журналист. Председатель жюри городского фестиваля детского и юношеского творчества «Таланты Московии». Автор ряда статей, вызвавших широкий резонанс в печатных и интернет-изданиях. Автор книги о святой Матроне Московской. Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

ПРОБЛЕМЫ АГИОГРАФИИ СОВРЕМЕННЫХ СВЯТЫХ*

вместо предисловия

У апостола Павла сказано, что в христианском подвиге «несть мужеский пол, ни женский», то есть за святость жизни должно равно почитать как мужчин, так и женщин. Однако оценка роли женщины не только в общемировом пространстве, но и в рамках православного христианства лишь в последние полтора столетия претерпела значительные, глубинные изменения. Тенденция зародилась давно, а в середине XIX века, выпестовавшего ростки самых разных разрушительных явлений для Российского государства — революций, смут и войн, в результате которых погибли или пострадали физически и морально множество русских мужчин, сформировалась окончательно. Богоборческая власть, планомерно уничтожавшая не только представителей духовенства, но и мирян, еще более радикально изменила на много лет вперед процентное соотношение мужчин и женщин, носителей и хранителей Православной веры. В годы гонений силами НКВД и других карательных органов было истреблено 78,8 % священнослужителей. По данным правительственной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий только за 1937–1938 годы было арестовано около 165 тыс. православных священнослужителей и около 107 тыс. из них расстреляно. С ними зачастую погибали их жены и дети. И все-таки женщинам чаще удавалось уцелеть, выжить. Женщи-

* Из доклада на XVI Всемирном Народном Русском Соборе на секции «Женская святость и подвижничество на Руси: прошлое и настоящее».

ны-христианки самого разного положения в обществе и социальной принадлежности, рискуя жизнью, хранили священные иконы и бесценные служебные книги, принимали в свои дома, кормили, оберегали, прятали преследуемых властями священников, монахов и монахинь, ради Христа странников и юродивых, участвовали в тайных богослужениях, записывали и передавали слова духовных отцов и наставников. Эти женщины сумели сберечь и передать потомкам православные традиции и свет учения Христова. Из их среды выкристаллизовалось такое уникальное явление как **женское старчество**.

Из женщин-стариц, близких нам хронологически, сегодня наиболее известны блаженная Елена (в миру Елена Богдановна Кушаньева), Христа ради юродивая, упокоенная на Пюхтицком монастырском кладбище; старица Екатерина (Малкова-Панина), преемница Елены Пюхтицкой; Пелагея Дивеевская; Ксения Петербургская; блаженная Мария (Мыльникова), прозванная Матренушкой-босоножкой; матушка Мария Гатчинская (Лидия Александровна Лелянова), которой священномученик митрополит Вениамин Петроградский написал на подаренной фотографии: «Глубокочтимой страдалице матушке Марии, утешившей, среди многих скорбящих, и меня грешного»; Любовь Рязанская (Любовь Семеновна Суханова); схимонахиня «бабушка» Мария (Мария Павловна Маковкина), врач по профессии, верная помощница митрополита Ленинградского Алексия (Симанского), будущего Патриарха; и, конечно же, известная ныне всему православному миру Матрона (Никонова) Московская и Тульская.

Прославление и канонизация не только стариц, но и других новых святых в конце XX начале XXI века (Патриархи Иов и Тихон Московские, святой праведный Иоанн Кронштадтский, блаженная старица Матрона Московская, блаженная Ксения Петербургская; священномученики Владимир Киевский, Вениамин Петроградский и многие другие) вызвало насущную необходимость изменения подхода к написанию житий. Если, к примеру, жития святых XVII века представляли собой логическое завершение древнерусской агиографии и органично трансформировались в новый жанр, биографически-повествовательный, наполненный бытовыми, субкультурными и географическими реалиями («Повесть об Ульянии Осорьиной», «Повесть о Марфе и Марии»), то в наши дни агиографический жанр переживает кризис. Причины этого кризиса в том, что многолетняя пропаганда атеизма, культивируемая советскими правителями, воспитала несколько поколений людей, пораженных безверием, легко увлекающихся самыми разными сектантскими ересями, живущих во мраке суеверий, нисходящих к дохристианскому язычеству. В итоге духовных поисков многие из этих людей приходили к Православию, находя средоточие его в отдельных ярчайших его представителях.

Одной из них была святая Матрона Московская и Тульская. Прибегая к благой молитвенной помощи этой предстоятельницы за всех нас пред Христом, страждущие получали духовное окормление, утешение и исцеление от недугов. К сожалению, эти же люди, зачастую не имевшие даже начального православного образования, «добросовестно заблуждаясь», как выражаются юристы, в дальнейшем существенно исказили подлинный облик святой и создали большие затруднения для тех, кто ныне желает обретения правдивого ее жития. Испытывая благодарность к блаженной старице,

люди рассказывали о ней всем вокруг. Постепенно их рассказы лишались аутентичности, обрастали невероятными, порой дикими, подробностями, превращаясь в «лыгенду», как выражаются на родине Матроны, в Тульской области. Невероятные действия, слова и поступки приписывались ее почитателями Матроне, безусловно, из самых лучших побуждений, с целью показать силу ее молитвенного влияния. Однако сути дела это не изменило: первая книга о Матроне Никоновой, составленная близко знавшей старицу З. В. Ждановой, вышедшая в 1993 году в издательстве женского Ново-Голутвина монастыря — «Сказание о житии блаженной старицы Матроны» — явно не была в достаточной мере подвергнута цензуре богословского разума, что дало основание священнику А. Шантаеву, автору книги о святых блаженных-калеках в современной житийной литературе, назвать «Сказание…» «агиографическим китчем».

К сожалению, житие святой блаженной старицы Матроны Московской, изданное Московской Патриархией и Покровским ставропигиальным женским монастырем, представляет собой не оригинальный, выработанный на основе серьезных исследований текст, а сглаженный, купированный вариант все той же книги Ждановой.

На примере жития Матроны Московской можно легко доказать: на данный момент остро назрела проблема создания обновленного житийного канона. Московская епархиальная комиссия и комиссия по канонизации, учтя ряд современных социокультурных и исторических факторов, для составления житий новых святых избрали, по их мнению, наиболее адекватный нашему времени *проложный* тип житийного жанра, следуя которому агиограф излагает только подлинные события жизни святого. Проложный тип жития подается, как правило, в *информационной форме,* которая, по мнению специалистов, лучше усваивается современным человеком, чем церковно-славянская риторика, стилизация «под Дмитрия Ростовского» или «рассказ бабушки-богомолки» — напевно-былинный нарратив, зачастую чрезмерно восхвалительный, культивируемый некоторыми авторами книг как о Матроне Московской, так и о других святых, особенно о святых-женщинах.

Написать книгу о блаженной Матроне — не такую, как те, о которых было сказано выше, — я была готова уже давно. Проложные варианты ее жития меня не устраивали своей сухостью, бесстрастностью, которые абсолютно не соответствовали типу личности этой святой. К тому же проложный стиль изложения предполагает авторскую обезличенность: агиограф собирает факты и последовательно располагает их, отдавая предпочтение документально-историческому началу над художественным. И это в большинстве случаев правильный подход для создания канонических житий: личное мнение автора и привлекаемых им к полемике оппонетов и пропонентов здесь неуместно. Мне же хотелось внести в текст свои размышления, свое понимание трансцендентной миссии этой святой в имманентном мире. Но гораздо более категорическое неприятие вызывали у меня брошюрки, исполненные в стиле «бабьего» сюсюканья, перенасыщенные уменьшительно-ласкательными суффиксами. Я хотела написать книгу, основанную на конкретной информации, подтвержденной архивными розысками и документальными материалами, но при этом эмоционально сильную и искреннюю. Я взялась за работу — в первое время с одной целью: понять и, если

смогу, объяснить другим, почему именно к Матроне сегодня идут люди, именно к ней обращаются за помощью (Покровский монастырь посещает от 5 до 15 тыс. человек в день)?

С помощью многих других людей мне удалось собрать ранее неизвестную, эксклюзивную биографическую информацию, имеющую отношение к Матроне Московской, из которой сложилась яркая картина ее *жизни.*

Относительно же *жития* Матроны пока что можно сделать единственный правомерный вывод: *у агиографической литературы долгая и сложная история*. Пока будут возникать новые факты, поступать новые сведения и открываться ранее неизвестные документы, существующее житие святой блаженной старицы Матроны Московской, даже выпущенное издательством Московской Патриархии, нельзя считать окончательно сложившимся.

МАТРОНА МОСКОВСКАЯ

«Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде, нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя»
Иеремия 1, 5

Тульская родина

«Будьте святы, потому что Я свят»
1 Пет. 1:16

Женщина томилась, тяжело ворочалась во сне. Изможденное лицо исказилось, покрылось нездоровым потом.

«Какая худая, бедная моя! Матушка. Моя мама. Как мне тебя жалко, терпеливица…»

Незримая, птица реяла над спящей, звенели еле слышимые колокольцы, воздух трепетал серебристыми искрами, насыщая атмосферу животворным кислородом, облегчая дыхание беременной.

«Матушка, опомнись, родненькая, не отдавай меня. Я тебе пригожусь. От меня тебе благо будет… И Господь за доброту отблагодарит!»

Женщина напряглась, душа ее находилась в безмерном удивлении: в сон, полный темных ошметков мути и неясных тревожных образов, которые так часто мучают беременных накануне родов, влетела сияющая птица, села ей на правую руку и сказала:

— Не отдавай меня, матушка!

Птица, ласково заглядывая в лицо спящей, приклонила головку ей на грудь, и будущая мать явственно ощутила ни с чем несравнимый, единственный на свете, упоительный запах новорожденного малыша, наполняющий всю ее наиболее полным и глубоким из всех существующих в мире счастий. Глаза птицы поражали: они сияли нездешним светом.

«Не бойся, дитятко, не отдам!» — встрепенулась женщина, чтобы обнять, удержать…

«А это тебе, за то, что хотела избавиться от меня», — печально произнесла птица — и два голубых алмаза скатились на грудь женщины. Та застонала, глянула на птицу — глазницы у той теперь были плотно закры-

ты веками. Женщина проснулась. Под ногами неприятно холодила грубая ряднина: отошли воды. Младенец оторвался от материнского места, разъял плаценту и тронулся в свою первую дорогу: по родовым путям — к свету Божьему.

Рожала Наталья в этот раз легко, без мучений. Незримая птица витала над нею, отгоняла боль, обмахивая крылами, искрящимися, как хрустальный флакон с фиалковым спиртом «от обморока», который Наталья видела в руках у барынь — Олсуфьевой и Голицыной: те время от времени приносили ей детскую одежду с подросших барчат, еду. Новорожденная кроха была тельцем ладненькая, волоски на темени отливали мелкими золотинками. Но увидев ее лицо, Наталья закричала — девочка родилась слепой, глазные впадины плотно закрывали сомкнутые веки…

Так появилась на свет великая русская святая, к помощи которой прибегают сегодня миллионы православных верующих — блаженная старица Матрона Московская и Тульская (Матрона Дмитриевна Никонова).

Это произошло в Хованской волости, Епифанского уезда (ныне Кимовского района) Тульской губернии, в селе, которое называлось Себино (до революции в местном варианте чаще писали Себено). До 1816 года Себино именовалось селом Новосильцевым и находилось, согласно документам Государственного архивного управления Тульской области (ф. 4. оп. 3 д. 14, «Реестр усадебных наделов и десятин невыкупленных», 1890–1910 гг.), в родовом владении помещика Александра Владимировича Новосильцева[1]. Хозяин несколько раз имение заложил, а выкупить не смог. Поэтому крестьянская община организовала Новосильское товарищество и взяла в аренду «долгосрочно за деньги» здешние земли у сына прогоревшего помещика, Юрия Александровича Новосильцева (см. «Вспомогательную таблицу для пообщиннаго подсчета подворных карточек», год последнего передела 1890). Происхождение нового названия села определить сложно. Можно было бы допустить, что оно образовалось от фамилии главного арендатора, возглавившего крестьянское товарищество, если таковой был. Русская фамилия Себин уходит корнями в профессиональный термин «себье» или «себьи» — по В. И. Далю, так в древности назывались деревянные крюки для укрепы сетей на дне моря. Следовательно, предок предполагаемого «арендатора Себина» мог происходить из старинных русских рыбарей. Однако фамилия Себин в документах мне не встретилась ни разу. После Новосильцевых владелицей села стала помещица Евгения Васильевна Янькова. Скорее всего историческое название «Себино» имело место еще до того, как село попало к Новосильцевым, и после утраты ими владения было возвращено обратно.

Впервые в Себино мне довелось побывать поздней весной. Тула — не север, но в марте зима здесь еще хозяйничала вовсю, казалось — весна не наступит никогда. Особенно в шесть утра — выехали затемно.

Тульская область на карте похожа на сердце, как его изображают в анатомических атласах. Кимовский район — самый краешек, на юго-восток от Тулы. Он образован в 1927 году с центром в Кимовске, бывшем поселке

[1] Хотя в воспоминаниях Анны Филипповны Выборновой, дочери Ксении Выборновой, которая была старостой в себинской церкви при жизни Матроны, встречается пометка: «Село Себено раньше называлось Старо-Медвежево», никаких документальных подтверждений этому найти не удалось.

Михайловка, вблизи железнодорожной станции Епифань. В результате усиленного шахтного строительства и ввода в эксплуатацию угольных шахт на Гранковском и Зубовском месторождениях Михайловка быстро разрослась и в 1952 году была преобразована в город Кимовск (от КИМ — Коммунистический Интернационал Молодежи, на шахтах тогда работала, в основном, «идеологически активная» молодежь). И хотя авторы современного герба Кимовска утверждают, что черный треугольник в его основании означает «мудрость, скромность, честность и вечность бытия», на самом деле ни на что, кроме угольного террикона, он не похож…

Дороги, ведущие из Тулы к этим местам, не ремонтировались, похоже, с тех пор, как по ним проходили ноги маленькой слепой девочки, идущей за Крестным ходом за иконой Божьей Матери «Взыскание погибших». Даже добротный немецкий «народный вагон», ведомый водителем-ассом Михаилом, — их обоих вкупе предоставил мне на время пребывания в здешних краях сотрудник издательского отдела Тульской епархии Алексей Ильич Мерзликин, — с трудом выруливал из колдобин и рытвин зимнего пути. Вблизи Тулы еще терпимо: шоссе ровней, встречаются обжитые поселки, движется транспорт. С МКАД поворот на М4, после моста через Оку, примерно через 10 км поворот на Волгоград, потом по главной еще около 100 км. После реки Осетр мы промахнули под мостом — и сразу направо, на Серебряные Пруды, поднялись вверх и влево, оттуда на Кимовск, и далее — на Епифань. Вокруг — безлюдные голые белые поля, не зря эти места некогда назывались Диким Полем. В полях лишь редкие черные деревья да пирамиды терриконов — горнодобывающая промышленность долгое время определяла судьбу региона. Особо бурный расцвет пришелся на 40–60-е годы прошлого века: сначала по лозунгу «Все для фронта, все для победы!», затем «Пятилетку в три года!» Однако уже в 1970–1980-е наметился спад, завершившийся спустя десятилетие, в страшное для России время горбачевско-ельцинской перестройки, полным развалом отрасли. И хотя парадные издания, посвященные Тульской области, трубят: «Сегодня единственный в европейской части России Подмосковный угольный край — на пороге возрождения!», планы остаются только планами, слова — словами. Многие поселки и деревни заброшены, люди уезжают — нет работы. К тому же, хотя некоторые предприятия закрылись, экологическая ситуация в области на грани катастрофы: по выбросам вредных веществ в атмосферу в расчете на 1 кв. км территории Тульская область превосходит Московскую в 1,7 раза, а Калужскую и Орловскую — более чем в 10 раз! В 2000 году на одного жителя области приходилось около 182 кг вредных веществ, выброшенных в атмосферу, среди них — формальдегид, фенол, серная кислота, сероводород, толуол, аммиак, метанол, оксид и диоксид азота, пятиокись ванадия и т. п. Загрязнение промышленными и бытовыми отходами рек достигло такой степени, что об их самовосстановлении уже не может быть и речи. Во многих предельно допустимые концентрации (ПДК) для меди и никеля превышены в 10–50 раз, для лития — в 5–10 раз, для таллия и ртути — в 2 раза. Тает местное население не только за счет уезжающих: за период с 1995 по 2000 год сокращение составило более 65 тысяч человек (3,6 %) — низок рост рождаемости, высока общая смертность. Причины? На первом месте инфаркты, инсульты, гипертония (больнó «тульское сердце», тяжело больнó!), заболевания органов дыхания; за ними — рак и классы болезней,

которые в значительной мере зависят от характера питания и состояния среды обитания. Из инфекционных заболеваний ведущей причиной смерти (свыше 90 %) является туберкулез. В 1986-м беды добавил взрыв на Чернобыльской АЭС, когда более 50 % территории Тульской области оказались в зоне радиоактивного загрязнения, из-за этого сегодня все больше распространяются эколого-зависимые болезни — верхних дыхательных путей, желудочно-кишечного тракта, эндокринной системы, нарушения иммунитета, психологические расстройства, болезни системы кровообращения, злокачественные новообразования. По мнению специалистов, последствия Чернобыля растянутся еще как минимум на 70 лет, ведя к росту лейкозов, онкологических заболеваний, увеличению бесплодия людей репродуктивного возраста. Так что винить тех, кто покидает родные места, трудно…

Особенно пустынно в здешних местах зимой. Если раз в час и попадется встречная машина, водители пристально вглядываются в лобовое стекло, в салон: кто внутри, мирные путешественники или бандиты? Ведь кругом на десятки километров ни души: встретишь татей, остановят, выведут в чисто поле, порешат, машину угонят — и ищи-свищи. Бесчинствует мороз, мечется крутая снежная заметель, через пятнадцать-двадцать минут и следов никаких не останется. От Епифани мы двинулись в сторону Куликова поля, после Покровки вдруг возник и растаял у дороги силуэт самолета. Он здесь не просто так: 24 августа 2004 года террористы взорвали над Тулой Ту-134, летевший в Волгоград с 9 членами экипажа и 35 пассажирами. Горящий лайнер упал на территории Кимовского района. Тем же утром на место катастрофы, чуть заслышав о происшедшем, прибыл отец Игорь Горошко из Свято-Успенского храма в Себино и отслужил молебен по погибшим. От самолета машина берет вправо, следующий поворот налево — на Суханово, Журишки. И вот — после долгого напряженного пути, почти сразу за указателем, как заслуженная награда, чудным видением встает перед глазами поворот на Себино, ознаменованный алебастровой белизны часовней, сияющей даже на фоне валящего снега, с большой иконой блаженной Матроны, приветливо благословляющей паломников подъятыми ладонями! Часовня и икона — дело рук мастера-самоучки из Кимовска Андрея Савина, результат его почти пятилетней работы. Дорога минут через двадцать приводит прямо к белому храму — небольшому, но заботливо ухоженному, с небесно-синими куполами.

Себино в наши дни всего-то пять-шесть домишек, несколько жителей, летом больше: дачники приезжают. Жизнь окрестностей здесь питает Свято-Успенский храм, тот самый, в котором крестили новорожденную Матронушку, и где она в малолетстве проводила многие часы. Его нынешний настоятель, протоиерей Игорь Евгеньевич Горошко, неустанно трудится для прославления памяти святой Матроны. Много усилий прилагает настоятель Свято-Успенского храма и в решении проблем, касающихся жизнедеятельности прихода в самых разных областях. В 2011 году Кимовский район посетил губернатор Тульской области В. С. Груздев. Побывал в Епифани, в спортивно-оздоровительном центре «Богатырь», построенном в рамках исполнения поручений Президента и Правительства Российской Федерации по развитию территорий, наиболее пострадавших от природных пожаров летом 2010 года. Завернул губернатор и в Себино, жители которого в который раз задали представителю власти «ряд вопросов», в том числе по водо-

снабжению и газификации своего населенного пункта. Отец Игорь рассказал губернатору о заносах, которые возникают зимой на дороге к церкви. Положение могла бы исправить лесополоса вдоль магистрали, считал он. Инициативу батюшки поддержали в политсовете местного отделения партии «Единая Россия» и организовали акцию, участие в которой приняли учащиеся профессионального лицея № 19, воспитанники подростково-молодежного клуба «Мечта», члены молодежного совета при главе администрации муниципального образования «Кимовский район» и работники муниципальных учреждений. Вдоль дороги, ведущей к себинскому Свято-Успенскому храму от шоссе, теперь высажены девяносто саженцев березок…

По поступкам и характеру отец Игорь — достойный продолжатель дела своих предшественников. Все настоятели Свято-Успенского храма, сменявшие друг друга на протяжении многих лет, были людьми незаурядными.

Начальным в этом ряду следует назвать прослужившего в Себино до 1905 года протоиерея Василия Ивановича Троицкого. На протяжении своего более чем сорокалетнего служения он крестил, венчал, соборовал и отпел огромное количество прихожан; сотни страниц архивных документов Государственного архива Тульской области исписаны его затейливым каллиграфическим почерком. Сын дьячка, Троицкий родился 25 января 1836 года в городе Кашире, окончил Тульскую семинарию с аттестатом второго разряда, поставлен «во священники на настоящее место» в 1862 году преосвященным Никандром, архиепископом Тульским и Белевским. Три года Василий Иванович подвизался «уполномоченным по Военному училищу»[1], а также преподавал Закон Божий ученикам Сельского училища, за успехи на этом поприще получил в награду из рук Владыки набедренник[2] и приход в Себино[3], который в то время насчитывал две тысячи триста сорок душ и включал в себя деревни Журишки, Колесовку, Крюково, Татинку, Устье и Щепино.

Супруга Василия Ивановича, Александра Афанасьевна, была на пять лет моложе супруга. Хоть жилось семье священника Троицкого нелегко,

---

[1] Уроженка села Суханова, что в трех километрах от Себино, 43-летняя Татьяна, рассказывает, что однажды в «Матронин день» в Свято-Успенский храм пришел праправнук отца Василия Ивановича Троицкого, живущий в Богородицке Тульской области. Он привез фото помещицы Яньковой, датированное 1902-м годом, и фотографию отца Василия, и рассказал, что тот якобы принимал участие в войне за свободу Болгарии. С одной стороны, Балканские войны имели место в 1912 и 1913 годах, отцу Василию тогда было 76–77 лет. Вряд ли он мог принимать участие в боевых действиях, как рассказывал его потомок: вызывать огонь на себя, выводить солдат из окружения и т. п. С другой стороны, известно немало случаев, когда священнослужители довольно преклонного возраста находились на передовых позициях, чувствовали себя при этом с Божьей помощью весьма бодро, исповедовали и причащали солдат и офицеров перед боем, соборовали раненых и отпевали погибших. К сожалению, мои попытки разыскать в Богородицке праправнука отца Василия Троицкого не дали результатов.

[2] Набедренник — важная принадлежность богослужебного облачения священника РПЦ, матерчатый продолговатый прямоугольник (плат), в центре которого изображен крест. Обычные священнослужители носят его на длинной ленте у бедра справа, а протоиереи и архимандриты — при палице слева. Так же, как и архиерейская палица, символизирует «меч духовный, который есть Слово Божие» (Еф. 6:17). Набедренник появился в Русской Православной Церкви в XVI веке. Он дается священнику (иерею и иеромонаху) за ревностное служение Церкви в качестве первой награды (обычно через 3 года после рукоположения). Награждение находится в компетенции епархиального архиерея и происходит на Божественной литургии во время Малого входа.

[3] Ф. 3, оп. 17 д. 427 л. 177 об. – 178.

она родила ему пятерых детей: в 1863 году — дочерей Анну и Евгению, в 1866-м — примерного сына Ивана, как и отец, закончившего в свое время Тульскую семинарию и ставшего священником, в 1868-м — шалуна Василия, исключенного из 3-го класса Белевского духовного училища и отданного в более соответствующую его наклонностям Тульскую Оружейную школу, и в 1872 году — кроткую дочь Елизавету.

Кроме отца Василия причт составляли: еще один выходец из дьячковской семьи — пожилой дьякон-вдовец Иван Иванович Полуэктов 1808 года рождения, в свое время исключенный из философского класса Тульской семинарии, дьячок Сергей Семенович Астров, 1840 года рождения, також дьячковский сын; пономарь, Николай Степанович Каменский (1924 г. р.), опять же дьячковский сын (так вот сложилось). Он тоже был вдов, как и дьякон. Церковным старостой в то время был житель села Себино Павел Иванович Прохоров. Сослуживцы прекрасно ладили между собой, что редко встречается в любом коллективе. В этом была большая заслуга отца Василия, которого все любили за незлобивость, отзывчивость, терпение, ум. За то, что никого без доброго научения не оставит, на требы в любое время дня и ночи даже в самую глухую деревушку за малую мзду на старенькой лошадке да скрипучей телеге, а то и пешком, безропотно влачится и служит не лишь бы как, а по полному чину. О том, что протоиерей Василий Троицкий был человеком высоких духовных качеств, свидетельствует провидческое заявление, сделанное им после свершения таинства Святого Крещения над новорожденной Матроной Никоновой. Именно он первым прозрел ее Божественное Предназначение. Дело, по преданию, было так.

Крестили Матронушку в ноябре, 22 числа. На улице холодно, но идти недалеко — по преданию, дом Никоновых стоял почти рядом с церковью Успения Божией Матери. Сегодня Себино настолько мало, что почти все дома в нем можно считать близко расположенными к храму. А в 80-е годы XIX века, как значится в клировых ведомостях (лист «О прихожанах означенной церкви») «в селе Себине помещицы Евгении Васильевны Яньковой» только дворов крестьян-собственников насчитывалось 64. Село было большое, какие-то избы стояли подальше, какие-то поближе к его центру — Свято-Успенскому храму. И подлинный дом Никоновых, должно быть, действительно находился недалеко от него. «Деревня Себено построена буквой «П», Матрона жила в доме, где у «П» перекладина», — пишет в своих воспоминаниях Антонина Борисовна Малахова, жительница деревни Подмоклое, часто бывавшая у Никоновых.

Интернет и книги о Матроне широко предлагают фотографию избушки, выдающейся за ту, в которой она родилась и проживала в детстве. Однако в Свято-Успенском храме я познакомилась с добрым и интересным человеком, Раисой Федоровной — «звездой кино и телевидения», как она с милой иронией сама себя называет. «Звездой» она стала против своей воли: когда в Себино повадились одна за другой ездить съемочные группы, настоятель храма, отец Игорь Горошко, благословил ее и другую свою верную помощницу, Анну Никулину, рассказывать о Матушке. «Не хотелось и было страшно», но пришлось: надо же кому-то это делать. Ни одного документального фильма со своим участием Раиса Федоровна не видела — «Бог с ними!», к тому ж и телевизора у нее нет. Зато она поведала некоторые ценные факты из жизни Матронушки. И добавила:

— Наверное, мы могли бы больше привлекать сюда паломников тем, что они могут увидеть родной дом Матушки Матроны. Но не можем же мы лгать.

Раиса Федоровна твердо заявила, что дом Никоновых не сохранился. Во время Великой Отечественной войны Себино выгорело почти полностью, зданий дореволюционной постройки практически не осталось. Родительский дом Матроны тогда тоже сильно пострадал, но разрушился он, очевидно, уже после войны: Наталья Никитична Никонова, мать Матроны, умерла только в 1945 году. Где-то же она обитала после ухода немцев из села в 1941-м? Ни в каких документальных источниках не встречается упоминание о том, что Наталье пришлось скитаться по чужим углам. Значит, доживала она в своей избе. Подлинный никоновский дом исчез только после ее смерти. Возможно, окончательное его разрушение произошло в 1957–1958 годах во время антихристианской хрущевской кампании. А когда слава о чудесах и деяниях блаженной старицы Матроны стала шириться, некие здешние жители решили подзаработать на этом и объявили свой дом местом ее рождения[1]. Совсем еще недавно там жила пара пожилых людей. Во времена расцвета легенды о «настоящем доме Матроны» многие из паломников с благоговением посещали его. Но старик умер, а бабушку дочь увезла в другое место. Дом продали, сейчас он глядит на приезжающих заколоченными окнами.

А Свято-Успенский храм — как стоял, так и стоит. Он всегда особо почитался в здешних краях. Себинские старики рассказывали, что после битвы на Куликовом поле в прежнем, расположенном на этом же месте старинном деревянном храме, отпевали многих павших соратников Дмитрия Донского — поле битвы ведь совсем недалеко, менее 20 км от Себино. Архитекторы датируют основание деревянного храма 1694 годом, нового каменного — 1890–1892 годами. И деревянный, и каменный возвели представители местного старинного рода Муромцевых, из которых генерал-поручик Матвей Васильевич Муромцев был первым тульским губернатором. В книге Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии» (Тула, 1895) встречается упоминание о роде Муромцевых в Епифанском уезде. Автор сообщает, что каменный храм в селе Себино построен «помещиком-прихожанином Илией Муромцовым». В 1881 году стараниями отца Василия Троицкого и помещицы Лидии Александровны Яньковой в храме был устроен придел в честь святого благоверного князя Александра Невского[2].

В архивном управлении Тульской области находится «Ведомость о церкви Успения Пресвятыя Богородицы, клире и прихожанах в селе Себине Епифанского уезда за 1881 год»:

«1. Построена неизвестно какого года по ненахождению Храмодушной грамоты, тщанием того же села покойного помещика Ильи Андреевича Муромцева на собственное его иждивение.

---

[1] Другая себинская семья не растерялась и провозгласила, что у них хранится кровать, лежа на которой, после того, как потеряла способность ходить, Матрона принимала посетителей. Эти люди постоянно ссорились с «владельцами родного дома» Матронушки и соперничали с ними за внимание паломников и их денежные пожертвования.

[2] В 2002 году трудами прихожан, благотворителей и настоятеля храма, протоирея Игоря Горошко, устроен и 22 ноября 2003 года освящен придел святой блаженной Матроны Московской.

2. Зданием каменная, вся крепка, без колокольни.

3. Престол в ней один, в настоящей холодной во Имя Успения Пресвятыя Богородицы.

4. Утварью достаточна.

5. Причта положено по штату издавна: Священников два, Диакон один, Дьячков два и Пономарей два, а по новому проэкту сельских штатов Тульской Епархии при Успенской нашей церкви положено быть: Священнику одному «1» и Псаломщику одному «1».

6. Земли при сей Церкви усадебной три десятины, пашенной и сенокосной тридцать три десятины; План на сию землю хотя и поновлен, но не утвержден, и в Церкви оного не имеется; дела о сей земле никакого не производится; сею землею владеть Священноцерковнослужителей семьям.

7. Домы Священноцерковнослужителей собственные деревянные на Церковной земли.

8. На содержание Священноцерковнослужителей постоянного оклада и жалования ни от кого не получается, содержание их посредственное.

9. Зданий, принадлежащих к этой Церкви, никаких нет.

10. Разстоянием сия Церковь от Консистории в «104» версты, от Местнаго Благочиннаго в «10» верст.

11. Ближайшия к сей Церкви суть: Феодоровская в селе Сухинове и Архангельская в селе Хованщине, и обе в четырех верстах.

12. Приписных к сей Церкви никаких нет.

13. Домовой Церкви в сем приходе не имеется.

14. Опись Церковному имуществу есть: переписана и скреплена Тульской Духовной Консистории Секретарем Надворным Советником Петром Богословским, и утверждена печатью оной же Консистории, 1856 года Ноября 30-го дня.

15. Приходо-расходныя книги о суммах Свечной и Церковной за шнуром и печатью Епифанского Духовного Правления с 1726-го года ведутся исправно и хранятся в целости.

16. Копии с Метрических книг с 1803-го года хранятся в целости.

17. Исповедныя росписи с 1818-го года хранятся в целости.

18. В Обыскной книге, выданной за шнуром и печатью Тульской Духовной Консистории, 1862-го года, и скрепленной оной же Консистории Присутствующим Михаилом Перцевым, писанных 237 листов, не писанных остается 194 листа».

В то время, когда крестили новорожденную Матрону Никонову, храм ремонтировался, баптистерием временно служила церковная сторожка. Темновато в ней, холодно. Церковная утварь обшарпанная, потускневшая. Вся надежда, что в епархии выдадут новую после ремонта. Если соизволят. Батюшка-то не умеет копеечку из народа вышибить, сколько дадут за требы — то и хорошо. А в епархию поедет — тих там, как вода в затоне. Нет у него дара ни поклянчить, ни прибедниться, как другие попы делают: мол, дайте то да пожалуйте это! За что и означен в консисторской книге в графе «кто какого поведения» — «очень хорошаго»…

Вместе с Дмитрием Ивановичем и Натальей Никитичной Никоновыми на совершение таинства явились крестные отец и мать, несколько родственников и односельчан да праздный человек — безумный Мишутка, который поле не орет, пшеницу не сеет, а только с чужих столов, кто что во славу

Христа подаст, питается. В этот же день пришла крестить новорожденного сына крестьянская чета Выборновых. В первую очередь крестили их мальчика, названного Филиппом, затем дочку Никоновых.

Чуть раздели девочку — в купель из сумрачного окошка пролилось солнечное маслице, заиграла она драгоценными бликами, засветилась, заискрилась! Трижды опустил отец Василий дитя в крестильную влагу — символ вод Иорданских:

— Крещается раба Божия Матрона, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Церковную сторожку наполнил чудесный аромат. Присутствующие были поражены. Безумный Мишутка радостно смеялся, нюхая воздух, закатил глаза от восхищения, столь сладостна была ему неведомая ранее духмяность. А отец Василий возгласил:

— Младенец сей, нарекомый мною в честь преподобной Матроны Константинопольской, греческой подвижницы пятого века, память которой празднуем и почитаем мы двадцать второго числа месяца ноября, необыкновенный! Необыкновенный! Богом избрано это дитя. И удивлять нас, простых смертных, великими богоугодными делами призвано! Матрона Константинопольская присутствовала при втором обретении главы крестителя Господня Иоанна. Она обратила к вере многих язычников, свергала идолов, изгоняла бесов и прославилась своей подвижнической жизнью по всей Византии. И эта девочка к великому служению призвана! А посему велю вам, рабы Божии Дмитрий и Наталья, дочь свою Матрону не обижать, а если что ей понадобится, а вы того ей дать не сможете, ко мне обращайтесь.

«Видяще иерей и людие предстоящии при крещении твоем исшедый из святыя купели столп аки пара и обоняюще благоухание велие в храмине при сем, познаша тя праведницу, дарованную от Бога на земли, и прославиша Бога, творящего дивная и преславная в людех Своих, ангельскою песнию: Аллилуиа!», — так изложен этот факт в акафисте святой блаженной Матроне Московской и Тульской.

Память о замечательном событии запала в умы очевидцев. Старшие рассказывали о нем младшим, а те — своим детям. Так и мы, живущие сегодня, узнали, при каких удивительных обстоятельствах «новую и дивную дарова Господь людем российским заступницу, молитвенницу, целительницу и ходатаицу за них к Богу».

Подлинная купель, в которой крестили Матронушку, чудом сохранилась до наших дней. Она — драгоценная реликвия Свято-Успенского храма в Себино; живая реликвия, действующая — в ней и сегодня совершаются крещения, правда, редко.

Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Санкт-Петербурге в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г., № 1, 2, 3, 4 за 2010 г., № 1, 2, 3, 4 за 2011 г. и № 1, 2, 3, 4 за 2012 г.

Беседа

5/18 февраля 1952 года

Многие спрашивают: как избавиться от помыслов — тех навязчивых, назойливых мыслей, которые лезут и лезут в голову и мешают молиться?

Ответ один — вот слова епископа Феофана: *«Бегите к сердцу. Сумеете там остановиться — и блужданию мыслей конец».*

Там дивная тишина… Даже жуткая тишина — после бури бесконечного нашествия помыслов, тех мимолетных мыслей, даже обрывков мыслей, которые беспорядочной толпой, перегоняя друг друга, силятся захватить наш ум и внимание, не давая ему опомниться и разобраться в том, что происходит.

Повторяю: там жуткая тишина…

Даже странно, как-то удивительно: куда же вся эта суета девалась? И ясно, отчетливо слышны слова произносимой молитвы: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!

Ничто не отвлекает, ничто не мешает… Дивное дело! И слова подвижников *«внутренней молитвы»* так ясны и понятны становятся.

А как это достигается ?

Горькими слезами в молитве к Господу… Униженной, смиренной мольбой с искренним покаянием!

И Господь, безмерно Милостивый, *невзирая на лица,* даст тихую, смиренную молитву с постоянным искренним покаянным настроением.

Беседа

11 мая 1952 года

Сегодня я хочу повторить беседу, которую я проводил три года назад.

Вопрос очень серьезный, и повторение, быть может, поможет лучше усвоить его. Ведь мы по опыту нашему знаем, что каждый раз, когда читаешь слово Божие или отеческие писания, все по-новому, и больше и больше открывается их содержание. И вот, я повторю беседу, которая была 3 года назад, но содержание ее вечно новое будет для нас (*прим. ред.* — речь идет о беседе от 13 ноября 1949 года).

Это беседа о молитве.

Один Божий подвижник — ныне здравствующий епископ — пишет своей духовной дочери: «Самое главное: твори молитву Иисусову. Она будет открывать все двери и калитки твоей души и подаст все нужное».

А другой говорит так: «Твори молитву Иисусову, и она сама войдет в твое сердце и вычистит уголки твоего сердца, и Господь будет с тобою…»

Таковы речи подвижников благочестия, проживающих на земле в наше время, а прежних писателей вы уже слышали.

Так вот сейчас наша задача: везде и всегда — и в трамвае, и дома, и на работе — напрягаться про себя — в уме — читать молитву Иисусову.

Не смущайтесь тем, что сначала она будет рассеянная, ум все отбегает, мысли ненужные приходят, мешают, а вы гоните эти мысли и старайтесь думать только о словах молитвы. Молитва, со вниманием произносимая, скоро привлечет и сердце: в сердце появятся чувства соответственные — и будете молиться одновременно умом и сердцем. Скажете умом: «помилуй мя!», а в сердце будет искренняя мольба о помиловании — вот и молитва настоящая.

Ведь молитва есть возношение к Господу Богу ума и сердца человека. А тут все это и есть. А что в это время будет совершаться в душе человека — это серьезный вопрос, но и он прекрасно разработан святыми подвижниками.

Многие из вас уже не первый год стараются научиться молитве Иисусовой и часто спрашивают меня: «Двигаюсь ли я хоть немножко в этом деле, или все топчусь на одном месте?»

Вот я и хочу указать из творений святых отцов самые первоначальные признаки того, что дело молитвы Иисусовой в нас идет вперед, иль, как говорят подвижники, *спеется.*

Конечно, самые первые успехи в деле молитвы Иисусовой выражаются в том, что мы постепенно привыкаем произносить эту молитву; как говорит епископ Феофан, *«она навязнет у нас на языке».* Все легче и легче произносить ее делается, и сердце все быстрее отвечает уму покаянным чувством.

У того странника, о котором раньше речь была, стало так, что, как только захочет он помолиться, сам язык выговаривает не какую-нибудь другую молитву, а именно молитву Иисусову.

«Только, говорит, вспомню о молитве, язык уже по привычке произносит: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!”»

И слова «помилуй меня!» тотчас уже ударят в сердце, и там сейчас же тоска о грехах своих…

Вышла книга

Швечиков А. Н.
Противостояние / А. Н. Швечиков. СПб., 2012. — 248 с.

Книга А. Н. Швечикова «Противостояние» посвящена исследованию проблемы взаимоотношений западной цивилизации и России в процессе их исторического развития и соприкосновения. Особый упор в исследовании сделан на ключевой фактор — сферу духовно-идеологических отношений Запада и России. В книге предпринята попытка методологического анализа причин нарастания духовно-идеологического давления на Россию совокупными силами западной цивилизации, направленными на разрушение той духовно-нравственной и идеологической основы России, которая на протяжении веков делала ее силу непреодолимой, а страну неподвластной чужой внешней воле. Этот анализ дает основания утверждать, что после распада СССР Запад предпринимает все меры для того, чтобы не допустить нового возрождения России. Не имея возможности победить Россию военной силой, Запад, ведомый тайными и явными политическими структурами США, бросает все средства на то, чтобы разложить Россию изнутри, разоружить ее народ духовно и нравственно. В книге автор попытался обозначить те традиционные духовно-нравственные ценности, опора на которые позволяла всегда и позволит в будущем выдержать нашему Отечеству в этом неизбывном противостоянии и победить по примеру предков.

Книга рассчитана на широкий круг читателей и, прежде всего, на молодежь, интересующуюся историей и современным положением России.

Любовь БЕРЗИНА

«Я РОДИНЫ ЧУВСТВУЮ ЗОВ...»

Любовь Александровна Берзина — родилась в Москве. Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова, факультет журналистики. Печаталась в периодических изданиях и альманахах «День поэзии», «Поэзия», «Истоки», «Теплый стан», «Московский вестник», «Сельская молодежь», «Черновик», «Час России» и др. Автор трех книг. Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

* * *

Средь одуванчиков цветенья
Церквушки луковица спит.
Ища отрады и спасенья,
К ней изб компания бежит.

Они одолевают гору —
Она крута и высока,
И ветер тычется с упором
В их деревянные бока.

Стрекочут пестрые сороки,
Клубятся тучи из свинца,
Туман черемухи высокий
Стоит у самого лица.

Мне дали дивные открыты
И виден сокола полет.
А сердце, с жаром позабытым
Набатным колоколом бьет.

С таким волненьем и отрадой
Крест смотрит в золотую даль,
Что больше ничего не надо,
И жизни прожитой не жаль.

Под одуванчиковы взоры
Мне хочется на склоне лет
Глядеть на русские просторы,
Прозрачнее которых нет.

* * *

Как будто шагнула в костер —
Я Родины чувствую дым.
Он в легких сидит до сих пор,
Краям не сдаваясь чужим.

Как земли пустыни, мой рот,
И глаз потускнело окно,
И гарью лесной отдает
Рубиновой крови вино.

От дымных громад облаков,
Где молний цветы расцвели,
Я Родины чувствую зов
Во всех закоулках земли.

И щиплет глаза не от слез
Под быстрым дождем молодым —
Мне ветер заморский принес
Горящих торфяников дым.

Как лес, полыхая, горит,
В крови перепачкан, восток,
И старою раной болит
Далекой России ожог.

У ПАМЯТНИКА ЗАТОПЛЕННЫМ КОРАБЛЯМ В СЕВАСТОПОЛЕ

По лесу мачт, как по ножам,
Внутрь бухты не пробраться вражеским судам.

На рейде севастопольском, на дне,
Ждет русский флот, застывший в глубине.

Он отворил кингстоны — и водой
Отсеки захлебнулись голубой.

Стоят, как камни, кораблей тела,
Чтоб вражья сила в бухту не прошла.

А море Черное бурлит, бурлит,
О русской славе море говорит,

Флот новый поднимает якоря —
Былая жертва не пропала зря.

Спят паруса во глубине морей,
Колышутся останки кораблей,

Затопленный когда-то русский флот
Вдоль Графской пристани видением плывет.

И на колонне — взгляд его остер —
Орел имперский крылья распростер.

В ТОБОЛЬСК

Проеду сквозь топи и хляби,
Сквозь запах волнующий трав,
Взлетая на каждом ухабе
И в каждую яму попав.

Сквозь туч набегающих сети
И мелких дождей невода
Пройду, и меня не заметят,
В глуши не найдут никогда.

Мне ветер дорогу укажет,
Луч солнца осветит мой путь,
Тропинка мне под ноги ляжет
Клубком, что легко развернуть.

Гудит комариное войско,
Листва золотая летит.
Я скоро дойду до Тобольска,
Где дед мой безвестно зарыт.

Где собственной жизни утрату,
Дрова заготовив сполна,
Погибшей страны Император
Провидел сквозь прорубь окна.

Когда же его увозили,
То вслед, через ночи провал,
Пронзая пространства Сибири,
Как сахарный, Кремль сиял.

То громче звучали, то глуше,
Как сонмы бессчетные войск,
Замученных узников души,
Прошедшие через Тобольск.

Они из пространства воззвали,
И дед мой средь них на беду.
Разбитой дорогой в печали
Я к ним через время иду.

Нырнули дороги России
В столицы Сибири нутро.
Тобольска кресты золотые
В душе моей выжгли тавро.

* * *

О, яблоней цветущих взрывы
Клубами высятся кругом.
Туман черемухи сонливый
Лес заливает молоком.

Дым фиолетовый сирени
Дыханье мне остановил.
Зеленые бросая тени,
Дрожат березы у стропил.

Упали нити дождевые
На взмыленный оврага скат.

И лепестков снега живые
К траве сияющей летят.

Цветы, как бабочки, взлетели,
Рассыпались на лепестки,
И на воду стальную сели
Сверкающей, как нож, реки.

На ветра легкие качели
Увядшим не взлететь уже,
Но пылью радужной осели
Они на сердце и в душе.

* * *

Повисла брань на вороту,
Как очередь из автомата.
Почти убитая иду
Сквозь взрывы ругани и мата.

Тут слов бессмысленных стада,
Как стаи воронов, взлетели,
Слова святые навсегда
Засалились и потускнели.

Как блеск нарядов их померк,
Былые исказились смыслы,
С оружьем, грубо взяли верх
Как воблы высушены, числа.

И даль, где солнышко встает,
Любовный шепот, птичий гомон,

Всей жизни трепет и полет
Бесстыдно ими оцифрован.

Биенье сердца моего
Для них немая только схема,
Его живое естество
Вновь выпадает из системы.

Как Божий умысел, меня
Не может просчитать машина,
И как загадка бытия,
Душа моя неразрешима.

И пробивая, как вода,
Всех цифр непрочную основу,
Сияет на небе звезда —
Бог, трепет, вдохновенье — слово!

* * *

Я по асфальтовой дороге
Иду, разбрызгивая грязь.
Внизу лежит бедняк убогий
Спиной к забору привалясь.

Домов зубчатые вершины
Над ним склоняют этажи,
Несутся змеями машины,
А в них солидные мужи.

Сквозь бронированные стекла
К ним взгляд не долетит живой,
И неба радуга поблекла,
Бродяга слился с мостовой.

Искусственный вдыхая воздух,
Как рыба снулая на дне,
Богач промчится, неопознан,
В броне машины, как в тюрьме.

А кто там впереди роится,
Кричит, не выбирая слов,
Ему не важно, он промчится,
Давя прохожих, как жуков.

Он в коконе своей машины
Летит, ни в чем не виноват,
Визжат неезженные шины,
Дым стелется за ним, хвостат.

И собираются толпою
Зеваки, серые на вид,
Взглянуть, кто там, над мостовою,
В крови распластанный, лежит.

В них пыхнут, в заоконном мире
Авто, что мчит из-за угла,
Как пуговицы на мундире,
Глаза из стали и стекла.

* * *

Меня потянуло в Россию,
В нутро ледяное ее,
Меня потянуло в Россию,
В морозных полей забытье.

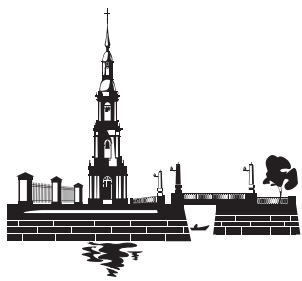
От дальних границ и от ближних,
От бурных морей и чудес,
В какой-нибудь Новгород Нижний,
А лучше — в нетронутый лес.

Где ели стоят голубые,
В озерах трепещет трава,
Где вижу я все, как впервые,
Забыв все чужие слова.

Как листья здесь ярко горели,
Увижу, свой путь заверша,
И ветер свистит через щели
Карманов, где нет ни гроша.

Да много ли надо, ей-богу,
Дым Родины сладостней нам,
Лесная уводит дорога
К березовым светлым шатрам.

Здесь жизнь моя вечно продлится,
Вбирая листву и цветы,
И может душа притулиться
Под елей густые скиты.

ПОЭЗИЯ

Валерий САВОСТЬЯНОВ

«ДУШИ МОЕЙ СТОЛИЦА…»

Валерий Николаевич Савостьянов — родился в селе Сергиевское Болоховского (ныне Киреевского) района Тульской обл. в 1949 г. Окончил Тульский политехнический институт. Работал: учеником радиомонтажника на заводе, электрослесарем и проходчиком на шахтах Подмосковья, инженером, начальником ЭВМ. Автор 8 книг. Член СП России. Лауреат литературной премии имени Ярослава Смелякова, награжден медалями: «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова», «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля». **Живет в Туле**.

ЗАМЕЛО ДЕРЕВНЮ

Замело деревню: избы, риги,
Света нет — лишь светлячок свечи.
Вынимала бабушка ковриги,
Круглые, большие, из печи.
Протирала тряпочкою влажной,
Ставила на стол их остывать.
И сидел я, внук любимый,
Важный,
Ждущий: ну когда же пировать?
Обрядили бабушку в обновы
Смертные,
Отпел ее собор —
И такого вкусного, ржаного
Не едал я хлебушка с тех пор…

Замело поселок —
Лишь церквушки
Светятся высокие кресты.
Пироги румяные и плюшки
Вынимала мама из плиты.
Смазывала маслица кусочком,
Ставила на стол их остывать.
И сидел я
Дорогим сыночком,
Ждущим: ну когда же пировать?
Обрядили мать.
Душа — как пустынь,
Где спьяна куражился вандал.
Пирожков тех с рисом и капустой
Я уже, конечно, не едал…

Замело Заречье и Зарядье:
Город весь — как в праздничной парче.
Вынимает милая оладьи
Из печи волшебной СВЧ.
И хоть я с утра еще не евши,
Подожду, пока им остывать,
Посижу я мужем постаревшим,
Вспоминая бабушку и мать.
И жене скажу:
«Небесной манны —
Вкус твоих оладий и блинов!»
Учит жизнь без бабушки, без мамы —
И боюсь я траурных обнов…

НА СБОРЫ

Горел кипрей и пахла мята,
Кувшинка в озере цвела.
Повестку из военкомата
В деревню мама привезла.

И в отпускные, расписные
Окошки бабкиной избы
Проникли возгласы стальные
Солдат скликающей трубы.

Прощай, души моей столица —
Деревня милая моя!
В родные вглядываюсь лица,
Их не печалиться моля.

Но бабка лезет в дальний ящик,
Выкапывает из газет
И дарит мне
(Я ж не курящий!)
Расшитый дедовский кисет.

А мама плачет.
Столько боли
В глазах тревожных,
Что на миг
Представил: еду не на сборы —
В огонь и смерть сороковых!..

РЕКА ВОРОНКА

Собиралось воронье
Лютых орд над берегами —
Побережие твое
Осыпалось под ногами.

Выпивали всю до дна,
На Москву идя войною.
Стала мутной,
Вороною
Родниковая волна…

Но потом, храня Москву,
Били тульские пищали —
Русским рекам возвращали
Чистоту и синеву.

И уставшие в бою,
Утомившись от погони,
Пили витязи и кони
Воду сладкую твою.

БАБУШКАМИ КРЕЩЕНЫ

Дети канувшей страны,
Беспощадной и могучей,
Бабушками крещены
Тайно мы —
На всякий случай.

Но крещенью своему
Не придавшие значенья,
До сих пор идем сквозь тьму,
Роковые увлеченья.

И на минном поле мук —
Бесшабашно чистим перья…

Долго как нам сходит с рук
Наше гордое неверье!

Долго как вопрос ребром
Нам не ставят: либо — либо, —
Только чудом и добром
Наставляя терпеливо!

Не предъявлен счет еще
Страшной смерти неминучей:
Все же бабушкой крещен
Каждый был —
На всякий случай…

ПСАЛТЫРЬ

Над могилой ива и калина,
Грустные, склоняются в мольбе.
Бабушка моя, Екатерина,
Царствие Небесное тебе.

Скольких отчитала ты, отпела,
Так же вот, склоняясь и скорбя!
Твой псалтырь лежит теперь без дела —
Нету ученицы у тебя.

Горькое торжественное пенье
Непрерывно с ночи до утра
Требует особого терпенья —
Не смогли ни мама, ни сестра.

Видимо, не каждому по силам,
Чтя благословенья благодать,
Все равно: богатым или сирым —
Сопереживать и сострадать.

Ты ж слезу скупую вышибала,
Хрупкая, склоняясь к образам,
У такого грозного амбала,
Что давно не верит и слезам.

И с тобою пела и рыдала
Вся родня печальная подчас.
А ведь ты усопшего видала
В первый раз
Да и в последний раз…

Избранные смотрят, как с вершины,
В наши души, полные страстей, —
Ведь не зря же ездили машины
За тобой из дальних областей.

До сих пор тебя не забывают
Люди и Природа:
До зимы
Над тобою птицы распевают
Нежные хвалебные псалмы.

Над могилой ива и калина,
Грустные, склоняются в мольбе.
Бабушка моя, Екатерина,
Царствие Небесное тебе!

СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Я будто бы распаханный пустырь,
Засеянный и гордостью, и горем, —
Михайловское, Пушкинские Горы,
Скорбящий Святогорский монастырь.

Не в мае — в середине января
Я чувствую живительные всходы,
И по сердцу мне долгие походы:
Хожу, хожу вблизи монастыря.

Наверное, такою же зимой,
Когда трещал морозище январский,
Поэта голос нежный и бунтарский
Умолк, шепнув предсмертное: «Домой...»

Домой! Домой — в сосновые края,
В озерные, в болотистые долы!
На свете нет желанней этой доли
С тобой быть вместе, родина моя.

Земля — везде земля, но ведь не зря
Его сюда из Петербурга мчали,
Не зря весь мир склоняется в печали
У стен святых его монастыря.

Арсений РЕБРОВ

НИКОЛАЙ ТИМОФЕЕВИЧ АНТОШКИН — «ПУТЬ ВОИНА»

Арсений Андреевич Ребров — родился в 1989 г. в Ленинграде. Закончил гимназию № 261, лицей № 387 Кировского района СПб. в 2007 г., в этом же году поступил в РГПУ им. Герцена на факультет «социальных наук». Работал в качестве внештатного автора во многих изданиях Северной столицы. В настоящее время — студент магистратуры МГИМО (У) МИД РФ факультета международной журналистики. С 2011 г. работает журналистом в Москве, активно сотрудничает с издательством «Российский писатель». **Живет в Санкт-Петербурге.**

Впервые я услышал о Николае Тимофеевиче Антошкине во время катастрофы на Чернобыльской АЭС. От этой ужасной трагедии содрогнулся весь мир. Под угрозой оказался не только регион, в котором произошла авария, но и соседние области. Перед глазами встают бросающие в дрожь кадры сотен людей, оставшихся без крова, вертолеты, зависающие над жерлом реактора, извергающего смертоносные радиоактивные облака. В результате аварии произошел выброс в окружающую среду около 380 миллионов кюри радиоактивных веществ. У 134 сотрудников ЧАЭС, членов пожарных и спасательных команд развилась лучевая болезнь, 28 из них умерли в течение следующих нескольких месяцев. Но последствия аварии могли быть гораздо чудовищней, если бы не самоотверженные действия военных летчиков. Сегодня доподлинно известно, что еще бóльших жертв удалось избежать благодаря именно действиям авиации. Их слаженные действия позволили эвакуировать весь город за два с половиной часа. Летчики сбросили в клокочущий надлом АЭС тысячи тонн поглотителей, которые приостановили дальнейшее распространение радиации. Они сильно рисковали своей жизнью, ведь уровень радиоактивного заражения достигал небывалых высот. От невероятно сильного потока радиации их защищали всего-навсего тонкие свинцовые пластины. У физиков-ядерщиков эта мера предосторожности вызывала ужас и страх за жизни спасателей. Но не было времени думать о себе, когда на кону стояли жизни тысяч сограждан, миллионы гектаров земли оказались под угрозой заражения. Поэтому все задачи решались в исключительно сжатые сроки, в неясной и напряженной обстановке и впервые

в мировой практике в таком объеме. Руководил всей операцией Николай Тимофеевич Антошкин. Для решения такой сложной задачи нужен был человек с военной выдержкой, дисциплиной и самоотверженностью. Его жесткие, правильные, античные черты лица, холодный, уверенный взгляд и крепкая, статная фигура — все это внушало к нему доверие и надежду на то, что все закончится благополучно.

Он не знал покоя ни днем, ни ночью, работал и управлял большим коллективом военных и гражданских без устали и сна. Ежедневно, кроме выполнения основных функций, для принятия решений он поднимался в воздух от двух до пяти раз над жерлом полыхающего реактора. И уже 2 мая Правительственная комиссия отметила успешные действия авиаторов и его личные качества в протоколе своего заседания. Получив дозу облучения более 600 рентген (БЭР) и потеряв около 11 килограммов веса, он продолжал руководить действиями своих подчиненных. Лишь после завершения основных работ по закрытию аварийного реактора, 6 мая, по приказу Командующего войсками Краснознаменного Киевского военного округа, вышел из зараженного района. Так закончилась сложнейшая операция по погашению реактора, и все вздохнули с облегчением, но вскоре Чернобыль дал о себе знать. Многим, принимавшим участие в операции, пришлось лечиться от радиоактивного облучения… Самые смелые были награждены. В их числе был, конечно, и Николай Тимофеевич Антошкин. За большой личный вклад в успешное проведение работ по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, устранение ее последствий и проявленные при этом мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР генерал-майору авиации Н. Т. Антошкину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Он стал единственным Героем Советского Союза, кто удостоился этого звания на должности начальника штаба объединения. Такая высокая награда в мирное время — большое достижение и очень редкое явление. Но важнее всего здесь не значимость награды, а то, чему нас учит этот пример. А учит он нас тому, что быть военным — это значит иметь особое состояние души — находиться в постоянной духовной, интеллектуальной, физической борьбе за ближних. Генерал-полковник, Герой Советского Союза — Николай Тимофеевич Антошкин — яркий тому пример. Осознав себя Воином, Антошкин следовал этому пути всю жизнь. Это чувство воспитывалось в нем с ранних лет самой жизнью, теми непростыми обстоятельствами, в которых волей и неволей оказывался он и его семья. Его детство и юность были, мягко говоря, непростыми. Его детские годы проходили в Башкирии, в деревне Кузьминовка, где почти половина жителей были выходцами из Мордовии, с большими семьями. У его отца, Тимофея Григорьевича Антошкина, тоже была большая семья — восемь детей. С войны Тимофей Григорьевич вернулся в сорок втором году. Он был ранен и поэтому ходил на костылях. Надо было кормить и одевать такую ораву — пять сыновей и трех дочек. Бесконечный, изнуряющий голод загнал Антошкиных в более благополучный в этом отношении Казахстан. Семья поселилась в селе с красивым названием Холмогоры. Семилетним мальчишкой Коля Антошкин стал пасти стадо. Пастухом он проработал целых семь лет. Поэтому уже с ранних лет познал все тяготы труда. Все дни напролет Коля отдавал себя работе, чтобы поддержать голодающую

Николай Тимофеевич Антошкин

семью. Вечерами отец рассказывал мальчику про войну, про то, как получил ранение, как люди меняются на фронте, про наступление, про самолеты — про красивых железных птиц, свободных и непобедимых. Мальчик мечтал, что и он когда-нибудь оседлает такую птицу и станет таким же свободным… Мечты помогали ему не сдаваться перед трудностями тогдашней жизни, заставляли его идти вперед. Так началась его особая война за выживание, за себя и за своих близких. Война за человека, которая продолжается до сих пор. То, что Антошкин всегда ставил во главу угла именно человека, подчеркивается и тем прозвищем «бескровный генерал», которое он получил, когда в Афганистане экипажи его авиаполка контролировали с неба дороги от советской границы до Герата. Выполнив все боевые задачи, полк не потерял ни одного человека. Этим званием Николай Тимофеевич гордится не меньше других высоких наград, поскольку главной победой считает спасение жизни других людей.

Всю свою юность Николай провел одновременно учась и работая. Обучаясь в средней школе № 4 города Кумертау, будущий генерал работал: одно лето в колхозе, другое — путейцем в Кумертауском угольном разрезе. Окончив школу в 1960 году, работал на Кумертауской ТЭЦ, вначале рабочим комплексной бригады ремонтно-строительного цеха, а затем инструктором физкультуры и спорта; тогда же он окончил вечернюю автошколу ДОСААФ. Именно благодаря этому его до сих пор среди других выделяет атлетичная фигура.

В 1961-м жадный до знаний парнишка поступил учиться в Кумертауский строительный техникум, а затем, взяв документы и направление в Кумертауском объединенном городском военном комиссариате, сдал всту-

пительные экзамены и 19 августа был зачислен курсантом Оренбургского высшего военного авиационного Краснознаменного училища летчиков им. И. С. Полбина. Вот так обычный парень из простой крестьянской семьи, с семи лет зарабатывавший на хлеб, пася стадо, работая разнорабочим, смог поступить в известнейшее на всю страну авиационное училище. Добился своего деревенский парень Коля Антошкин. Окончил училище в 1965 году по специальности «боевое применение и эксплуатация самолетов». И сразу же началась у Антошкина служба в военной авиации. Прикрепил на плечи лейтенантские погоны и поехал с назначением в Белоруссию, в город Щучин, в 26-ю воздушную армию.

Николай Антошкин сразу же дал понять, что не случайно попал в военную авиацию. И его действительно ценили как старательного, талантливого летчика что называется «от Бога». Ему все нравилось: гордые и красивые изгибы самолетных корпусов, чувство мощи и свободы, военная дисциплина. Мечта мальчика-пастуха стала явью, и он жадно упивался каждым моментом счастья, которого он сам добился. Но он не ожидал, что судьба преподнесет ему новые сюрпризы, что на место юношеской романтике придет несоизмеримо большое чувство ответственности. Антошкин обожал самолеты, и они как будто тоже «любили» его, летчик приручал их как птиц — один за другим. Он обгонял свой возраст и звания. При всем при этом проявлял командирские способности и подолгу не задерживался на одной должности. Повышения по службе заставляли его менять гарнизоны. Где он только не побывал на службе! Афганистан, Белоруссия, Дальний Восток, Группа войск в Германии, Украина, Чехословакия и Средняя Азия… Его дети и красавица-жена Татьяна привыкли к быстрым сборам. Ему всегда было интересно заниматься реальным делом. Кстати, когда по окончании учебы в академии и после курсов комполков Николаю Тимофеевичу предложили на выбор должность инспектора ВВС в Москве или возглавить формировавшийся в Средней Азии авиаполк, Антошкин без колебания рванул на периферию, поближе к реальному делу. «Неинтересно мне было отсиживаться в столичных чиновничьих кабинетах, — признается сам Антошкин, — хотелось заниматься настоящим делом».

«Бескровный генерал» оставил заметный след в истории российской авиации. Он стоял у истоков знаменитых пилотажных групп, искусством которых мы все так восхищаемся сегодня. В 1991—1992 годах по инициативе подчиненных Николай Тимофеевич создал и юридически оформил знаменитые пилотажные группы «Русские витязи», «Стрижи» и «Небесные гусары» на самолетах СУ-27, МИГ-29 и СУ-25, а затем 237-й Центр показа авиационной техники имени трижды Героя Советского Союза маршала авиации И. Н. Кожедуба. 12 апреля 1992 года, впервые в истории Российской Федерации организовал и провел в рекордно короткий срок (10 суток) авиашоу на аэродроме Кубинка, а затем, впервые в авиационной практике, ночное авиашоу. С 1990 по 1997 год провел сотни успешных показательных выступлений и авиашоу на территориях СССР, Российской Федерации, Республики Беларусь, Франции, США, Великобритании, Голландии и других стран. Таким образом летчик Антошкин боролся за престиж и уважение воздушных сил. Его самоотверженная работа даже в самые трудные для страны времена помогала налаживать отношения с

другими странами. Вместе с организованными им пилотажными группами после времен «холодной войны» восстанавливал дружбу между летчиками Франции и Советского Союза через эскадрилью «Нормандия—Неман», а затем и летчиками многих стран.

Вот так, следуя своим юношеским мечтам, Николай Антошкин оставил заметный след и на суше, и в воздухе. В пируэтах созданных им эскадрилий угадывается, и всегда будет угадываться, его «почерк», характер. Мы можем наблюдать его победы и на других «полях сражений», так как по сей день знаменитый генерал постоянно ведет войну — с безразличием, с презрительным отношением к армии, с моральным и культурным разложением общества, настоящий воин никогда не перестает вести «войну». Возможно, Антошкин служил бы еще не один десяток лет, но уж больно тяжело было ему сносить участившиеся нападки на армию. В ноябре 1998 году, когда началось объединение и сокращение Военно-Воздушных Сил и Войск Противовоздушной обороны, он подал рапорт об увольнении, отказавшись от унизительных для него должностей. Формально Николай Тимофеевич в запасе, а по существу служит своей Родине, как и служил до этого, ведя свою непрекращающуюся «борьбу за человека», занимаясь общественно-политической деятельностью. Его единогласно избрали председателем Московского клуба Героев и полных кавалеров ордена Славы. Несмотря на гражданскую одежду в нем без труда угадывается военный благодаря выправке, взгляду, уверенной походке, исходящей от него энергии. Такой энергией обычно веет от уважаемых командиров. А Николай Тимофеевич Антошкин как раз и принадлежит к высшему армейскому сословию: генерал-полковник, прошел в авиации все ступени, вплоть до заместителя главнокомандующего ВВС по боевой подготовке, Герой Советского Союза, заслуженный военный летчик РФ, профессор, Президент Межрегиональной организации «Клуб героев Советского Союза, героев Российской Федерации и полных кавалеров Ордена Славы г. Москвы и Московской области». Почти невозможно поверить в то, что он при такой энергии и боевом виде уже вне строя — в запасе первой категории. Но запас это не отставка, это означает лишь то, что даже если разбудить его среди ночи, то он, как и в молодости, соберется, пока горит спичка, и поведет за собой целую эскадрилью…

Великая ПРОВИНЦИЯ

Валерий ПАВЛОВ

«ПОКА В РОССИИ ПУШКИН ДЛИТСЯ, МЕТЕЛЯМ НЕ ЗАДУТЬ СВЕЧУ…»

Валерий Федорович Павлов — родился в 1947 г. в Пскове. Окончил музыкальное училище, филологический факультет педагогического института. В настоящее время доцент кафедры культурологии Псковского государственного университета. Секретарь Общественной палаты Псковской обл. В 1991–2009 гг. работал директором Псковского академического театра драмы им. А. С. Пушкина. Член Союза театральных деятелей России, заслуженный работник культуры РФ. Почетный гражданин города Пскова. Автор книг «На рубеже тысячелетий», «Дни и ночи “Карусели”», многочисленных научно-популярных статей по истории провинциального театра. **Живет в Пскове.**

«Дух века требует важных перемен и на сцене драматической. Может быть, и они не удовлетворят надежды преобразователей. Поэт, живущий на высотах создания, яснее видит, может быть, и недостаточную справедливость требований, и то, что скрывается от взоров волнуемой толпы, но напрасно было бы ему бороться. Таким образом, Лопе де Вега, Шекспир, Расин уступали потоку; но гений, какое направление не изберет, останется всегда гением — суд потомства отделит золото, ему принадлежащее, от примеси…» — эти строки набросков А. С. Пушкина к предисловию «Бориса Годунова» сегодня побуждают деятелей театра поверять себя Пушкиным, тем высшим критерием художественности, который явила русская литература. По общему признанию, пушкинский театр за полтора с лишним столетия так и не состоялся. И «народной трагедии», о которой мечтал поэт, на русской сцене пока еще нет. Вполне возможно, это произойдет лишь в театральном поколении XXI века.

Псковская земля не раз рождала масштабные творческие инициативы, которые впоследствии оказывали влияние на российскую культуру. В 2012 году в Пскове и Пушкинских Горах состоялся 46-й Пушкинский праздник поэзии. За прошедшие десятилетия Святые Горы стали всемирно известной литературной столицей, куда сотни тысяч почитателей пушкинского гения во все времена года приходили для духовного обогащения. У истоков праздника стояли выдающиеся деятели российской многонациональной культуры и искусства. И. Андронников, С. Гейченко, М. Алигер, П. Антокольский, И. Абашидзе, М. Бажан, П. Боцу, В. Белов, Ю. Бондарев, А. Вознесенский, Р. Габриадзе, Р. Гамзатов,

М. Дудин, Ю. Друнина, С. Залыгин, Е. Исаев, С. Капутикян, И. Козловский, Л. Зыкина, Я. Смоленский, С. Куняев, Д. Кугультинов, Ю. Лотман, Э. Межелайтис, С. Михалков, К. Мустай, Б. Олейник, Р. Рождественский, Мирзо Турсун-Заде, сотни поэтов и писателей стран Европы, Азии, Африки, Латинской Америки. Праздник дал благотворительный импульс десяткам других литературных праздников на территории бывшего Союза и вовлек, без преувеличения, миллионы людей в их подготовку и проведение, формируя их духовный мир, оказывая колоссальное воспитательное воздействие. Все эти годы Псковщина являлась хранительницей вечного огня пушкинской поэзии, добрых литературных традиций, местом торжественных ритуалов. Это была благородная попытка в местах, где мужал пушкинский талант, возвысился мир его поэзии, где покоится прах поэта, воздвигнуть алтарь всенародного поклонения гению, наиболее полно выразившему сущность русского национального духа. Во многом эта попытка была плодотворной и полезной. Но по целому ряду объективных и субъективных причин Пушкинский праздник поэзии не в полной мере нашел свое место в новой жизни. Поэтому достойно самого глубокого уважения стремление администраций города и области, писательской организации, общественности сохранить и приумножить накопленные традиции сегодня.

Именно в русле этих усилий на псковской земле родился ежегодный Всероссийский Пушкинский театральный фестиваль, который в феврале 2013 года пройдет в Пскове и Пушкинских Горах в 20-й раз. Сегодня этот фестиваль — уникальное явление культурной жизни России. Задуманный как день памяти А. С. Пушкина и сценическое воплощение драматургии поэта к 200-летию со дня его рождения, фестиваль в процессе развития сконцентрировал вокруг себя мощный интеллектуальный и творческий потенциал, вовлек в свою орбиту таких выдающихся театральных деятелей и крупнейших пушкинистов, как В. Рецептер, О. Ефремов, П. Фоменко, А. Васильев, А. Джигарханян, О. Басилашвили, Э. Някрошюс, Д. Доннелан, М. Левитин, М. Розовский, Г. Габриадзе, Ю. Любимов, А. Титель, К. Лавров, З. Корогодский, А. Свободин, К. Гинкас, С. Арцибашев, В. Непомнящий, Ст. Рассадин, С. Фомичев, Н. Крымова, Г. Тростенецкий, В. Кошелев, А. Битов, В. Курбатов, Е. Колобов, Ю. Темирканов, Р.-Д. Кайль, Э. Вуд. Впервые в мире была предложена организационная модель, органически сочетающая теорию и практику постижения театра А. С. Пушкина: фестиваль (спектакли на различных площадках) и творческая лаборатория (где ученые-пушкинисты, критики, ведущие режиссеры театров России в докладах и дискуссиях анализируют освоение театрами пушкинского наследия).

После юбилейного 1999 года благодаря поддержке Министерства культуры РФ, СТД России, усилиям Пушкинского театрального центра в Санкт-Петербурге, всемерному материальному и организационному содействию администрации Псковской области, Всероссийский Пушкинский театральный фестиваль не угас и продолжает успешно развиваться. В его орбиту включились не только театры российских территорий, но и ведущие драматические и музыкальные коллективы Москвы, Санкт-Петербурга, Прибалтики, зарубежные коллективы. Вот уже два десятилетия Псковский край, где в феврале проходит Всероссийский Пушкинский театральный фестиваль, а в июне — Всероссийский праздник поэзии, образует единое

пушкинское пространство между Псковом и Государственным музеем-заповедником А. С. Пушкина «Михайловское».

В последние годы здесь были показаны спектакли, ставшие значительными событиями в культурной жизни России, — МХАТа им. А. Чехова, АБДТ им. Г. Товстоногова, Московского малого театра, Московского академического музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, театров А. Васильева, П. Фоменко, Э. Някрошюса, С. Образцова, Ю. Любимова, прозвучали выступления оркестров Е. Колобова, Ю. Темирканова в Пскове, прошли спектакли «Борис Годунов» Д. Донелана и Большого театра России в Пушкинских Горах.

За 20 лет в Пскове и Пушкинских Горах показали свои спектакли по произведениям А. С. Пушкина более 140 театров России из Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова, Смоленска, Вологды, Владимира, Оренбурга, Саратова, Барнаула, Сургута, Новгорода Великого, Казани, Омска, Томска, Ростова, Рязани, Пензы, Петрозаводска, Норильска, Красноярска, Челябинска, Великих Лук, г. Скопина Рязанской области, а также театры Германии, Великобритании, Швейцарии, Голландии, Франции, Шотландии, Латвии, Эстонии, Литвы.

Участники творческой лаборатории существенно обогатили современную российскую пушкинистику. Об этом свидетельствует и осуществленная Пушкинским театральным центром в Санкт-Петербурге уникальная издательская программа. Многие из выпущенных книг уже стали библиографической редкостью.

Заседания творческой лаборатории открыты для всех желающих. В дискуссии может участвовать любой из присутствующих.

Для псковских научных сотрудников, учителей, студентов, любителей пушкинских произведений предоставляется благодатная возможность не только услышать выступления известных пушкинистов, но и выступить с сообщениями, задать вопросы, получить консультации. Мастер-классы под руководством выдающихся деятелей искусства из Москвы и Санкт-Петербурга заметно повышают профессиональный уровень режиссеров народных театров и студий, руководителей литературных объединений и клубов.

Для псковичей, многочисленных паломников, приезжающих со всей страны, Пушкинский фестиваль дает возможность приобщения к культурному наследию, к заповедной духовной территории. Важную роль в этом играет музей-заповедник «Михайловское» и его директор Г. Василевич, который в последние годы много делает для существенного улучшения программы фестиваля. Подвижнические усилия В. Рецептера привели к рождению детища фестиваля — театра-студии «Пушкинская школа», который активно ведет пропаганду пушкинского творческого наследия в России и на псковской земле.

Я был директором 16-ти первых ежегодных Всероссийских Пушкинских театральных фестивалей. Они свидетельствуют о многом, побуждают к серьезным размышлениям. По замыслу отцов-основателей фестиваль должен был создать сценическое собрание произведений А. С. Пушкина, которое смогли бы увидеть и услышать люди. Мы должны были провести смотр того, что театры России в своих репертуарах по произведениям А. С. Пушкина поставили. Фестиваль демократично открывает двери любому театру с произведением А. Пушкина. Нет спортивного распределения мест для

победителей и побежденных. Всякий может внести посильный вклад в сценическое собрание пушкинских сочинений: кто-то приезжает с роскошным букетом роз, а кто-то со скромными фиалками. Но каждый чувствует себя сопричастным к созданию театра А. С. Пушкина и получает как участник Пушкинский диплом.

Первые фестивали показали, по образному выражению О. Н. Ефремова, что «мы проворонили театр Пушкина», что на столичных сценах его почти не ставят, а в провинции отдельные режиссеры делают то робкие, то безрассудные и отчаянные попытки освоения пушкинского наследия на сцене, которые свидетельствуют скорее о непонимании природы пушкинского творчества.

На одном из фестивалей П. Н. Фоменко отметил «очаровательную бездну между теоретиками и практиками». Б. Н. Голубицкий выразил удивление, что «такой фестиваль не был проведен 20 лет назад».

Каких только спектаклей не привозили театры в Псков и Пушкинские Горы! Здесь было все: от скоморошьего кривлянья, ерничанья и озорства до попыток серьезного осмысления Пушкина. В. Рецептер, который вложил в организацию этих фестивалей и сердце, и душу, так честно и назвал свой спектакль в Псковском театре о том, как он понимает Пушкина, — «Я шел к тебе. Опыт драматических изучений».

На заседаниях творческой лаборатории ученые-пушкинисты и театральные режиссеры-практики горячо спорили о том, каким быть фестивалю. Надо ли включать в афишу ежегодно две «Барышни-крестьянки», три «Евгения Онегина», два «Станционных смотрителя», три «Моцарта и Сальери» и т. д. В конце концов, благодаря титаническим усилиям В. Рецептера, который стал мотором фестиваля, было решено, что на фестиваль могут быть представлены произведения авторов пушкинской поры, что заметно расширит репертуар. Главным критерием должно быть высокое исполнительское мастерство. Со временем фестиваль «вырулил» на серьезное осмысление творческого наследия пушкинской эпохи и привел к уникальным международным экспериментам. Псковский театр драмы с театром «Хомо-Люденс» города-побратима Нейменгена осуществили постановку «Маленьких трагедий» на голландском и русском языках. В пяти нидерландских городах наши актеры блестяще показали свое искусство. Пресса Голландии высоко оценила достоинство русской драматической школы и назвала постановку нашего театра «выражением пушкинского таланта».

Режиссер студио-театра шотландского города-побратима Перта Э. Маккинон поставил «Пиковую даму», которая с успехом прошла в Шотландии во время «Русского сезона». Всероссийский Пушкинский театральный фестиваль побудил многие учебные заведения области к проведению конкурсных сочинений, турниров чтецов пушкинских произведений. Число театральных студий в районных центрах в школах утроилось. 15 лет успешно действует театральная студия в Псковском государственном университете (руководитель — народный артист РФ В. И. Радун). Большой популярностью у школьников пользуется Пушкинская гостиная Дома детского творчества (руководитель А. Е. Засыпкин).

Смотрю иногда телевизор, и не покидает ощущение, что столичные города и провинция живут в разных мирах. Наши города и люди зачастую предстают в ток-шоу на телеэкранах как покорное большинство, тупая,

морально разложившаяся масса. Кругом разруха, развал, пьянство. Но я вижу, что подспудно в российской глубинке с трудом, но пробиваются ростки другой жизни: идут широкомасштабные реставрационно-восстановительные работы в Старом Изборске, капитально реконструируется здание Псковского академического театра драмы им. А. С. Пушкина, построен Ледовый дворец, заканчивается сооружение бассейна Псковского государственного университета. Музей-заповедник «Михайловское» принимает тысячи паломников со всей России. Пушкинский праздник поэзии и Пушкинский театральный фестиваль в изменившихся социально-экономических и политических условиях переходят от традиции «праздновать» пушкинские даты (подчас не только традиционно, но и заорганизованно) к традиции серьезных творческих поисков художников, осваивающих нравственные и эстетические уроки Пушкина. Поэтому я верю, что мы сумеем воздвигнуть поэту «памятник не рукотворный» и создадим живую театральную пушкинскую энциклопедию.

Вступление Латвии, Эстонии и Литвы в Евросоюз и НАТО заметно изменило геополитическое положение Псковской области. Она стала подлинным форпостом России на северо-западе. Мы это остро чувствуем и полагаем, что защищать границы Отечества следует и духовным потенциалом. Пушкинский фестиваль, ставший одним из крупнейших театральных форумов России, дает эту возможность.

Как секретарь Общественной палаты Псковской области могу сказать, что в феврале 2012 года мы подготовили основательные рекомендации по защите русского языка, обсудив их на пленарном заседании. Наши предложения были горячо поддержаны общественностью и населением. Тема формулировалась так: «Русский язык — основа духовного сплочения граждан России». Одновременно вместе с представителями национальных диаспор мы готовим к выпуску в 2013 году книгу «Псковщина — наш общий дом».

По инициативе члена Общественной палаты М. Е. Жихаревича мы выпустили два методических пособия в помощь учителям школ «О противодействии ксенофобии» и «О противодействии коррупции». В планах выпуск в 2013 году методического пособия по антинаркотической пропаганде.

Включаю 29 сентября с. г. телевизор, идет передача «Умники и умницы». А судья конкурса — наш Псковский губернатор Андрей Анатольевич Турчак. Тема — история российской государственности. Вопросы о князе Игоре и княгине Ольге, об Изборске, о Труворе. Губернатор, который лично курирует в области вопросы культуры и искусства, говорит о необходимости проведения регионального конкурса об истории России, рассказывает о богатейших традициях Псковского края.

Во время праздничных торжеств в Приказных палатах Псковского кремля состоялось первое заседание «Изборского клуба». Через неделю в Псков и Изборск приехали действительные члены Академии российской словесности, и я вновь увидел и услышал людей, которые думают о судьбе России, трудятся для ее будущего. И это дает надежду на духовное возрождение нашего Отечества.

ПРОЗА

Александр ГРОМОВ

ЕСЕНИН И ПЕТЯ

Рассказ

Александр Витальевич Громов — родился в 1967 году в городе Подольске. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Председатель правления Самарского отделения Союза писателей России. Секретарь Правления СП России. Главный редактор журнала «Русское эхо». **Живет в Самаре.**

1

Хорошие новости несуетны и чаще всего сами собой разумеющиеся, как утреннее «здравствуйте» соседей. Дурные же — сродни пожару сухим летом: безжалостны и распространяются мгновенно.

Осенним пасмурным утром, когда сидеть бы дома и грустить, мне сообщили, что Петра Брашникова не стало. Мы не были особо близки, он был из того поколения, что уже переправилось через рубежные «аще семьдесят, аще восемьдесят лет», но вот угас еще один этот лучик — и таким неуютом и холодом потянуло, что я невольно посмотрел, закрыто ли окно. А за окном начал накрапывать дождь…

Петю, а именно так его все звали, очень любили в писательской среде. Был он человеком открытым, добрым и всепоглощающе влюбленным в русскую литературу, искренне восторгался мало-мальски пишущим человеком, сам же при этом бумаги не портил. По крайней мере никому никогда рукописей своих не показывал, о творческих планах речей не заводил и, соответственно, перечислениями своих публикаций не занимался. Все это делало его особо желанным собеседником. Но главное все же, что Петя обладал великим даром любви. Он готов был помогать, выручать, спасать по первому зову. Возникшие проблемы тут же становились его проблемами и, как ни странно, сразу же переставали казаться неразрешимыми. Еще он был замечательным слушателем: поплачешься такому, и уже легче. А еще именно Петя чаще всего выступал миротворцем, утишая эмоции и сглаживая углы. В общем, это был тот человек, который неизвестно откуда и как берется, но всегда в единственном числе, и именно про него говорят — душа коллектива.

А работал Петя библиотекарем на одном из крупных заводов. Как это часто бывает у людей, отдающих себя другим, личная жизнь у Пети не задалась. Жена ушла от него, причем не к другому мужчине, а просто ушла, точнее, уехала в другой город к своей маме. Сын приезжал на зимние каникулы, и это были самые счастливые дни для Пети. И я помню этого высокого стеснительного юношу, очень похожего на отца скуластым лицом, который на каком-то нашем юбилее сидел в уголке и терпеливо ждал, когда отца надо будет вести домой. Сын поступил в военное училище и через несколько лет погиб во время штурма Грозного. А чуть раньше закрыли заводскую библиотеку, в которой работал Петя.

Это было страшное время. Материальное, словно прорвав невидимую плотину, затапливало собой все живое и душевное, уничтожая то иное, что мешало тучнеть и грабить. Я тогда был молод, и в Союзе писателей относились ко мне как к сыну полка. А меня не покидало чувство, что где-то идет война, о которой мне, как еще юному и недостигшему меры возраста, не говорят, а я только принимаю погибших солдат: в то время похороны случались чуть ли не каждый месяц, а то и чаще. Заупокойный сервис тогда еще не организовался, и скоро я здоровался как со старыми знакомыми с дежурными в морге и кладбищенскими сторожами.

А Петя выжил, хотя тоже ушел из привычной жизни: продал городскую квартиру, купил дом на берегу Волги и перестал появляться в писательской организации. Собственно, и той организации, какую он знал, уже не было, да и никакой привычной жизни не осталось. Впрочем, совсем порывать с литературой бывший библиотекарь не собирался: дом он купил в селе Ширяево, где родился поэт Александр Ширяевец, которого Есенин считал близким другом и на смерть которого написал «Мы теперь уходим понемногу в ту страну, где тишь и благодать…». Хотя само село было больше известно не этим: экскурсоводы обычно начинают рассказ с того, что в 1870 году три молодых художника и один музыкант отправились вниз от Нижнего Новгорода по Волге в поисках натуры для пейзажей. И когда доплыли до Ширяево, дружно ахнули от увиденной красоты, сошли на берег, сняли дом и прожили в нем несколько месяцев. Именно здесь-то и состоялись первые наброски репинских «Бурлаков».

Теперь в доме, где жили художники, музей. А на соседней улице стоит домик, где родился Ширяевец. И там тоже — музей. Объединяет же эти два скромных домика каменная усадьба купца Вдовина, где разместили набранные в округе экспонаты и, если что, можно было испить чаю.

Но главное в Ширяево — все-таки красота и простор. Жигулевские горы в этом месте раздвигаются и, словно великан большими руками, укрывают низинку с небольшими озерцом и сотней домов. А какая тут Волга! Какая даль открывается за ней! И только удивляешься, когда переведешь дух: дал же Господь людям пребывать в этой радости… Но это, пожалуй, лишь приезжие и замечают.

Вот и писатели любили сюда приезжать. И так повелось, что в начале октября в Ширяево писатели стали собираться на Есенинские чтения. Поначалу это были небольшие группы, читали стихи, пили чай в усадьбе, любовались окрестностями, вдохновлялись, одним словом. К тому же по Волге тогда еще ходили всякие «Ракеты» и «Метеоры», и уже само полуторачасовое плавание по реке было праздником. Традиция стала укрепляться,

послушать поэтов стал собираться окрестный народ, власть решила возглавить это дело, и в восьмидесятые годы прошлого уже, двадцатого, века Есенинские чтения заняли прочное место в планах областной культуры. Людей привозили сюда на автобусах из городов, организовывали даже специальные речные маршруты, в самом Ширяево ставили сцену, а на улицу выносили столы с пирогами и самоварами. Вот за этими пирогами мы и выпросили себе на голову демократию. Доллар и интернет решительно взялись за дело, и стало не до Есенина.

Писатели, однако, ездить в начале октября в Ширяево не прекратили. Добираться уже приходилось на перекладных машинах, так как ракеты-метеоры ходить перестали, а такие путешествия старейшинам нашего писательского цеха становились не под силу. Иногда нас приезжало всего только двое-трое, но на уровне подсознания мы понимали: один раз не приедем — все, еще одна духовная ниточка, удерживающая мир, оборвется. Музейные работники тоже оберегали этот день. Приводили детей из школы, собирали сельчан, в общем, держались, как могли.

Вот в это село и перебрался Петя. В музее он сразу стал своим человеком и, хотя официально никаких должностей не занимал, но все считали, что он там работает. Он помогал по хозяйству, подлатывал, подчинивал, мог остаться сторожить, мог экскурсию провести, словно в его облике ангел-хранитель перешел от нашей организации в музей. Или просто бойца перевели на то место, где он в данный момент нужнее.

Во время поездок в Ширяево я ближе познакомился с этим удивительным человеком. Больше всего поражало его желание помочь. И видно было, что такая забота для него не принуждение, не привычка, а искренняя радость. Откуда берутся такие люди? Можно, конечно (да и нужно), желать быть таким каждому, но вот стать… Это уже не в нашей воле. Почему, Господи, не все люди такие? Или тогда мы бы разучились ценить эту блаженную радость попечения о ближнем?

2

Я набрал телефонный номер.

— Привет, — бодро отозвался голос с другого конца города. — Ты как? Едешь? — и эта бодрость, показалось мне, пробивается совсем из другого мира, где нет дождя, нет чувства гибели, где нет и не может быть Пети, который хочет всех спасти.

— Слушай, я что-то неважно себя чувствую… Может, вы там без меня обойдетесь?

— Да ты что?! — и дальше из трубки пролился бурный поток слов, призванный убедить меня в том, что я непременно должен влиться в ряды бодрячков, а мне от этих не отпускающих слов становилось только хуже.

— Я, и…, неважно себя чувствую, — повторил я.

Видимо, голос мой настолько не вписывался в бодрую картину мира, что на том конце задумались.

— Ну, а ты вообще — как, не отказываешься от проекта? На тебя можно рассчитывать?

Мир не отпускал.

— Можно, только мне немного оклематься надо.

— Хорошо, ты нам нужен живым. Лечись. Я завтра перезвоню.

Да ладно, так уж я им и в самом деле нужен! Могут сегодня без меня обойтись, смогут и завтра. И послезавтра. И ничего не изменится. Я набрал еще один номер.

— Простите, что-то я приболел.

— Да, — посочувствовали там, — сейчас многие болеют. Погода…

— Я обязательно сделаю, что обещал, только попозже, — заверил я.

— Хорошо. Выздоравливайте, — и показалось, что позавидовали мне.

Я понимал, что сейчас, пытаясь разорвать ниточки, только их временно ослабляю и в результате еще больше затягиваю петли, но так захотелось паузы… Сделал еще пару звонков и достал турку.

Через десять минут я сидел в кресле и, делая небольшие глотки медленно остывающего кофе, блаженствовал…

3

Последний раз я ездил в Ширяево лет пять назад. Помнится, хаос в стране тогда стал обретать некие очертания и поддаваться логике, а стало быть, переставал быть хаосом, Путина недавно избрали на второй срок, и забытое чувство стабильности нет-нет да и поскуливало, как собака у кастрюли с наваристым бульоном. Мы, наивные, даже сочинили программу развития литературы… Поспел октябрь, пора было ехать в Ширяево и проводить Есенинские чтения, что мне и было поручено писательской организацией. Мне вменялось купить билеты туда-обратно, перед посадкой пересчитать вверенных на мое попечение писателей, отвечать за мирное их настроение и не забыть открыть и закрыть мероприятие. Не помню, откуда взялись деньги на поездку, но их как раз хватило на билеты для трех человек и бутылку водки.

Бессменным участником Есенинских чтений был профессор нашего университета Павел Вениаминович Костылев, человек, жизнь положивший за Есенина. Иногда казалось, что он знает о Есенине больше, чем тот сам мог предположить. Профессора ценили в столицах, он привлекался к работе над академическими изданиями, сам издал несколько книг, одна из которых разошлась приличным по нашим меркам тиражом и пару раз переиздавалась. В нашей провинции он был сравним, ну, если не с богом литературоведения, то с его ангелами. Естественно, и об окружении Есенина он знал все, а Есенинские чтения держались благодаря его подвижничеству. В былые годы возил в Ширяево студенческие группы, но после выхода на пенсию, когда он стал заштатным профессором, ресурс этот иссяк. Зато теперь ничто не мешало Костылеву заниматься исключительно Есениным, и все эти маяковские, ивановы, ахматовы, пастернаки существовали постольку, поскольку они знали Сережу и были причастны к его судьбе. Любовь к Есенину все более обретала черты устоявшегося брака свыкшихся друг с другом супругов, но разве это может мешать счастью?

Третьим согласился составить компанию набиравший тогда силу и всероссийский авторитет поэт Миша Слепцов. Он рифмовал себя с Рубцовым, получил всероссийскую премию, в Москве удачно засветился на нескольких вечерах, послал, причем в стихотворной форме, кое-куда одного депутата Госдумы, подрался с известным тележурналистом, разбив при этом себе

нос и залив любопытствующих кровью, попался как-то на глаза Евтушенко и теперь настойчиво тянул свое поэтическое древо к есенинским корням, грамотно выстраивая (а точнее — подстраивая) свою литературную биографию. В настоящее время Слепцов обретается в Москве, издает книги, сам уже пестует молодые таланты, дружит с депутатами, время от времени мелькает на экране и ругается с Евтушенко. При этом продолжает изо всех сил поддерживать народное представление о том, что гений обязательно должен быть пьяницей и скандалистом. И народ ответно платит ему восхищением.

4

Так вот, было яркое и ветреное осеннее утро, когда наша троица собралась на причале речного вокзала. На Волге вздымались буруны, и казалось, что река течет вспять. Миша в пестром то ли пальтишке, то ли длинном пиджаке, с надвинутой на глаза кепкой, стоял, нахохлившись, у мостков дебаркадера, курил и досадливо сплевывал в Волгу.

— Выпить есть? — спросил он, когда я протянул ему руку.

— Лапсердак-то у Юдашкина, поди, покупал? — ответил я на приветствие.

— Ну, хватит, — обиженно протянул Миша и стал еще больше похож на мелкую птичку.

Подошел профессор, поздоровавшись, потер одна о другую руки и поежился:

— А говорили, дождь будет… — и столько разочарования было в его голосе, что невольно мелькнуло в голове: «Ну и денек начался…»

— Будет еще, — утешил Миша. — Когда пускать-то начнут? Околеем тут.

Это уже была претензия ко мне как старшему группы: успех всегда общий, вина — на начальстве. Хотя чаще бывает наоборот.

— Павел Вениаминович, а чего вы студентов не взяли? — спросил я.

Профессор грустно посмотрел в мою сторону, какое-то время соображая, зачем я задал столь дурацкий вопрос, и, так и не поняв, отмахнулся:

— Да ну тебя, какие студенты… — и стал смотреть на дальний берег Волги, который под ярким солнцем казался счастливым и радостным.

За пять минут до отплытия начали толкать к «омику»[1] трап, и он по-стариковски заскрипел и заохал. Народ засуетился, у выхода тут же образовалась давка, и трап теперь не скрипел, а ухал и возмущался, грозя вот-вот опрокинуть толпу. Но граждане, бранясь и балансируя, по одному пробирались на палубу, а затем, попадая внутрь «омика», словно оказывались в другом мире, где не было ветра, а только солнце заливало пространство — и от этого сразу становилось тепло и радостно.

Миша расстегнул плащ-пиджак, бросил кепку на столик и, откинувшись на спинку сидения, прикрыл глаза: может, стихи сочинял, может, просто делал вид, что сочиняет, и не хотел, чтоб к нему приставали. Павел Вениаминович полушепотом рассказывал о том, что находится на грани очередного открытия: ему удалось найти документы про какой-то подвал в Москве, в

[1] «ОМ», «омик» — небольшой речной пассажирский теплоход.

котором несколько раз бывал Есенин, а этот адрес до сих пор неизвестен столичным литературоведам. Я любовался проплывающим за окном городом.

Почему я люблю Самару? Могу объяснить, почему люблю Москву с ее затейливыми кривоколенными улочками, на которых так хорошо теряться во времени и пространстве, стоит лишь сделать шаг в сторону от шумных проспектов, и, конечно, люблю за само завораживающее ожидание этого шага из одного мира в другой; я люблю Питер с качающимся на водной глади каналов месяцем и не стесняющимся своей мощи Невским; люблю Париж с его беспечной атмосферой каникул; люблю Уранополис с ресторанчиками у древней башни и отъезжающим на Афон паромом; люблю Пинск, в котором родилась моя жена; я много чего еще люблю на земле и могу сказать за что, но почему я люблю Самару… Я много слышал восторженных слов, когда водил гостей по старым улочкам города и новым проспектам, когда оказывался с ними на набережной или Вертолетной площадке; я ловил эти слова, надеясь, что взгляд со стороны поможет объяснить мою любовь. Но все это было не то. Наверное, это и есть настоящая любовь, когда не знаешь — за что…

— Неужели никто не заглядывал в эти архивы? — отвлекся я от города, чувствуя, что мое долгое молчание становится невежливым.

— В том-то и дело! — воскликнул профессор и снова перешел на полушепот.

— Скажите, — снова прервал я его монолог через некоторое время, — а почему вы решили, что будет дождь?

— А? — растерялся сбитый с рассказа профессор. — Так передавали же…

— Вот ведь понастроили! — буркнул Миша.

Мы как раз проплывали мимо новеньких дач, больше похожих на выставочный комплекс разномастных дворцов. Профессор мельком глянул в окно и согласился:

— Да уж, да уж…

— Зато какая у нас богатая страна, — мне все-таки не хотелось терять солнечного настроения и коснувшейся сердца любви. — Воруют, воруют, а все никак не кончится.

— Да уж… — снова поддержал профессор и повернулся ко мне: — Так вот, эти тетради никто не читал! Я провел в Ленинке безвылазно почти две недели…

Наконец мы стали разворачиваться, за окном поднялись Жигулевские горы. Н-да, это я вам скажу, покрасивее Самары со всеми дворцами, вместе взятыми. Но ведь не за красоту же любим? Тогда — за что?..

5

На пристани нас встречали двое — сотрудница музея Ольга и Петя. Оля зябко сжимала руки и пыталась укрыть свое пышное тело в маленькой курточке, из-под которой, как пламя, выбивалась красная юбка. Казалось, вот-вот — и Оля взлетит куда-нибудь в космос, и дрожит она вовсе не от холода, а от этой уготованной ей впереди неизвестности. Петя же в бушлате охранника и высоких кирзовых сапогах, как всегда, улыбался и двумя руками схватывал и жал руку каждого из нас троих, так что сразу становилось теплее.

До музея идти минут двадцать. Впереди шла Оля и, продолжая прятаться в куртку, рассказывала о достижениях, результатах и небольших проблемах, которые коллектив осилил бы, если бы к музею повнимательнее относились власти. Но ветер уносил ее слова, да я и не особо вникал. Петя шел сзади, словно заботливая наседка, прикрывая нашу группу. Миша несколько раз обернулся к Пете, и я подозревал, что спрашивал про водку, но за Петю я был спокоен: тот порядок знал и до окончания выступления никаких вольностей ни себе, ни кому-то позволить не мог.

Перед воротами музея мы остановились, ветер, растерявший в переулках силу, больше не досаждал, и на солнышке снова стало тепло и приятно. Миша закурил, а мы еще раз залюбовались Волгой. Эти буруны, дальний пологий берег, распахивающий ширь пространства, откуда надвигались грозной силой тучи… А ветер у них, стало быть, в разведке. А тут мы — четыре богатыря. И Оля как ракета на старте. Эпическая картина. Но местным не до эпоса, они к этому привыкли, и замерзшая Оля сказала, что пойдет ставить чайник, а Петя произнес:

— Как бы вам не застрять сегодня…

— В смысле? — насторожился профессор.

— Обложит нас после обеда, — кивнул Петя в сторону тучи.

— Не обложит, — Миша отшвырнул окурок и пошел в дом.

Я с профессором двинулся за ним, а Петя задержался, посмотрел, не видит ли кто, поднял брошенный окурок и переправил его в стоявшую у ворот урну.

6

К двенадцати часам стал подтягиваться народ: несколько женщин без определенного возраста, все в цветастых платках и темных, словно выданных в одной рабочей конторе, пальто. Из местной школы пришли десятка два разновозрастных школьников — все, что имелись на селе. С ними — две учительницы, которые отличались от пришедших ранее женщин отсутствием платков, наличием очков и усталостью, какая бывает в глазах у занимающегося никому ненужным делом человека. Они знали, что из-за некомплектности школу должны закрыть, а не случилось этого перед учебным годом только потому, что почему-то не смогли выделить школьный автобус или он не доехал, застряв где-то в горах. Но в конце концов автобус найдется, и детей скоро будут возить в райцентр за двадцать километров, а они… Они, наверное, купят такие же цветастые платки и наденут такие же длинные темные пальто.

Автобус из детского дома привез еще двадцать детей. И, как ни странно, именно детдомовские внесли радостную нотку: для них выезд за стены интерната был настоящим праздником, он давал ощущение нечаянной свободы. Они с интересом рассматривали небогатые экспозиции музея, но больше шумели, шутили и играли.

Трудно выступать перед такой разнообразной аудиторией. Но даже если один человек пришел — надо. Потому что любое доброе слово — остается. Дай Бог, чтобы оно упало на благодатное сердце. А для этого надо самому делать свое дело искренне, только тогда в ответ откроются другие сердца.

И хорошо потекла у нас встреча, душевно. Ну, а когда пришел черед Миши… Я видел, как светлели лица и блестели глаза, и, что замечательнее всего, одновременно у всех — и у взрослых, и у детей, и у детдомовских, и у сельских… Слово касается любой души и преображает всякого человека. А у души нет возраста, сословия и звания…

Вот об этом я и сказал в конце встречи.

7

Небольшое застолье музейные работники организовали в одном из служебных помещений. Пока женщины собирали стол, мы вышли во двор, где останавливался с товарищами Репин. На душе было хорошо и покойно — от ответной теплоты слушателей, от их светлых и благодарных глаз, от ощущения, что не зря были сказаны наши слова, да и вообще все не так безнадежно, как показывают по телевизору — даст плод доброе семя, обязательно даст. За ним только ухаживать надо.

— А ветра-то нет, — сказал Павел Вениаминович.

— Затишье, — ласково произнес Петя.

— Я и думаю, от чего так хорошо, — отозвался Миша и уже ко мне: — Ну что, теперь-то выпить можно? Заслужил я или нет, а?

— Заслужил, — благодушно одобрил я предстоящее безобразие.

И Петя широко заулыбался:

— Ты, Мишенька, сегодня чудо как замечательно читал, а вот это новое твое, где кони в степи, прямо до слез, ей-Богу, умница ты наш…

— А то… — отозвался довольный поэт.

— Пойдемте к столу, — донеслось из дома.

Стол был скромен и в то же время для нас, городских, изыскан, ублажая всякими грибочками от соленых до жареных, замаринованным по специальному ширяевскому рецепту луком, тающей во рту вареной картошкой, чем-то похожей на самих добрых и белых угощавших нас женщин. Те с умилением глядели на Мишу и следили, чтобы его рюмка не пустовала. Все-таки убеждение, что поэт должен быть обязательно пьян, глубоко засело даже в умах музейных работников. Миша угодливо пьянел и скоро стал единственной персоной за столом, обладающей правом на внимание, и даже дерзнувший было похвалить грибочки профессор, прервав тем самым очередную Мишину хохму, был удостоен осуждающего взгляда.

Я все чаще стал поглядывать на часы, время до обратного рейса тянулось все медленнее, а Миша напивался все быстрее. Он уже подходил к той грани застолья, когда женщины начали отводить в сторону смущенные взгляды. А еще предстояло тащить его до пристани и выслушивать по дороге притязания на гениальность. До отплытия оставалось чуть больше двух часов, и я потащил Мишу проветриться, а заодно провести профилактическую беседу, да и женщинам пора было перевести дух и приготовить прощальный чай.

О, что случилось с миром за эти сорок минут! Дождь хлестал наотмашь. Я, конечно, хотел взбодрить Мишу, но не так же радикально. Тот, до этого артачившийся больше для проформы, увидев происходящее светопреставление, всерьез ухватился на крыльце за столб и насмерть уперся на месте, да и мне стало страшно выходить во двор.

— Я говорил, что дождь будет, — послышался встревоженный голос Пети, тенью выплывшего за нами из дома.

— Да это не дождь… — я все никак не мог подобрать слова. — Это конец света какой-то.

Поэт выругался, достаточно точно и неприлично.

— Что же теперь делать-то? — в голосе Пети почувствовалось нечто большее, чем просто волнение.

Я попытался успокоить его, а заодно и себя:

— Дойдем как-нибудь.

— Да я не об этом…

— И Мишу дотянем.

— И не о нем, — и после паузы Петя выдал: — Как бы по такой погоде вечерний-то рейс вообще не отменили.

Поэт, снова прибегнув к нелитературной лексике, трезвел на глазах.

— Постой с ним, — передал я его Пете и бросился к директору музея, которая руководила переменой блюд к чаю и вела интеллектуальную беседу с профессором, подменившим на время собой первую звезду банкета.

Мои опасения не сильно взволновали ее, она с некоторой неохотой поднялась из-за стола и пошла звонить. Одна из сотрудниц, поставив тарелку с домашними пышками, махнула рукой:

— У нас это бывает.

— Что?

— Ну, когда «омики» не ходят.

— И часто?

— Когда вот такая погода, а еще когда туман по утрам.

— Или «омик» сломается, — добавила подошедшая с пирогом Ольга.

— Или просто не приедет, — вздохнула третья. — Бывает…

— И что тогда?

— Ничего. Сидим. Нам-то куда…

— Ну, а если срочно… вдруг…

— Можно на машине до Тольятти, тут до него по дороге два часа, а там уже до Самары автобусом или электричкой… если, конечно, на ГЭС не застрянешь.

— Как так?

— Ну, ГЭС же сейчас ремонтируют, и там дорогу открывают то в одну сторону, то в другую, по пять часов ждешь.

— А перекрывают ее, поди, на ремонт как раз в выходные?

— В выходные там вообще беда…

Все это время Павел Вениаминович с тревогой наблюдал за нашей беседой, удивленно тараща глаза то на меня, то на одну из сотрудниц. И очень обрадовался, когда вернулась директриса и торжественно объявила:

— «Омик» вышел, — и заботливо добавила: — Давайте пить чай, через полчаса выходить надо.

Профессор так, видимо, и не поняв, отчего возникло волнение, вздохнул:

— Эх, а я зонтик не взял.

— Это хорошо, — сказал я и, встретив недоуменный взгляд профессора, пояснил: — Унесло бы вас вместе с ним ветром, и летали бы тут над горами, пугая детей и старушек.

Шутка получилось грубоватой, и профессор надулся, но настроение и в самом деле было невеселое. Скорее бы уж уехать.

Вошли Петя и Миша. Петя усадил Мишу за стол, подвинул ему чашку с чаем, проследил, чтобы тот сделал глоток, и поманил меня.

— Ну? — спросил я, предчувствуя недоброе.

— Александр, — Петя был сама мягкость и вежливость, — оставайтесь ночевать у меня, — и тут же заторопился, боясь, что я могу счесть его чересчур назойливым: — У меня тепло, хорошо, места всем хватит. Куда вы в такую погоду? Да и Михаила — как? А завтра все развеется, и вы поедете.

— Катер вышел, — сразу отрезал я. — Да и домой нам надо-то, — я отвечал за всех.

Петя вздохнул, а у меня вдруг промелькнуло: а почему бы и в самом деле не остаться? Чего тащиться в такую непогоду? Зачем? Что мне, собственно, делать в городе? Телефон есть, позвоню, предупрежу… Да и воскресение завтра…

— А то остались бы, — Петя словно услышал мои мысли.

Но я отошел и принялся за чай.

— Пора, — скомандовала директриса. — Петя, вы проводите гостей?

— Конечно.

— Я дам вам дождевик, — обратилась она к профессору. — А вам, — она посмотрела на Мишу, — куртку, укутаетесь покрепче.

«Можете не благодарить», — закончил я за нее фразу, но про дождевик мне понравилось больше.

— Петя, потом занесете.

— Хорошо.

— А ты, Оля, приберешь все и закроешь. Выходим, — и она двинулась к выходу первой.

— Оля, не уходите пока, — почему-то тихо обратился я к встречавшей нас сотруднице, — дождитесь, пожалуйста, моего звонка.

Та испуганно кивнула, словно я сообщил ей страшную тайну и просил умереть с ней.

И мы пошли, и было чувство, что это какая-то партизанская операция, а не Есенинские чтения.

8

«Буря! Скоро грянет буря!» — восклицал Максим Горький, некогда живший в Самаре и весьма любивший кататься на лодках по Волге, и буря в конце концов грянула. Конечно, когда подумаешь, что значит эта буря по сравнению с той, что бездумно кликалась в начале прошлого века, то становится стыдно. Но это я сейчас пишу, а когда мы вышли из музея, я сразу почувствовал ужас предстоящего путешествия. Но для чего-то же нам надо было тащиться через ветер, который с разных сторон швырял в нас снопы градинок? Но мы шли. Женщины отвалились от нас довольно быстро, я даже не помню, как мы попрощались и прощались ли вообще. Первые минуты я был сконцентрирован на лужах, но скоро это потеряло смысл, потом на пропадавшей время от времени дороге, потом исключительно на висевшем на правой руке Мише. Петя помогал мне его тащить с другой стороны. Миша то и дело поднимал голову и что-то выл, стараясь попасть в размер и

ритм бури. Когда замаячила впереди пристань, обозначенная белой каймой бившихся о нее волн, я распрямился и перевел дух.

— А где профессор? — оглядел я свое окружение и, не получив ответа, проявил несколько излишнюю эмоциональность: — Блин! Петя, тащи этого, блин, поэта дальше, а я пойду искать Вениаминыча.

Мне было уже все равно: промок я окончательно, разве что добавляли злости бесконечные лужи, и я чуть было не проскочил мимо прислонившегося к стене полуразвалившегося дома профессора.

— От ветра прячетесь? — спросил я.

— Нет, — пролепетал профессор. — Так, по нужде…

— Блин! — снова не сдержался я.

К пристани шли молча. Подошли к понтонам, которые трясло на волнах, словно школьников на дискотеке.

— Я не пойду, — проговорил профессор и уже совсем жалобно добавил: — Я не смогу…

Мне самому было страшно. Я сжал профессорскую руку, как будто это должно было придать ему уверенности, но, скорее всего, инстинктивно пытался передать ему нахлынувшую на меня злость.

— Ой! — пискнул профессор.

— Эй! — донеслось вдруг зычное из-за наших спин и, узнав голос Пети, я сразу расслабился и отпустил профессорскую руку.

Они с Мишей сидели в каменном укрытии, означавшем автобусную остановку у пристани. Точнее, сидел Миша. С откинутой головой, растрепанными мокрыми волосами и полуоткрытым ртом он напоминал эпилептика после припадка. А Петя стоял рядом и махал нам рукой. Вид у него был до неприличия довольный.

— «Омика» не будет, — сообщил он.

— Директриса же сказала, что он вышел, — тупо напомнил я, хотя и так все было ясно.

— Он вышел, но пристать здесь не сможет и потому пойдет только до Жигулевска и обратно.

— А мы как-то сможем успеть до Жигулевской пристани? — произнес я еще более глупую фразу.

Петя подумал.

— Только на такси. Но это надо вызывать машину из Жигулевска.

Мне надоело бороться со стихией. К чему эти подвиги? Случится то, что должно было случиться. Зачем усугублять. Даже если я сейчас дозвонюсь до какого-нибудь таксопарка, вряд ли кто-то согласится сюда ехать. А если согласится, то по дороге чего-нибудь у него обязательно сломается или случится еще что похуже… Петя сразу предлагал заночевать у него, вот и нечего было выкобениваться.

— Пошли к тебе.

Мы подхватили Мишу и двинулись обратно в село. И пошлось нам както поувереннее. Да и буря, кажется, начала стихать.

9

После уличных страхов Петино жилище представлялось прямо-таки обетованным убежищем — так оно и оказалось: в небольшом доме было

уютно, холостяцкая нетребовательность дополняла устоявшееся окружение, когда для каждой вещи давно определено свое место, каждая вещь успокоилась на нем и мирно дожидается конца, зная, что никто ее не сдвинет, не переставит, а тем более не уберет в чулан, пока и сам мир этот не рухнет вместе с хозяином. А главное — в доме было тепло.

Пока мы разоблачались в маленькой прихожке (а с Мишей это заняло немалое время), Петя проскочил к печке, и, когда мы вошли в комнату, дровишки уже потрескивали и руки сами потянулись к огню.

Минуты через две Миша произнес:

— И долго мы так будем тереться друг о друга?

Я оторвался от печки, сходил в прихожку и принес бутылку. Петя поставил рядом рюмки, капусту, огурцы, лук, хлеб. Я разлил и сделал приглашающий жест.

— А чего молчим, как на похоронах? — опять нарушил тишину Миша. — Сказал бы кто чего-нибудь.

— Вот ты и говори… — начал было профессор, но я остановил его: и так хорошо, к чему слова?

Мы выпили, и каждый захрустел, кто огурцами, кто луком, кто капустой, а Миша закусывал запахом хлеба… И уже с расстановкой стали выбирать места: мы с профессором придвинули стулья к огню, Миша остался возле хлеба, а Петя полулежал на диване, чтобы ему было видно всех нас.

— Вот теперь можно и позвонить.

Я достал сотовый, который тогда только входил в общегражданское употребление, и позвонил сначала в музей, обрисовал Ольге ситуацию и сообщил, что мы на данный момент счастливы. Потом жене — ей про счастье говорить не стал, но она и так все поняла, спросила только: ждать меня завтра к обеду или нет? Я обещал стремиться. Хорошая все-таки у меня жена.

— Мне бы тоже домой сообщить, — попросил профессор.

Я набрал номер и передал трубку. Тот двумя руками взял ее, сбивчиво и торопливо обрисовал ситуацию, воскликнул «Ай!», поморщился и так же бережно вернул мне диковинку. Я услышал на том конце отголоски монолога и отключил телефон.

— Говорят, от этого рак бывает, — сказал профессор.

— От этого? — я покачал в руке телефон. — Вряд ли. Все от нервов и неправильного питания…

— А я никому не буду звонить, — доложил Миша, хотя ему никто и не предлагал. — Я лучше выпью.

— Миш, брось, здесь все свои.

— И чего — мне теперь выпить нельзя?

— А зачем? И так хорошо…

— Вам — хорошо, а мне, может, позвонить некому…

— Ну, хочешь, выпей.

— А вы, значит, не будете?

Миша покрутил бутылку, все еще не решаясь нарушить мужское единство.

— Ты чего, литр не мог взять, что ли?

Я вяло отмахнулся, до того мне не хотелось вступать в глупые дискуссии, но Мише нужно было разговаривать или чтобы хоть кто-то, как в театре, подавал ему реплики.

— Вениаминыч, пойдем.

— Отстань, — тут были все свои и с гением можно было не церемониться.

— Петя, ну, ты-то будь человеком!

Петя виновато развел руками.

— Я ж, Мишенька, не пью давно… Так вот, чуточку, как сейчас после дождика, а то подмерз, но больше никак, куда мне после инфаркта…

— Здоровеньким помереть хочешь, — обрадовался оппоненту Миша и начал откровенно задираться, после чего обычно должны следовать обиды и капризы.

Миша говорил с паузами, но Петя только удивленно хлопал глазами и в дискуссию не втягивался. Наконец поэт выдохся:

— Хрен с вами. Один выпью. Пусть вам стыдно будет.

Послышалось бульканье, потом демонстративный хлопок рюмкой о стол и через минуту:

— Ну что, сволочи, так и будете сидеть?

10

— Вообще-то с ним надо быть поосторожнее, — произнес я. — Помните, Павел Вениаминович, как Есенин устроил дебош в Америке? Сидел, сидел себе за столом, а там все: ах, Дункан, ах, Дункан, а на бедного Сережу — ноль внимания, ну, он и сдернул скатерть со стола.

— Причем тут Есенин и Слепцов? — обиделся за предмет своей жизни профессор.

— Нет-нет, я не сравниваю степень таланта, хотя никто, надеюсь, не будет спорить, что Слепцов талантлив, — успокоил я его. — Я говорю только о типе. Так что, Петя, будь настороже, у тебя нет скатерти?

— Есть, — отозвался Петя.

— Не надо ее доставать и вообще лучше убрать все мелкие предметы. Ведь как тот же Есенин, раз говорим о типе, дрался? Он, когда выпивал, начинал со всеми задираться, дрался, как девчонка, то есть даже и не дрался вовсе, а отмахивался, а чаще всего хватал попавшиеся под руку предметы и бросал их в противника, причем предметы мелкие, кружки никогда не бросал, так, Павел Вениаминович?

— Допустим. Только не надо из Есенина делать пьяницу.

— Боже упаси! Есенин никогда пьяным стихи не писал, может, конечно, и пробовал, баловался, имажинизм требовал, но писать — в смысле заниматься творчеством, когда оно приходит свыше — он пьяным не смел никогда. Он благоговел перед чистым листом бумаги и тем даром, который осознавал в себе. Мне в этом смысле нравится история, как Есенин пришел к Катаеву мириться.

— Да-да… Есенин наговорил грубостей жене Катаева, они разругались и не виделись две недели, а тут вдруг приходит Есенин к Катаеву с авоськой, в которой лежали бутылка водки и банка консервов…

— И заметьте: совершенно трезвый! — вставил я.

— Это-то и удивило Катаева. Садится к нему на кровать, сажает его рядом, кладет руку на плечо и говорит: «Друг мой, друг мой, я очень и очень болен…»

— И Катаев тогда не сразу сообразил, что он читает ему новую поэму, — подхватил я, но тут же остановил воспоминания: — Но! Сейчас не об этом: две недели никто Есенина не видел. Где он, спрашивается, был? Он писал «Черного человека». Совершенно трезвый. Да и невозможно столько написать, будучи все время в подпитии. Кстати, раз уж завязалась такая интересная беседа, а не поддержать ли нам Мишу?

— Только по чуть-чуть, — согласился профессор.

— Ты, Миш, как?

— За Есенина? — пьяно отозвался тот.

— За Есенина.

— Да.

Дохрумкав один огурец, я взял второй и благодарно выдохнул:

— Хорошо у тебя, Петя! И чего я, дурак, идти к тебе не хотел? Огурцы-то сам солишь?

— Это Оля из музея. Она все просила Мишу про любовь почитать.

Миша было вскинул голову, но я перебил его.

— Раз уж мы помянули «Черного человека», то могу, Павел Вениаминович, подкинуть вам темку для диссертации.

— Любопытно.

— Помните начало?

— Конечно. И он прочитал:

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Миша всхлипнул.

— Дальше, — попросил я.

— Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.

— Стоп! — воскликнул я. — Петя, что здесь не так? — и понял по обалдевшим глазам Пети, что у него в голове не укладывается, что у Есенина может быть что-то не так. «Зря я так на Петю-то, чего человека пугать», — подумал я и смягчил вопрос: — Ну, или, скажем, что тебя смутило или какой образ показался трудным, что ли, чересчур заковыристым?..

— Про ногу…

— О! А ну-ка, Миша, — я толкнул сидевшего с прикрытыми глазами поэта, — ты же у нас настоящий поэт, — и тот разомкнул веки. — Что там должно стоять? Ну, послушайте, какая аллитерация, какое «ш», а какая «ч»! «Маячить», «черный», «человек», «невмочь»!

— Ночь! — выдал Миша.

— Вот, а вы говорите, к чему сравнивать Есенина и Слепцова? Конечно, ночь! И что мы тогда получаем: «в ночи». Убирается это лишнее «г», и картина получается весьма точной: «на шее в ночи маячить больше невмочь», а «на шее ноги» — это суперабстракционизм какой-то, совершенно чуждый русской литературе.

— Чушь! — воскликнул профессор. — Есенин написал его еще в двадцать третьем.

— Да, но вышла-то поэма только после его смерти!

— Это ничего не доказывает… И потом, потом… Вот вам — «ночь» стоит уже в конце строфы! «Спать не дает мне всю ночь!» Вот! Есенин не мог употребить в одной строфе два раза одно и то же слово!

— Н-да, трудно с вами… э-э… дискутировать. Но, профессор, это я ведь так, для поддержания разговора. И к тому, что о Есенине можно говорить бесконечно и все время находить что-то новое.

— Бросьте, все там давно известно.

— Давайте присядем, — предложил я.

11

Трудно сказать, какой из факторов был определяющим — домашний уют после бури, хорошая компания, молчание Миши или чудесные огурчики, но я пребывал в прекрасном настроении. Хотелось неспеша болтать все равно о чем, не опасаясь за последствия. Хотя последствия есть у всего, даже у пустой болтовни.

— Вот, возьмем алкоголь, — начал я, хотя правильнее было бы сказать, продолжил, — он весьма по-разному действует на людей. Чукчам, например, вообще пить нельзя, а французы и испанцы потребляют больше, чем русские. Что из этого следует? А то, что и мы на него по-разному реагируем: вот Миша, если не в центре внимания, то с каждой рюмкой мрачнеет и жаждет скандала, после которого тут же отключается, а утром просыпается с чистой совестью, как будто ничего и не было… Меня от выпитого тянет на словоблудие, которое не так просто успокоить и которое неизвестно куда может завести, при этом в любом случае утром я буду чувствовать себя нашкодившим школьником. Вы, Павел Вениаминович, человек все-таки страстный и увлеченный, хотя тщательно скрываете это профессорской интеллигентностью, и ваше утро во многом будет зависеть от того, например, выиграли вы спор накануне или нет. Петя же как человек малопьющий, скорее всего, быстро захмелеет, может, даже совершит чего-нибудь этакое, тут диапазон русской души широк и непредсказуем, но в любом случае утром проснется с глубоким чувством вины. А вот Устинов пил совсем иначе.

— Причем тут Устинов? — вскинулся профессор, словно я наступил ему на мозоль.

— Ну… говорили о Есенине, вот Устинов и вспомнился как его противоположность, он-то пил совсем иначе. Это был шкаф под два метра ростом. Выпить он мог немереное количество водки и при этом оставаться, скажем так, в рабочем состоянии. За что его и ценили большевики: он часто обеспечивал группу прикрытия после подпольных заседаний. Подпольными они, кстати, назывались, скорее всего, потому, что большин-

ство питейных заведений в тогдашнее время находились в подвальных помещениях, то есть под полом, так как их старались скрыть с глаз. Но никакой человек не может пить бесконечно, и в какой-то момент его тоже могло переклинить, и тогда — спасайся, кто может, хоть большевик, хоть меньшевик или просто подвернувшийся под руку шпик. Он не помнил себя и начинил крушить вокруг всё и вся. Силы был недюжинной, а она, как известно, требует выхода. Запросто мог одним ударом сломать стол на конспиративной квартире.

— Точно, — неожиданно подал голос Петя. — У нас мастер в цехе был Илья Петрович. Его еще Муромцем звали. Здоровый такой. Кувалдой только так ворочал. Выпить мог — море. И работал так же. Но если перебирал — беда. Весь цех прятался… Прости, Александр, что перебил, уж больно похоже…

— Есенина убили чекисты, — вдруг четко и зло проговорил Миша. — Не трогайте Сережу.

— Брось, — отмахнулся профессор. — Тут уже все доказано-передоказано… сам он, сам… Я тут даже спорить не буду, — Павел Вениаминович демонстративно откинулся на спинку стула и стал ждать, что ему ответят.

— А ты, Петя, веришь, что человек, перед которым вдруг распахиваются такие перспективы: создается под него журнал, готовится собрание сочинений, да еще переводится на новое место, как бы перечеркивая все прежнее, — способен лишить себя этого в самом начале, а? Ну, смотрите: он, словно захлопывая дверь, скандально прощается с Москвой, едет в Питер и там встречается с теми, кто войдет в состав редакции журнала, днем правит рукопись второго тома — и вдруг…

— Есенин не мог повеситься, — тихо, но уверенно произнес Петя, причем в уверенности этой не было ни Мишиной злости, ни моего, в общем-то, больше любопытства, чем стремления докопаться до истины, мне показалось, что я услышал некие мистические нотки, что выдают исповедников, и мне на мгновение стало жаль профессора, да и вообще жаль, что я все это затеял.

— Отлично! — воскликнул я. — Никакой русский в это не поверит, потому что это перечеркивает саму суть русскости. Есенин настолько точно и сильно выразил русского человека, что стал его символом, тем образцом, на который показывают, когда хотят сказать: вот ярчайший представитель русского народа. Не типичный, а ярчайший. Именно такой и может быть образцом. Но русский человек не может так греховно покончить со своей жизнью: самоубийство — это отречение от Бога. Потому и не принимает русский человек мысль о самоубийстве Есенина. А для врага-то рода человеческого как раз и нет ничего замечательнее, как показать: вот он, ваш русский человек, он — самоубийца! Потому-то душа русского человека, любя и понимая Есенина, не может принять мысль о его самоубийстве. То есть об убийстве самой себя. Ясно выражаюсь?

— Витиевато и спорно, но доступно, — оценил профессор.

— Большая трагедия для человека, когда он чувствует душу одного народа, а вынужден писать на языке другого. О-о, как ему порой бывает ненавистен этот народ за такое несовпадение! И непонимание. И как ни старайся, хоть ты и талантливейший Бродский, но никогда не станешь русским — душа-то другая.

— Хрен ему!

Эх, а я уж думал, что Миша спит.

Я сделал паузу, но никаких реляций от поэта больше не последовало, Миша опустил голову на стол, и я продолжил:

— А вот мученическая кончина для русского человека вполне понятна и объяснима, и только такую кончину он и может принять.

— Все это милая лирика, а есть точные факты, — улыбнулся профессор, будто разговаривая с малым дитем. — И если уж о душе заговорили, то ведь даже священник, который крестил Сергея, к которому он не раз заезжал и который, можно сказать, был его духовником, признал, что Есенин покончил жизнь самоубийством.

— Как же он это признал?

— Очень просто. Когда ему сообщили, что Есенин покончил жизнь самоубийством, то он так и сказал: «Я чувствовал, что нечто подобное случится».

— И где же здесь признание самоубийства? «Нечто подобное» — это в первую очередь значит раннюю трагическую гибель.

— Так ведь ему сообщили о самоубийстве, и он принял это.

— Он сказал: «нечто подобное». А потом сам же и отпевал Есенина, как, впрочем, и во многих русских церквях, а самоубийц, как вы знаете, не отпевают.

— То есть ты считаешь, что все это дело рук чекистов, что там устроили западню, пробрались по тайном ходу, и вообще во весь этот бред?

Я молчал.

— Ха! — сказал профессор.

— Допьем? — предложил я.

Мы придвинулись к столу.

— И ты, Петь? — удивился я, когда Петя подвинул свою рюмку. — Что ж, тут как раз и осталось…

Когда выпили, профессор предложил:

— Может, перенести поэта на кровать? Или подушку принести?

— Ни в коем случае. Уверяю вас, если бы ему нужна была подушка, он потребовал бы ее, была бы нужна кровать — добрался бы, а так он сейчас счастлив в том состоянии, в каком есть. Это, конечно, состояние свинское, но когда счастливого человека пытаются сделать еще счастливее, то обычно все портят. И потом, в попытке сделать другого более счастливым всегда можно отыскать следы банального эгоизма. Так что не будите спящего человека. А что касается заговоров, то я в них не верю, но и самоубийства не принимаю. А как там было на самом деле… Бог его знает, — и убрал пустую бутылку под стол.

— Могу рассказать…

Мы с профессором с удивлением посмотрели на Петю. Тот пристально смотрел на нас, словно собираясь открыть страшную тайну. Какой-то это был другой Петя.

— Что расскажете? — спросил профессор.

— Как все было. Там, в «Англетере», в ночь с 27 на 28 декабря.

— Перестаньте…

— А я бы послушал.

— Да ведь все уже давно известно…

— Нет, профессор. Послушаем. Выслушать-то вы можете? К тому же, Петя сегодня еще не высказывался.

— Я лучше спать пойду.

— Нет уж, посидите с нами, — я чуть ли не силой удержал профессора на его креслице и повернулся к Пете: — Любопытно.

Петя вышел из-за стола и сделал пару шагов до шкафа и пару обратно — больше комната не позволяла. На некоторое время замер у стола, видимо, ища опору, от которой сильнее можно было бы оттолкнуться.

12

— Устинов! — выпалил Петя.

— Тю-ю! — разочарованно протянул профессор. — И ты туда же.

— Он слишком любил Сережу!

— Что?! — подпрыгнул профессор.

— Да нет, я не о том, — испугался Петя. — Я же не клюевские страстишки имел в виду. Устинов любил Сережу беззаветно, как… как… ну, я не знаю…

— Как разбойники любят Христа, — подсказал я.

Петя несколько удивился такой подсказке, а профессор вообще не обратил на меня внимания.

— Устинов плакал, когда слушал Сережу. Он понимал, кто это на самом деле, и потому вытаскивал его из всяких житейских передряг, которые сгубили бы Есенина гораздо раньше. Мне кажется, это именно он во многом поспособствовал переезду Есенина в Питер, и он же помогал с устройством журнала, потому что в ОГПУ как раз он отвечал за культуру. Он и в Питер-то поехал для того, чтобы не оставлять на первых порах Есенина одного. Может, и присматривать, но не для того, чтобы выбрать момент для убийства, а чтобы его оберечь.

— Тогда почему — Устинов? Ты, Петя, совсем нас запутал.

— Меня нет, — отозвался я, но профессор и сейчас не обратил на меня внимания. — Вспомните, как закончил жизнь Устинов? Он повесился в клинике для сумасшедших. Вам это ничего не напоминает?

— Ну, это вообще не аргумент.

— Не скажите, для русского человека, который делает выводы не из фактов, которые ему показывают по телевизору, а из того, что душа подсказывает, это очень весомый аргумент! — напомнил о себе я. — Вот говорят: ура, всем поднимут пенсию с первого июля! А народ сразу: ага, стало быть, с первого июня поднимут квартплату.

Профессор все-таки обратил на меня внимание и недоуменно посмотрел в мою сторону.

— Это-то причем?

— Кончина — очень важное доказательство в деле следствия жизни человека. И, если, скажем, допустить, что именно Устинов, трепетно любивший, по словам Пети, Есенина, его же и убил, то вполне допустимо, что потом он мог сойти с ума, а в итоге и проделать над собой то, что сделал с любимым человеком, то есть повеситься.

— Устинов не вешал Есенина, — сказал Петя.

— Тогда и я ничего не понимаю.

— Он его ударил бутылкой по голове…

Мы долго молчали, пока Петя наконец не произнес:

— По пьянке. Отсюда, между прочим, у Есенина вмятина на лице, а не от какой-то там трубы парового отопления.

— Чушь! — наконец пришел в себя профессор.

— Подождите-подождите, Петя, вы хотите сказать, что Устинов с Есениным квасили всю ночь, а потом тот его грохнул?

— Ну да, они допивали спирт из трехлитровой банки, которую принес художник.

— Какой еще художник?

— Который пришел днем к Устинову договариваться о своей выставке. Устинов же был влиятельной фигурой и, как я сказал, отвечал в ОГПУ за культурный участок. Вот он и пришел договариваться, а, как у нас водится, все дела решаются под водку. Водку в то время в Питере достать было очень трудно, а вот спирта хоть залейся. Он и пришел к Устинову с банкой спирта, но сам, разумеется, быстро вырубился и отчалил, а спирт остался. Ну и что прикажете с ним делать только разогревшемуся Устинову? Конечно, он пошел к любимому Сереже стихов послушать, о душе поговорить, поплакать, в конце концов.

— Стоп! А ты же сказал сначала, что он его бутылкой грохнул, а теперь про банку спирта…

— Бутылку принес Эрлих. Он целых шесть бутылок пива принес. Эрлих считал, что пора бы уже Сереже чуть-чуть расслабиться, а то третий день трезвый ходит. Не напиваться, ни в коем случае, а так — под пивко! А заодно, под пивко-то, и разузнать, какие на самом деле у Есенина планы. О, эти мнимые друзья! А заодно еще и агенты. Но Эрлих застал Есенина как раз за работой над вторым томом, и тот с ним пить не стал. Эрлих притворился сильно обиженным, мол, я к тебе с пивом, а ты со мной и поговорить не хочешь. Есенин, интеллигентнейший человек, чтобы не обижать товарища, оторвался от работы, выпил с ним одну бутылку пива, а после все-таки попросил дать ему возможность поработать. Эрлих решил, что его просто выпроваживают, потому что слабеньким поэтам никогда не придет в голову мысль, что над стихами надо еще и работать. Так вот, чтобы человек не уходил с обидой, Есенин догнал Эрлиха в коридоре и сунул ему записку. Это был извиняющийся жест, не более того. Обиженный Эрлих даже не стал читать, а сунул записку в карман и ушел…

— Кстати, — опять перебил я Петю и заставил нервно дернуться профессора. — Это стихотворение не было написано только что. Это у графоманов стихи рождаются мгновенно и сразу на века. А «До свиданья, друг мой, до свиданья» — это всего лишь отголосок не так уж давно написанного «До свиданья, пери, до свиданья…». Даже размер тот же. А Есенин, как мы только что слышали, над вторым томом сидел. Может, как раз над этим стихом и работал…

— Да прекратите вы измываться над историей или нет?! — возопил профессор.

— А какие раньше делали пивные бутылки! — с некоторой ностальгией вздохнул Петя. — Жаль, Александр, ты не застал.

— Но представление имею.

— Откуда?

— Ну, все же смотрели про Максима. «Крутится, вертится шар голубой…». Как там Чирков с Жаровым в биллиард играли. «Я угощаю». — «Нет, я угощаю». — «Пиво для моего лучшего друга!»

— Верно! Это были высокие бутылки с длинным и узким горлышком, их потом еще под «коктейль Молотова» использовали. А по бутылке-то они с Эрлихом выпили. А куда ставят пустые бутылки?

Я покосился на нашу пустую бутылку, которую я машинально поставил возле ножки стола. Петя проследил за моим взглядом и подтверждающе кивнул:

— Пусть пока там и стоит.

— Все равно, Петь, тут белое пятно, не мог Устинов просто так шандарахнуть любимого Сережу. Я, конечно, могу домыслить какую-нибудь ссору…

— А не надо ничего домысливать… Если Эрлиха Есенин спровадил, то Устинову, который был для него благодетель и покровитель, в общении отказать не мог. Они выпили, поговорили, и куда бы потянуло дальше двух веселых подвыпивших мужиков? А, Александр?

— Я женатый человек. Меня не впутывайте. И Устинов, кстати, тоже был женат…

— Это, скорее всего, не было браком по любви. Да и жили они с женой в разных комнатах. Но не в этом дело: после полуночи они спускаются в холл и звонят бывшей любовнице Устинова.

— Вы о ком?! О Гариной?!! — профессор буквально подпрыгнул в кресле, но, посмотрев на нас и, видимо, осознав, что не стоит так уж реагировать на дилетантов, опустился обратно, бросив только: — Этой шизофреничке вообще верить нельзя!

— Почему же? — удивился Петя. — Она, конечно, баба та еще, и я соглашусь с вами, больше фантазирует, но ведь фантазировать и выдумывать — разные вещи. У фантазий, как у легенд, всегда имеются основания. Ведь если отбросить явные глупости и несуразицы, какими обычно любят украшать повествования неудавшиеся писательницы, то суть-то останется верной. И потом, невозможно выдумать телефонный звонок, когда и портье говорит, что Устинов с Есениным выходили в холл и звонили по телефону.

— Гарина — бывшая любовница Устинова? — удивился я.

— Ну да. Это еще в бурные предреволюционные годы. Потом она вышла замуж за революционера и устроила в Питере некое подобие литературного салона. Там бывали Горький, Бунин, тот же Есенин был ей хорошо знаком и даже ухаживал за ее старшей дочерью. Так вот, когда Устинов сказал, что они сейчас приедут, она заколебалась, иначе прервала бы разговор сразу, но по Устинову невозможно было понять, пьян ли он. И тут он обмолвился, что не один, а с Сережей Есениным. «А ну, дай-ка ему трубочку», — попросила она. Не ожидая подвоха, Устинов передал лучшему другу трубку. А тому что? Тому, когда только начали пить, было весело и куражисто. Гарина попросила вернуть трубку Устинову и наотрез отказала в приеме: «Завтра проспитесь и приезжайте».

— Обломала короче, — вставил я.

— Раздосадованный Устинов, а это всегда досадно, когда любовница, хоть и бывшая, говорит «нет», начал упрекать Есенина: это ты, мол, виноват, мог бы вести себя поприличнее. Хотя сам же ему трубку и дал. Есени-

ну же было только весело. Плевать ему было на баб, куда забавнее было дразнить не давшего поработать Устинова и наблюдать, как тот все больше и больше начинает беситься. К чему это может привести, мы знаем: Лермонтов довел издевками расфуфыренного Мартынова до дуэли, на которой и сложил свою голову. Есенин этого не замечал…

13

Петя посмотрел на мирно спящего Слепцова. Затем пододвинул к себе свободный стул и, развернув его, сел, опершись руками о спинку. И все это время продолжал смотреть на Слепцова. Затем продолжил:

— …Устинов напивался и мрачнел. Слово за слово, Есенин все-таки довел Устинова до бешенства, и между ними завязалась потасовка. Есенин, по своему обыкновению, стал, отбиваясь от громоздкого Устинова, бросать в него все, что попадалось под руку, и наконец Устинову этот детский сад надоел, — Петя потянулся вниз к поставленной мною под стол бутылке. — Рука его нащупала стоявшую под столом пивную бутылку, и он… — Петя замахнулся, я невольно вскрикнул. Петя удивленно посмотрел на меня и вернул бутылку обратно под стол, потом спокойно докончил: — …саданул ей, особо не целясь.

— Ну, хватит уже… — проворчал, не поднимая головы, Слепцов.

Все смотрели на Мишу. Тот перевернулся с одной щеки на другую, что-то буркнул и затих.

— Пить было больше не с кем, Устинов пошел к себе в номер и лег спать.

Петя помолчал, потом осторожно поднялся со стула, отставил его, будто это случайно потревоженный мистический предмет, и пересел на кровать.

— Ха! — этот всклик профессора был так неожиданен и дик, что я вздрогнул. — А кто же тогда его повесил? Молчите?!

Петя молчал.

— Или вы тоже верите в тайный ход, которым проникли чекисты?

— Ну, Петя? — попросил его и я.

— Дальше все просто, — устало, словно актер после трудного спектакля, проговорил Петя. — Помните, как любил говаривать по утрам замечательный наш поэт Владилен Кожемякин? Хотя, Александр, вы его не застали…

— Зато его поговорку теперь у нас все повторяют: краток сон алкоголика. Так?

— Именно. Устинов спал недолго, не более четырех часов. Потом очнулся, — Петя медленно поднялся и, ощупав голову, натурально простонал: — Башка трещит. Ну, куда первым делом идти? Конечно, ноги сами несут туда, где пьянку заканчивал, в надежде, что там чего-нибудь осталось, — Петя поднялся и подошел к столу. — С Есениным они пили недолго, так как Есенин разговаривал с Гариной в хулиганском, но непьяном состоянии, драка у них случилась почти сразу же… Заходит, а там Сережа лежит. Ну что он, лежащего Сережу не видел? Конечно, первым делом Устинов потянулся к трехлитровой банке, где еще оставалось на донышке, — Петя взял трехлитровую банку из-под огурцов, в которой мутнел рассол и топорщилась по стенкам зелень. — Налил, — Петя выплеснул в стакан рассол. — Выпил, —

Петя выпил рассол и картинно выдохнул, будто и впрямь жахнул спирта. — Поставил банку и обратился к Сереже: «Вставай».

Мы замерли, потому что Петя реально положил руку на плечо Мише и потряс его.

— Вот не надо этого амикошонства! — пьяно запротестовал Слепцов и опять поменял щеки, отвернувшись от Пети. Тот отдернул руку, а мы облегченно вздохнули.

Петя отошел от Слепцова.

— И что делать?

— Не трогай его! — у меня не выходило из головы, как Петя прикоснулся к Мише, и внутри еще сидел страх, что Миша может не откликнуться на прикосновение.

— Я про Есенина, — уточнил Петя.

— И что?

— Есенин-то мертв. Устинов перевернул его, увидел вмятину в пол-лица и услышал, что тот не дышал. Может, даже подумал: «Кто ж его так?» А потом дошло: да ведь это же я его убил, бутылкой-то.

— А почему Устинов решил, что Есенин уже мертв? Он что, врач, что ли? — я все еще смотрел на живого Мишу. — Надо заметить: пьяный человек на редкость живуч.

Петя немного замялся.

— Как-то я не подумал об этом… Но общего хода это не меняет. Представьте себе похмелившегося мужика, который трезвым, разумеется, еще не является. Ну?

Мы представили, я, по крайней мере, подставил все довольно живо.

— В его еще отуманенном алкоголем мозгу высвечивается, что он убил человека. И это не скрыть. О том, что этот человек — любимый им Сереженька, он, возможно, и не думал. Устинову бросается в глаза распухший от вещей чемодан, он срывает с него веревку, которой тот для надежности был перетянут, обматывает шею Есенина и подвешивает его к трубе парового отопления. Заметьте: достать до высоко расположенной трубы мог только двухметровый Устинов и только такой здоровяк, как он, мог без посторонней помощи поднять одной рукой Есенина, а другой завязать на трубе веревку. И только в полупьяном состоянии человек может делать так все судорожно, импульсивно, чаще всего не соображая, что творит, и в то же время подчиняясь некой руководящей им логике. Если бы это был хладнокровный убийца, он, конечно бы, нашел другую удавку, галстук, например, коих у Есенина в том же чемодане было в изобилии, он не стал бы тупо обматывать веревку вокруг шеи, а все-таки сделал бы правдоподобную петлю, а также догадался бы подставить под ноги жертвы хотя бы стул или столик. Но дело сделано, и Устинов устало допивает спирт…

— А оставалось еще? — уточнил я.

— Не знаю, но для полноты момента надо, чтобы допил, это к тому же еще ненадолго прочищает мозги, и он заметает последние следы: забирает полупустую банку…

— Все-таки оставалось, — перебил опять я, — иначе бы он ее не забрал.

— Допустим. Заходит к жене, будит ее и говорит, что Сережа перебрал вчера и как-то буйно себя вел, и попросил, чтобы та утром позаботилась о нем. Утром, как положено человеку на службе, явился Эрлих, и они пошли проверять буянившего вчера Сережу. Все.

Молчание прервал я.

— Гм, Петя… Ты так все это хорошо рассказал, я бы даже сказал, представил, что невольно подумалось: а у тебя нет где-нибудь… э-э-э… какой-нибудь посудины, ну, если не со спиртом, то спиртосодержащей составляющей…

Петя вздохнул и с укоризной посмотрел на меня:

— Сейчас, — и вышел.

14

Минуты две мы просидели в тишине, и тут раздался прерывистый смех профессора.

— Что это вы, Павел Вениаминович? — обиделся я. — Поделитесь, может, вместе посмеемся? Вы что, не можете допустить, что именно так все и происходило?

— Нет! — рявкнул профессор, и я грешным делом подумал, а не тронулся ли он умом. Но Павел Вениаминович тут же взял себя в руки и спокойно произнес: — Все это литературно-художественные измышления, никакого отношения к реальности не имеющие! Существует масса фактов, которые легко всю эту душещипательную историю о бытовом непреднамеренном убийстве, как пишут в протоколах, развалят, как карточный домик.

— Ну так опровергните.

— Нет ничего проще.

— Ну?

— Например, ключ.

— Что — ключ?

— Дверь-то была заперта изнутри! Об этом все говорят. А заперта она могла быть только человеком, который оставался в комнате, а это был Есенин. Одного этого достаточно, а есть еще масса других доказательств. Экспертиза, свидетельства, и прочая, прочая, проча… Послушайте, — голос его вдруг стал мягким и ласковым, — вы ведь не верите в эту… как бы сказать… фантасмагорию?

— А во что мне верить? Меня там не было. Я знаю только одно: Есенин — великий русский поэт. Дожившим до 1937 года я его в любом случае не представляю. Как, например, не представляю Высоцкого во время перестройки. Ведь сказано: Господь забирает людей, когда они уже не могут стать лучше или когда они стоят на грани такой пропасти, из которой им уже не выбраться. Представьте, что у Есенина получилось бы с пробольшевистским крестьянским журналом? Ведь оставался только один шаг. Талантливейший Маяковский тоже купился на Окна РОСТА, получал за это неплохую пайку, а потом уже не мог выбраться. И чем это в результате закончилось? Но в самоубийство Есенина я не верю, как не верю в самоубийство русского человека.

— Бросьте, сейчас самоубийства на каждом шагу.

— Между прочим, на первом месте по самоубийствам стоит самая цивилизованная Швеция.

— У нас в институте, то есть теперь академии, только и слышно о самоубийствах. Люди расстаются с жизнью так же легко, как будто это игра, где у них есть запас из нескольких жизней.

— О! Да вы, Павел Вениаминович, продвинутый геймер.

— Чего?

— Да так, не берите в голову. Но разве эти самоубийцы — русские люди? Пусть даже по фамилии они будут Ивановы, но «русский» — это прилагательное. Это россиянин — существительное, обозначающее человека, живущего в России. А «русский» прикладывается к образу жизни, и русским может стать и необязательно единый по крови, но вот по вере — обязательно. Россиянин, если хотите, понятие материальное, а русский — духовное. И потому быть русским всегда выше. Этим русский и отличается от россиянина. И, чтобы быть русским, необязательно жить в России.

— Вы монархист?

— Причем тут это? Мне кажется, русским вообще свойственно стремление быть подальше от власти. Мы и варягов-то позвали, чтобы они охраняли русский мир от вмешательства извне. Поставили, так сказать, на кормление.

— А вышло-то…

— Да, мы можем многое терпеть, только люди, оказавшиеся у власти, почему-то сразу начинают думать, что терпение это беспредельно. Как ни странно — нет, как только начинают посягать на душу, а это происходит со всеми, у кого материальная выгода заглушает все остальное, вот тут и предел терпению русского человека. По натуре своей русский человек аполитичен. Это сейчас его пытаются растравить выборами и прочей ерундой. А так — плевать нам, по большому счету, кто у власти, лишь бы жить не мешали. А жизнь — это попытка воссоединения с Богом. Мы потому и такие большие пространства освоили, что русский человек подальше от власти уходил. Чем дальше — тем спокойнее.

— А ты знаешь, какие сейчас настроения у нас в инсти… тьфу, в академии…

— Вы говорили: одни потенциальные самоубийцы.

— Да нет, это крайность, а так — сплошные революционеры.

— И это понятно: у них же что-то там болит внутри, а они не могут понять что. Им говорят, чтобы боль прошла, надо хорошо выпить, пожрать и заняться сексом, они это делают, а боль все равно не уходит, некоторых даже еще сильнее прихватывает. И они чувствуют, что им лгут, что истина заключается не в жратве и сексе, а в чем-то другом. А в чем? Где? Вот они ее и ищут.

— Хм, а где же, по-вашему, истина?

— Профессор, не надо, я уже слышал этот вопрос.

— Где?

— В Евангелии от Матфея. Предпоследняя глава.

Хлопнула входная дверь.

— Наконец-то, — раздался хриплый голос.

Мы дружно обернулись на Мишу, про существование которого стали уже забывать.

15

— Только за смертью посылать, — проворчал Миша и, откинувшись на спинку стула, оглядел нас сумеречным взглядом.

Зашел Петя, с удивлением уставился на проснувшегося поэта и постарался завести правую руку за спину.

— Не прячь, давай на стол! — приказал Миша.

Петя виновато посмотрел на нас, мол, не уследил, и поставил принесенную бутылку на стол.

— А чего одну-то? — продолжал ворчать Миша. — Пошли дурака за бутылкой, он одну и принесет, — Миша, взяв бутылку, покачивал ее из стороны в сторону, и вдруг из него вырвалось: — Господи, как она мне надоела!

— Не пей, Мишенька, — подхватил Петя. — Идем-ка я лучше тебя спать отведу. Там наверху комнатка есть, как раз для тебя, там хорошо, воздух свежий, выспишься.

Миша продолжал покачивать бутылку, мы замерли, словно та невидимая вселенская битва, о которой говорят богословы, отражалась на измученном Мишином лице. Я мельком глянул на Петю и поразился страдальческому и вместе с тем отрешенному выражению его лица, какое бывает у молящихся старух, губы его чуть подрагивали.

— Пошли, — сказал Миша и отставил бутылку.

Петя сразу подхватил его и повлек наверх, Миша был легок и послушен, но на лестнице обернулся и погрозил нам пальцем:

— Без меня не пить.

Я и профессор дружно кивнули, словно нам под пистолетом приказали сидеть смирно. Когда сверху донесся всхлип кровати, у нас одновременно вырвался вздох облегчения.

Спустился Петя и сел на диван. К бутылке никто не притрагивался, будто она и правда находилась под запретом.

— Погода на улице чудесная, — произнес Петя, — раздуло все. Утром вы как хотите: сесть на «омик», когда он в Жигулевск пойдет, или уже на обратном пути?

— А когда обратно?

— На полтора часа позже.

— Обратно, — решил я. — Лучше поспим.

Петя согласно кивнул.

И я уже готов был последовать Мишиному примеру и где-нибудь возлечь, но тут возмутился профессор:

— Стойте! Стойте. А как же… Как же доказательства? Вы же хотели доказать, — он схватил Петю за руку.

— Ничего я не хотел доказывать, — Петя выдернул руку и опасливо посмотрел на профессора, потом вопрошающе на меня.

— Доказать ничего невозможно, — устало сказал я. — Вот вы, профессор, можете доказать, что Бог не существует?

— Да отстань ты со своим Богом, — раздраженно отмахнулся профессор. — Ключ! Почему дверь была заперта изнутри на ключ?

— А-а, вы про это… — облегченно вздохнул Петя. — Сейчас, — и он вышел, а мне показалось, что это «сейчас» прозвучало у него куда легче, чем «сейчас», когда он уходил за водкой.

16

Через минуту он вернулся и положил перед нами два обычных ключа — две нелепых раскоряки на длинной ножке.

Но странное дело: во мне вдруг опять проснулось мистическое чувство, как тогда, когда Петя представлял Устинова.

— Что это? — спросил профессор.

— Это ключи от кладовки. Сейчас я вам покажу, как это делается…

— Э-э, Петя, осторожнее, — начал я, — ключи — любые ключи — это всегда тайна запертой двери, а тут еще от кладовки, да еще их два…

— Они одинаковые, — перебил Петя. — Бери любой.

— Вот этот, — я указал на ключ, лежащий справа.

— Вот ты и будешь администратором. Бери смелее.

Я взял ключ, обычный, простой ключ, но от него исходило нечто, что меняет вещи, словно открывая в них еще иное пространство.

— А что у тебя в кладовке? — спросил я.

— Да ничего особенного — всякий хлам. Просто у меня больше нет таких замков… как там, в том номере… — Петя повернулся к профессору: — Раз Александр — администратор, то вы, значит, будете Эрлих.

— Почему я? С какой стати? Я не хочу быть Эрлихом! — закипятился профессор.

— Ну, Эрлих же пришел с администратором к двери.

— Он пришел с женой Устинова.

— Хорошо, будьте женой Устинова.

— Нет уж…

— Поэтому я предложил вам Эрлиха. Он пришел сначала с женой Устинова, а потом позвали администратора.

— Да не буду я Эрлихом, куда вы меня впутываете?!

— Перестаньте! — прервал я. Зажатый в руке ключ жег мою ладонь. — Пусть остается профессором. А ты, Петя, получаешься опять Устиновым?

— Почему опять? — удивился Петя, потом, вспомнив, нахмурился. — Нет. Я только покажу вам, что это возможно. Идемте.

Мы вышли в прихожую: я шел за Петей в предвкушении тайны, а профессор прятался за мной, как набедокуривший ребенок.

Петя указал на обычную дверь.

— А где же холст? — разочарованно протянул я.

— Это обычная каморка… тьфу, да нет, комната, где у меня валяется всякий хлам, — и вдруг он замер перед дверью, словно что-то услышал внутри.

— Петя, — позвал я.

— А? — тот вздрогнул. — Да ну вас. Смотрите: вот ключ, каморка, то есть кладовка, у меня, разумеется, не запирается, но сейчас я запру ее изнутри, а ключ оставлю в замке, — объяснил он, словно собирался показывать фокус на эстраде, и тихонько приоткрыл дверь.

Я попытался заглянуть через Петино плечо, но тот тут же закрыл образовавшуюся щель, и я увидел только темноту.

— Ну чего тебе? — досадливо произнес он. — Говорю же: там старые ненужные вещи. Идите в комнату, я позову. Ну, идите же!

— Пойдем, — потянул меня от двери профессор.

Мы вернулись к печке и сели на прежние места.

— Не нравится мне все это, — произнес Павел Вениаминович. — Что он задумал, а?

Я пожал плечами и разжал правую руку, на ладони у меня лежал обыкновенный ключ. И тут профессор брякнул:

— Повесится сейчас, а мы возись потом.

17

Я бросился в прихожую и столкнулся в дверях с довольным Петей.

— Ага! Вам, конечно, уже сообщили, товарищ администратор, что жилец пятого номера закрылся изнутри и не отзывается на стук. Но только первым должен пойти Эрлих. Эрлих! — позвал Петя и потом чуть обиженно, как дети, которые придумали интересную игру, а взрослые не хотят посмотреть ее. — Павел Вениаминович!

— Не пойду я никуда!

— Мы же договаривались!

— Ни о чем мы не договаривались.

— Но вы же сами хотели убедиться, что можно оставить ключ по ту сторону двери, а самому оказаться по эту?

— Я во всем давно убедился. И вообще хочу спать.

— Ну, Павел Вениаминович, — заканючил Петя и в самом деле как маленький ребенок.

— Идемте, Павел Вениаминович, Петю нельзя обижать, а потом мы отправимся спать.

— Ладно, — профессор с шумом поднялся, показывая, что действует по принуждению и только ради того, чтобы быстрее от него отстали.

Мы вежливо перед ним расступились.

— Идиоты, — пробормотал профессор. — Ну, где ваша дверь?

Мы шли за ним плотно, предотвращая всякую возможность развернуться и убежать.

Так мы дошли до двери. Я сразу увидел ключ (хотя это неправильно: увидеть я никак не мог, потому что невозможно увидеть в неяркой прихожей кончик торчащего в замочной скважине ключа), и, когда мы вплотную подошли к двери и можно было рассмотреть скважину замка, нисколько не удивился.

— Вот! — радостно, как удачливый фокусник, объявил Петя. — Дверь заперта изнутри, а я — здесь.

Профессор некоторое время тупо смотрел на замочную скважину. Наконец рука его потянулась вперед и коснулась двери.

— Смелее, — подбодрил его Петя.

— Да что это такое?! — профессор попытался отскочить от двери, но наткнулся на нас. — Пустите меня!

— Это он за администратором рвется, — пояснил я. — А я уже здесь. Можно мне?

— Пожалуйста, — разрешил Петя.

Я приблизился к двери и, хотя сначала собирался ее толкнуть, не знаю почему, тихонько постучал, словно я действительно дисциплинированный портье.

Все напрягли слух, но с той стороны не донеслось ни звука.

Я снова постучал, уже решительнее, как проводник за час до конечной остановки.

— Смелее!

И я толкнул дверь. Она не поддалась.

— Ага! — воскликнул Петя.

Я стукнул в дверь. Она, как мне показалось, странно спружинила, но осталась закрытой.

— Откройте! Товарищ Есенин, откройте! Именем революции, иначе мы вынуждены будем взломать дверь, и вы будете оплачивать материальный ущерб, нанесенный революционному имуществу! — я затарабанил в дверь. Она странно пружинила, причем именно в районе замка, но не открывалась.

— Э-э! — остановил меня Петя. — Администратор не стучал, а привычно достал отмычку, видно было, не впервой, а может, и знал что, и, распахнув дверь, ушел. Первой в комнату вошла жена Устинова.

— А у меня нет отмычки! — ответил я, собираясь как угодно проникнуть за эту чертову дверь.

— Чего разорались? — донеслось из-за спин.

Мы дружно вздрогнули и оглянулись.

18

— Ну, чего уставились? Живой я, живой… — Слепцов стоял всклокоченный, в нелепой, с большим вырезом, майке и семейных трусах. Причем пьянел на глазах. Видно было, насколько мы приходили в реальность, настолько он из нее уходил.

Первым сообразил Петя, подскочил, подхватил поэта, и тот сразу, почувствовав опору, обмяк на его руках.

— Зачем же ты встал, Мишенька? — залепетал Петя. — Разбудили мы тебя, негодники, пойдем, пойдем, миленький, я отведу тебя в кроватку.

Миша послушно двинулся за Петей, но обернулся и погрозил мне и профессору:

— Смотрите у меня!

Мы вернулись в комнату.

— Черт-те что, — бормотал профессор.

— Вот сука! — воскликнул я.

— Что? — не понял профессор.

— Да он полпузыря выжрал! — пояснил я, показывая на стол.

— Кто? — профессор все еще был далеко.

— Пойду рожу ему начищу, — не выдержал я. — Надоел он мне.

— Тихо-тихо, — это спустившийся Петя стал удерживать меня. — Пусть спит. Разбудили мы его, — и умилительная до тошноты улыбка разлилась по его лицу.

Я сел к столу.

— Петь, чего ты с ним носишься?

— Миша — настоящий поэт. Ему много дано. И ему многое можно простить.

— А мы, значит, так тут, просто водку пьем, да?

— Ну, зачем же так… — расстроился Петя.

— А впрочем, и правильно, — вдруг согласился я. — Давайте соответствовать и выпьем, пока этот гений снова нас не посетил.

Я разлил оставшуюся водку.

— Зачем так помногу? — спросил Петя.

— А чего два раза морщиться-то? Да и спать крепче будем.

— Ты, Александр, отлей из моего стакана себе…

— Не вопрос. Павел Вениаминович!

— У вас там окно? — спросил профессор.

— Что? — не понял Петя, наморщил лоб и посмотрел на профессора. — Нет, что вы. Там глухая комната. И уверяю: никаких потайных ходов там нет, — Петя рассмеялся, и смех у него получился такой же масляный, как улыбка.

Я выпил свои полстакана с четвертью и объявил:

— Все. Я пошел спать.

— А тебе разве не интересно, как…

— Нет, — перебил я Петю. — Мне интересно, куда ты меня спать определишь.

— Если хочешь, наверху есть еще одна кровать.

— С Мишей в одной комнате спать не буду. Он достанет охами, ахами и требованиями водки. Уже проходили, сам с ним спи.

— Хорошо, тогда ты иди в мою комнату, а Павел Вениаминович ляжет здесь на диване.

— Куда идти?

— За кухней. Я провожу.

— Не надо.

Я взял было огурец, но он оказался последним, и я вернул его на тарелку. В дверях классически обернулся:

— Павел Вениаминович, не парьтесь. Он просто вбил деревянные клинья между дверью и дверной коробкой. Обычный воровской прием, известный любому чекисту. И, кстати, жену Устинов попросил утром проверить Сережу, потому что был уверен, что она не будет сильно стучать, поэтому клинья мог сделать хоть из спичек. А торчащий изнутри ключ увидит. Ну, а дальше… Ладно, пошел я спать.

Спал я, как ни странно, хорошо и покойно.

19

Наутро было неловкое чувство совершенной накануне глупости, наверное, поэтому говорили мало. Позавтракали и отправились на причал. Погода была изумительная. Словно в другом мире оказались. Точнее, вчера были в другом, а сейчас вернулись в нормальный. Солнышко пригревало, ветерок хоть и был, но свежий, бодрящий.

Пришел «омик». Мы тепло попрощались с Петей. Я спросил, больше, конечно, из благодарности:

— А чего ты не напишешь об этом?

— Кому это надо?

— Я в журнале напечатаю!

— Ладно, — то ли пообещал, то ли отмахнулся Петя.

В Самаре мы пожали друг другу руки и с некоторым облегчением расстались. «С некоторым облегчением» — вовсе не значит, что отношения между нами испортились, просто в душе все еще оставалось некое чувство неловкости за совместно пережитое вчера. А так я всегда рад видеть Мишу

и, когда приезжаю в столицу, обязательно стараюсь с ним увидеться. Павел Вениаминович приглашает меня на разные выступления в университет, а я, в свою очередь, неизменно зову его в жюри всевозможных литературных конкурсов. Но о последнем дне Есенина, вернее — ночи, мы никогда больше с ним не заговаривали…

20

…К вечеру разными путями до меня стали доходить подробности о смерти Пети. Одна была чудовищнее другой, я понимал, что домыслов в них куда больше, чем правды, но все говорили об одном: Петя повесился. Да еще в той самой боковой каморке, дверь в которую пять лет назад он забивал деревянными клиньями. И я решил ехать в Ширяево.

Успел я как раз к похоронам. Из сошедших на берег на ширяевской пристани пятеро повернули к дому, где жил Петя. И мы, незнакомые люди, почувствовали вдруг некое родство. Мелкий дождик продолжал размазывать грязь, и, пока мы шагали, пристально вглядываясь себе под ноги, чтобы не поскользнуться, никто не проронил ни слова. У крыльца, под зонтами и без, стояли человек сорок сельчан: видно, Петю здесь все-таки любили.

Мне не хотелось идти в дом, давящее, тяжелое чувство, словно зельем, обволокло меня, мне стало тяжело дышать, и я с ужасом представил тесноту в доме, нарушенный уклад предметов, а главное — дверь в каморку. И, уткнувшись взглядом в людей, я остался на улице. Трое из приехавших пошли внутрь, перед ними расступились и тут же снова сошлись. А ко мне подошел мужчина с маленькой, но неухоженной бородкой, коснулся своим зонтиком моего.

— Я не верю, что он повесился, — сказал он глухим голосом, точно сообщал пароль. — А вы?

Я согласно кивнул.

Где-то я его видел. Еще в «омике» я заметил этого невысокого мужчину с пристальным взглядом и попытался вспомнить, где я мог его видеть, но сразу не вспомнилось, и я о нем забыл.

Мужчина хотел еще что-то сказать, но в это время у крыльца зашевелились, и в узких дверях показалась здоровая спина, потом и сам парень, державший в обхват гроб, и, осторожно поглядывая на мокрые щербатые ступеньки, стал спускаться. Показался второй парень, с большим безразличным лицом, с каким только и можно таскать гробы. Тут же вынырнула тетка и поставила перед крыльцом две табуретки. И я узнал Олю из музея. Она похудела и, казалось, выросла, а черный платок делал ее лицо строгим и как бы не от мира сего.

Парни поставили на табуретки гроб, отошли в сторону, открывая доступ к телу, и раскрыли над покойником зонты. Люди, вытягиваясь в очередь, потянулись к гробу.

У Пети был вид усталого человека, которому наконец-то позволили прилечь, но он вот-вот готов подняться и снова идти помогать. И будить его не хотелось, и в то же время: а как без него?

Я осторожно потянулся губами к Петиному лбу, неловко качнулся и коснулся подбородком колючей щеки.

И вдруг неожиданно почувствовал спокойствие, которое всегда ощущалось рядом с этим человеком. Оно и сейчас чудесным образом исходило от него, разгоняя давивший до этого морок. Словно он говорил: я с вами, только вот отдохну малость.

Я распрямился, и по моему лицу легкими иголочками закололи капли: это я вышел из-под зонтов, которые держали над Петей парни. Кто-то схватил меня за руку, я невольно вздрогнул, но тут же узнал директрису музея: она стояла у гроба, скорбная и величественная, сама похожая на музейный экспонат. А я подумал, что у Пети не осталось родственников и музейные работники — это и есть его самые близкие люди.

— Спасибо, что приехали, — сказала она.

Что я мог ответить? Я кивнул.

Она продолжала удерживать меня.

— Скажете несколько слов на кладбище?

И опять я кивнул. Тогда меня отпустили, и я отошел на прежнее место. Тут же подошел человек с бородкой.

— А вы видели, что у него рассечена бровь? Они так и не смогли ее как следует замазать. И потом: проволока — это не орудие самоубийства, — сказал он даже несколько весело, словно ему только что удалось разгадать кроссворд.

— Какая проволока? — нехотя ответил я.

— Его нашли повесившимся на проволоке, — оживился собеседник. — Вы разве не знали? Так это ведь невозможно! Что у него, веревки в доме не было? Если, как убеждает следствие, он и в самом деле готовился к самоубийству, и как доказательство приводят его завещание, то что же, он нормальной веревки подготовить не смог? Е-рун-да! Им просто не хочется вешать на себя заведомо нераскрываемое дело. Или связываться с теми, кто приходил к Петру ночью…

Стук молотков прервал завязывающуюся было беседу, и я успел отойти к гробу. С директрисой было спокойнее. По крайней мере ничто не мешало думать хорошо о Пете.

21

Погост, выросший на берегу большой реки, конечно, отличается от привычного сельского кладбища, укутанного травой и тенями от скорбных деревьев и прошлого: здесь просторнее, больше ветра и света. Оно свежее, дух уныния быстро выветривается отсюда, и, когда директриса, представив, подтолкнула меня к гробу, я заговорил о Любви. О том, что вот не стало среди нас человека, который отдал себя на служение людям, а это и есть Любовь. Но это не значит, что Любви в мире стало меньше. Любовь, которой он щедро делился с нами, не могла не остаться в нас, хотя бы малой частичкой, хотя бы малым семечком. И мы должны так же делиться Любовью, которой одаривал Петя, с окружающими нас, тогда и мир вокруг нас станет другим. И Петя… Он же не оставляет нас. Его просто повысили, переведя в небесные полки. Сверху ему будет проще спешить к людям на помощь, только нам надо научиться слышать и понимать то, что приходит свыше. И помнить, что это самое свыше — действительно есть. И оно любит нас… Как-то так я сказал и отступил к директрисе.

Тут же на освободившееся место дернулся дядечка с бородкой, но директриса остановила его.

— После выступите, — и подала знак четырем молодцам, которые уже стояли на изготовке с веревками и лопатами…

С кладбища сельчане отправились в бывшее здание школы, где теперь была гостиница для туристов, а при ней, в переоборудованной бывшей школьной столовой, располагалось кафе. Там накрыли столы: традиционные щи и рис с изюмом, чтобы помянуть и не разгуляться, впрочем, местные нанесли пирогов с блинами, так что трапеза выглядела чуть ли не празднично.

После поминальной рюмки поднялся дядечка, которому не дали слово на кладбище, и спросил:

— Можно мне два слова?

— Говорите, — разрешила директриса.

— Во-первых, — начал тот, — я хочу представиться: долгое время я работал в прокуратуре следователем по особо важным делам…

И я вспомнил, откуда знаю этого человека. Да это же Порфирьев! Эдуард Федорович. Надо же, я даже имя-отчество помню!

Эдуард Федорович прославился в свое время разоблачением либеральных властей, выворачивал наизнанку всяческие махинации, раскрывал глаза на очередные дутые проекты, в общем, громил и обличал. Как-то он приходил ко мне в редакцию и принес для журнала статью в том же ниспровергающем духе. Только тогда он был без бороды. Да и привел-то его Петя. Точно! Петя представил его и сказал, что это хороший человек, настоящий борец за справедливость, и просил прочитать его статью. Я никогда не читаю тексты при авторах: сам знаю, как болезненно воспринимается, когда человек, сидящий напротив, хватает карандаш и начинает черкать по выстраданному тобою тексту. А если б вы знали, какая мука при этом для черкающего видеть полный недоумения и ненависти взгляд автора! Ужас! Тогда мы просто поговорили, обрядово поругали власти, предали анафеме Запад и, расставаясь, пожали друг другу руки. Но вот вечером, начав читать принесенную статью, я не мог отделаться от чувства, что меня окунают в ведро с помоями. И получают при этом удовольствие. Конечно, жизнь у нас не сахар, и обо всем вроде бы говорилось правильно, более того, я готов согласиться с каждым отдельно взятым словом, но вот соединенные вместе они производили удручающее впечатление. И в то же время я чувствовал, как темная сила ненависти, разлитая по статье, перетекает в меня: хотелось рвать и метать, устраивать баррикады и кидаться булыжниками. Я долго не мог уснуть, все мне мерещилось, что пишу прокламации и произношу трибунные речи, а когда удалось забыться, то снилась всякая дрянь.

Через пару дней Эдуард Федорович пришел без Пети, и я сказал ему, что не смогу напечатать его злободневную статью, не наш, мол, формат, и мы вообще занимаемся исключительно литературой.

— Понятно, — протяжно вздохнул он, словно ничего другого и не ожидал, и небрежно так бросил: — Вам, как мне известно, денег из бюджета пообещали…

Моя рука, протягивающая рукопись, застыла в воздухе, я даже, кажется, покраснел, потом собрался и положил рукопись рядом с гостем.

— Это не имеет никакого отношения к вашей статье.

— А-а, все вы одним миром мазаны. Вам только помаши пальчиком, пообещай копеечку, и вы тут же готовы на задних лапках бежать. Правильно Ленин про вас говорил.

Я молчал, чувствуя, что всякое слово вызовет десять ответных. Эдуард Федорович сказал еще что-то справедливо-обидное и, не дождавшись от меня никакой реакции, забрал рукопись и ушел. На прощание, пророчески возвысив голос, предрек:

— А денег вы все равно не получите. Надуют вас.

Про деньги была правда, тут следователь не ошибся. И хотя особо я на них не рассчитывал (тоже знал, что не дадут), но желание обрести достаток и возможность нормальной работы все же пощипывало.

Как ни странно, но деньги нам дали. Меньше, конечно, гораздо меньше, чем обещали, но это в традициях дающего. Власть постепенно все больше обретала уверенность, и уже могла сама решать, кому с ней по пути. Эдуарда Федоровича в конце концов хитро подставили (как говорили одни), подсунув фальшивый компромат, а, может быть, он и сам зарвался (как говорили другие), уверовав в свою непогрешимость, но из органов уволили. Он протестовал, устраивал акции и голодовки, но из моего поля зрения выпал. И вот — свиделись…

Тем временем он произносил пламенную речь и чем-то напоминал Ленина на трибуне. Он, как всегда, резал правду-матку. Что никакое это не самоубийство, что медэкспертиза — полная туфта и писалась со слов участкового, он докажет это в два приема; что не была даже предпринята попытка выяснить, что за ребята приходили к Петру Брашникову ночью, вроде как заблудившиеся в пещере туристы, а кто они, отчего такой беспорядок в его доме, и, если уж пишется завещание, как убеждает нас в этом следствие, то почему хватается первый попавшийся под руку моток проволоки… В общем, говорил он опять справедливо. Но была в этих его справедливых словах какая-то червоточинка, отчего многие сидели, поникнув головами. Словно Порфирьев говорил что-то неприличное, словно пришел в храм и стал требовать, чтобы во время службы прекратили торговать свечами.

И тут я понял, почему его справедливая речь вызывает такой неприятный осадок: в нем совершенно не было благоговения. Все было правильно, а благоговения не было — и от того не ложились на сердце его слова. И вдруг услышал его насмешливый голос: «А перед кем благоговеть-то? Перед этими, которые называют себя образом Божиим? Перед Законом, что ли, благоговеть?» Я смутился, но подумал, что благоговеть надо перед Вечностью, которая сегодня открывалась нам.

— Правильно! — раздалось с другого конца стола. — Надо потребовать эксгумации трупа!

— Обязательно! — подхватил обрадовавшийся Порфирьев и вспыхнул с новой силой, словно в угасающий костер прыснули керосину.

За столом развернулась дискуссия, каждый начал излагать свою версию происшедшего. Кто-то предложил помянуть покойного. На минуту шум смолк, но спорщиков было уже не остановить, они и выпили-то как-то спешно, чтобы не потерять азарта, словно ныряльщики, которые, сделав глоток воздуха, тут же уходят на глубину.

— Пойдемте, — шепнула мне директриса.

Она поднялась, за ней встали еще несколько человек, и мы вышли из бывшей школьной столовой. Набирающий обороты митинг нашего ухода не заметил.

22

На улице было тихо и торжественно-печально. Даже дождик завис, словно ожидая разрешения: проливаться ему на это село или уж двигаться дальше. И воздух, наполненный влагой, был тягуч и по-осеннему насыщен запахами уходящего лета.

Как само собой разумеющееся, мы шли к музею. Там, опять же как само собой разумеющееся, стоял накрытый стол. Сели, словно все было предуготовлено, и каждый знал свои места. Я налил в рюмки водки.

— Давайте помянем, — сказала директриса.

И снова воцарилось спокойное молчание, которое редко случается и меж двух людей, а тут нас находилось шесть человек.

— Он последнее время сильно болел… Так радовался весне… Пасха радостная была. Нам тут министерство разные преобразования наобещало: будем музейный комплекс организовывать, территорию расширили, концертную площадку сделали…

Я кивнул.

— Летом он еще ходил в музей, а как пошли дожди, так уж больше не появлялся. Мы, конечно, не забывали. Ольга за ним присматривала, она недалеко живет…

Оля низко опустила голову и убрала руки под стол.

— Теперь вот не знаем, что делать… — закончила директриса и посмотрела на меня.

— В каком смысле? — не понял я.

— А вы разве не слышали про завещание? Он накануне написал завещание: свою библиотеку, а она у него огромная, передал музею, а дом завещал Ольге.

Все посмотрели на Олю.

— Я ничего не просила, — прошептала она.

— Продайте, — сказал я.

— Что «продайте»? — спросила директриса.

— Дом.

Теперь все смотрели на меня.

— Скорее всего, Петя хотел и дом музею оставить, но вы представляете, какая волокита бы началась, да и не оформили бы никогда на музей. В общем, он мудро поступил. Помещений у вас сейчас, говорите, прибавилось? Так что для библиотеки место найдется. Назовите ее Петиным именем, Оля пусть будет библиотекарем, а дом продайте. Деньги поделите так: во-первых, обустройте могилу. Во-вторых, обустройте библиотеку. Если из министерства заинтересуются, на какие шиши, скажите: население помогает, народная, стало быть, библиотека, они поверят, там и в самом деле думают, что у населения денег полно и девать их некуда. В-третьих, после продажи всем работникам дайте по сколько-нибудь денег, но только в равных долях — и сторожу, и директору. Ну, а в-четвертых, отправьте Олю в Иерусалим.

Тут и Оля подняла на меня большие влажные глаза.

— Она там помолится — и за всех вас, и за Петю.

Откуда это все возникло у меня в голове, что я нес?

Видимо, так же думали и сидящие за столом.

А я даже никак не мог пояснить то, что говорил. Я вдруг почувствовал, что не случайно приехал, что не случайно сказал на кладбище про Любовь, не случайно меня подняли из-за поминального стола и привели в музей, и все, что я сейчас сказал, было не случайно, а теперь, когда я исполнил то, что должен — пора и домой. На душе стало легко, словно освободился от довлеющего груза. Причем даже неважно было: в точности ли исполнят они то, что услышали, или распорядятся иначе, мое дело было сказать. Как говорится, прокукарекал, а там хоть солнце не вставай.

За столом продолжали осмысливать услышанное. Я поднялся.

— Да, писателей не забудьте. Устройте как-нибудь праздник. Петя писателей очень любил.

Никто меня не удерживал, словно, и правда, я пришел сюда только лишь для того, чтобы передать Петину волю, а теперь могу быть свободен.

23

К пристани я шел весело, чуть ли не напевал. Я только что пережил соприкосновение с чем-то необъяснимым, высшим. Это редкие минуты и такая радость. Хотя, конечно, смотрелось глупо: человек идет с похорон — и радуется. А я радовался. Радовался, что почувствовал то иное бытие, которое всех нас ждет, радовался, что и я, погрязший в земных заботах, кажущихся бессмысленными и никчемными, все-таки сподобляюсь такого причастия. А стало быть, не все так безнадежно — может, еще и спасемся. Этому я и радовался.

Я даже особо не расстроился, когда мимо пронеслась большая черная машина и забрызгала мне плащ. Да я и не заметил ее, хотя, кажется, мне сигналили, а потом еще водитель кричал, опустив лобовое стекло… Ну ладно, виноват, простите…

Показалась пристань, я свернул с дороги, которую несколько лет назад построили к приезду президента (вот она, конкретная польза от визита властей!), и стал спускаться по скользкой тропе. Когда до пристани оставалось метров пятьдесят, я поднял голову и увидел на ней бородатого, который что-то яростно доказывал стоявшим перед ним чуть ли не навытяжку трем пассажирам.

Ужас, настоящий ужас охватил меня. Ноги очугунели, но я продолжал переставлять их в направлении пристани. Меня заметили. Порфирьев перестал жестикулировать, пристально посмотрел в мою сторону и помахал рукой. А я представлял, как два часа буду слушать его версии убийства, а также про Ольгу, которая заставила написать завещание, а потом подговорила хлопцев на преступление… Наверняка ведь потянет потом в какой-нибудь комитет, заставит, поди, подписать составленное обращение — а я не смогу отказать… Господи! Ну почему Ты касаешься души на такое малое время, почему сразу же в нее лезут эти козлобородые? Откуда они вообще? Зачем, Господи? Так хорошо с Тобой, а эти — зачем?

«Чтобы ты не забывал обо Мне», — услышал я и от такой ясности и вразумительности остановился.

Вдалеке показался «омик», плывет себе, перевозит людей туда-сюда, и никакого дела ему нет, какие на берегу страсти. А тут вон ожидающий

хитрый прищур: а ну-ка, батенька, расскажи, что делал в музее? Деньги ходил делить, поди, и на писателей долю урвал?

— Эдуард Федорович! Эдуард Федорович! — донеслось сзади.

Хитренький прищур развеялся, как дым, появились замешательство и неуверенность. Я почувствовал, что взгляд уже обращен не на меня, а куда-то дальше. Порфирьев опустил руку, а меня чуть не сшиб сбегавший вниз человек. Я оглянулся. Наверху стояла большая черная машина, которая минут двадцать назад обрызгала меня.

Я снова повернулся к пристани. Обогнавший меня человек и Порфирьев о чем-то спорили. Порфирьев указывал в сторону приближающегося «омика», а человек — в сторону машины. Наконец человек схватил Порфирьева за рукав и чуть не силком потащил с пристани. Порфирьев вырывался, но не удержал равновесия и наверняка бы упал, но человек поддержал его и еще крепче перехватил руку. Порфирьев присмирел, что-то буркнул, кивнул ошалевшим трем пассажирам, выдернул руку и пошел по трапу на берег, а человек двинулся за ним.

Я поспешил уступить дорогу и сошел с тропы.

Проходя мимо меня, Порфирьев изобразил улыбку, но она показалась мне злобной.

— Из прокуратуры приехали, — сообщил он. — Хотят выслушать мою точку зрения. Спохватились. Факты у них какие-то еще… В общем…

Я молчал, прямо глядя на его поникшее лицо.

— В общем… — неуверенно повторил Порфирьев, а сопровождающий подталкивал его в спину. — Я найду вас в городе.

«Ничего еще не кончилось, ничего», — подумал я и пошел к пристани.

24

Всю дорогу я переживал происшедшее. Не похороны, не откровение в музее и не обещание найти меня в городе — все было как некие декорации… По-настоящему я переживал те полчаса радости и свободы, пока шел от музея, к пристани и мне казалось, что Бог коснулся меня. А потом — чувство вышней борьбы, о которой я даже помыслить не могу, но она идет, идет, и мы здесь на земле, даже не подозревая, участвуем в ней… Может ли солдат, защищающий незначительную деревеньку или даже овражек подле этой деревеньки, знать планы генерального штаба? Ну, общий-то план понятен: победить! Но как? А тут куда выше генералов…

А еще я почувствовал, что уехал из города тоже не просто так, а промыслительно, и что-то непременно произошло, пока я выпал из общей суеты.

Так и случилось. На следующий день оказалось, что предназначавшуюся мне работу над одной громоздкой и денежной книгой отдали другому издательству. Материально это, конечно, напрягало, даже сначала обескуражило, но в то же время я и обрадовался: у меня вдруг образовались две недели, которыми я мог распоряжаться собой по собственному усмотрению.

И я сел писать этот рассказ. Это были счастливые две недели, потому что вспоминать о хороших людях — всегда радость.

Но самое главное, я все время старался помнить про чудесные полчаса, дарованные мне, и так хотелось, чтобы — хоть мигом — то светлое чувство коснулось тех, кто прочтет рассказ. Хотя… разве под силу человеку передать это?

Капитолина КОКШЕНЕВА

СЕРДЕЧНОЕ И ВЕКОВОЕ

«Деревенщики» и русская литература

Капитолина Антоновна Кокшенева — родилась в г. Тара Омской обл. Литературный и театральный критик. Старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН. Председатель Гражданского литературного форума России. Заведующая кафедрой журналистики Института бизнеса и политики, доктор филологических наук. Окончила театроведческий факультет ГИТИС. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Братьев Киреевских. За книгу «Русская критика» получила общественную награду «Карамзинский крест», присужденную объединением литераторов «Басткон». Автор многих книг и статей. **Живет в Москве.**

Василия Ивановича Белова я долго боялась. В этом невысоком, крепком человеке всегда чувствовала строгость: вот возьмет сейчас свою знаменитую палку, наставит на меня и спросит что-нибудь важное и трудное. Так оно и случилось…

В журнал «Москва» Леонид Бородин позвал меня в 1993 году. 4 октября, в дни расстрела «Белого дома» (Верховного Совета), я пришла на Арбат, где меня ждала сотрудница, срочно отправившаяся сама и утащившая меня домой. На Арбате стреляли.

Потом была первая в моей жизни редколлегия, на которой Леонид Бородин озвучил свои гражданские позиции (он не мог пойти под красные флаги белодомовских сидельцев, но очень жестко осудил расстрел) и предложил тем, кто с ним не согласен, подумать, стоит ли работать в журнале под его руководством. Остались все. Вскоре появились первые «срочные» публикации о событиях 1993 года, среди которых — отклик отца Александра Шаргунова, народного артиста Владимира Заманского, с которым я долгие годы приятельствовала, и небольшая статеечка нашего любимого доктора — Александра Викторовича Недоступа. А чуть позже я впервые увидела в редакции Василия Ивановича, написавшего пьесу с простым названием «Семейные праздники», в основании которой лежали уже даже не драматические, а трагические для народа коллизии эпохи перемен после 1993-го — года межевого в истории, культуре, жизни.

Это была единственная пьеса, напечатанная в нашем «толстом» литературном журнале за последние двадцать лет. Трудно было не сделать для Белова исключения. Ведь он и сам, стоявший на баррикадах и упрашивающий милицию «пропустить народ к их депутатам», пере-

живал это время с отчаянно горестным сердцем. Везде и всюду перестали уважать государство, в котором он жил, получал образование, рос и креп как писатель. Вот в этом-то пункте — уничижения государственности как таковой — тогда многие не сходились друг с другом. Василий Белов, крестьянский сын, видел в государстве не только советский хребет, но и большое историческое дело русского народа, способного к культуре государственного имперского строительства. Дело, укорененное в веках. Те, кто вершил спешные перестройки всего и вся, особенно виноваты именно перед этим типом русского сознания. Теперь тип государственника востребован вновь — но за эту его актуальность мы снова заплатили непомерно большую цену. И в его сохранении как таковом Василий Иванович Белов, написавший около двухсот публицистических статей, участвовал лично.

В 90-е годы XX века, такие трудные и шоковые, тем не менее, активно росла и прибавлялась наша собственная внутренняя сила — наше знание о самих себе. Нельзя сказать, что русские писатели и мыслящие интеллигенты не воспользовались свободами. Воспользовались и сделали много именно гуманитарии — но на каких весах и в каких цифрах можно взвесить или измерить духовный прирост в народе, способствующий его выживанию тогда, когда это было почти невозможно?! Была издана лежащая под спудом классика, стала доступна огромная библиотека воспоминаний репрессированных «царских сословий», весь корпус сочинений философов, и всего, что было накоплено в культурных сундуках русского зарубежья. Вернулись в нашу жизнь книги христианского содержания, вероучительные (Евангелие, кстати, было практически в каждой нормальной русской семье уже в 70–80-е годы, а во многих — так и вообще от века — от Крещения Руси); стала возможна и полнота прочтения наших философов-почвенников, книги которых, как «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского, не переиздавались более ста лет. Встречи с читателями, «круглые столы», публичные дискуссии нам вполне заменяли отсутствие доступа в телевизионный эфир. Ну а о качестве вот таких личных встреч с писателями и говорить не нужно. Что может быть интереснее живой беседы с Беловым или Распутиным?

Да, вскоре после публикации «Семейных праздников», мы проводили встречу со студентами тогда еще Историко-архивного института, позже превращенного в кузницу либеральных кадров. На этой-то встрече я, молодой критик, удостоилась чести выступать вместе с Василием Беловым, Валентином Распутиным, Леонидом Бородиным. Белов бросал в зал громы и молнии: он, как русский совестливый человек, видел, сколь стремительно шли разрушительные процессы — не только в общественной и социальной жизни, как трагически разделяется народ и национальная интеллигенция, на глазах потерявшая доступ в СМИ, а значит и возможность обращения к своему народу. И эта ситуация до сих пор таковой остается, со временем только усугубляясь и приобретая зловещие оттенки. Он видел, какая разруха началась и в культуре, и, естественно, не мог смириться с этим; он, понимающий свою писательскую задачу как миссию, был оскорблен дикими формами свободы, обрушившимися на русский народ и унизительными для него; он, всегда любивший родину родственно-лично, не мог стерпеть той гнусной лжи об «империи зла», которая империю и разрушила, отколов огромные куски от нее вместе со всеми богатствами, что русским трудом и талантом были созданы, — отколов вместе с самими русскими, оставшимися без родины. Ясно понимая огромную роль телевизионного ока в иде-

ологической обработке народа, Василий Иванович, помню, саркастически набросился на входивший в моду «развязный и хамский» стиль поведения ведущих и участников ТВ-программ. Тогда многим казалось, что «грядущий хам» материализовался второй раз за XX век. Но самое главное — Белов побивал врага, ссылаясь на своего любимого философа Ивана Ильина, который был извлечен из далекого, но русского зарубежья и срочно взят на вооружение русской мыслью.

Дело, увы, шло к тому, что за десять лет реформ число читателей у наших писателей сократилось в тысячи раз. Серьезная литература перестала иметь то «жизнеобеспечивающее значение», какое имела еще совсем недавно. Никто не пострадал больше писателей хотя бы потому, что ничто не пострадало так, как слово. Детектив и дамский роман удовлетворяли, конечно, нечто, но чтение их скорее напоминало «отвлекающий» маневр забвения — ухода от действительности, которая была так страшна, что думать о ней было опасно. Жить ведь тогда расхотелось слишком многим…

Я, конечно, в тот памятный осенний вечер тоже говорила о литературе, о слове, о том, что человек, не желающий знать своих начал, но живущий только «здесь и сейчас» — это человек глубоко несчастный и глубоко травмированный, «запертый в сегодня» человек. Потом, когда нас пригласили в кабинет выпить чаю, Василий Иванович выстрелил в меня вопросом: «И откуда ты такая умная?» И вполне удовлетворился ответом о моем сибирском происхождении и о вологодском корне моей фамилии — от реки Кокшеньги.

«Деревенская литература», к которой так счастливо относится и творчество Василия Ивановича Белова, в отечественной культуре второй половины XX века была и остается явлением центральным, плодородным по сю пору, очень творческим и уникальным. Это сколько же «сошлось» и «сдвинулось» исторических глубинных замыслов, чтобы на Русском Севере и в Сибири вот так, враз, взросли писатели от корня народного — Абрамов и Астафьев, Белов и Распутин, Лихоносов, Личутин, Галкин, да еще Солоухин, Яшин, Носов и Шукшин! На деревенском и «неученом» воздвигли они уникальные художественные миры, объединенные, однако, неким постоянством и устойчивостью идеалов, с казалось бы напрочь забитыми идейной марксовой дубинкой старыми (вековечными) душевно-нравственными константами.

Белова любили очень лично — так любят родственников. У него искали личной поддержки, как у ведающего сердце человеческое. В его героях — Иване Африкановиче и Константине Зорине, в Олеше и Павле Рогове-Пачине, в деде Никите и в Катерине — крестьянском идеале русской женщины — чувствовали трудно передаваемую срощенность со своими собственными судьбами, с судьбами своих знакомых и родных. И можно только удивляться повторению исторического опыта: когда-то в Московский Художественный театр ехала вся провинциальная интеллигентная Россия (земские врачи и учителя), чтобы увидеть чеховские спектакли, чтобы прикоснуться к найденному театром совершенно новому приступу к эстетическому переживанию — через узнавание. Тогда, в начале XX века, зрители узнавали себя, свою жизнь и Россию, а герои сразу стали «родными», «милыми», «близкими», говоря, что «дядя Ваня» — «вылитый мой отец». А позже, после революции, в 1924 году, в булгаковском спектакле «Дни Турбиных» вновь повторится мхатовский «эффект узнавания», и повторится с невероятной силой. Часть зрительного зала настолько реально пережи-

вала крушение «важного, устойчивого, наверное, даже вечного» в русской жизни и семье Турбиных, что у театрального подъезда все время дежурила «скорая», увозившая после спектакля зрителей — из тех самых, «бывших», жизнь которых обессмыслила революция. И вот теперь деревенская проза повторила этот очень важный в русском искусстве эффект — со-переживания, глубинного помещения себя внутрь видимого и читаемого, со-родства, которое было очищающим от многих идейных грехов, которые ведь русский человек тоже уже успел вкусить после революции 1917-го.

Конечно, был Белов и комсомольцем, и коммунистом. Как многие другие писатели, получал от советской власти награды и квартиры (да и сейчас живет в очень хорошей квартире в центре Вологды, которую ему отдал из уважения и почитания таланта Валентин Купцов, уходя на повышение из первых секретарей обкома) — но при этом пределы допущения хоть власти, хоть комсомола в душу деревенского парня существовали, видимо, всегда, почти на уровне инстинкта. Поступив в 1959 году в Литературный институт в Москве, Белов весьма зорко следит за тем, чтобы столичные искушения не завели куда-нибудь, откуда не вернешься к себе. В письме к брату Ивану он пишет: «С каким наслаждением я слушаю лекции по истории, по языкознанию, по теории литературы!» Белов в восторге от Ленинской библиотеки, от «сотни музеев», которые, как ему кажется, ждут лично его. Но, в то же время, боится «потерять самостоятельность, душевный суверенитет» (о чем тоже делится с братом в этом письме). Впрочем, однажды случилось побывать ему и в милиции. Не знал он, что по Москве почему-то нельзя ходить вечером с гармошкой и громко петь веселые деревенские частушки. А он, как в деревне, взял да и прошелся по Бутырским улицам, где жил в общежитии! То, что в деревне считается делом нормальным и радостным, столица отбраковала как «нарушение общественного порядка». Слава Богу, что гармошку не «арестовали». Ее в голодном 1943 году купила Василию мать. И он стал гармонистом на селе. И хранил ее всегда как самую дорогую вещь…

Конечно, Василий Белов был накрепко связан со своим веком — веком, отвергающим Христа и ставящим на божницу Карла Маркса; громыхающим стройками социализма и умывшимся кровью неслыханного братоубийства. Но и веком, каким-то чудесным и непонятным образом сохранившим под спудом, в толще народной жизни области заветные и совестливые убеждения. Русское душевное устройство запечатлела его проза сразу — с повести «Деревня Бердяйка» и с первых рассказов, опубликованных в столичном «Нашем современнике» в 1962 году. А потом стремительно и легко вдохнул он душу в героев повести «Привычное дело» (1966), нашедшей свой дом для публикации в журнале «Север».

Эх, опять милая провинция и суровый Север выручали, печатая это странное сочинение, в котором советский благонадежный писатель вдруг взял, да и поставил в центр мира тихого созерцателя, беззлобно тянущего несправедливую крестьянскую лямку жизни и растворенного в любви к земле, жене, деревне, многочисленным детям, чудной жизни вокруг («Везде жись. И все добро, все ладно. Ладно, что и родился, что детей народил. Жись, она и есть жись».) Все, что вывела тут рука Белова в Иване Африкановиче и его жене Катерине, тут же прилепилось не к шестидесятым оттепельным годам, а прямиком к русской классике! И отчего-то эта «деревня», то есть Белов, как-то сильно растревожил и заставил насторожиться городскую многоумную критику. Теперь-то мы понимаем: то, что вывела

рука Василия Белова в «Привычном деле», очень близко христианскому сердцу русской литературы.

А потом посыпались одно за другим произведения заметные, прорастающие сразу корнями в русскую литературу навсегда и прочно: «Плотницкие рассказы», «Бухтины вологодские завиральные» печатает законодатель литературного вкуса той поры «Новый мир»; в 1972 году жена, Ольга Сергеевна, родила дочь Аннушку, а Василий Иванович этот год запечатлел в своей жизни еще и первой публикацией романа «Кануны». Потом пойдут пьесы и киносценарии, по одному из которых будет снят прекрасный фильм «Целуются зори», прославивший не только Белова, но и вологодского прозаика Александра Грязева, который, снимаясь в фильме, в одном эпизоде сказал ровно одну фразу — междометие «Да ну!», зато «за кадром» осталось столько рассказов, что впору писать и ему свои бухтины. (Увы, пока эта статья «ждала» публикации, Александр Грязев умер. Царствие ему Небесное и вечный покой.) Тут же следом появятся рассказы для детей «о всякой живности» и документальная повесть «Моя жизнь». Рассказ «Воспитание по доктору Споку» начнет антигородскую линию в творчестве писателя, которая продолжится не только рассказами, но и романом «Все впереди» (1984), утвердившим «кондовую» репутацию Белова. Но Белова голыми руками не возьмешь: пусть кричат о публицистичности романа критики. Их крики до неба не доходят. Только ведь мы сегодня тоже отчетливо понимаем сущностную правоту писателя, уверенного, что во всеобщем деле погибели город (с его вавилонским блудом и вавилонскими амбициями) играет главную историческую и метафизическую роль.

Как, откуда высекается прометеев огонь «деревенской» прозы Василия Белова? Из сшибки буйных, часто и чрезмерных для народных сил, процессов социальных, промышленных с той «природной», естественной частью жизни, которая у крестьянина всегда была буквально под ногами — была как его земляная твердь, через труд на которой поднимаются к душе питательные соки. В этой сшибке социально-организованного и предназначенно-природного (ведь землю народам дал Бог) и рождается особенный герой.

В центральной книге Василия Белова все начнется с «Канунов», продлится «Годом великого перелома» и завершится повествованием «Час шестый», давшим название всей трилогии. Название книги символически емкое и абсолютно ясное. В час шестой (в молитвословии ЧАСЫ) вспоминается шествие Христа Спасителя на казнь, распятие Его и крестные страдания (Лк. 23, 26:38). Россия крестьянская — Русь уходящая — в 30-е годы тоже шла на казнь раскрестьянивания и раскулачивания, которые, конечно, можно объяснить исторической необходимостью и даже неизбежностью (без роста городов и промышленности 30-х годов не выиграли бы главную битву с фашизмом); но, одновременно, нельзя, никогда нельзя не увидеть тут подлинной трагедии и даже христианской юродивости нашего народа, терпеливо превозмогающего свой ущерб (умаление, искажение, отбирание — все глаголы какие-то сиротские и очень тоскливые!).

«Час шестый» — это одна из тех великих и трагичных книг, где отчетливо и ясно сказано о счастливом совпадении или тяжком расхождении между способностью русского человека явить себя в ответственном труде и теми директивами, что жизнь живую вбивали в землю, требуя ненужного и расточительного расхода национальных сил. Ради «нового будущего» были за десятилетие (миг для истории!) растоптаны столетние труды крестьян-

ства. По чудовищному, изматывающему счету платила наша крестьянская цивилизация за перековку страны в индустриальную. Через хронику коренного крестьянства семей Роговых и Пачиных рассказал, вернее, прокричал писатель в «Часе шестом» о той социальной и человеческой драме, которую в новом веке постарались почти забыть. Его трагическая эпопея стала памятником всем, кто любил землю и труд на ней, но кого силой и обманом, лукавыми гремучими посулами и ложными идеями с кровью выдирали из разумного, Богом данного простого и ясного хода жизни. Новые словокройщики-теоретики («картавые большевички») ни одной коровы для жизни не вырастили, ни одного гвоздочка не выковали, зато бодро руководили крестьянской жизнью, обдирая ее до голодной пустоты. И дело не только в том, что В. И. Белов написал о политическом и физическом уничтожении корневого крестьянства — почти пророчески прозвучало другое: рушилась «великая школа тысячелетнего труда», которая и была одновременно школой нравственности. Та школа, в которой поколение за поколением учились прясть и косить, землю пахать и скот растить. Та школа, в которой, трудясь и отдыхая, приобретали огромные знания о мире всю жизнь: от колыбели до гробовой доски. Белов заставил оценить нас «великое просветительское значение черного ручного труда», в котором человек взаимодействовал с живой и неживой материей, проходил естественный курс природоведения. Труд на земле просвещал, был постоянной «гимнастикой для ума», сама земля была нравственным спутником человека, а крестьянская трудовая культура искала своего воплощения в слове. И находила его, переливаясь в песню и частушку, в бухтину и сказку, в духовный стих и обрядовые игры.

Самая изукрашенная и праздничная книга Василия Белова — это «Лад», книга эстетики народного быта. Книга идеальная, в которой собрано все лучшее в крестьянской обрядово-бытовой культуре жизни. Эту беловскую книгу я всегда прошу прочитать своих студентов, не видевших русской печки и не представляющих, как целесообразно-красиво жили русские крестьяне. Они, естественно, сначала удивлены, как те самые дикари, которые за цветную дрянь колонизаторов отдавали природой сотворенное, естественно ценное. Сначала удивлены — потом благодарны… Белов рассказывает о том, как дом построить и как лен трепать, как баньку поставить и как вязать рыболовные сети, чем белить печь и чем — холсты, рассказывает и о природных приметах, что нужны для всякой трудовой стадии жизни. Жизни, что чередой шла вслед за круговоротом земли вокруг солнца и упиралась крепко в землю. Жизни, что мерялась мерой церковных праздников, смысл которых поднимал душу вверх — к Богу-Христу.

«Лад» — сильная книга. А поскольку этот деревянный уклад (беловский и крестьянский) мы с мужем отчасти воплотили в построенной собственной избе, то мы точно знаем, что опыт этот может ожить и в любой момент из книжного стать реальной силой жизни.

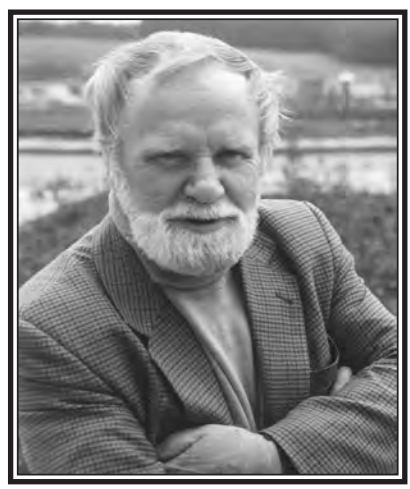
«В языке народа записана его духовная биография», — говорит богослов Е. А. Авдеенко. Свою лепту в эту духовную биографию народа внес и Василий Белов. Внес сердечное и вековое, как хорды нашей русской жизни. Он показал (и тем укрепил нас), что душевное богатство русского человека, его сердечная теплота, искренность и отзывчивость, нравственная стойкость и добротолюбие, терпеливость и стыдливость, христолюбие и генетическое чувствование правды никуда не исчезают, но из любого истонченного состояния могут вновь возродиться и разжиться. Мы, рабы

цивилизации, живущие в мире пластика и генетически модифицированных организмов, получили от нашей деревенской литературы незаметную, но и незаменимую милостыню — она связала нас с нашей землей, восстановила в правах чувствование родины во всей ее тайной и тихой красоте, во всей ее исторической протяженности и земляной углубленности. И ценность ее будет только возрастать, как растет ценность деревянных строений, потому что они — натуральный, соразмерный человеку, удел.

И еще… еще деревенщики научили нас преодолевать дух Каина жалостью и пониманием.

Я была на родине Василия Ивановича Белова — в вологодской Тимонихе, известной всему читающему миру, как толстовская Ясная Поляна, как тургеневское Спасское-Лутовиново… В его деревенском доме хранится тот самый лад, который ждет прикосновения рук человеческих, чтобы замесить тут снова жизнь. Стоит целехонька русская печь, строгий и печальный Бог смотрит из красного угла, а лавки, столы, горшки и кринки помнят еще материнские руки… Ушел большой крестьянский мир в прошлое, но печаль моя светла. Василий Белов успел перенести этот мир в книги. А еще мне кажется, что побегут горожане обратно на землю, исцеляясь и спасаясь от мук цивилизации.

К огромному сожалению, опубликованный выше материал, подготовленный к печати при жизни современного русского классика, мы вынуждены дополнить этой трагической информацией: после долгой болезни в Вологде 4 декабря 2012 года на 81-м году жизни умер выдающийся русский писатель Василий Иванович Белов.

Все последние годы он жил на своей любимой Вологодчине. Признавался, что долго и трудно шел к Богу, но обрел веру и ею был счастлив. Близ Тимонихи Василий Иванович восстановил разрушенную церковь Успения. Сам настилал полы, сделал престол, иконостас. Три года вкладывал сбережения в ремонт. Ныне в церкви открыт приход… Василий Иванович на долгие времена останется в ряду любимейших русских писателей, потому что умел писать о простых вещах — ясно и глубоко, о спорных — деликатно и тонко, о сомнительных — с юмором, а о нравственности — без навязчивого назидания. Про него обязательно скажут — ушла эпоха. И это будет правдой. Нечего возразить. Но, наверное, следует добавить, что творчество Василия Ивановича Белова останется образцом и источником для многих ныне живущих и будущих русских литераторов. Светлая память.

Русские писатели, редакция и авторы
Санкт-Петербургского журнала «Родная Ладога»

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

ОБАЯНИЕ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Иван Юрьевич Голубничий — родился в 1966 г. в Москве. Служил в Пограничных войсках. Окончил Литературный институт им. Горького (Высшие литературные курсы). Работает в Московской городской организации СП России. Гл. редактор газеты «Московский литератор». По совместительству занимает должность шефа-редактора журнала «Российский колокол» и секретаря по литературам Беларуси и Украины в исполкоме Международного сообщества писательских союзов. Автор трех поэтических книг и двух книг публицистики. Лауреат Международной премии «Поэзия» (2000) и всероссийских премий. Секретарь Правления СП России, секретарь Исполкома МСПС. Заслуженный работник культуры РФ. **Живет в Москве.**

Новая книга Светланы Замлеловой «Посадские сказки»[1], как и все ее творчество, стоит несколько особняком в контексте современной русской литературы. Светлана Замлелова известна российскому читателю прежде всего как автор реалистической прозы, посвященной русскому человеку, его душевному миру, своеобразию и неповторимому обаянию его национального характера. Ее произведения пронизаны доброй иронией, ее художественный язык напрямую отсылает к традициям русского классического рассказа. Внимательным взглядом она всматривается в контуры вроде бы совершенно заурядных бытовых ситуаций — и вдруг обнаруживает в них сокровенную суть, поднимающую, казалось, незначительный эпизод на уровень высокого художественного обобщения. Органичное владение живым народным языком позволяет ей убедительно воспроизводить речь самых разных персонажей, не впадая в безжизненное «стилизаторство». Ее персонажи оживают в воображении читателя и являют свой мир в его удивительной правдивости и художественной достоверности. Вместе с тем в ее произведениях следует отметить то главное, что выделяет ее творчество в современной реалистической прозе. Значительную часть современных русских прозаиков, стоящих на национальных позициях и отстаивающих традиционную линию в литературе, характеризуют две особенности: мотив своего рода *активного противостояния*, противодействия внешней враждебной современности, и непосредственно связанный с этим мотивом надрыв — отчасти как доступное стилистическое

[1] *Светлана Замлелова.* «Посадские сказки». М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 128.

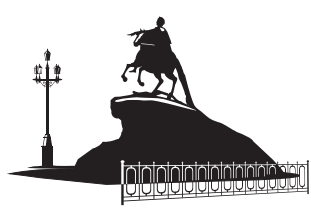

средство, отчасти как неспособность или нежелание автора отделить публицистический пафос от художественного творчества. Светлана Замлелова обладает достаточным художественным чувством и тактом для того, чтобы не замутнять чистоту и глубину творческого вдохновения грубой и поверхностной, хотя и благонамеренной, сиюминутностью. Ее приверженность к русским основам проступает в самой ткани художественного текста и не нуждается в дополнительном подкреплении идеологическими декларациями или пафосным надрывом. Ее герои говорят на исконном русском языке и живут в соответствии с традиционными русскими представлениями о Правде и Добре, Красоте и Справедливости…

Книга «Посадские сказки» объединяет три новеллы — «сказки», повествующие о жизни в некоем городке Посаде, каких много рассыпано по русской земле. *«Как обитель славилась чудесами, так маленький, неказистый городишко, похожий на тщедушного мужичонка — что не прочь и выпить, и вместить горечь своих неудач на домашних — славился издавна, точно в противоположность святому месту, странными происшествиями. Происходившее на его стогнах было большей частью так необычно, что, обрастая слухами, становилось вскоре известно за пределами города. И, будучи неоднократно повторенным, теряло, в конце концов, связь свою с местом и даже, напротив, приписывалось другим краям…»* Сюжетные основы этих новелл подчеркнуто незамысловаты, связаны с фольклорными линиями, но авторский взгляд, обнаруживающий в классических схемах бесконечное богатство и неисчерпаемую сложность алгоритмов русской национальной жизни, создает из этого драгоценного материала произведения, дышащие живою новизной и интригующей неразгаданностью. Загадка русского человека в его разнообразных проявлениях — до конца повествования притягивает читателя, заставляя ощущать свое кровное родство с героями книги, заставляя сопереживать автору и его персонажам… Вот, например, описание облика купчихи Христины («Сказка о трех сундуках»), удивительно поэтичное и в то же время исполненное бережного внимания к мельчайшим деталям: *«Что толку описывать черные глаза, толстую косу, обвивающую изящную головку, тонкое переносье и кожу, которую хотелось*

потрогать! Не из черт, пусть даже милых, складывалась красота Христины. Какой-то внутренний свет озарял весь ее облик: играл в глазах, в улыбку складывал губы, пробегал по щекам, оставляя розовый след, и, запутавшись в волосах, сиянием одаривал короной уложенные косы…» А вот характеристика калязинской мещанки Акульки («Сказка о чудесном зеркале») — персонажа скорее комического, но прописанного автором с такими же бережным вниманием и незлобивой иронией: *«Была Акулька немолодой уже девушкой, длинной и сухой как вяленая рыба. Смуглое лицо ее всегда оставалось бледным, даже в минуты сильного душевного трепета не окрашивались впалые щеки ее румянцем, ни кровинки не проглядывало на них. Глаза, посаженные глубоко, смотрели как бы из двух небольших корзин и всегда тревожно поблескивали, выражая какое-то бессмысленное беспокойство, точно Акулька ожидала, что вот-вот должно случиться что-то необыкновенное. А что именно — так кто ж его знает!..»* Любовь автора к своим героям сообщает тексту тот необходимый заряд внутреннего света, который позволяет даже и совсем не веселый сюжет наполнить возвышенным и глубоким смыслом. И этот внутренний свет не оставляет читателя на протяжении всего чтения…

Новая книга Светланы Замлеловой, при своем сравнительно небольшом объеме, являет собой удивительно цельный и художественно состоятельный сколок русской жизни позапрошлого столетия, воплощенный в трех новеллах-«сказках» талантливого писателя, знающего цену слову, метафоре, стилистическому изыску. Истоки художественного опыта Светланы Замлеловой явственно просматриваются в наследии Гоголя, Лескова, Чехова, Шергина… Книга «Посадские сказки» является ярким проявлением русского духа в его современном состоянии. Светлана Замлелова утверждает национальные ценности живым переосмыслением великорусского слова, в связи с наследием классической русской литературы и в творческом контакте с читателем.

ПОЭЗИЯ

Андрей РУМЯНЦЕВ

СВЕТ РОДИНЫ

Андрей Григорьевич Румянцев — родился на Байкале в многодетной семье рыбака. Окончил с медалью среднюю школу, затем Иркутский университет. Автор более двадцати книг. Заслуженный работник культуры России и Республики Бурятия, народный поэт Бурятии. Член Высшего творческого совета Союза писателей России, действитель-ный член Петровской академии наук и искусств. Лауреат нескольких литературных премий. **Живет в Иркутске.**

* * *

За домом — поле да тайга,
Дорога да погост в лесочке,
Овражек, тонущий в песочке.
Байкал, низинные луга,
Грохочущие берега
Да катеров далеких точки…

Я часто, стоя на яру,
Невольно думаю с печалью:
Как разлучусь я с этой далью,
Пусть лишь уеду — не умру,
Вдруг не увижу поутру
Простор за дымчатой вуалью?

О, торопись, душа, ловить,
Как свет большого листопада,
Свет родины,
Учись, отрада,
Как надо нам ее любить,
Как надо бережно хранить,
Как любоваться ею надо!

* * *

Мальчик в кубанке спокойно
глядит с фотографии.
Это мой дядя,
солдат восемнадцати лет.
Время ему и друзьям его
так не потрафило:
Школа,
И фронт,
И накрывшийся пламенем след…

Братик последний, любимый,
В речах моей матери
Был он, как ангел, —
Застенчив, и ласков, и мил.
Боже помилуй,
Не то, чтобы грязных и матерных,
Он даже резкого слова не произносил.

То с малышами каким-то
печеньицем делится,
То разнимает лихих забияк, не силен…
Бабка смеялась: «Ты, Сема,
что красная девица».
Хмурился дед: «Мужиком
себя чувствуй, Семен!»

Нет, не сидел он задумчиво на поле клеверном,
Нет, не томился за тихим иль праздным столом.
На лошадях он скакал без седла, как приклеенный,
И по мишеням в десятку стрелял за селом.

А как шинельку надел за казенной оградою
И к эшелону в колонне его повели,
Он на сестер оглянуться не счел своей надобой,
Не захотел помахать им рукой издали.

Мать моя эту оплошку запомнила братову,
Плача, твердила, уже и стара, и слаба:
«Если бы он оглянулся —
Дорогу обратную,
Может быть, Семе тогда подарила судьба!»

Я представлял огневую купель сталинградскую,
Мальчика,
В жизнь заглянувшего утром, как в сад,
Черные скаты в могилу огромную, братскую…
Вот он шагнул к ней
И не обернулся назад!

ОБЕЗЛЮДЕВШЕЕ СЕЛО

Здесь и в праздничный день
редки дальние гости.
Не хлопочут хозяйки
над стряпнею чуть свет.
И никто не оставит
цветка на погосте,
И никто не помашет
прохожему вслед.

Голоса вечерами
у завалинок глуше.
Телевизор вопит
про убийства и блуд.

Все мне кажется,
что, потеряв свои души,
Люди ищут во тьме
и никак не найдут.

Русь!
Солдаты твои в орденах и медалях
Даже здесь,
в обойденной судьбою глуши.
Сколько солнца в твоих
не тускнеющих далях —
Озари этим светом
потемки души!

* * *

С домом расстаться.
Уйти на стрижиную гору,
Сторожем стать для ныряющих под ноги птиц,
Перед рожденьем зверенышей,
В летнюю пору,
В чаще у нор охранять грузнотелых лисиц.

Быть начеку,
Если шустрый и меткий охотник,
В дальнем распадке
На лыжах привычно скользя,
Поднял ружье на мальца-медвежонка,
Да хоть бы
И на зверька захудалого —
Бог мой, нельзя!

Взять под защиту.
Беду отвести.
Не позволить
Ветру, грозе, человеку росточек сломать!
Душу свою перед слабыми не опозорить,
Не опечалить природу — ранимую мать.

Снова и снова идти по заросшей дороге,
Солнце, как птенчика, нежить привычно в горсти.
И позабыть о войне, об огне, о тревоге,
С домом расстаться
И мир, словно дом, обрести!

* * *

А тайга на горах Прибайкалья —
Соболиный лоснящийся мех.
Так и бойся:
Найдется каналья,
Умыкнет его тайно от всех.

Только здесь так высоко и броско
Вровень с тучами скалы рябят.
Существа богатырского роста
В богатырские трубы трубят.

И луна здесь размером не с мячик,
Тишина как вселенская тишь.
И опять, как потерянный мальчик,
Ты на горном уступе стоишь…

ИЗ СТИХОВ О ПУШКИНЕ

НАД СОРОТЬЮ

И в реактивный век наш
Травы
Над сонной Соротью тихи.
Быть может, только бронзой славы
Звенят здесь вечные стихи

Да в небе высветленном
Вольно —
Душою чуткою лови! —
Плывут озвученные волны
Надежды, грусти и любви.

И нет бессрочнее союза,
Что заключили на века
Родная пушкинская муза
И травы, сосны, облака…

У ПАМЯТНИКА ПОЭТУ В МОСКВЕ

Как с небом дружит он
И как земле привержен!
Бывает, головы коснутся облака,
Но сердцем он всегда и величав, и нежен, —
Там, где людской поток,
Шумящая река.

Его летучий взгляд
Отметит стайку школьниц,
Что гроздья роз кладут на теплую плиту,
И двух печальных дам,
Преклонных лет невольниц,
Что любят посидеть с ним рядом,
На свету.

Россия!
С ним навек ты связана обетом:
О святости ль печась,
Невольно ли греша,
К поэту приходить,
Чтоб наполнялась светом,
О, родина,
Твоя открытая душа!

* * *

Когда весь мир и зол, и желчен,
И темен новый день с утра,
Улыбка той, одной из женщин, —
Порука света и добра.

Улыбка женщины любимой…
Нет увяданья. Есть полет.
И даже в роще нелюдимой
Сухая веточка поет…

* * *

Это песня задела мне сердце,
Это солнце коснулось руки,
Чтоб могла ты со мною согреться
От светящейся, нежной строки.

Это просят былинка и ветка:
Не губи, не суди, не греши,
А желай только света и ветра
На бескрайнем просторе души.

ПОЭЗИЯ

Валентина
ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ

«В ИРТЫШ СПУСТИЛИСЬ ВЕТОЧКИ ЗАРИ…»

Валентина Юрьевна Ерофеева-Тверская. Окончила Московский коммерческий институт, юридический факультет МЭСИ. Секретарь правлений СП России и Ассоциации писателей Урала. Председатель правления Омской организации СПР, член-корр. Академии поэзии, член Высшего творческого совета России и Белоруссии, член приемной коллегии СПР. Лауреат премий им. Л. Н. Мартынова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. П. Ершова, В. А. Макарова. Автор шести поэтических книг. **Живет в Омске.**

* * *

Жалобно-грустную песню
Нынче донес ветерок.
Сердцу под ребрами тесно,
Буковкам тесно меж строк.
Тесно дыханью и взгляду,
Тесно душе, но она
Грустной мелодии рада, —
Просто грустит не одна.
Грусть растворится в просторе
Ласточкой, чиркнув вдали…
Песню веселую вскоре
Мне принесут журавли.

* * *

Прохлопали заветное…
И гонит тучи ветрами
К нам с инородных мест.
От слез глаза туманятся,
От боли души плавятся,
Когда глядим окрест:
За каждою околицей,
Под пустошью неволится
Земля — родная Русь.
Бурьянов понавыросло
Рожь потеснив,
Повыпростав
Лихой годины грусть.
Березы белокорые,
Нравом непокорные —
На четырех ветрах.
О, сколько русских воинов
Под ними упокоено —
Да будет свят их прах!
Неймется тучам с Запада —
С восходом, днем и заполночь,
Грозятся взять в полон…
Очнитесь, православные,
Неужто поослабли мы.
Церквей не слышим звон?!
С разором дружно справимся,
На то и духом славимся,
Пребудет с нами Бог!
Посеем лен с пшеницею…
И русские традиции,
Пусть возродятся в срок.
Ах, Русь многострадальная,
Душа исповедальная,
Пречист-лазорев цвет.
Умывшись ранней зорькою,
Стань сильною и зоркою,
Храни Господний свет!

* * *

Задымила осень в трубы,
причитает журавлинно,
Вдоль рябиновых созвездий
стайки бойких воробьев.
По реке текут закаты,
разливаются малинно,
И лихой ветрище ночью
в окна стылой лапой бьет.
От тревоги сердце стынет,
и душа на волю рвется,
Не желает верить в сказки
говорливого дождя,
Только он все шепчет, шепчет…
Только он все льется, льется…
Сны хорошие тревожит,
не жалея, не щадя.
Золотая хлопотунья
хоть слезлива, но щедра ты:
Наполняешь по-хозяйски
погреба и закрома.
Календарь неумолимо
каждый день меняет даты,
Что слетают невесомо,
словно перышки с крыла.

* * *

Чист, как дитя небесный окоем —
Сугробных облаков не гонит ветер.
Вспорхнувший голубь,
мы сейчас вдвоем
На берегу в сочащемся рассвете.
Не суетись, прислушайся, замри —
Стекает время
в свой сосуд сакральный,
В Иртыш спустились веточки зари,
Наполнив теплым светом зазеркалье.
Но, вздрогнуло пространство.
Понеслись
Переплетаясь, наполняясь звуки
Вначале близко, а затем вдали…
Вниз по теченью
вдоль речной излуки
Все загудит рабочим гулом пчел:
Трубить ветрам,
нестись,
шуршать машинам,
Смеяться,
петь
и думать —
есть о чем.
О самом лучшем,
город,
расскажи нам.

* * *

Вечер. От действий отрешена,
Я ненароком забылась.
Синью курилась вокруг тишина,
Пестрым закатом струилась.
Сладкою ватою белый туман
По-над речным перекатом.
Горе ли, счастье ли мне от ума,
Чем же я больше богата?
Умной, не умной ли выпало быть,
Скроется все в пересудах.
Знаю одно, что мне счастье — любить
Край полевых незабудок,
Стылые запахи утренних рос,
Ближних церквей очертанья,
Крепкой зимою — упругий мороз,
Святочный шум и гулянья.
Дедовских баек зернистую суть,
Сказки, что мы с ним слагали.
И не предать мне, и не обмануть
Сердце — сибирские дали.

* * *

Челн надежды прибило на мель,
Раскудрявились гребни на волнах.
Так печально скрипит коростель,
Из груди рвется сердце на волю.
Карамельный закат по реке
Растекается вниз по теченью.
Белой чайкой мечта вдалеке
Мне сейчас показалась никчемной.

Затуманились солнце и взгляд,
И в июльской утопии рая
В мыслях я возвращаюсь назад,
В старый двор с цветником у сарая,
Где овражная сеет полынь
Пряно-горьким степным ароматом,
Где в душе и округе — теплынь,
Где в войнушку играют ребята.
Память, память, зачем бередишь,
Заплетаешь корзиночкой косы,
Окунаешь в морозную тишь
Или в зелень весенней березы.
Я упрямо пытаюсь понять,
Осознать, что является прошлым,
Чтобы бабушку вспомнить и мать,
Что исправить уже невозможно…
Пахнет сыростью, горьким дымком,
Манят нежностью первые звезды.
Не откладывай жизнь на потом,
Может статься — окажется поздно.

ВЫШЛА КНИГА

Сдобняков Валерий

Сроки. И наступит время правды. Серия «Вертикаль. XXI век»: Времена и мнения. — Нижний Новгород: «Вертикаль. XXI век», «Родное пепелище», 2012. — 440 с.

В книгу писателя Валерия Сдобнякова, лауреата многих литературных премий, главного редактора журнала «Вертикаль. XXI век», вошли очерки и статьи, написанные автором в разные годы. Но все эти произведения объединяет чувство глубокой и преданной любви к России, к ее многовековой культуре, к вере наших предков, к природе.

В «Сроках» представлены произведения, как ставшие уже широко известными и получившие высокую оценку у читателей и критиков, такие как «Дорога», «Обретение России», «Путешествие к мечте», «На острове», так и те, которые ранее не включались автором ни в одну из своих книг. Цикл из коротких рассказов «Впечатления» вообще ранее публиковался только в газетах.

Иллюстрирована книга многими фотографиями. Завершается она текстами бесед Сдобнякова с замечательными деятелями русской науки и культуры — художником Виктором Калининым, публицистом Владимиром Цветковым, лауреатом Государственной премии СССР Николаем Николаевым и другими.

В заключении добавим, что это уже двадцатая книга автора, отпраздновавшего в этом году 35-летие своей творческой деятельности. Выход объемного тома приурочен издателями и к 55-летию писателя, который в 2011 году Указом Президента РФ «За заслуги в развитии средств массовой информации, культуру и многолетнюю плодотворную работу» был награжден государственной наградой — медалью Пушкина, а в начале этого года нижегородскими писателями был избран главой местной организации Союза писателей России.

Русские судьбы

Владимир МАЛЫШЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ НЕБЫТИЯ

Владимир Викторович Малышев окончил итальянское отделение филологического факультета ЛГУ. Много лет работал корр. и зав. отделениями ТАСС и ИТАР-ТАСС в Италии и Греции, а также в центральном аппарате ТАСС в Москве.
Публиковался и был заграничным корреспондентом «Литературной газеты», «Известий», «Московского комсомольца». Во время работы в Греции создал русскоязычные газеты. Автор многих книг, а также сценариев художественных фильмов. Директор Дома писателей. **Живет в Санкт-Петербурге.**

АРХИЕПИСКОП САН-ФРАНЦИССКИЙ

Его имя в России до сих пор, к сожалению, мало кому известно. А это был человек необыкновенный и с необыкновенной судьбой. Речь идет об архиепископе Иоанне Сан-Францисском, а в миру — князе Дмитрии Алексеевиче Шаховском. Он учился в Царскосельской школе, жил в Петербурге на Фурштатской. Потом вдруг оказался монахом на Афоне, а дни свои закончил далеко за океаном, в Калифорнии, куда его забросили бурные годы революции.

Чувство России

«Чувство России, — писал он потом в своих воспоминаниях, — стало развиваться у меня с 10-летнего возраста. С благоговением и детской гордостью читал я в историческом повествовании, как во время Бородинского боя действовал у деревни Утица против маршала Даву корпус «егерей Шаховского». Тогда генерал-майор и командир егерей в Бородинской битве, прадед мой Иван Леонтьевич стал в 1830-е годы одним из усмирителей Польши, а потом генералом аудиториата (высший чин юстиции в Русской армии). Император Николай I говорил о нем как о «своей совести». Его портрет, висевший у нас и показывавший все российские ордена, возбуждал во мне чувство России. Это чувство русскости у меня еще более обострилось, когда мне стало известно, что наша семья ведет свое начало от Рюрика».

Революция не дала ему возможности закончить Александровский Императорский лицей, куда он поступил в 1915 году. «Помню эти дни, — пишет он в воспоминаниях, — я тогда жил на Фурштатской

улице, напротив американского посольства (мысль о том, что я стану когда-нибудь американским гражданином, даже мухой не летала около меня). Помню, как с балкона этого посольства Родзянко произносил речь к толпе. Толпа стояла безмолвно. Никто, в сущности, не знал, как все сделалось и что сделалось». Видел он и Ленина. И об этом написал:

Я помню, как в семнадцатом году
Пришлось мне часто ездить мимо дома,
Где человек с бородкой, незнакомый,
Сулил довольство, обличал беду.
Истории я не расслышал грома…

Гром грянул

Но гром грянул, в России началась Гражданская война. Вскоре юный князь оказывается в Белой армии. «Наш небольшой отряд направили в только что взятую станицу Константиновскую, — вспоминает он. — Мы маршировали по станице и пели:

Смело мы в бой пойдем за Русь Святую,
И как один прольем, кровь молодую.

Потом, как известно, большевики переделали эту песню в свою:

Смело мы в бой пойдем за власть Советов…

и т. д.

Вскоре начались бои, и вчерашний лицеист вдосталь насмотрелся крови и нечеловеческой жестокости. «Контуженного душевно и физически, меня эвакуировали в Ростов и положили в клинику, поили бромом… Было ясно, что я своевольно сунулся туда, куда Богом не направлялась моя жизнь».

Стихи, посвященные России

В госпитале Шаховскому исполнилось 16 лет. В эмиграции сначала в Париже, потом в Бельгии князь устраивается неплохо, поступает в университет, живет со всеми удобствами в брюссельской квартире своей матери, редактирует журнал «Благонамеренный», пишет стихи. Известность получило одно из первых его стихотворений, посвященное России:

Хотя прекрасны дни былые,
А ныне чужд родимый край,
Но ты молчи, моя Россия,
И голосов не подавай.

Пройдут года, ты скажешь слово,
Тобой зажженное в ночи,
Но на закате дня людского
Ты, униженная, молчи.

Молчи и верь словам поэта:
Быстро изменчивы года.
Бывают ночи без просвета,
Но без надежды никогда.

Его стихотворные сборники выходят один за другим. В журнале Шаховского сотрудничают лучшие авторы русского зарубежья: Бунин, Цветаева, Ремизов, Ходасевич. С Буниным и Зайцевым он знакомится лично, Цветаева посвящает ему стихотворение, которое он так и не решился напечатать в своем журнале. И вдруг с молодым поэтом и редактором происходит нечто странное.

Нечто странное

Вот как он сам описывает это загадочное событие в своем дневнике: «Я сидел в редакции “Благонамеренного”, занимаясь просмотром рукописей за письменным столом. Это была брюссельская квартира моей матери. Был я здоров, молод и совершенно ни о чем в те минуты не думал, кроме литературных задач, они занимали все мое внимание. И — вдруг — все исчезло. И я увидел перед собой огромнейшую Книгу, окованную драгоценным металлом и камнями, стоящую на некой, словно древней колеснице. И на этой Книге была яркая ясная надпись русскими буквами: “Книга книг соблазна”». И в это мгновение молодой князь понял всю суету того, чем он занимался, все различие между относительным и абсолютным, преходящим и незыблемым. Он понял это видение, как указание свыше. Он бросает все, уезжает на Святую гору Афон в Греции и там, в русском монастыре святого Пантелеймона, постригается в монахи, приняв имя отца Иоанна.

На Афоне

«На Афоне, — вспоминает он, — меня поразило погребение монахов. В миру погребение имеет вид искренней, глубокой печали, даже отчаяния. На Афоне монашеские погребения лишены всего этого. В них нет никакой печали, это — пасхальное торжество. Быстро идет служба погребения, и лица у монахов вдохновенные — усопший брат вошел в то, ради чего пришел на Афон. Кончина верующего человека — есть истинное начало. Психология и реальность тут иные, чем те, к которым мы привыкли в мире». Вернувшись с Афона, отец Иоанн окончил Духовную академию в Париже. А пастырство его началось в Югославии, в Белой церкви, где тогда было много эмигрантов из России. Потом его посылают в Берлин настоятелем Свято-Владимирского храма.

В то время в большой русской колонии сильно увлекались оккультными науками. Отец Иоанн начинает читать лекции, объясняя несовместимость этих учений с христианством. Яркие и глубокие, они привлекают толпы слушателей. Он начинает читать лекции в Прибалтике, в других местах. Имя отца Иоанна становится известным в Европе. Но над ней уже сгущаются грозные тучи новой войны.

Нести ободрение людям

В годы страданий и лишений он продолжает нести людям ободрение, помощь другим и славословие Господа.

Сегодня ночью плакали сирены
О бедной человеческой судьбе.
А мы вернулись, Господи, к тебе
Из долгого мучительного плена.

Но фашизм разгромлен, к Берлину приближается Советская армия. Эмигранты уже знают, какая судьба их ждет в застенках НКВД. Чудом отцу Иоанну удается выбраться из пылающего Берлина. Он скрывается в Баварии, а потом с первым эшелоном уезжает в Париж. Но и там он пробыл недолго. Его друг Игорь Сикорский, знаменитый создатель вертолета, присылает ему вызов в Америку, где его назначают архиепископом Сан-Францисским. И вот только тогда его голос слышат, наконец, на родине. Сорок лет он ведет по радио «Голос Америки» «Беседы с русским народом». Нет, он, конечно, не призывает народ свергать Советскую власть, не расхваливает «западную демократию». Архиепископ Сан-Францисский говорит о Боге, о душе, об освобождении человека от сатанинского плена безбожия и материализма. Как сказал один из его биографов: «Он зовет людей чаще поднимать свой взор к небу».

Взор, обращенный к небу

В своих беседах по радио он давал слушателям один важный для каждого совет: «Иногда у человека мелькает мысль: “Не дано мне (то духовное, что дано другим). Или: “Если бы и мне Господь дал то же!” Захоти, загорись — и получишь много больше. Ты тлеешь, не горишь, оттого и не получаешь».

Некоторые его мысли весьма поучительны и сегодня. «Собственности у человека меньше, чем он думает. Лишь в мыслях своих миллионер обладает своими миллионами. На самом же деле они обладают миллионером, который в большинстве случаев бывает ими связан, принужден к определенному образу жизни, прикреплен к определенному кругу людей, вынужден иметь вокруг себя искательство, ложь, лесть, зависть, подобострастие, неискренность, покушения на свою жизнь — физическую и душевную. Разве это не рабство, не каторга, увеличивающаяся по мере увеличения состояния? Велико ли то, что можно купить за деньги? Находится в числе покупок мир души — высшее счастье?»

«Жизнь всякого человека, — говорил он, — всегда слишком лична, но она всегда что-то может сказать другим. Ее тайна — единство и неповторимость личности человека. От младых ногтей несет человек в себе эту неповторимость как образ высшего мира. Удаленность от Света ввергает нас в стандартность и безличность, а хотя бы малое приближение к Свету открывает в каждом неповторимые, нужные всем черты жизни. Из этих черт составляется Царство Божие в человеке. Мы его носим в себе, и всякому

оно открывается в лучшие минуты. Но царство это никого не принуждает к своей любви. Оно, как молитва, к которой нельзя принудить человека».

* * *

«МИСТЕР-ВЕРТОЛЕТ»

До сих пор все президенты США летают на вертолетах с надписью «Сикорский». На таком вертолете возил Хрущева Дуайт Эйзенхауэр, когда тот ездил с официальным визитом за океан. Никите Сергеевичу, который не подозревал, что летит на машине конструкции «антикоммуниста-эмигранта», она очень понравилась. А в любимом фильме Сталина «Волга-Волга» снят самолет-амфибия Сикорского, сделанный в Америке, но почему-то названный «советским». В США в Зале национальной славы изобретателей имя Сикорского упомянуто вместе с именами Эдисона, Ферми и Пастера.

Первый в мире аэробус

Родился этот мировой гений авиастроения в 1889 году в Киеве в семье врача-психиатра. В детстве его любимой книгой был роман Жюля Верна «Робур-завоеватель», где описывался полет на гигантском воздушном корабле. Такой корабль приснился ему однажды даже во сне. Однако сначала Игорь Сикорский поступил, по примеру брата, в Морской кадетский корпус в Петербурге. Поняв вскоре, что его призвание — авиация, поехал учиться во Францию, где тогда появились первые самолеты, а в 1912 году был приглашен в Петербург на должность главного конструктора авиационного отдела Русско-Балтийского вагонного завода. Именно там он сконструировал 20 оригинальных самолетов, в том числе уникальные «Русский витязь» и «Илья Муромец», ставшие потом прототипом всех тяжелых многомоторных самолетов. Сикорский создал и первый в мире аэробус, который поднимал в воздух 17 пассажиров. В 1912 году он был удостоен Большой золотой медали на 2-й Международной воздухоплавательной выставке. От его самолетов был в восторге Николай II, который подарил изобретателю свои часы. А позднее Сикорский был награжден одним из высших российских орденов.

Русские «Муромцы»

Гений авиации не только конструировал самолеты, но и сам сидел за их штурвалом. Установил множество рекордов высоты и дальности полетов, в том числе осуществил и небывалый по тем временам перелет Петербург—Киев и обратно. Уже тогда его слава пилота и конструктора была так велика, что в Петербурге поставили оперу «Летчик Сикорский». А было тогда кумиру петербуржцев… всего 25 лет! В годы Первой мировой войны его «Муромцы» стали бомбардировщиками. Среди немцев появились слухи о гигантских русских самолетах, сбрасывающих бомбы с поразительной точностью. Германское командование пыталось эти слухи развеять, уверяя, что такие самолеты просто не могут существовать. Сами немцы со своей хваленой техникой построить их в то время никак не могли.

После революции оказалось, что гениальные конструкторы большевикам не нужны. В Петербурге небо стало непривычно голубым — остановились все заводы. Между торцов мостовых, где перестали ездить кареты и автомобили, выросла трава. Мало того, конструктору явно непролетарского происхождения угрожали арестом. Сикорский был вынужден бежать в Англию, а потом перебрался в США.

Начал с курятника

Его жизненный путь в эмиграции поначалу вовсе не был усыпан розами. Выдающийся авиатор бедствовал, трудился чернорабочим, подрабатывал уроками. Но, в конце концов, основал собственную фирму «Сикорский эйркрафт», которая сначала ютилась в бывшем курятнике. Помог конструктору другой русский гений — композитор Сергей Рахманинов, тоже оказавшийся в США. Он купил акции фирмы на 5 тысяч долларов (не малые по тем временам деньги) и стал ее вице-президентом. Постепенно вокруг Сикорского собрались эмигранты из России: конструкторы, инженеры, механики. В американском Стратфорде на фирме Сикорского бывший адмирал Б. Блохин трудился простым рабочим, а бывший генерал С. Денисов — ночным сторожем.

Самолет-амфибия и вертолет

Успехом стал первый в мире самолет-амфибия. Заказы посыпались со всех сторон. Престиж русских инженеров в США вскоре оказался так велик, что заказчики начали требовать, чтобы и на других авиафирмах не менее половины персонала были русскими. Одна из лодок-амфибий Сикорского принимала участие в поисках пропавшего в северных льдах экипажа Леваневского. Другой удачей гениального русского конструктора в США стали вертолеты. Тут уже к нему пришла всемирная слава. Вскоре Сикорского стали называть в США не иначе как «мистер-вертолет».

«Незримая борьба»

Сикорский был небольшого роста, но обладал недюжинной силой. Он увлекался альпинизмом, сумел покорить многие вершины Канады и США. В жизни великий конструктор слыл простым и скромным человеком, добрым и отзывчивым. В Стратфорде вокруг его фирмы сплотилась большая русская колония. Построили православную церковь, основали школу, клуб, русскую оперу, а бывший казачий генерал Агоев создал ферму племенных скакунов. До сих пор некоторые районы Стратфорда носят русские названия. Конструктор помогал многим беженцам из России. На его средства издавались труды выдающегося русского писателя, историка и мыслителя Ивана Солоневича.

Сикорский и сам писал философские и религиозные трактаты, только недавно опубликованные в нашей стране. Среди них «Послание молитвы Господней», «Незримая борьба», «Эволюция души». «У мира, который полагается только на материальную сторону в ущерб духовной, нет будущего, — считал Сикорский. — Человеческое общество, которое безрассудно

занимает неверную позицию в высшей битве между правдой и ложью, между Богом и сатаной, само обрекает себя на гибель».

О Родине не забывал

Ни на одно мгновение эмигрант поневоле не забывал о далекой России, куда ему уже не суждено было вернуться. «Русский народ… должен подумать о том, чтобы из того болота, в котором мы теперь увязли, выбраться на широкую дорогу, чтобы двигаться вперед». «Нам нужно учиться, а главное — много работать, чтобы восстановить Родину, когда она этого потребует». Увы, великому конструктору, как никто другой прославившему русский технический гений во всем мире, так и не удалось принять участия в восстановлении России, освобожденной от гнета большевиков. Игорь Иванович Сикорский тихо умер в 1972 году во сне. Жена нашла его утром спокойно лежащим на кровати со скрещенными на груди руками — так умирают праведники.

Возвращение из небытия

В 1982 году, через десять лет после его кончины, в редакцию журнала «Техника — молодежи» обратились известный конструктор О. Антонов и три прославленных летчика М. Галай, М. Громов и Г. Гофман. Они высказывались за то, чтобы вернуть родине имя Сикорского, установить мемориальные доски на зданиях, связанных с его деятельностью. Редакция в те времена материал опубликовать не осмелилась и переправила его в ЦК КПСС. Там в ответ сочинили документ под грифом «секретно». В нем отмечалось, что Сикорский в свое время «крайне негативно оценивал Октябрьскую Социалистическую революцию», а потому-де о восстановлении его доброго имени «не может быть и речи». Сегодня имя русского гения все-таки возвращено России из небытия. О нем снимают фильмы, пишут книги, установили мемориальные доски.

* * *

«ИКОНОСКОП» ВЛАДИМИРА ЗВОРЫКИНА

В жизни этого выпускника петербургского Технологического института было много приключений: невероятное бегство из охваченной революцией России, головокружительная карьера в США, чудесное спасение от гибели на лайнере, торпедированном германской подлодкой, любовь и счастливый брак в 60 лет. Во всем мире Владимир Козьмич Зворыкин известен как «отец телевидения», его имя, как и Сикорского, выгравировано в Зале национальной славы науки и техники США, а меньше всего его знают, пожалуй, на родине, в России.

Из былинного Мурома

Родился Владимир Козьмич в 1889 году «во глубине России» — в былинном городе Муроме. До сих пор сохранился старинный каменный дом, построенный его отцом, купцом первой гильдии. В крепкой семье

Зворыкиных были семь детей, двое братьев Владимира Козьмича тоже стали учеными. Но отец хотел, чтобы смышленый младший сын пошел по торговой части, стал купцом, унаследовал семейную компанию и банк. Но упрямый Володя рано увлекся техникой и решил иначе: продолжить учебу и стать инженером. Он отправился в Петербург и поступил в университет, однако, по настоянию отца, скоро перешел в Технологический институт.

Яркие, веселые дни

Однако о счастливом детстве в уютном и родном Муроме вспоминал потом в далекой Америке с ностальгией: «В феврале у русских принято праздновать Масленицу, — писал Зворыкин. — Это всегда были яркие, веселые дни. За столом, уставленным едой, оказывались и священники, и родственники, и друзья. Мы ели блины со сметаной; кроме того, подавались соленые закуски, такие как икра, селедка и тому подобное. После этого мы шли на городской каток, где местный оркестр играл вальсы. Во второй половине дня на главных улицах города устраивалось гулянье, проезжали сани, запряженные отличными рысаками, люди были в праздничных нарядах, дорогих мехах. Молодежь каталась на санках и коньках, затевала игры, сталкивая друг друга в сугробы…»

Служба в армии

В 1912 году окончил Технологический институт с отличием, что дало ему право на заграничную командировку. В течение года он обучается в Коллеж де Франс у знаменитого физика Ланжевена, изучая теорию рентгеновских лучей. Потом едет в Германию. Но тут грянула Первая мировая война. Зворыкин срочно возвращается в Россию и поступает в действующую армию. Сначала он служит на военной радиостанции в Гродно, а потом его переводят в офицерскую радиошколу в Петроград.

Время грозных событий

Наступает время грозных событий — революция. Рушится фронт, лавина дезертиров захлестывает Петроград, начинаются погромы, жестокие расправы с офицерами. Арестовывают и Зворыкина. Один из солдат пожаловался на него за то, что тот якобы «издевался над ним, заставляя подолгу повторять цифры в “дырочку” (микрофон), а сам в это время в соседней комнате копался в каком-то аппарате». Абсурдность обвинения стала ясной даже революционному трибуналу, и Зворыкина отпустили. Владимир Козьмич решает вернуться в действующую армию, но по пути, в поезде, солдатские патрули начинают разоружать и арестовывать офицеров. Недолго думая, будущий «отец телевидения» выпрыгивает в окно на ходу и благополучно под выстрелами скатывается в кустарник.

Прощание с Родиной

Он уже чувствует, что в России ему места нет, и тайком приезжает в родной Муром, прощаясь с Родиной. Там он узнает о смерти отца. Тетка

убита грабителем, а брат отца покончил с собой, когда у него конфисковали породистых элитных рысаков, выращиванию которых он посвятил жизнь. Фамильный дом над Окой отобран Советами, а знакомый сообщает, что уже выписан ордер на его арест: выбора нет, надо срочно бежать из России.

Но как? Все дороги перекрыты. Тогда Владимир Козьмич отважился на невероятную авантюру: решил бежать северным путем. Он едет в Омск, с большим трудом добирается до Екатеринбурга. Там его арестовывают и помещают в тюрьму до «выяснения личности». Это совсем рядом с Ипатьевским домом, где только что большевистские палачи расстреляли Царскую Семью. Питерский инженер с ужасом ждет такой же страшной участи, но его спасает приход в город чехословацких частей. Охрана тюрьмы попросту разбежалась, и он смог продолжить свой путь.

Пароходом через Обь, Иртыш и Карское море Зворыкин с огромным трудом добирается до острова Вайгач. Но порт вскоре плотно блокирован льдами, и только неожиданное появление ледокола спасает беглеца, которому удается добраться до Архангельска. Город оккупирован войсками Антанты, и путь для бегства за границу открыт. Вскоре Зворыкин оказывается в США.

«Займитесь чем-нибудь полезным!»

Но там, конечно, никому неизвестного инженера, да еще практически не говорящего по-английски, никто не ждал. На первых порах ему помог русский посол Б. Бахметьев (США еще не признали СССР), оказавшийся бывшим профессором Санкт-Петербургского политехнического института. Зворыкин рассылает десятки писем в различные фирмы, предлагая свои услуги в качестве инженера по радиоэлектронике. Наконец, его принимает на работу фирма «Вестингауз» в Питсбурге. Он с головой окунается в работу, и вскоре ему удается изготовить образец полностью электронной системы телевидения — электронную трубку. Своему детищу изобретатель дал название «Иконоскоп». Однако на руководство фирмы демонстрация изобретения впечатления не произвела. Они попросту не поняли, о чем идет речь, решив, что «этому парню из России следует заняться чем-нибудь более полезным для фирмы».

Отец телевидения

Но упрямый Зворыкин продолжает эксперименты, пытаясь создать пригодное для практической эксплуатации телевидение. Первым в США понял и оценил его изобретение другой выходец из России — напористый и предприимчивый Давид Сарнов. Родители увезли его в США в юном возрасте, и к приезду Зворыкина он сумел стать президентом крупнейшей компании «Радио корпорейшн оф Америка».

— Что нужно, чтобы превратить вашу установку в средство телевещания для массовой аудитории? — сразу задал он изобретателю практический вопрос.

— Сто тысяч долларов и два года работы, — тут же ответил Зворыкин.

На самом деле оказалось, что нужно гораздо больше, но деньги нашлись. И в 1932 году на небоскребе Эмпайр стейт билдинг была установлена первая в мире телевизионная антенна. Начался массовый выпуск телеви-

зоров с кинескопами конструкции Зворыкина, получившего с тех пор имя «отец телевидения».

Мировая слава

На скромного русского инженера-эмигранта обрушилась мировая слава. Его зовут читать лекции, вручают дипломы и медали, награждают премиями, о нем пишут статьи и книги. Вспомнили тогда о выдающемся изобретателе и в СССР, где не жалели средств на индустриализацию. Приехавшие в США гонцы тайно предложили Зворыкину вернуться на родину, суля лабораторию и все мыслимые блага. Удержаться от соблазна снова увидеть родные места и близких людей Зворыкин не мог и в 1933 году выехал в СССР. Он встретился с сестрами и братом, выступил с лекциями перед учеными в Ленинграде и Москве. Его доклад «Телевидение при помощи катодных труб» вызвал огромный интерес.

Риск очень большой…

Но стоит ли возвращаться? В доме сестры Анны собрался семейный совет. Ее муж, профессор Ленинградского горного института, будущий академик Дмитрий Наливкин предупредил:

— Владимир, тебя принимают в СССР с большим почетом. Ты представляешь собой большую ценность как ученый, обходятся с тобой очень деликатно, потому что в твоем кармане лежит американский паспорт. Но ты — сын купца первой гильдии, бывший белый офицер. Как только ты получишь «краснокожую паспортину», ситуация быстро изменится. Риск очень большой…

Зворыкин подумал и остался жить в США. А жизнь вскоре подтвердила опасения родственника. Родной брат Зворыкина Николай оказался в «шарашке», двоюродный брат Алексей погиб в лагере на Соловках, а его учителя Н. Розинга сослали на Север, где тот умер.

Как хорошо, что Зворыкин уехал
И телевидение в США изобрел!
Если бы он из страны не уехал,
Он бы, как все, на Голгофу взошел.

— писал потом уже наш современник поэт Булат Окуджава.

Другие изобретения

В США русский инженер сделал еще множество других замечательных изобретений. Он изобрел прибор ночного видения, который был установлен на американских танках в годы Второй мировой войны. Телевизионные устройства для наведения на цель бомб и ракет. Уникальный электронный микроскоп, воспроизводящий изображение на цветном экране. Всего Зворыкин зарегистрировал за океаном 150 патентов. «Подарком американскому континенту» назвал его один из коллег. В годы войны ученый чуть не погиб. Отправляясь из Ливерпуля в Нью-Йорк, он забронировал билет на пароход «Афиния». Однако багаж запоздал, и Владимир Козьмич отка-

зался от билета, сочтя невозможным сесть на комфортабельный лайнер, не имея костюма для ресторана. После выхода в море этот корабль был торпедирован немецкой подлодкой.

Советские власти косо смотрели на русского гения даже после смерти Сталина. Он вызвал дикую ярость Хрущева, когда тот приехал в США с визитом. На официальном обеде в Нью-Йорке Зворыкин неосторожно выступил в его присутствии с призывом «открыть информационное пространство СССР».

Венчались в русской церкви

Личного счастья гений техники дождался, когда ему было уже за 60. За двадцать лет до этого он познакомился с эмигранткой Екатериной Полевицкой и по уши влюбился. Однако она была замужем, имела детей. Пришлось долго ждать. Но когда Екатерина Андреевна стала вдовой, Владимир Козьмич сразу же предложил ей руку и сердце. «Молодые» обвенчались в русской церкви в США и прожили в счастье и согласии еще более 30 лет. До последних дней Владимир Козьмич не забывал о далекой родине. Его чернокожий камердинер всегда демонстративно подавал гостям только русские закуски: водку, маринованные грибы и селедку. Умер гениальный инженер в 1982 году в Принстоне в возрасте 93 лет. Екатерина Андреевна пережила супруга всего на один год.

* * *

ГОРДЫЙ АДМИРАЛ

Адмирал русского флота бывший морской министр России Иван Григорович умер во французском городе Ментона 3 марта 1930 года в полной нищете. Когда он там оказался, уехав из советской России, ему, как полному кавалеру орденов Почетного легиона, полагалась специальная пенсия от французского правительства. Но он от нее отказался «по принципиальным соображениям». Жил, продавая нарисованные им самим картины. Когда о бедственном положении Григоровича узнали англичане, то предложили свою пенсию «в вознаграждение заслуг Русского флота перед британским в эпоху Великой войны». Но он и от нее отказался. Гордый русский адмирал не мог согласиться жить на подачки от чужеземных правительств. А на родине, которую захватили большевики, его огромные знания, блестящие организаторские способности и богатый опыт боевого офицера оказались не нужны…

Из семьи морских офицеров

Иван Григорович родился в Петербурге в семье морского офицера из потомственных дворян. Детские годы провел в Ревеле, где учился — удивительное совпадение! — в одном классе с еще двумя будущими морскими знаменитостями: Владимиром Бэром, будущим командиром крейсера «Варяг», и Евгением Егорьевым, будущим командиром крейсера «Авро-

ра». В 18 лет поступил в Морской кадетский корпус в Петербурге, тот самый, на котором теперь установлены мемориальные доски с перечислением имен героев российского и советского флотов. Потом долго плавал на разных кораблях, участвовал во многих кампаниях, неоднократно был награжден.

Герой 1905 года

В 1896 году Григоровича отправили военно-морским атташе в Лондон, где ему пришлось также надзирать за строительством заказанных Россией броненосца «Цесаревич» и крейсера «Баян». Во главе этого «Цесаревича» он и отправился потом на войну с Японией. Она закончилась бесславно для России, однако сам Григорович и его корабль сражались героически. Во время внезапного нападения японцев на Порт-Артур «Цесаревич» был подорван на рейде, но остался на плаву и всю ночь стойко отражал атаки неприятеля, а его капитан был контужен. Затем «Цесаревичу» удалось прорваться в Циндао, а позднее этот корабль участвовал в оказании помощи населению разрушенного страшным землетрясением итальянского города Мессина. Многие историки того времени считали, что, несмотря на неудачу России в войне с Японией, сам Григорович был достоин наивысших похвал. Один из его современников писал: «Энергия и распорядительность Ивана Константиновича творят чудеса… Флот существует, и заслуга в том Григоровича бесспорна».

Клетки с белыми мышами

После войны с Японией Григоровича, уже ставшего адмиралом, назначили начальником штаба Черноморского флота и портов Черного моря. 14 мая 1906 года он был чуть не убит террористами. На параде в Севастополе они бросили в него бомбу, Григорович был контужен в голову. Затем его перевели на Балтику, в порт Либаву. Тогда там вдруг появились странные матросы, которые выходили из казармы и шли на службу с клетками с белыми мышами. Местные жители с недоумением качали головами. Но то были члены созданного Григоровичем первого в России учебного отряда подводного плавания. Мыши подводникам были нужны, чтобы определять под водой пригодность воздуха для дыхания, поскольку специальных приборов тогда еще не было. Григорович одним из первых понял важнейшую роль будущей подводной войны и развернул потом в России строительство подводных лодок.

Морской министр

Организаторские таланты и невероятная трудоспособность Григоровича были замечены наверху, он был назначен сначала заместителем морского министра, а потом и министром. Это была невероятно тяжелая и сложная в те времена должность — после войны с Японией престиж флота упал, его материальная часть оказалась в жалком состоянии и разорена, офицеры деморализованы, а матросы уже заражены революционной пропагандой. Потребовались титанические усилия, чтобы навести порядок, реорганизо-

вать флот, приступить к строительству новых боевых кораблей, избавить министерство и штабы от бездельников и интриганов. Благодаря усилиям нового министра накануне Первой мировой войны русский флот имел уже 9 линкоров, 14 крейсеров, 71 эсминец, 23 подлодки, а в годы войны пополнился еще 9 линкорами, 29 эсминцами и 35 подлодками. Были созданы лучшие в мире эсминцы типа «Новик» и линкоры типа «Севастополь», первые в мире тральщики. В результате и через 30 лет, в начале Второй мировой войны основу советского флота составляли корабли, построенные еще Григоровичем. Гордый адмирал создал поистине непобедимый флот, и если бы не катастрофа 1917 года, то военно-морские силы России не имели бы равных в мире.

Пришлось пилить дрова

Как только к власти пришло Временное правительство, оно уволило доблестного адмирала и министра в отставку. Григорович мог сразу покинуть Россию, но, даже оскорбленный, не захотел этого сделать. Большевики потом не нашли ничего лучшего, как дать адмиралу унизительную работу в Морской исторической комиссии со скудным продовольственным пайком. Суровой зимой 1920 года опытнейшему флотоводцу, бывшему министру флота приходилось подрабатывать на жизнь в Петрограде пилкой и колкой дров. Помогали верные матросы, которые таскали своему голодающему прежнему командиру картошку и сухари, что по тем временам было вовсе не безопасно.

Григорович тяжело заболел, ему требовалась сложная операция, и в 1924 году советское правительство милостиво разрешило ему выехать за границу для лечения. Он уехал во Францию и домой уже не вернулся. Перед смертью Григорович завещал, чтобы, когда времена изменятся, его погребли в Петербурге, в семейном склепе, рядом с могилой горячо любимой жены.

Возвращение домой

Только через много лет после его смерти Россия выполнила долг перед своим верным сыном. В 2005 году российские власти приняли решение о перенесении праха адмирала Ивана Константиновича Григоровича в Россию и перезахоронении его в Петербурге. Ему были отданы высшие воинские почести. Прах выдающегося деятеля в Новороссийске встречал командующий Черноморским флотом, гремели артиллерийские залпы; гроб адмирала, когда его перевозили по городу, был установлен на пушечном лафете. Прах покойного, по традиции, переносили шесть капитанов, но без фуражек. Было признано недопустимым, чтобы царского адмирала и министра, ненавидевшего большевиков, несли люди с красными звездами на фуражках. В Петербурге траурный кортеж прошел 26 июля 2006 года перед зданием Адмиралтейства, где работал Григорович. На Никольском кладбище чудом сохранился его семейный склеп, где, согласно завещанию, и перезахоронили гордого адмирала. На могильной плите была выбита надпись: «Всегда любимая, всегда дорогая, о Россия, иногда вспоминай о нем, кто так много думал о тебе…».

Вячеслав ГОРЕЛОВ

ПРИНАДЛЕЖАТЬ К ВЕЛИКОМУ РУССКОМУ НАРОДУ

Вячеслав Николаевич Горелов — родился в 1959 г. в городе Армавире Краснодарского края. Окончил Ленинградский электротехнический институт им. В. И. Ульянова (Ленина). Кандидат физико-математических наук. Автор многих статей, посвященных проблемам русской истории и литературы. Член Попечительского совета крымского отделения «Литературной газеты». Лауреат севастопольского общегородского форума «Общественное признание». **Живет в Севастополе, Крым.**

Кто победил в Гражданской войне?

Вопрос, вынесенный в заголовок, при первом прочтении представляется несуразным. Как принято говорить в подобных случаях, «каждому пятикласснику известно», что в Гражданской войне 1918–1920 гг., которая охватила территорию бывшей Российской империи, победили красные, и причины этой победы многажды и досконально исследованы.

Однако постановка необычных вопросов сродни озвученному — дело отнюдь не бесполезное. Не так давно на одной из конференций профессор В. П. Казарин выступил с докладом «Битва за ясли Господни. Россия ли проиграла Восточную (Крымскую) войну 1853–1856 годов?» Предваряя свое выступление словами А. С. Пушкина «Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна», докладчик с блеском доказал, что «ничего нет более далекого от истины, чем привычное утверждение о якобы имевшем место поражении».

Иными словами, даже в том случае, когда по итогам войны сторонами подписывается мирный договор, который в традиционном историографическом представлении показывает, кто проиграл войну, а кто выиграл, допустимо обратное прочтение этого договора. Что же тогда говорить о Гражданской войне, когда результат противостояния не фиксируется по процедуре, применимой к субъектам международного права? По каким критериям мы можем отделить победителей от побежденных?

Классическая оценка определяет победителя по тому, за кем остались артиллерия и поле боя. Если применить эту оценку к Гражданской вой-

не в России, то неоспоримая победа за красными: после эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г. Русской армии и гражданских лиц организованная фаза сопротивления белых завершилась, и большевики приступили к операции по зачистке.

Однако существуют иные критерии и их комбинации. В этой работе автор осмелился предположить, что в число таковых входит признание своего поражения одной из сторон: сторона, проигравшая войну, этим признанием легитимирует победу противника.

К необходимости осмысления такого подхода подвигли встречи с А. А. Ширинской. Во время наших продолжительных бесед в Бизерте Анастасия Александровна рассказывала о том, что русские эмигранты в течение многих лет поднимали праздничные бокалы со словами «За будущий Новый год в России!» Почему они продолжали упрямо произносить эти слова? В каком качестве они допускали свое возвращение — победителями или побежденными? Почему об уходящих в изгнание белогвардейцах те, кто понимал драматизм случившегося, говорили «Слава побежденным!»? Не позднейшая ли это интерпретация слов декабриста М. А. Бестужева об итогах героической севастопольской эпопеи: «…Севастополь пал, но пал с такою славою, что каждый русский должен гордиться таким падением, которое стоит блестящих побед»?

Очевидцев, которым можно задать сформулированные выше вопросы, уже не осталось. В нашем распоряжении лишь голоса, которые звучат со страниц мемуаров, дневников и воспоминаний. Попытаемся их услышать и попытаемся сопоставить сформулированный выше критерий с общепринятой оценкой итогов Гражданской войны.

Сентябрь 1920. Месяц, полный надежд

Генерал Врангель, описывая этот период и излагая свое представление о стратегической обстановке, увязывает способность Русской армии удержать Крым и Северную Таврию в связи с событиями на Польском фронте: «Принятие Польшей мира было бы для нас роковым. Освободившиеся на западном фронте три с половиной большевистских армии получили бы возможность обрушиться на нас, и в этом случае исход борьбы был бы предрешен». Главнокомандующий предпринимает меры, чтобы сорвать намечавшиеся мирные переговоры между Советской Россией и Польшей, а также предлагает сформировать в Польше 3-ю Русскую армию численностью до 80 тыс. человек. Его усилия не проходят даром, и в конце сентября генерал Миллер телеграфирует из Варшавы: «Поляки согласились прислать своего представителя в Париж для обсуждения согласования военных действий». Казалось, план о совместном военном выступлении начинает претворяться в жизнь.

В других воспоминаниях самые яркие впечатления первых трех недель сентября связаны с поездкой на фронт главнокомандующего, которого сопровождали представители военных союзнических миссий и корреспонденты русских и иностранных изданий. Цель поездки состояла в том, чтобы продемонстрировать иностранцам прочность положения Русской армии, но при этом убедить их в необходимости срочной помощи.

Союзники осмотрели участок фронта вблизи станции Таганаш, а также авиационный парк и 1-ю Кубанскую казачью дивизию генерала Бабиева у

У немецкой колонии Розенталь. Сентябрь 1920

станции Акимовка. 1 сентября (даты указаны по старому стилю) на площади немецкой колонии Кронсфельд состоялся военный парад, в котором принимала участие Корниловская дивизия. Вечером военная депутация посетила позиции Марковской и Дроздовской дивизий — союзникам был представлен весь цвет Русской армии.

Позже, вспоминая о параде корниловцев, Врангель напишет: «Загорелые, обветренные лица воинов, истоптанные порыжевшие сапоги, выцветшие истертые рубахи. У многих верхних рубах нет, их заменяют шерстяные фуфайки. Ужасная, вопиющая бедность. Но как тщательно, как любовно пригнана ветхая амуниция, вычищено оружие, выровнены ряды. Один за другим идут стройные ряды, бодрый твердый шаг, веселые радостные лица, и кажется, что встали из могилы старые русские полки».

В воспоминаниях В. Е. Павлова военный парад и подготовка к нему также живописуются во всех деталях. Автор рассказывает о мобилизации снаряжения, ремней, штыков, о выборе людей, о необходимости переодеть их, снимая гимнастерки, шаровары и обувь с одних и передавая их другим. Два штриха наилучшим образом характеризуют атмосферу парада: обращение Врангеля к марковцам и восприятие главкома участниками. Соответствующие фрагменты звучат так:

«Генерал Врангель обходит фронт полка, громким голосом здороваясь с ротами, командами, батареей: “Здравствуйте, дорогие орлы марковцы!” Громкие четкие ответы и могучее “Ура!” Он благодарит за боевую службу.

Став перед фронтом полка, генерал Врангель провозгласил “Ура!” за Честь и Славу Родины. Оркестр играл Преображенский марш и могучее “Ура!” пятисот марковцев разнеслось по селу.

Потом церемониальный марш. Легким четким шагом с винтовками “на плечо” идет 1-я рота. Командир салютует шашкой, взяв ее “под высь”. Гене-

рал Врангель смотрит своим орлиным взором на роту. Он явно доволен, улыбается. Иностранцы, держа руку "под козырек", иные восторженно, иные чрезвычайно серьезно смотрят на проходящую роту. Эффект огромный».

Рассказ штабс-капитана Дроздовской артиллерийской бригады В. М. Кравченко о посещении Врангелем дивизии дроздовцев лишен яркой эмоциональности, но общая оценка такая же: «После смотра, церемониальным маршем, стройно, рота за ротой, проходили мимо главнокомандующего и всей его свиты дроздовские стрелки, а после них рысью прошли батареи и конный эскадрон. Генерал Врангель был в отличном настроении».

Такова была Русская армия в начале сентября 1920 г. Несмотря на сомнения, вызванные видимой неспособностью иностранных гостей оказать реальную помощь, в войсках жила надежда на успешный исход борьбы и вера в главнокомандующего.

Второе важное мероприятие этого месяца — подготовка заднепровской операции. Ее цель состояла в том, чтобы соединиться с поляками, которые преследовали красных по Украине. Предполагалось форсировать Днепр, ликвидировать Каховский тет-де-пон, прорваться на Правобережную Украину и выйти на соединение с польскими войсками и вновь сформированной 3-й Русской армией.

Вектор заднепровской операции был нацелен на запад, однако, чтобы обезопасить тыл, необходимо было разбить красных на северном и восточном участках фронта. Боевые рейды начались 1 сентября. К середине месяца красные были разгромлены у Мариуполя, Волновахи и Синельникова.

Наиболее подробно военная сторона разорительных для Красной Армии белогвардейских налетов отражена в воспоминаниях генерала П. Врангеля и штабс-капитана В. М. Кравченко. Последний особо отмечает: «Настроение во всех дроздовских частях было отличное». 23 сентября в расположение полков и батарей Дроздовской дивизии прибыл командующий 1-й Русской армией генерал Кутепов. Обойдя части, генерал поблагодарил их за лихую работу и провозгласил «Ура!» в честь начальника дивизии, генерала Туркула. После этого дивизия прошла церемониальным маршем мимо командующего армией. Конный полк и артиллерия прошли рысью.

20 сентября, в преддверии будущего наступления, Врангель подписал приказ № 3667, который гласил: «Приказываю всем русским офицерам, солдатам и казакам, как бывшим на территории Польши раньше, так и перешедшим в последнее время к полякам из Красной армии, вступить в ряды 3-й Русской армии и честно, бок о бок с польскими и украинскими войсками, бороться против общего нашего врага, идя на соединение с войсками Крыма».

На рассвете 25 сентября части Русской армии переправились на правый берег Днепра.

Между Днепром и Варшавой

Летом 1920 г. Советская власть столкнулась с мощным вооруженным протестом: произошли восстания в Алтайской и Томской губерниях, в Башкирии, на Урале, в Дагестане, на Украине и на Кубани, а в конце августа — в Воронежской и Тамбовской губерниях. На этом фоне кардинально поменялась ситуация на Западном фронте. Измученная наступлением Красная армия у самой Варшавы наткнулась на полные патриотического

подъема польские части Пилсудского и покатилась на восток. В таких условиях Врангель мог стать центром кристаллизации антибольшевистского движения. Предвидя это, 2 августа Ленин написал Сталину: «В связи с восстаниями, особенно на Кубани, а затем и в Сибири, опасность Врангеля становится громадной, и внутри ЦК растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей».

19 сентября Ленин выступил на съезде рабочих и служащих кожевенного производства и свою речь целиком посвятил войне с Польшей. Положение Советской России Ленин оценил как «чрезвычайно плохое», и указал: «Теперь победа над Врангелем — наша главная и основная задача. Надо, чтобы до предстоящей зимы на юге Крым был бы возвращен».

Через полторы недели 29 сентября в Риге был подписан договор о перемирии и прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей — с другой. Еще через три дня Ленин вновь вернулся к теме Южного фронта, но на этот раз задачу уничтожения белых войск поставил более радикально: «Для того чтобы предварительный мир с Польшей превратить в мир окончательный, нам нужно раздавить в кратчайший срок Врангеля».

О том, что «польский вопрос» является ключевым, понимали и по другую сторону баррикад. Наиболее эмоционально высказались командир 6-й батареи Корниловской артиллерийской бригады капитан В. И. Гетц и командир 2-го Корниловского полка полковник М. Н. Левитов. Последний написал так: «Ненависть Пилсудского к национальной России была столь велика, что он решил развязать руки Ленину, чтобы он имел возможность разбить Русскую армию генерала Врангеля, рискуя впоследствии отдать ему и Польшу». В. И. Гетц был не менее категоричен: «Ею (Польшей. — *В. Г.*) руководило отнюдь не благородное чувство братской помощи, а чистокровная спекуляция — отдалить, а то и устранить будущее возрождение национальной России, за которое мы боролись, т. е. предать нас большевикам, обеспечив себе мирное житье».

Парадокс состоял в том, что активные действия белых армий летом и в сентябре 1920 г. отвлекли на себя с Западного фронта 14 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий, облегчая полякам победу над Красной армией и подписание мирного договора с Советской Россией. Того самого договора, который стал смертным приговором белому движению. Потому, резюмируя эту часть, можно лишь повторить слова Врангеля: «Поляки в своем двуличии остались себе верны».

Подписание перемирия между Польшей и Советской Россией совпало с боевыми действиями Русской армии на Правобережье. Как уже говорилось, одной из задач операции являлось уничтожение Каховского плацдарма, который сыграл в истории белого Крыма роковую роль.

25 сентября войска белых перешли Днепр севернее Александровска (ныне Запорожье) и начали вести успешные боевые действия. 30 сентября разведка сообщила о начале очищения красными Каховского района. На основании этого сообщения был отдан приказ об атаке каховских укреплений, но утром 1 октября выяснилось, что отступление было ложным. Атакующие понесли тяжелейшие потери. Драценко принял решение об отступлении, и 2 октября последние уцелевшие части на лодках переправились обратно на левый берег Днепра.

Население почти не обратило внимания на неуспех заднепровской операции. Ставка сообщила о захваченных трофеях, правительство же сделало все возможное, чтобы неудача не получила широкой огласки: нужно было поддержать за границей уверенность в прочности положения белых в Крыму. Не произвело особого впечатления и известие о заключении Польшей мира: большинство в тот момент не отдавало себе отчета о значении этого обстоятельства. Однако настроения в армии были иными.

Вот что сообщает полковник М. Н. Левитов: «Заднепровская операция оставила в душе корниловцев горький осадок: опять все усилия, жертвы и победы оказались бесплодны. Энергия иссякала. Воля к победе надламывалась, душа и тело требовали хоть кратковременного отдыха. Настроение у корниловцев было тревожное, все чувствовали нарастание событий». Похожие мысли высказывает В. И. Гетц: «Сложилась грозная для нас обстановка. Назревал финал борьбы за Крым и нашу участь».

Одолевали сомнения и марковцев. Вопрос ставился так: «Нужна ли была операция за Днепром?» Хотя цель была понятной — уничтожение злополучного Каховского плацдарма, не было ли риском перейти в наступление из Крыма без поддержки и воли Англии? Впрочем, некоторыми отступление на левый берег воспринималось лишь как временная неудача, и предполагалось, что армия, которая вернулась на исходные позиции, сосредоточится и снова начнет активные действия. Но слух о перемирии между Польшей и Советами заставил армию забеспокоиться. Было понятно: теперь красные все свои резервы смогут бросить на Южный фронт.

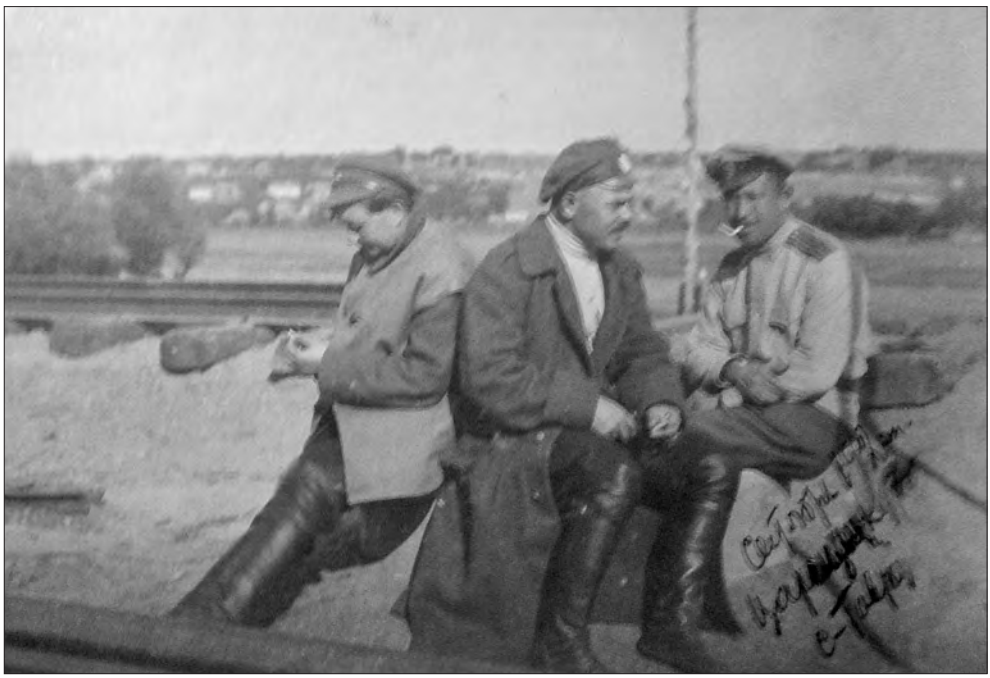
Другие авторы неудачу заднепровской операции признают скупо и косвенно: «Некоторый успех имели красные у Каховки, Алешек и на правом берегу Днепра». Сдержанно относится к результатам боевых действий в конце сентября — начале октября и старший унтер-офицер Алексеевского полка А. Судоплатов. Запись за 3 октября гласит: «Обстановка неважная. Не видно конца. Мы мечемся в разные стороны, и нас везде сжимает красная лавина».

Без пополнения людскими и материальными ресурсами армия выдыхалась.

Сражение в Северной Таврии

Последние дни заднепровской операции совпали с работой финансово-экономического совещания в Севастополе: армия остро нуждалась в деньгах, которые «суть артерии войны». Хотя сообщение Ставки о захваченных за Днепром военных трофеях призвано было исключить общее впечатление о поражении, настроение среди собравшихся в Севастополе торгово-промышленных и финансовых деятелей из Крыма, Лондона, Парижа и Константинополя было тревожное: как отмечает князь В. А. Оболенский, «никому не было охоты разговаривать о ненужных уже финансовых экономических реформах, и каждый про себя думал лишь о том, как бы поспеть уехать до прихода большевиков».

Но Врангель выступил на предпоследнем заседании с успокоительной речью. Он поблагодарил участников совещания за помощь правительству Юга России, выразил уверенность, что члены совещания и далее будут помогать русскому национальному делу, и, предвидя возможность небла-

Дроздовцы в Северной Таврии. Сентябрь 1920

гоприятного исхода предстоящего решительного сражения в Северной Таврии, сообщил, что даже в случае отступления в Крым Русская армия сможет, оправившись и отдохнув, возобновить борьбу.

5 октября совещание закончило свою работу, приняв резолюцию, в которой не содержалось ни одного практически важного вывода. Один из историков справедливо назвал эту резолюцию «рекламной картинкой». Зато на ужине «блестящую, исключительную по силе речь произнес В. П. Рябушинский».

Однако велеречивыми выступлениями на званых банкетах войны не выигрываются. Ситуация на фронте неуклонно ухудшалась. После тяжелого поражения за Днепром на совещании командного состава в Ставке Врангеля обсуждался вопрос — принимать ли войскам бой впереди крымских дефиле или, очистив Северную Таврию, отойти за перешейки. Удержание Северной Таврии позволяло надеяться на свежее пополнение и военное снабжение, что вкупе с получением займа позволило бы продолжать борьбу. Кроме того, отход в Крым мог расцениваться союзниками как признание невозможности продолжать активную борьбу, что означало потерю интереса со стороны западных держав. Два аспекта, военный и политический, совпали, и было принято решение принять бой в Северной Таврии.

Между тем Красная армия непрерывно пополнялась. В наступление готовились пять армий. Ссылаясь на советские данные, В. Е. Павлов приходит к соотношению сил 3,8 : 1, Врангель оценивает его как три — три с половиной к одному в пользу красных. Красная армия имела более чем двойное превосходство в артиллерии, полуторное — в пулеметах, значительное — в бронемашинах, бронепоездах и самолетах.

13 октября красные начали дебушировать переправу в районе Никополя, а 15 перешли в решительное наступление. Белые защищались отчаянно, но в ночь 17 октября сложилось тяжелейшее положение: путь красным на Крым в районе Сальково был открыт, часть войск попала в окружение. Чтобы залатать брешь и обеспечить армии выход на полуостров, Врангель бросил в бой все наличные ресурсы. Самое худшее удалось предотвратить, но белые войска продолжали отступать, ведя тяжелые бои. В ночь на 21 октября красные прорвались на Чонгарский полуостров, однако были отбиты контратакой, и замерзающие, полураздетые остатки Русской армии заняли первую линию Сиваш-Перекопских позиций. Битва в Северной Таврии закончилась.

В итоге белые потеряли все территории, захваченные за лето. Из начинавших сражение 35 тыс. в Крым отошло около 15 тыс. Военная добыча красных была весьма внушительна, и, главное, ими было захвачено более 2 миллионов пудов хлеба в Мелитополе и Геническе. Этого хлеба Крыму должно было хватить, чтобы продержаться до конца зимы 1920–1921 гг. Теперь продовольственные запасы были в руках большевиков.

Вот какие записи в воспоминаниях белых офицеров соотносятся с датами 21–23 октября, когда началось осмысление результатов: настроение марковцев — «отчаянное»; корниловцев давила «горечь неудачи и приближавшийся конец белого движения Юга России».

Но наиболее подробно о потере Северной Таврии высказался в своем дневнике капитан Г. А. Орлов, офицер 3-й Дроздовской батареи: «Трудно в настоящее время подытожить и определить настроения в смысле взглядов и надежд на ближайшее будущее и на успех борьбы у рядовой массы бойцов. Настроение в общем невеселое. Большинство — молчаливо, раздражено, ругается на сегодняшние условия жизни. Одни качают головой, утверждая, что один-два серьезных боя и наши надломленные силы должны будут уступить напору противника и с началом этих, ожидающихся боев, отождествляют наступление катастрофы на нашем театре Белой борьбы. Другие же считают, что мы сможем оправиться, отдохнем, и тогда снова имеет шансы борьба принять затяжной характер. Во всяком случае подходили решающие, тревожные дни».

Об этих решающих днях — заключительный раздел.

Последние дни накануне Исхода

«Кто знает Перекоп?» — таково название одной из глав семейной хроники Анастасии Ширинской. «Всему миру известны Ватерлоо и Бородино. Все французские школьники читали Виктора Гюго, все русские солдаты пели стихи Лермонтова. Но кто знает Перекоп? Для большинства неизвестное слово, хотя после наполеоновских войн Франция осталась Францией, и Россия осталась Россией, тогда как падение Перекопа означало конец Российского государства».

Если это и художественное преувеличение, то незначительное. Действительно, в период с 21 октября по 3 ноября состоялось два важнейших события — взятие Красной армией Перекопских позиций и последующая за этим эвакуация Белой армии из пяти портов Крыма: Евпатории, Севастополя, Ялты, Феодосии и Керчи. Эвакуация, которая подвела черту под историей

Российской Империи, и с которой начался отсчет новой империи, не менее великой.

После того как белые с большими потерями отступили из Северной Таврии, со стратегической точки зрения исход борьбы был предрешен. Речь шла лишь о том, насколько долго удастся сдерживать натиск Красной армии, которая стремилась развить свой успех и с налета ворваться в Крым. На боеспособность белых войск влияли три фактора: состояние укреплений, настроение в армии и соотношение сил.

Вопрос о надежности Перекопских укреплений наиболее остро и, как он считает, правдиво формулирует А. А. Валентинов, связист полевого штаба. Автор повествует о нехватке бревен, кольев, жердей и досок для строительства Чонгарского моста, блиндажей, блокгаузов, землянок; об окопах, которые фактически представляли собой канавы; о незавершенности железной дороги от Юшуни, которая необходима была для подвоза к Перекопу снарядов и снабжения; об отсутствии долговременных артиллерийских укреплений; о том, что главным средством обороны Перекопского перешейка была колючая проволока.

В то же время Врангель на финансово-экономическом совещании сообщал, что подступы к Крыму настолько укреплены, что взятие их «было бы не под силу даже лучшим европейским войскам, а для большевиков они совершенно неприступны». Ему вторил генерал Слащов, который за четыре дня до приказа об эвакуации Крыма заявил: «Укрепления Сиваша и Перекопа настолько прочны, что у красного командования ни живой силы, ни технических средств для преодоления не хватит». Чего здесь было более, незнания правды или нежелания сказать правду, чтобы предотвратить панику, сказать сложно, но В. А. Оболенский полагает: и Врангель, и его генералы «до самого последнего момента были искренно уверены в том, что Крым действительно неприступен».

Авторы дневников и воспоминаний дают разные оценки надежности Сиваш-Перекопских укреплений. Например, поручик 2-й конной батареи Дроздовской артиллерийской бригады С. И. Мамонтов утверждает, что окопы были прекрасные, но «командование забыло, что защитники — люди, и не приготовило ни землянок, ни колодцев, ни дров, ни складов провианта, ни складов патронов и снарядов». В лютый мороз, снег и ветер жизнь на позициях была невыносима, пишет поручик. Невыносима она была и для красных, но у них было громадное преимущество в количестве войск, они могли сменяться и отходили на отдых.

Генерал-майор А. Голубинцев повествует о Перекопских укреплениях со слов сотника, которого он отправил проверить так называемый «настоящий Верден» — так охарактеризовал позиции на Перекопе один из генералов Ставки. Вернувшись, сотник доложил: «по обе стороны шоссе построены проволочные заграждения в несколько рядов, приблизительно на полверсты в каждую сторону, а дальше протянут лишь один ряд проволоки, причем колья частью вывернуты и валяются на земле. Окопы запущены, обвалившиеся, мелкие, и по своей конструкции самые примитивные».

Генерал Фостиков укрепления на Перекопе оценивает сквозь призму боев, которые развернулись 25 октября: «Главный удар противник направил на Перекопскую позицию, которая, к стыду и преступности начальника укрепленного района, оказалась защищенной игрушечным проволочным за-

Ротмистр Подольский воспитывает бывших красноармейцев. Крым, 1920

граждением, и удерживалась лишь неимоверным мужеством и самоотверженностью наших измотанных и почти голых людей, при ужасном холоде и ветре».

Полезно также привести выдержку из воспоминаний штабс-капитана В. М. Кравченко. Подводя итог боям в Северной Таврии, он пишет: «Стало ясно, что дело клонится к тому, что придется отойти в Крым, где, наверно, будет зимовка, так как все считали укрепленные позиции на перешейках неприступными». Таким образом, иллюзия о надежности Сиваш-Перекопской оборонительной линии была свойственна не только главкому и его окружению. В это верили или хотели верить многие в действующей армии.

Второй фактор — настроения войск. Измотанные непрерывными боями, плохо вооруженные и полуодетые люди находились на грани человеческих возможностей. Две неудачи подряд основательно подорвали боевой дух Русской армии. Если вспомнить слова Врангеля: «Как бы сильна ни была позиция, но она неминуемо падет, если дух обороняющих ее войск подорван», то, строго говоря, реальное состояние Перекопских укреплений мало что значило.

Наконец, третьим фактором, который влиял на способность удерживать долговременную оборону в Крыму, являлось соотношение живой силы и техники у противоборствующих сторон. Сухие цифры уже были упомянуты. Нас же интересует эмоциональная сторона восприятия. Она такова:

«Противник просто давил нас своим превосходством в числе, а мы были измотаны до предела и вели последние арьергардные бои. По всему фронту нашего участка, от края до края, мы увидели несметные силы красной кавалерии, которая подходила к нам все ближе и ближе» (М. Н. Левитов).

«Большевики двигались как мгла. Открылось громадное и зловещее зрелище: насколько хватало глаз, до края неба, в косых столбах морозного дыма, тусклое поле шевелилось живьем от конницы, было залито колыхающимися волнами коней и серых всадников. Серые лавы сначала шли шагом,

точно осматриваясь, нащупывая, потом перешли в рысь. Такого громадного конского движения мы еще не видели никогда. Огонь и волны красных атак пробивали в нас страшные бреши. Это был не бой, а жертва крови против неизмеримо превышавших нас сил противника» (А. В. Туркул).

25 октября начались ожесточенные бои с красными на Перекопском перешейке южнее Армянска и у Чонгарского моста. 26 октября генерал Кутепов телеграммой сообщил Врангелю, что издал приказ об отступлении на последнюю укрепленную позицию — Юшуньскую. И содержание, и тон телеграммы показали главкому, что Белая армия накануне несчастья. Было ясно, что рассчитывать на дальнейшее сопротивление войск нельзя и никакие укрепления красных уже не остановят.

Такую же оценку последним дням противостояния дают и другие очевидцы: штабс-капитан В. Орлов («Предел сопротивляемости белых частей и человеческих сил был уже превзойден»), генерал-майор А. Туркул («противник, уже чуявший наш разгром, знавший о своей победе — такой противник непобедим»), поручик С. Мамонтов («Они (красные. — *В. Г.*) не отступали, кричали и махали шашками, а их косила наша картечь и пулеметы. С войсками, которые гибнут, но не отступают, они нас прорвут рано или поздно».).

После овладения красными Юшуньской и Чонгарской позициями в штабе Врангеля было принято решение прекратить дальнейшее сопротивление и приступить к эвакуации армии. Вечером 29 октября всеми частями Русской армии был получен приказ оторваться от противника и без остановок двинуться в назначенные для каждой дивизии порты. К этому моменту люди на фронте были в таком состоянии усталости и отупения, что почти с облегчением приняли известие о погрузке на корабли, чтобы покинуть Россию.

Вчитаемся в страницы, посвященные последним боевым действиям, отступлению к портам и эвакуации.

Вот как описывает это В. Е. Павлов: «В 18 часов 30 октября окончился бой, последний бой частей Русской армии. Ровно три года без месяца назад первые Добровольческие части, ставшие впоследствии Марковскими, начали бои у Ростова, и теперь они их закончили. Начали успешно, закончили… по всем внешним признакам — *поражением* (здесь и ниже выделено нами. — *В. Г.*)».

Капитан Марковской артиллерийской бригады В. А. Ларионов последнее отступление марковцев сопровождает словами: *«Исчезла вера в победу»*. Полковник М. Н. Левитов передает слова Врангеля, сказанные им 2 ноября представителям полков при передаче полковых знамен: «…Вина в нашей *катастрофе* не в нас самих». Пронизан горечью очерк капитана-артиллериста В. И. Гетца: «Потерять все и не знать, что впереди, стучало в сознание мертвым заступом, но больнее всего колола мысль о *гибели* нашего дела, в святость которого мы так верили». Подобные мысли и слова («несчастье», «наша карта бита», «борьба окончилась нашим распятием») встречаем практически во всех воспоминаниях, где речь идет о последнем отступлении и эвакуации. Но самые простые и пронзительные слова нашел поручик С. И. Мамонтов: «Молчаливая цепочка солдат с винтовками за плечами пошла к пристани. Последние белые, оставляющие Россию. *Побежденные*».

Таким образом, ответ на вопрос «Кто победил в Гражданской войне?», если его рассматривать в рамках выдвинутой здесь гипотезы, можно считать найденным, ибо, как уже говорилось, признание себя побежденным легитимирует победу противника. Ура-патриотические пассажи генерал-лейтенанта А. С. Лукомского («душа армии осталась непобежденной», «крымский период закончился не поражением, а совершенно неожиданным для большинства — "исходом" из Крыма еще вполне боеспособной армии» и т. п.) следует рассматривать как артефакт, случайный выброс. Не станем забывать, что с марта 1920 г. Лукомский выполнял представительские функции и находился не в Крыму, а в Константинополе. Правильнее доверять тем, которые вместе с Русской армией пережили самые тяжелые ее дни, часы и минуты.

В заключение приведем еще несколько отрывков, характеризующих обстановку в Крыму в начале ноября 1920 г. В портах погрузки отношение вооруженной охраны и военно-революционных комитетов к эвакуирующейся армии было если не сочувственным, то вполне лояльным. Соответствующие примеры приводит В. Е. Павлов, рассказывая об эвакуации из Евпатории и Севастополя. В. М. Кравченко эвакуацию из Керчи описывает так: «Когда из Керчи отчаливал последний транспорт, красные уже входили в город и их броневик появился на набережной, но огня по транспорту красные не открыли. Получилось так, что враги расстались без единого выстрела, без последнего салюта, тихо, мирно, торжественно».

Начальник Дроздовской дивизии генерал-майор А. В. Туркул вспоминает, что находился на транспорте «Херсон», которой уже стоял на внешнем рейде Севастополя, когда к нему ввели его бывшего шофера. Он на шлюпке пристал к «Херсону», чтобы попросить у своего командира позволения остаться и попрощаться. В ответ на предложение Туркула уйти вместе со всеми в Константинополь бывший шофер ответил, что оставаться в Крыму не боится, ибо он бывший матрос-механик, большевик и ранее возил в советской армии военных комиссаров. Сцену расставания Туркул описывает так:

«Это признание как-то не удивило меня: чему дивиться, когда все сдвинулось, смешалось в России. Не удивило, что мой верный шофер, смелый, суровый, выносивший меня не раз из отчаянного огня, оказался матросом и большевиком и что большевик просит теперь у меня, белогвардейца, разрешения остаться у красных. Я заметил на его суровом лице трудные слезы.

— Что же ты, полно, — сказал я, — оставайся, когда не расстреляют. А за верную службу, кто бы ты ни был, спасибо. За солдатскую верность спасибо. И не вспоминай нас, белогвардейцев, лихом…

Моего большевика беспрепятственно спустили с "Херсона" по канату в шлюпку».

Эти и другие эпизоды вряд ли следует воспринимать как систематический признак того, что в момент исхода Русской армии из Крыма накал взаимной ненависти стал угасать. Скорее всего, с обеих сторон присутствовал весьма широкий спектр и действий, и настроений, что подтверждает рассказ белого офицера, который 30 октября попал в красный плен в бою у станции Курман-Кемельчи: «Отношение к нам красноармейцев было двоякое. "Кончили войну! Ну, теперь и мы, и вы — все по домам", — говорили доброжелательно одни. Другие со злобой и руганью набрасывались на нас и заявляли, что всех нас следовало бы порубить, как порубили всех в Крыму».

Фраза «как порубили всех в Крыму» имеет особый смысл, но рассмотрение событий, случившихся на полуострове после Исхода, выходит за рамки настоящей статьи.

Итак, в ноябре 1920 г. 145 693 человека, не считая судовых и корабельных команд, покинули Крым и ушли в неизвестность. Лишь теперь, по истечении многих лет, мы пытаемся рассмотреть в нашем прошлом не только «комиссаров в пыльных шлемах», но и лица русских парней, сжимающих стылые трехлинейки в последней обороне на Перекопе. Мы мало знали о них: «Историю пишут победители, поэтому в ней не находится места для побежденных». Но остается вопрос — побежденных ли?

В этой работе право ответить предоставлено защитникам Белой Идеи. Мы смогли увидеть, как всего за два месяца эти люди прошли путь от побед и парадных маршей к осознанию краха, конца, катастрофы. К осознанию своего поражения. Однако некоторое время спустя один из руководителей Белой армии, генерал А. И. Деникин, напишет о русской трагедии начала XX столетия: «Если бы в этот момент величайшего развала не нашлось людей, готовых пойти на смерть ради поруганной родины, — это был бы не народ, а навоз, годный лишь для удобрения полей западного континента. К счастью, мы принадлежим хоть и к умученному, но великому русскому народу». И представитель другой стороны, выдающийся советский полководец М. В. Фрунзе, отдаст должное своему противнику: «В области военной они, разумеется, были большими мастерами. И провели против нас не одну талантливую операцию. И совершили, по-своему, немало подвигов, выявили немало самого доподлинного личного геройства, отваги и прочего».

Для автора этой работы последняя личная встреча с минувшей Россией состоялась в Бизерте осенью 2006 г. Прощаясь с Ширинской, я задал ей вопрос: «Анастасия Александровна, а Россия — поднимется?» Ответ привожу дословно.

«Слава, если бы Вы знали, как много поздравлений прислали мне на мой день рождения! Из Владивостока, из Петербурга, из Севастополя! Это были письма со всей страны. Россия — это такая могучая сила! Запомните, Россия поднимется. И Севастополь — заберет!»

Анастасия Ширинская называла себя «упрямой старухой». Это означает, что ее словам нужно верить. И независимо от того, кто победил в прошлой Гражданской войне, главное, чтобы в будущем поднялась и победила Россия.

На том и стоим.

Фотографии предоставлены
Михаилом Блиновым

Русские судьбы

Галина КУЧИНА

ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ

Рассказ о жизни русской австралийки из Китая

Галина Игнатьевна Кучина, урожденная Волегова — родилась в 1929 году в Маньчжурии, Китай. Отец — Игнатий Волегов — офицер Белой армии, пройдя всю Сибирь, включая Ледяной поход, оказался в Китае, где женился на дочери купца Антонова. Гимназию закончила в Хайларе, продолжала образование в Харбине. Активно занимается общественной деятельностью, возглавляет литературно-театральное общество им. В. Солоухина, многие годы проводит Дни Русской Культуры, организует камерные концерты. Автор книги «Минувшее развертывает свиток» (СПб., 2007). **В 1957 году вместе с семьей мужа и своими родителями переехала в Австралию в Мельбурн, где и проживает до настоящего времени.**

Мы встречали Советскую Армию как русскую, во всяком случае, таковы были мои личные чувства. Слышала и читала, что в Харбине армию встречали с цветами на Соборной площади. Город был охвачен энтузиазмом. Избавились от японского ига, страх перед арестами и жандармерией исчез, но новые волны несчастий покатились на русское население. Пришел СМЕРШ и унес сотни молодых, да не только молодых, жизней. Начались аресты. Увозили неожиданно, и никто не вернулся. Рассказывали мне, что звезда оперетты В. Турчанинов после спектакля был приглашен на банкет и прямо из театра в смокинге заброшен в машину. Священников — воспитателей Лицея св. Николая, который воспитал замечательных молодых людей, привил им лучшие моральные и духовные ценности, этих воспитателей арестовали и увезли в нижнем белье. Ведь мы ничего не знали об указе Ежова, мы не знали, что мы все считались предателями Родины и японскими шпионами. Бедные молодые женщины остались одинокими с малолетними детьми или в ожидании своего первенца. Многие ждали годами, некоторые, не дождавшись, устраивали свою жизнь, как могли. Некоторые женщины, уехав на целину, встретились со своими мужьями — уже больными, преждевременно состарившимися после отбывания наказания неизвестно за что, все по одной статье.

4 сентября 1945 года Владыка Нестор, экзарх Восточной Азии, встречал русских воинов-освободителей на многотысячном митинге, который состоялся на Соборной площади. Сохранились кадры кинохроники этого замечательного события. Время от времени они и сейчас демонстрируются на каналах российского телевидения.

На этих кадрах крупным планом показан Владыка Нестор (Русская Атлантида. 2003. № 9, 10). А *14 июня 1948 года* митрополит Нестор был арестован. Незадолго до ареста в 1947 году в Хайлар приехал митрополит Нестор с некоторыми церковными деятелями. Вернее сказать, в Хайларе была только остановка, а целью поездки была закладка монастыря в Трехречье. Владыка остановился в доме наших близких друзей Исакиных. Саша Исакин, будучи студентом медицинского университета в Харбине, был близок с Владыкой Нестором и был счастлив принять его у себя. В то время он жил со своей матерью Анной Ивановной, отец его Федор Евдокимович был репрессирован советской разведкой. В этот приезд Владыки мы встречались с ним несколько раз. Я была дома на каникулах, еще не была замужем. Приходит Саша и говорит, что завтра Владыка будет у нас на обеде. Это случилось Великим постом. Дом был в состоянии подготовки к Пасхе. Снимались шторы, стирались и пр., но к приему архиерея все было сделано моментально. Мама, домработница Аня и я быстро привели дом в праздничный вид, готовился постный обед, Владыка сказал, что в пути сущим можно позволить все, что приготовила хозяйка, сразу появилось на столе вино, и в очень простой, непринужденной обстановке прошел этот обед. На следующий день мы пришли к Исакиным, Владыка полулежал на тахте. Я увидела его ноги, опухшие, тяжелые, по-видимому, от сердечной недостаточности. В минуты отдыха он должен держать их поднятыми. Он пожаловался на то, что вчера на него набросилась собачонка и порвала ему подрясник. Я предложила свои услуги его заштопать. Помню, как я с внутренней стороны подрясника выдернула нитки из ткани и ими аккуратно заштопала этот подрясник. Рисунок ткани был таков, что я смогла восстановить его полностью. Владыка был доволен, а я была счастлива.

Сразу после прихода освободительной армии жизнь закипела, студенты были вооружены винтовками для охраны государственного имущества от расхищения и мародерства. Железнодорожное собрание ремонтируется, штат артистов, музыкантов, певцов активно набирается. Симфонический оркестр, драма, хор, оперетта, опера, балет — все закрутилось, завертелось. Вдруг перед нами раскрываются возможности ехать на свою историческую родину. Мы прощены (за что? — я не знаю). Дорога — на поднятие целинных земель. Очень многие записывались сразу же. Были такие патриоты, которые жалели, что едут поздно, не успев разделить все трудности войны и послевоенного периода с русским народом.

Мы с мужем, естественно, были объяты желанием жить на нашей исторической родине. Стали готовиться, мечтали о жизни в России (в нашем сознании это была Россия). Сообщили о нашем решении моим родителям. Вовина мать, Александра Николаевна Сухова, ехать в Союз не хотела и тайно от нас искала пути за границу. У нас не было никаких родственников и даже знакомых за границей, поэтому нам и думать об этом не приходилось, но каким-то путем вовина мать нашла пути в Чили и достала документы. Мы были возмущены ее вмешательством и к тому же вскоре узнали, что если бы мы получили визу, то это было бы только на Суховых, а мои родители, Волеговы, с нами ехать не смогли бы. Слава Богу, этот проект сам собой развалился еще до начала хлопот. На семейном совете было решено ехать на целину, хотя мы даже не представляли себе, что это значит. Моих родителей мы поставили в известность, что они едут с нами. Мы все решили

сами. И вдруг мы получаем письмо от моего папы. Должна напомнить читателю, что мои родители жили в Хайларе, а мы в Харбине. Распечатываю конверт и с трепетом читаю письмо, написанное странной дрожащей рукой. У папы очень красивый почерк, а тут просто неузнаваемый.

Вот выдержка из его письма: «Галочка и Володя, мы с Тонечкой пришли к решению не ехать в Советский Союз. Я офицер Белой армии, присягал Императору, в советской России я жить не смогу. Своей клятве я никогда не изменю. Вас удерживать от поездки на целину мы не имеем морального права. Пусть это будет вашим решением». Стоит ли описывать мое состояние. Я лечу с этим письмом к Вове в контору. Ведь он с таким энтузиазмом собирался на свою историческую родину, а мой папа своим решением разрушает все наши планы. Как отнесется к этому мой муж? Оставить родителей в Китае страшно, потому что уже начались брожения. Мы китайцам больше не нужны. Они учатся (и считают, что уже научились) работать на благо своей страны без русского присутствия. За границу нам ехать некуда и не к кому. Вызываю Вову из конторы, он читает письмо, я с замиранием сердца жду его приговора, и он говорит: «Твоих родителей мы здесь оставить одних не можем». За это решение я осталась благодарна ему на всю жизнь.

К этому времени Харбин кипел. Агитация на целину шла полным ходом. На работах грозили увольнением. Как жить? Что делать?

Я была бы нечестной, если бы утверждала, что решение ехать в Австралию мы приняли легко. Нет, это было трудное решение. Я была воспитана в русской до мозга костей семье, в семье патриархальной. По молодости лет я не вникала в политику. Родившись в Китае, живя среди китайцев и японцев, вдруг услышав русскую речь, русские песни, увидев русские фильмы, я не думала и не знала о том кровавом терроре, который пережил русский народ. Для нас, молодых, эта страна, куда уезжали целыми эшелонами, в теплушках, наши харбинцы и хайларцы, не была Советским Союзом, она была Россией. Но я прошу прощения за то, что посмела высказывать свои чувства от лица многих. Вполне возможно, что не все разделяли мои представления и чувства. Мы с мужем считали, что своим выбором мы лишали нашего ребенка отчизны, нашей исторической родины. Однако у наших родителей выбора не было. Буря страшного переворота забросила их в Китай, а мы теперь сами решаем свою судьбу и судьбу своего ребенка. Справедливо ли это? Имеем ли мы на это право?

Теперь, по прошествии многих лет, мы видим, что выбор был правильным. Мы приехали в свободную страну, где забота о человеке стоит на должной высоте, наши родители смогли дожить до глубокой старости в неустанной заботе о них как семьи, так и государства. Они прожили достойную жизнь, заслуженную достойную старость, которая прошла в любви и заботе о них. Что касается дочери, то мы не давали ей забыть о том, что она русская девочка. Помню, как я шестилетнего ребенка отправляла в детский садик и напутствовала: «Мариночка, веди себя хорошо, не давай повода подумать о тебе как о плохой невоспитанной *русской* девочке». Я совершенно уверена в том, что эти наставления не дали развиться комплексу неполноценности в душе моего ребенка. Этот комплекс является известным симптомом новоавстралийцев, которые отказались от своего происхождения, но

не смогли полностью войти в австралийскую среду. Это пришлось пережить многим, но не мне и не Марине. Я считаю, что в нас две культуры, даже три: русская, китайская и австралийская. С таким же энтузиазмом я насаждала и пропагандировала русскую культуру среди австралийцев.

Итак, ждем снятия с учета. В Харбине уже никто не скрывает своих планов, все говорят открыто, куда едут, готовятся, пакуются, мои родители продают дом. Люди сидят на чемоданах, на сундуках. Ожидание трудное, волнительное, но молодость все побеждает. Так же веселимся, гуляем.

В это время в Харбине произошла очень интересная история, характеризующая подлость одних людей и доброту других.

В Советском клубе был бал или вечер, на котором было много молодежи. На втором этаже клуба были устроены различные развлечения, в том числе тир. В этом же зале висел портрет Мао Цзэдуна. Мальчишки почему-то решили (естественно, по молодости и по глупости) стрелять в бородавку великого вождя. Никто бы об этом не узнал, но на следующее утро учительница увидела портрет вождя с простреленной бородавкой, сняла портрет со стены, завернула в черную материю и отнесла в ДОБ (Департамент общественной безопасности). Мальчишек арестовали, родители их в панике. Что будет дальше? Некоторые уже сняты с учета, то есть готовы к отъезду за границу. И только благодаря вмешательству А. М. Мельникова, замечательного человека, которого уважали как китайцы, так и русские, за его участие в спорте и других поощряемых китайским правительством общественных мероприятиях, мальчишек выпустили, и семьи благополучно уехали из Харбина. Дама же эта, которая предала ребят и оплакивала Мао Цзэдуна, благополучно приехала в Австралию, предварительно отправив многих на целину.

Наступил знаменательный для нас день. Прибегает из конторы Вова, возбужденный, глаза искрятся, румянец во всю щеку, и с порога кричит мне: «Галка, нас сняли с учета. Ляля Коренева, жена председателя Общества советских граждан, увидела в списке на столе своего мужа наши имена и моментально позвонила мне в контору. Имей в виду, что это пока секрет, она предупредила».

Наскоро покормив Вову обедом, я одеваюсь и лечу на Китайскую улицу. Счастливая, довольная, в норковой шубке, снег похрустывает под моими сапожками. Бегу в магазин Общества советских граждан, чтобы не опоздать купить заранее присмотренные вещи для отъезда. Деньги моих родителей на случай выезда из Китая лежали у меня, но тратить их я не имела права, так как не знали, снимут ли нас с учета. Короче говоря, лежали на «черный день». А тут — светлый, солнечный зимний день. Но интересно, что сообщение о нашем снятии с учета было большим секретом, тем не менее, через час после того как мы с Вовой узнали об этом, встретившиеся на улице знакомые уже меня поздравляли. В Харбине утаить ничего было нельзя. Всё и обо всех люди знали, причем все факты до вас молниеносно доходили в совершенно неузнаваемом виде.

Начались быстрые приготовления к отъезду. Вещи упаковывались в сундуки, мы специальных упаковщиков не нанимали, а укладывали все сами. Особенно ценных вещей не было, но старались запастись всем необходимым на первое время для Австралии: мы не знали, что нас ждет там, будет ли работа сразу и будет ли вообще. Короче говоря, старались одеть-

ся. Заказывали портным костюмы, пальто, покупали обувь, белье, стегали одеяла. Марину одели на первые 2–3 года. Портниха Маргарита, очень известная своим умением шить детскую одежду, была почти недоступна. Ее разрывали на части, но мне удалось «заполучить» ее на несколько дней. Она была просто художница: шила детские платьица, пальто, шапочки и шляпки, причем с такой быстротой и наслаждением, что было приятно смотреть на ее творчество. Моментально появлялся цветочек на детской шляпке, аппликации к платьицам и фартучкам завершали художественные творения этой замечательной женщины. Казалось, что она получает удовольствие, создавая маленькие шедевры и украшая ими детей.

Доживали последние дни в Харбине. Атмосфера была уже натянутой. Китайцы ясно дали понять, что наше присутствие им уже не нужно. Они решили, что справятся без русских своими силами. Если раньше на всех главных постах были русские, а китайцы были помощниками или заместителями, то сейчас они показывали, что хозяева положения они, что и было справедливо. Однако когда в больницах мы видели работу их «докторов» или «фельдшеров», то мы приходили в ужас. Справедливости ради надо сказать, что условия для китайцев ранее были ужасные. Чтобы им поступить в ХПИ или медтехникум, они должны были выучить русский язык, потому что лекции читались на русском. На нашем курсе учился молодой китаец. Этот студент был очень неуспевающим, очень необщительным и нечистоплотным. Каким-то образом он дотянул до второго курса. А потом, в период расцвета «нового Китая» я вижу его в кабинете Железнодорожной больницы с табличкой на двери «Доктор такой-то» (не помню его фамилии). Я пришла в ужас. Он сидит со стетоскопом, принимает ребенка. Он был самым тупым недоучкой. Мне рассказывают еще более ужасный случай. В одной из больниц уже после увольнения русских врачей китаец-уборщик получил должность врача. Он, конечно, видел, что происходило в больнице, видел некоторые процедуры, но теперь ему предстояло совершить операцию — удалить опухоль на шее, причем неизвестно какого характера. Он прокипятил инструменты, спокойно разложил их прямо на кожаном диване и начал удалять эту опухоль. Какова судьба пациента, ни я, ни тот, кто мне рассказывал эту историю, не знаем. Но это характерный пример. Сколько погибло людей от заражения и других осложнений, неизвестно.

Но это отдельные случаи. Китайцы, получившие соответствующее образование, слыли хорошими врачами и хирургами. Почему-то всегда считали, что у них маленькая рука, и при некоторых деликатных операциях это способствует успеху. Не знаю, так ли это?

Перед самым нашим отъездом в Австралию в Харбине стали происходить замечательные явления, а именно — обновления икон. Являлись случаи обновления икон в частных домах, но это передавалось из уст в уста и не вызывало большого ажиотажа в обществе, но когда иконы стали обновляться в храмах, то это вызвало большой интерес и духовный подъем у верующих и волнение у власть имущих.

Как мне помнится, явное обновление запрестольного креста произошло в храме мужского монастыря. Затем я слышала о том, что в Радоницу на Успенском кладбище во время совершения литии на одной из могил, на глазах у присутствующих, обновилась икона на кресте. Но массовое об-

новление иконостаса в старой закрытой Благовещенской церкви произошло ночью, и свидетелем этого оказался китаец.

А произошло это так. На берегу реки Сунгари был возведен прекрасный Благовещенский храм, а старый храм был закрыт и служил убежищем для китайцев, пострадавших во время наводнения. Наводнение обычно сносило все фанзы бедных китайцев, и они оставались без крова. В старом храме, как мне помнится, были сооружены двух- или трехъярусные койки, а алтарь, отделенный от храма иконостасом, был закрыт.

Одной ночью спящий на своих нарах китаец проснулся от яркого света и увидел, как на его глазах старые, поблекшие краски икон на иконостасе стали светлыми и ясными. Он разбудил всех спящих китайцев (а там получили приют много семей), и они стали свидетелями этого чудесного явления. Разбудили священника, и это событие приобрело широкую огласку. Слышала, что китайцы приняли крещение, совершались службы. На одной ночной службе я была сама и видела иконы иконостаса. Это явление вызвало интерес властей, была послана научная комиссия из Советского Союза для исследования, но заключения вынесено не было. Как будто бы ссылались на влияние климатических условий. Будто бы краски под влиянием каких-то изменений в природе меняют цвет, но ни одна обычная картина или портрет, написанные масляными красками, ни в одном доме не обновились.

Вспоминая о чудесном обновлении икон, хочу рассказать об одном случае, происшедшем со мной. Во время японской оккупации и в то страшное время, когда мы ничего не знали, но ясно понимали, что гроза наступает, японцы проводили серьезную подготовку к обороне. Проводили тренировки тушения пожаров, окна были заклеены полосками бумаги, чтобы стекла не отражали яркого света или блеска, на лампах в каждом доме должен быть черный фонарь, школьные формы — коричневое платье с черным фартуком повседневная, а с белым фартуком парадная — были заменены брюками и курткой защитного цвета. Нужно сказать, что страшное здание японской жандармерии находилось на близком расстоянии от нашей школы. Не знаю, каким образом из железных ворот жандармерии выскочила огромная цепная собака. Она явно сорвалась с цепи и со страшным лаем и наводящим ужас шумом от ударов этой цепи о каменную мостовую стремительно нагоняла меня. Я бежала в страхе, но почувствовала, что бежать дальше невозможно, она уже здесь и готова разорвать меня. Она уже схватила меня за брюки и, как я потом увидела, вырвала кусок материи. Я остановилась и начала читать молитву ангелу-хранителю. Собака остановилась тоже, затем повернулась и побежала обратно. Я верю, что меня спас ангел-хранитель. Скептик может сказать, что собака остановилась, потому что я перестала бежать.

Многим известна история одного китайца, который попал в бурю на реке Сунгари. Об этой истории много писали и рассказывали. Я позволю себе ее повторить.

В Харбине для переезда на другой берег Сунгари, как мы говорили «за Сунгари», существовал простой, примитивный способ — лодочная переправа. Так мы ездили за Сунгари по выходным дням отдыхать, на пикники, у многих там были дачи, у нас, молодежи, были спортивные площадки. Река широкая, и бывали случаи, когда буря заставала на полпути. Вот так

и случилось с китайцем-лодочником. Его застала буря, справиться с ней он был не в силах. По его рассказам, после того как он молился всем своим богам, он вспомнил, что в зале харбинского вокзала стояла икона Николая Чудотворца, перед которой всегда горели свечи. Уезжая и приезжая, люди молились перед этой иконой. Бедный китаец, вспомнив об этом, взмолился, как мог: «Старика вокзала, помогай!» И он был спасен. Излишне говорить о том, что он принял крещение, и это чудо было признано церковью.

Моим родителям пришлось уехать раньше нас. Спонсором было общество «Объединение церквей», во главе которого был мистер Штумпф. Оно резервировало места на пароход, гостиницу в Тян-цзине, откуда отходил пароход в Гонконг, гостиницу в Гонконге. Наш отъезд намечался на несколько недель позже.

Начались беспрерывные проводы, гулянки, вечеринки и в домах, и в клубе. Провожали то одних, то других уезжающих в дальние страны, в полную неизвестность, но легкомыслие, свойственное молодости, преодолевало все опасения, все заботы. Языка мы не знали, пытались немного позаниматься, но по глупости серьезно не отнеслись к этому. Что нас ждет в Австралии? Куда мы едем? Ясно понимали одно: оставаться в Китае уже невозможно. Мы китайцам больше не нужны. Они быстро вставали на ноги и хотели сами строить свое государство. Это был 1957 год.

Вышла книга

Леонид Савин

От шерифа до террориста. Очерки о геополитике США. — М.: Евразийское Движение, 2012. — 254 с.

Новая книга главного редактора журнала «Геополитика» и интернет-портала Геополитика.Ру, руководителя администрации Международного «Евразийского движения» Леонида Савина «От шерифа до террориста. Очерки о геополитике США». Книга представляет собой сборник публикаций, объединенных общей темой внешней политики, экспансионизма и гегемонии США, глобализационных процессов и конфликтов. Охвачен широкий спектр вопросов — от военной стратегии, тайных операций спецслужб и процессов, происходящих на Ближнем Востоке, до манипуляций с киберпространством и концепцией «прав человека».

Наталья АЛЕКСЕЕВА

С ИМЕНЕМ ПУШКИНА

«Русский язык надо защищать, русскую словесность надо поддерживать», — с этой целью в 1998 году была учреждена Академия Российской словесности, вернее, воссоздана, как историческая и идейная правопреемница Российской Академии, существовавшей в императорской России. Об этой исторической преемственности с академией, созданной в 1783 году Указом Императрицы Екатерины II для защиты и пропаганды российской словесности, говорится в уставе АРС.

Деятельность Академии Российской словесности неразрывно связана с именем Александра Сергеевича Пушкина, не только гениального поэта, но и создателя русского литературного языка. Пушкин представляет лицо нашей словесности во все времена и на всех континентах. К тому же, он и сам избирался членом Российской академии. И было совершенно естественным, что в год 200-летия со дня рождения великого русского поэта в качестве главной академической награды была учреждена Пушкинская медаль «Ревнителю просвещения». А за пятнадцать лет существования Академии Пушкинская медаль стала одной из самых престижных общественных наград.

Без медали «Ревнителю просвещения» трудно представить себе сегодня не только юбилейные пушкинские дни, но и современную социально-общественную жизнь в России. Этой медалью награждены известные писатели, виднейшие государственные и общественные деятели, лучшие педагоги и музейные работники страны.

Более того, Пушкинская награда давно уже перешагнула национальные границы. Среди кавалеров медали «Ревнителю просвещения» — граждане Франции, Германии, Да-

нии, Италии, США, Кубы, Армении, Киргизии, Беларуси, Кипра, Финляндии, Индии, Бразилии, Непала, Португалии. В их числе президенты суверенных иностранных государств, а также представители нескольких Королевских Домов Европы.

Медалью в первую очередь награждались писатели и поэты, переводчики, слависты. Самые известные из них — классики мировой литературы, англичанин сэр Артур Чарльз Кларк, выдающийся американский писатель-фантаст Рэймонд Дуглас «Рэй» Брэдбери, знаменитый прозаик Чингиз Айтматов.

Виды деятельности Академии Российской словесности разнообразны. Это и Пушкинские уроки, проводимые в школах в день Лицейского праздника 19 октября, и Пушкинские ассамблеи, круглые столы и публицистические выступления в печати, участие в международных интеллектуальных форумах и литературных фестивалях. Сила Академии не только в ее духовных устремлениях, но и в ее составе. Среди избранных в нее членов такие выдающиеся люди, как Валентин Распутин, Василий Белов, Владимир Крупин, Виктор Розов, Петр Проскурин, Юрий Бондарев, Александр Зиновьев, Олег Трубачев, Глеб Горбовский. Вместе со своими коллегами по Академии они возглавили борьбу всех патриотических сил за сохранение Русского слова в самом высоком смысле.

Именно вклад Академии в духовное преображение современного общества подчеркнул Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в тот день, когда ему вручалась высшая академическая награда «Золотая Вифлеемская звезда», учрежденная Академией в ознаменование 2000-летия

Вручение Умберто Эко диплома Иностранного члена Академии Российской словесности

Вручение президенту Хорватии Иво Йосиповичу Пушкинской медали

Рождества Христова. «Дай Бог, чтобы сохранялся наш язык, появлялось как можно больше авторов, которые продолжали бы и творчески развивали традицию русской классической литературы, служа тому, чтобы образ положительного героя никогда не тускнел… Я хотел бы призвать благословение Божие на работу Академии и на работу всех, кто сегодня своими трудами сохраняет наш русский язык и содействует развитию русской художественной литературы».

Неразрывны корни Академии со второй исторической столицей нашего Отечества, с Санкт-Петербургом, где сформировался ее филиал. Сегодня он находится в становлении и развитии, но уже можно говорить о его представительном составе, об успехах в работе. В Санкт-Петербурге в состав Академии избраны такие известные люди России, как бывший директор Пушкинского дома Николай Скатов; архиепископ Константин (Горянов); директор Исаакиевского собора, Народный артист России Николай Буров; директор Пушкинского музея на Мойке, 12, Сергей Некрасов и многие другие. Координационным центром петербургского филиала Академии Российской словесности является редакция известного в России журнала «Родная Ладога». Усилиями членов редакции, представляющих Академию, проводится работа по консолидации творческих сил всего Северо-Западного региона. В частности сегодня налажены рабочие контакты с древним Псковом и Псковской областью, которые представляют известные деятели культуры этого региона.

Академия Российской словесности стала символом просветительства и гуманизма не только в нашей стране. И это привлекает к Академии внимание как наших этнических соотечественников за рубежом, так и наших зарубежных коллег, друзей русской культуры. В Академию вступили видные литераторы из Украины (Ника Андрос), Латвии (Марат Каландаров, Алексей Гузик), Болгарии (Николай Петев), Хорватии (Наталья Воробьева-Хржич, Игорь Мандич).

Особенно теплые отношения к Академии проявляются в славянских странах и на Балканах, в частности в Хорватии. И это не случайно. Куль-

В посольстве РФ в Загребе

турные связи между Россией и Хорватией насчитывают многовековую традицию. И продолжают активно развиваться. Существует даже Межправительственная программа сотрудничества, призванная подтвердить и упрочить культурную и духовную взаимосвязь наших народов. Дальнейший импульс она получила при новом президенте Иво Йосиповиче, который был избран главой государства в 2010 году. Прежде чем стать видным политиком Йосипович получил международную известность не только как юрист-ученый, но и как серьезный симфонический композитор, отмеченный европейской премией. В этой связи президиум Академии Российской словесности принял решение о присуждении Иво Йосиповичу академической Пушкинской медали «Ревнителю просвещения».

В начале октября в Загребе в официальной резиденции президента Республики Хорватия Иво Йосипович принял делегацию Академии: ее президента, писателя Юрия Беляева, русско-хорватскую поэтессу Наталью Воробьеву-Хржич и известного балканского интеллектуала и публициста Игоря Мандича, прозванного в свое время за его полемичность «терминатором югославской культуры». На этой встрече президенту Йосиповичу были вручены медаль и диплом высокой академической награды, а также подарены авторские книги академиков АРС. Затем состоялся серьезный разговор о состоянии современной европейской культуры, о сложных проблемах книгоиздания, которые в России и Хорватии имеют много общего. На вопрос президента, как обстоят дела с книгами в России, Ю. Беляев посетовал, что издатели издают не то, что хотят, книготорговцы продают не то, что хотят, а читатели не покупают и не читают то, что хотят. Иво Йосипович согласился с тем, что и у них похожая ситуация. Президент особо интересовался распространением в России электронных СМИ и соперничеством электронных книг с традиционными изданиями.

На встрече были высказаны пожелания дальнейшего расширения российско-хорватского диалога, ибо хорватские интеллектуалы тянутся к российской культуре еще с XVII века. В посольстве России в Загребе разговор о необходимости сотрудничества в сфере культуры продолжился. Игорю Мандичу был вручен диплом действительного члена Академии Российской словесности, а экс-министру культуры Хорватии Божо Бишкупичу была вручена академическая Пушкинская медаль «Ревнителю просвещения».

Крупнейший искусствовед и коллекционер современного искусства Б. Бишкупич в течение одиннадцати лет возглавлял Министерство культуры Хорватии, и за этот период он провел огромную работу по восстановлению и пропаганде памятников истории и культуры Хорватии. Его художественная коллекция современного хорватского искусства является одной из крупнейших в Европе и находится под охраной ЮНЕСКО. А изданные им книги о современных хорватских художниках получили широкую известность и за пределами Хорватии. Оригинальной находкой для Бишкупича стал выпуск книг, соединяющих офорты со стихотворными текстами, что дает ключ к новому прочтению как самой поэзии, так и художественной графики.

Бишкупич, будучи министром культуры, также немало способствовал расширению творческих и культурных контактов между нашими государствами. Он часто посещал Россию, участвовал в совместных культурных программах. В заслугу ему ставят и укрепление диалога между Сербской Православной Церковью и католической церковью Хорватии. Много сил ушло на реализацию программы по восстановлению замечательного культурно-исторического памятника, замка XVI века «Великий Табор».

Разговор об исторических истоках современной культуры состоялся живой, многогранный. Даже «великий полемист» Игорь Мандич, как величает его хорватская пресса, был на этот раз более патетичен и говорил о духовном единстве хорватской интеллигенции и русской культуры, о личной гордости быть членом Академии, представляющей литературу Пушкина, Достоевского, Блока.

Игорь Мандич, Божо Бишкупич и Наталья Воробьева, все высказались за дальнейшее развитие российско-хорватского духовного диалога, за открытие в Загребе балканского отделения Академии Российской словесности, что, конечно же, оживило бы творческий обмен между ведущими интеллектуалами обеих славянских стран. Тем более, что среди первых иностранных членов Академии Российской словесности наряду со всемирно известным Умберто Эко и прославленным поэтом Украины Борисом Олейником был избран выдающийся хорватский поэт Луко Палетак.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:

Почтовый адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект, дом 13.
Ясенев Владимир тел./факс: 8 (499) 246 58 44 rodnaya.ladoga@gmail.com

КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49-36459-62344	
		+49-151-40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетиляйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Украина	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенев Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская*)

Московское представительство:
119146, Москва, Комсомольский пр., 13.
Тел./Факс: +7 (499) 246-58-44

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
http://www.rodnaya-ladoga.ru

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Корректор *Г. А. Ильина*
Компьютерная верстка *Т. Б. Макаровой*

Подписано в печать 07.12.2012 г. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1211195.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.